

СОЧИНЕНІЯ ИММОКЕНТІЯ

АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ТАВРИЧЕСКАГО.

ТОМЪ IV.

СЛОВА НА ВЫСОКОТОРЖЕСТВЕННЫЕ ДНИ.—СЛОВА И РЪЧИ ПРИ ИЗБРАНІИ
ВЪ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДОЛЖНОСТИ И ПРИ ОТКРЫТІИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ УЧ-
РЕЖДЕНІЙ. — СЛОВА НАДГРОВНЫХЪ.

В. П. В.

ИЗДАНИЕ МАВРИКІЯ ОСИПОВИЧА ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

Гостинный Дворъ, N-№ 18, 19 и 20.

МОСКВА,

Кузнецкій Мостъ, д. Рудакова.

1873.

СЛОВА

НА

ВЫСОКОТОРЖЕСТВЕННЫЕ ДНИ

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ БЛАГОУСПѢШНАГО ГОСУДАРЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА,

ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО *

М въ жизни каждаго человѣка важенъ день его рожденія; потому что отъ него начинается, и потому самому зависитъ цѣлая жизнь. Но день рожденія Государя долженъ быть важенъ и священъ для цѣлаго народа; потому что отъ него начинается и зависитъ новая судьба всего царства. Явленіе на свѣтъ державныхъ лицъ подобно восхожденію на тверди новыхъ свѣтилъ: всякій невольно спрашиваетъ при семъ, чего должно ожидать и что оно предвѣщаетъ?—И не напрасно! Возьмите всемірную исторію и перемѣните въ ней, даже только переставьте нѣсколько именъ царственныхъ: и вы увидите, что вмѣстѣ съ тѣмъ сама собою должна принять другой видъ исторія цѣлыхъ народовъ. Такъ много значитъ жизнь царей и правителей! — И вотъ почему почти всѣ народы, даже невѣдущіе истиннаго Бога, въ дни рожденія владыкъ своихъ обращались къ алтарямъ: чувствовали, что это священные дни откровеній небесныхъ о судьбѣ племенъ и народовъ.

Но великіе дни сіи дѣлаются еще священнѣе, очи и сердца подданныхъ съ наступленіемъ ихъ еще скорѣе и охотнѣе обращаются къ небу, когда благоуспѣшное царствование служитъ доказательствомъ, что десница Господня, изводя народоправителя на свѣтъ, опредѣлила ему быть утѣхою и славою своего народа.

*) Произнесенное въ Кіево-печерской лаврѣ іюня 25-го дня, 1832 года.

Тогда всякая благая мысль о царѣ-отцѣ отечества невольно устремляется съ благодарностію къ Богу, и воспоминаніе о его происхожденіи на свѣтъ само собою обращается въ усердную молитву о продолженіи его жизни.

Возблагодаримъ же, почтеннѣйшіе соотечественники, Господа за то, что мы можемъ говорить такимъ образомъ о дняхъ рожденія государей, не противорѣча собственному чувству и опыту. Жизнь и царствованіе благочестивѣйшаго Государя нашего такъ благотворны для отечества, что день рожденія его, какъ начало новаго счастья для Россіи, безъ всякихъ повелѣній, самъ по себѣ священъ для каждаго сына отечества. Въ доказательство благодарности къ Царю небесному и земному, намъ остается только проводить сей день приличнымъ ему образомъ.

Что же требуется для сего? *Какимъ образомъ должно проводить дни рожденія благочестивѣйшихъ Государей?*

Первымъ и важнѣйшимъ занятіемъ въ сіи дни должно быть обращеніе мыслей и сердець къ престолу Царя царствующихъ, — первымъ и важнѣйшимъ не по навыку только, или по какому-либо учрежденію, а по самому существу дѣла. Ибо кто далъ бытіе Царю нашему и украсилъ его великими способностями? Богъ. Въ чьей десницѣ продолженіе драгоцѣнныхъ для отечества дней его, его крѣпость, сила и мудрость? Въ десницѣ Божіей. Отъ кого зависитъ успѣхъ его начинаній, дѣйствительность средствъ, употребляемыхъ имъ къ созиданію блага общественнаго? Отъ Бога. Кѣмъ онъ возможетъ побѣдить искушенія, преодолѣть опасности, низлагать всякое зло? Единымъ Богомъ. И такъ, къ Богу первѣе всего должны быть обращены нынѣ мысли и сердца наши, къ тому Богу, который даетъ и представляетъ владыкъ земныхъ, которымъ всѣ *царіе царствуютъ*, и всѣ *сильные пишутъ правду* (Приг. 8, 15), отъ котораго исходитъ миръ и благоденствіе народовъ, который творитъ все по волѣ своей и *въ силѣ небеснѣй, и въ селеніихъ земныхъ* (Даніил. 4, 32).

Къ сему всесильному и живому Богу мы должны обращаться нынѣ во-первыхъ съ благодареніемъ за то, что Онъ обильно измѣялъ на насъ милость свою уже тѣмъ, что оправдалъ царствовать надъ нами возлюбленнаго раба своего, благочестивѣйшаго Монарха нашего; — за то, что внушилъ ему благодатию своею множество новыхъ полезныхъ учрежденій, видимо клонящихся ко благу отечества; — за то, что помогъ ему преодолѣть многія препятствія, пройти и провести народъ свой безвредно среди разнообразныхъ и тяжкихъ искушеній; — за то, наконецъ, что бла-

говоришь содѣлать его отца о чадѣхъ своихъ веселящагося и веселящаго ими всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества. А, благодаря Господа за прошедшее и настоящее, должны вмѣстѣ съ тѣмъ молить Его о будущемъ, о томъ, чтобы Онъ увѣнчалъ его долгою днѣй, наставилъ его и впредь непоползновенно проходить великое служеніе его, показалъ его, какъ молить Церковь, врагамъ побѣдительна, злодѣямъ страшна, добрымъ милостива и благонадежна, чтобы даровалъ во дни его и всѣмъ намъ миръ—безмолвіе и благопоспѣшество, благораствореніе воздуха, земли плодородіе, и вся, къ временной и вѣчной жизни необходимая (слова молитв. изъ молебствія). Совершеніе такового благодаренія и прошеній предъ Господомъ въ настоящій день тѣмъ удобнѣе для каждаго, что святая Церковь, какъ первѣйшая и вѣрнѣйшая споспѣшница благоденствія общественнаго, предшествуетъ въ семъ святомъ дѣлѣ всѣмъ и каждому своимъ примѣромъ. Среди ея сильныхъ и пламенныхъ молитвъ о царѣ и царствѣ, и косныя души не могутъ не подвигнуться къ возношенію мыслей своихъ горѣ, къ престолу благодати; и хладныя сердца не могутъ не согрѣться огнемъ искренной любви къ Помазаннику Божію.

Послѣ молитвъ, настоящему дню весьма приличествуетъ благочестивое размышленіе о судьбахъ Божіихъ, являющихся какъ въ жизни царей и народовъ, такъ и въ жизни каждаго человѣка. Подобное размышленіе всегда поучительно и весьма полезно; ибо нигдѣ не открывается столько премудрости Божіей, какъ въ управленіи судьбою человѣческою: но разныя заботы и дѣла препятствуютъ многимъ изъ насъ предаваться сему спасительному размышленію. Будемъ дѣлать это по крайней мѣрѣ въ тѣ дни, кси, можно сказать, посвящены на то,—въ торжественные дни рожденія державныхъ лицъ. Имѣя въ виду великую зависимость отъ ихъ жизни и дѣяній—благоденствія обществъ человѣческихъ, —спроси себя: какъ учредились самыя сіи общества? Кто раздѣлилъ землю между племенами и народами? Кто поставилъ царей и правителей? Разсуди: какъ, при всѣхъ видоизмѣненіяхъ земныхъ по волѣ человѣческой, по стеченію обстоятельствъ и случаевъ, существенная власть всей земли тѣмъ не менѣе всегда остается въ руцѣ Господни (Сир. 10, 4) — и Онъ, единъ Онъ воздвигаетъ потребныхъ во время на ней? Какъ поколѣнія самыя малыя возрастаютъ въ обширныя державы, когда неуклонно слѣдуютъ путемъ правды и истины; и какъ напротивъ племена и царства, самыя обширныя и цвѣтущія, *умень-*

ются и упадаютъ, или *отъ языка въ языкъ преводятся* (—8) ради неправды и грѣховъ своихъ? Какъ всѣ царства земныя служатъ, по намѣренію Промысла, невидимому царству Божію, и премудрость творческая совершаетъ судьбы свои чрезъ самыя, такъ называемыя, бичи челоуѣчества? Какъ добродѣтель и благочестіе въ цѣлыхъ народахъ, какъ и въ частныхъ людяхъ, служатъ сами себѣ наградою, а нечестіе и развратъ въ самихъ себѣ носятъ казнь и разрушеніе?—Плодомъ таковыхъ размышленій, если они будутъ ведены правильно, не можетъ не быть благоговѣніе предъ неисповѣдимыми путями премудрости Божіей и успокоеніе въ вѣчномъ промыслѣ ея о насъ,—уваженіе и довѣренность къ предержащей власти, яко богоучрежденной, богохранимой и богоуправляемой,—мужество среди искушеній общественныхныхъ,—довольство своимъ жребіемъ и вѣрность званію, въ какое кто призванъ,—ожиданіе бытія лучшаго,—рѣшимость жить въ царствѣ земномъ для небеснаго. А таковыя мысли и чувствованія суть одно изъ лучшихъ украшеній дней торжественныхъ, по тому самому, что ими исправляется и освящается цѣлая жизнь празднующаго.

Воспомявая такимъ образомъ происхожденіе на свѣтъ своего владыки, не забудь при семъ и своего. Ибо, говоря словами Премудраго, *ни одинъ царь не имѣлъ иного происхожденія бытія* (Прем. 7, 5). Законы рожденія, равно какъ и смерти, одни и тѣ же для всѣхъ. Итакъ, если когда, то въ день подобный настоящему, благовременно спросить каждому самого себя: гдѣ мы были, прежде нежели узрѣли свѣтъ? Кто, какъ и для чего далъ намъ дыханіе и жизнь?—Какой законъ нашего бытія? Что будетъ съ нами послѣ? Къ чему всѣмъ намъ должно стремиться и приуготовить себя? Гдѣ тѣ, кои были прежде насъ, великіе и малыя, цари и рабы? Заранѣе можно сказать, что, при размышленіи о сихъ предметахъ, многіе воспрянутъ отъ разсѣянія и задумаются, у многихъ глаза оросятся слезами раскаянія или умиленія, рѣдкіе не примутъ за правило вести себя лучше, рѣдкіе не устремятъ мыслей своихъ далѣе благъ чувственныхъ, выше всего видимаго и тлѣннаго.

Наконецъ, настоящій день царственный всего болѣе можетъ быть почтенъ дѣлами правды, милосердія и любви христіанской.—Кто истинно радуется въ день рожденія царя своего, дѣйствительно почитаетъ жизнь его благодѣяніемъ неба для себя и отечества,—для того должно быть весьма желательно ознаменовать свою благодарность Царю небесному и земному какимъ-либо

чувственнымъ знакомъ, принести имъ за сіе, такъ сказать, какой-либо даръ. Но что можемъ принести тѣмъ, кои благихъ нашихъ не требуютъ? Для Царя небеснаго и земнаго всего пріятнѣе наша добродѣтель: ею наипаче самому должны мы выражать и свою признательность къ нимъ. Всякое дѣло совѣта и мудрости гражданской, всякій подвигъ мира и устройства общественнаго, всякое дѣятельное выраженіе благочестиваго чувства и братолюбія, есть истинная дань признательности предъ Помазанникомъ Божіимъ.—Особенно же въ семъ отношеніи должны обращать на себя вниманіе наши дѣла милосердія и любви христіанской. Царь небесный, желая расположить людей ко взаимной любви, объявилъ, что Онъ приметъ за благодѣяніе Себѣ все, что будетъ дѣлано во имя Его меньшей и нуждающейся братны (Мат. 25, 40): нѣтъ сомнѣнія, что и царь земный всегда готовъ подражать въ семъ отношеніи Царю небесному, — готовъ почестъ за даръ себѣ все, что ради его будетъ оказано бѣдствующему человѣчеству. Посему всякій, желающій нынѣ возвеселить сердце людей его, облегчи участь страждущихъ, отри слезы несчастныхъ. Это лучшая жертва царю и отечеству. Если бы подобныя подвиги частной благотворительности и остались въ неизвѣстности для слуха царева, то они не сокроются отъ очей Царя небеснаго: а Онъ найдетъ средство возвеселить за добродѣтели подданныхъ сердце Монарха, пекущагося о томъ, чтобы мы всѣ были добродѣтельны.

Итакъ, вотъ чѣмъ приличнѣе всего освящать день, посвященный воспоминанію происхожденія на свѣтъ Помазанниковъ Божіихъ: молитвою и посѣщеніемъ храмовъ Божіихъ, благочестивымъ размышленіемъ о путяхъ Промысла касательно происхожденія на свѣтъ, жизни и судьбы людей и царствъ; наконецъ дѣлами правды, милосердія и любви христіанской. Такое времяпрепровожденіе можетъ показаться кому-либо слишкомъ обыкновеннымъ. Если бы оно въ самомъ дѣлѣ было таковымъ! Исполненіе обязанностей должно быть для насъ самымъ обыкновеннымъ занятіемъ, и нѣтъ ни одного дня и часа, въ который бы намъ позволительно было забыть вовсе о Богѣ и Его промыслѣ, о дѣлахъ вѣры и любви христіанской.

Впрочемъ, кто будетъ проводить настоящіе и подобныя дни въ указанныхъ нами занятіяхъ, тому сами собою откроются и другія средства почтить священную торжественность ихъ приличнѣйшимъ образомъ. Христіанскія правила поведенія какъ во всѣхъ другихъ, такъ и въ семъ наипаче случаѣ, предлагаются

вниманію слушателей не для того, чтобы ими обнять и опредѣлить совершенно всю полноту сердца царлюбиваго, измѣрить всю глубину души, исполненной любви къ отечеству: таковыя души всегда содержатъ въ себѣ болѣе, нежели сколько могутъ отъ нихъ требовать; таковыя сердца сами для себя суть лучшій законъ дѣятельности. Мы хотѣли только указать для желающихъ путь, на который вступивъ, можно идти безопасно къ цѣли Аминь.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ БЛАГОУСЕРДІВІЙШАГО ГОСУДАРЯ НИКОЛАЯ ПАРВОВИЧА,
ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРО СІЙСКАГО *).

Идѣже духъ Господень, ту свобода (2 Кор.
3, 17).

 Каждое время имѣетъ свой духъ, и каждый духъ имѣетъ свое время. Есть вѣка умозрѣній и предначертаній; есть вѣка дѣятельности и усовершенствованій: въ иное время сомнѣваются, разрушаютъ и раздѣляются; въ другое вѣрують, соглашаются и возсозидаютъ; то слишкомъ привержены къ древнему, и думаютъ, что оно совершенно свободно отъ всѣхъ недостатковъ; то стремглавъ увлекаются всѣмъ новымъ, будучи ничѣмъ не довольны въ настоящемъ.

Нашему времени достался въ удѣлъ — въ награду или наказаніе, покажетъ время — вопросъ самый привлекательный и самый опасный, въ разрѣшеніи коего первый опытъ такъ несчастно сдѣланъ еще первымъ человѣкомъ; я разумѣю вопросъ о свободѣ. Какихъ благъ не обѣщало себѣ человѣчество отъ разрѣшенія сего вопроса? И какихъ золъ не видѣло? Сколько переиспытано средствъ? Принесено жертвъ? И какъ мало доселѣ успѣха! Какъ не много даже надежды на успѣхъ! Ибо, что видимъ? Тѣже народы, кои все принесли въ жертву свободѣ, по видимому всего достигли, — чрезъ нѣсколько дней начинаютъ снова воздыхать о свободѣ, и плачутъ надъ собственными лаврами.

*) Произнесенное въ Кіево-печерской лаврѣ, іюня 25-го дня, 1838 года

Что значитъ это? Ужели образъ Божій на землѣ долженъ быть въ узакъ?—Или для человѣка нѣтъ свободы?—Есть, только не тамъ, гдѣ обыкновенно ищутъ ее;—есть, только не въ томъ видѣ, въ какомъ думаютъ найти. Когда цѣлые народы ищутъ свободы и не находятъ, — малое число людей всегда наслаждалось истинною свободою, не ища оной.

Кто сіи избранные? Тѣ, кои вѣрно слѣдуютъ ученію Іисуса Христа, и слѣдуя ему, водятся Духомъ Божиимъ. *Идѣже Духъ Господень, ту свобода.* Въ истинномъ христіанствѣ, и только въ немъ одномъ, находится начало свободы истинной, полной, всеобщей и живоносной.

Раскроемъ эту благотворную истину въ честь августѣйшаго Виновника настоящаго торжества, который для того, кажется, и воздвигнутъ Промысломъ не въ другое, а въ наше время, дабы среди тревоженій всемірныхъ быть верховнымъ блюстителемъ истинной свободы народовъ и царей.

Умъ человѣческій, любящій расширяться въ своихъ умозрѣніяхъ, особенно въ отношеніи къ свободѣ, хвалится обширностію своихъ видовъ, всеобъемлемостію предначертаній. И что же? Ни одинъ изъ самыхъ пламенныхъ мечтателей о свободѣ не осмѣлился доселѣ, даже хотя бы въ мысляхъ, простерть ее туда, куда простираетъ Евангеліе. Ибо на чемъ останавливаются самые пламенные ревнители свободы? Въ отношеніи къ внѣшней жизни человѣка, на независимости отъ другихъ, на равенствѣ различныхъ правъ, на безпрепятственности путей къ достоинствамъ и т. п.; — въ отношеніи къ внутренней жизни, на свободѣ отъ предразсудковъ, невѣжества, порочныхъ желаній и страстей. Сложить прочія узы съ человѣчества, какъ то: узы тѣлесныхъ недостатковъ, болѣзней, смерти, хотя узы сіи тяготятъ всѣхъ и каждаго, почитается дѣломъ совершенно невозможнымъ, о коемъ посему никто и не мыслить. Тѣмъ менѣе думаютъ объ участи прочихъ тварей земныхъ, хотя онѣ всѣ видимо находятся въ состояніи тяжкаго рабства, страдаютъ подобно человѣку, и подобно ему воздыхаютъ о избавленіи отъ работы истлѣнія (Рим. 8, 21).

Не такъ поступаетъ Евангеліе! Оно проповѣдуетъ *отпущеніе* всѣмъ *плѣннымъ* (Лук. 4, 18); возвѣщаетъ свободу отъ всякаго вида зла; призываетъ къ такому состоянію, въ коемъ нѣтъ никакой печали и никакого воздыханія, (Апок. 7, 16. 17. 21, 4. Исаіи 35, 10)! И во-первыхъ, человѣкъ, по ученію Евангелія, долженъ освободиться отъ всѣхъ недостатковъ и золь, его угнета-

ющихъ, долженъ содѣлаться свѣтлымъ въ душѣ, чистымъ въ сердцѣ, богоподобнымъ въ духѣ, безсмертнымъ по тѣлу, вознесеннымъ надъ всѣми нуждами, даже надъ всею природою, его окружающею (Апок. 22, 5). вмѣстѣ съ человѣкомъ и вся тварь должна освободиться отъ работы истлѣнія и войти въ свободу и блаженное состояніе чадъ Божиихъ (Рим. 8, 21). Такую свободу возвѣщаетъ всему человѣчеству, или паче всему міру, Евангеліе! Кто не исполнится чувствомъ благоговѣйнаго умиленія при одной мысли о событіи сего утѣшительно-величественнаго обѣтованія? Самая всеобъемлемость его ручается за его божественную дѣятельность: ибо свобода дѣйствительная можетъ быть только всеобщая; частная свобода даже всего человѣчества, среди рабства прочихъ тварей, была бы растворена горестію и воздыханіемъ.

Объщая такая всеобъемлющая свобода, Евангеліе знаетъ, какъ много обѣщаетъ, и чего требуется для исполненія обѣщанія. Оно видитъ, что для освобожденія человѣка и тварей, его окружающихъ, потребна не переменна только законовъ человѣческихъ, а претвореніе самаго сердца и духа человѣческаго (Іоан. 3, 3),—не новое токмо уложеніе, а новое небо и новая земля (2 Пет. 3, 13): и потому рѣшительно говоритъ, что надъ всѣмъ человѣчествомъ и даже міромъ совершается новое, великое твореніе, слѣдствіемъ коего будетъ новое небо и новая земля (Апок. 21, 1). Видитъ, что для произведенія сего великаго дѣла наку-бытія всемірнаго недостаточны силы не только всего человѣчества, но и всѣхъ тварей (Апок. 5, 3): посему рѣшительно объявляетъ, что дѣло сіе будетъ произведено самимъ Богомъ (Апок. 21, 5), чрезъ Сына Его и Духа Святаго. Видитъ наконецъ, что и самое божественное всемогущество, имѣя дѣло съ существами свободными, не можетъ вдругъ совершить ихъ возстановленія: посему рѣшительно возвѣщаетъ, что возстановленіе человѣчества въ первобытную свободу чадъ Божиихъ произойдетъ не прежде, какъ по скончаніи времени, по употребленіи въ дѣло всѣхъ средствъ благодати, послѣ рѣшительной побѣды добра надъ зломъ (2 Сол. 2, 1—10). — Къ сему-то славному времени, или паче исполненію времени, Евангеліе учитъ человѣка обращать чаянія свои и воздыханія (2 Пет. 3, 11—15); а до того времени, по увѣренію его, родъ человѣческій, при всѣхъ усиліяхъ, никогда не освободится отъ бѣдствій, неразлучныхъ съ состояніемъ изгнанія эдемскаго.

Это однакоже не значитъ того, чтобы Евангеліе всѣ обѣтованія свои о свободѣ заключало въ будущемъ, предоставляя чело-

вѣка всѣмъ скорбямъ и ужасамъ настоящаго. Нѣтъ, въ будущемъ только полное окончаніе обѣтованій, и то потому, что сей полнотѣ никакъ не можетъ вмѣстить настоящее; а все прочее— начало и продолженіе, даже часть окончанія, въ настоящемъ. По ученію Евангелія, каждый можетъ и долженъ теперь, въ сей жизни, на сей землѣ создѣваться свободнымъ свободою внутреннею, духовною, состоящею въ свободѣ ума и сердца, въ независимомъ избраніи добра и уклоненіи отъ зла, въ свободномъ подчиненіи воли своея волѣ Божіей (Гал. 5, 1. Рим. 6, 18—23). Таковой свободѣ не могутъ препятствовать никакія внѣшнія обстоятельства, ни даже узы; въ темницѣ и подъ мечемъ можно быть свободнымъ сею свободою божественною такъ же, какъ и на тронѣ, среди величія земнаго (2 Тим. 2, 9). Одно непреодолимое препятствіе сей предначинательной свободѣ въ человѣкѣ — его немощь, которая такъ велика, что онъ самъ собою *не можетъ и помыслить ничего* истинно добраго (2 Кор. 3, 5), тѣмъ паче совершить его; тѣмъ паче неспособенъ всегда желать и дѣлать одно доброе.—Но Евангеліе совершенно восполняетъ сію немощь и многими видимыми средствами, особенно же невидимою благодатію Святаго Духа, которая, коль скоро человѣкъ, признавъ свое безсиліе и ничтожность, обращается къ ней молитвенно и предаетъ себя ея водителству, облакаетъ его волю такою силою, коей не могутъ противустоять никакое могущество и никакій соблазнъ (Фил. 4, 13). Облеченные сею благодатною силою, многіе до того раскрывали въ себѣ внутреннюю духовную свободу предначинательную, что видимо приближались и къ оной будущей славной свободѣ окончательной, и даже приближали съ собою все, ихъ окружающее. Отъ избытка духовной силы и внутренняго богоподобія, таковыя избранныя еще здѣсь на землѣ, до наступленія всеобщаго совершеннѣвтія человѣчества, вступали едва не во всѣ права чадъ Божіихъ, освобождаясь изъ-подъ тягостной опеки земныхъ стихій, кои теряли надъ ними силу, и покорялись ихъ волѣ и слову (Евр. 11, 34), воспринимая мирное владычество надъ прочими живыми тварями, кои въ присутствіи ихъ съ радостію забывали свою мнимоестественною лютость (Дан. 6, 22), возносясь даже надъ брэнностію собственнаго тѣла, которое или было представляемо на небо безъ разлученія съ духомъ (4 Цар. 2, 11), или, по разлученіи съ нимъ, остается на землѣ, среди тлѣнія, на цѣлыя тысячелѣтія не только неразрушимымъ, но и способнымъ къ уврачеванію всякаго вида разрушенія. Мы сами, обитатели сего богоспасаемаго града, не по-

ставлены ли непрестанными свидѣтелями того, какъ свобода христіанская торжествуетъ надъ самыми узами смерти, содѣлывая негнѣнными останки тѣхъ, кои были во время своей жизни совершенно свободными для Христа и Христомъ (1 Кор. 7, 22)?

И такія чудеса свободы христіанской происходятъ здѣсь и теперь, — здѣсь, гдѣ все поражено смертностію, — теперь, когда самые праведники должны наиболѣе терпѣть и страдать, чтобы наиболѣе очиститься и прославиться (2 Тим. 3, 12)! Что же будетъ тамъ, подъ новымъ небомъ, на новой землѣ, гдѣ живетъ одна правда и одна свобода? Какъ померкнетъ тогда все великое и славное предъ сокровеннымъ нынѣ величіемъ святыхъ Божиихъ человѣковъ! Въ какихъ благолѣпныхъ чертахъ не обнаружится тогда, среди всеобщаго торжества освобожденной отъ работы истлѣнная тварь, вѣчная свобода чадъ Божиихъ! О, божественная свобода, не выходи никогда изъ мыслей нашихъ, давай направленіе нашимъ желаніямъ и предпріятіямъ, защищай отъ всего низкаго и грѣховнаго, утѣшай среди многоразличныхъ печалей и узъ земнаго странствованія!

Нисколько не удивительно, если Евангеліе, ведя человѣка къ такой свободѣ, не обращаетъ прямого вниманія на свободу, такъ называемую, гражданскую: ибо послѣдняя не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ свободѣ духовной. Можно среди узъ быть свободнымъ духомъ, равно какъ и на престолѣ можно быть рабомъ страстей. Даже бѣдствія внѣшнія и угнетенія болѣе благопріятствуютъ раскрытію духовной свободы въ человѣкѣ, нежели счастье и независимость, которыя рѣдко не ослабляютъ его гордостію и не дѣлаютъ рабомъ пожеланій и страстей. Исторія христіанства представляетъ немалое число такихъ рабовъ, кои, бывъ рабами человѣковъ, были вмѣстѣ самыми вѣрными рабами Божиими; не имѣя внѣшней свободы, обладали величайшею свободою духа, и еще при жизни, тѣмъ паче по смерти, когда вполне открывалось сокрытое въ нихъ богатство благодати, дѣлались предметомъ благоговѣннаго уваженія для самыхъ вельможъ и царей. Съ другой стороны, таже исторія представляетъ не мало примѣровъ свободныхъ людей, кои отъ избытка внутренней свободы о Христѣ, отдавали себя въ узы и рабство для блага ближнихъ. Такъ мало значило гражданское рабство и гражданская свобода для тѣхъ, въ коихъ раскрывалась свобода духовная, и предназначалась раскрываться небесная!

Оставляя такимъ образомъ порядокъ всѣхъ званій граждан-

скихъ неприкосновеннымъ, истинное христіанство симъ самымъ не благопріятствуетъ однако же нисколько духу преобладанія и порабощенія. Напротивъ, вездѣ, гдѣ только усиливалось и распространялось дѣятельное христіанство, немедленно являлся и усиливался духъ истинной свободы гражданской. Кто вѣщалъ небоязненно истину предъ Тиверіями и Неронами, когда самые Бурры и Сенеки умолкли? Истинные христіане. Кто за грѣхъ почиталъ присутствовать на ужасныхъ зрѣлищахъ гладиаторскихъ, куда стремились люди, хвалившіеся тонкимъ вкусомъ и образованіемъ? Христіане. Кто наиболѣе искуплялъ плѣнныхъ, и своихъ и чужихъ, у варваровъ, и самыхъ варваровъ потомъ отучилъ всѣхъ плѣнныхъ обращать въ рабовъ? Христіане. Откуда наиболѣе вышло понятій о свободѣ, во всѣхъ ея видахъ? Изъ христіанства. Какіе народы пользуются наибольшею свободою? Христіанскіе. И такое благотворное дѣйствіе на свободу гражданскую христіанство произвело тогда, когда большая часть христіанъ суть христіане только по имени. А что было бы, если бы вмѣсто блистательныхъ умозрѣній распространилось и усилилось дѣятельное христіанство между людьми? Церковь апостольская, въ коей и душа и имѣнія были всѣмъ общія,—ясно показываетъ это каждому (Дѣян. 2, 44).

Напротивъ, вездѣ, гдѣ недоставало свободы христіанской—свободы ума и сердца отъ страстей, свобода гражданская, при всѣхъ усиліяхъ, или вовсе не могла явиться, или появлялась только на короткое время. Буйство страстей, свергнувъ всѣ узы, вскорѣ само на себя налагало новыя, многочисленнѣйшія;—свергнувъ нерѣдко узы мнимыя, налагало дѣйствительныя;—свергнувъ благотворныя и необходимыя, налагало совершенно излишнія и гибельныя;—свергнувъ благое иго закона, порядка и человѣколюбія, налагало рабскій яремъ безначалія и тиранства.

Сократимъ для памяти все сказанное въ немногихъ изреченіяхъ:

I. По ученію Евангелія, не только все человѣчество, но и весь міръ предопредѣлены къ достиженію свободы полной и вѣчной.

II. Это великое освобожденіе человѣка и всѣхъ тварей будетъ произведено самимъ Богомъ.

III. Оно наступитъ по скончаніи міра, подъ новымъ небомъ и на новой землѣ.

IV. Въ ожиданіи сей свободы, человѣкъ долженъ, при помощи благодати, стяжевать свободу духа и сердца отъ страстей и грѣ-

ховъ, какъ необходимый залогъ и основаніе всего будущаго освобожденія и величія.

V. Свобода, или несвобода гражданская на составляютъ существеннаго различія въ отношеніи къ сей свободѣ христіанской.

VI. Впрочемъ, за свободою христіанскою не можетъ рано или поздно, не слѣдовать въ царствѣ христіанскомъ огражденіе и свободы гражданской отъ неправильныхъ притѣсненій, и сія послѣдняя не можетъ прочно существовать безъ первой.

Нужно ли подробно сказывать, что слѣдуетъ изъ сего божественнаго ученія? Слѣдуетъ во-первыхъ то, что для людей, кои жребіемъ рожденія лишены свободы гражданской, нѣтъ причинъ къ безотрадной печали (1 Кор. 7, 21); ибо состояніе рабства, въ коемъ они находятся, есть состояніе временное, скоро преходящее; есть слѣдствіе и видъ всеобщаго рабства, въ коемъ находится весь родъ человѣческій, и изгнанія его изъ рая. Служа земнымъ своимъ владыкамъ, рабы служатъ не людямъ, а Христу (Кол. 3, 24), коего премудрость допустила стать имъ при рожденіи въ сіе состояніе, и отъ Него примутъ воздаяніе за всѣ труды, кои совершаются безъ воздаянія, если только совершали ихъ отъ души, по-христіански (тамъ же.) *Тамъ* вѣрнымъ рабамъ дано будетъ то, съ чѣмъ не можетъ сравниться слава царей земныхъ.

Слѣдуетъ во-вторыхъ то, что люди, пользующіеся правомъ господства надъ другими, не должны превозноситься симъ правомъ, памятуя, что оно есть слѣдствіе паденія человѣческаго, потери свободы райской, и посему имѣетъ преити; тѣмъ паче не должны злоупотреблять симъ правомъ, представляя себѣ, что и они имѣютъ *Господа* у себя *на небесѣхъ* (Кол. 4, 1), который потребуетъ у нихъ строгаго отчета за всякую слезу и вздохъ угнетеннаго человѣчества (Еф. 6, 9).

Слѣдуетъ въ третьихъ то, что всѣ, и свободные и рабы должны, первѣе и болѣе всего, стараться о возстановленіи внутри себя свободы духовной: ибо безъ сего тѣ и другіе останутся вѣчными рабами грѣха и бѣдствій въ то время, когда весь міръ будетъ торжествовать свое освобожденіе.

Слѣдуетъ наконецъ то, что истинные ревнители истинной гражданской свободы, потому самому, ни о чемъ столько не должны ревновать, какъ о распространеніи между собратіями своими дѣятельнаго христіанства, которое, даруя свободу духовную и предрасполагая къ свободѣ небесной, вмѣстѣ съ тѣмъ на-

дѣйствительнѣйшимъ образомъ оживляетъ и распространяетъ и истинную свободу гражданскую.

Идѣже Духъ Господень, ту, и только ту, свобода истинная, всеобъемлющая, вѣчная! Аминь.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ БЛАГОУСЛОВИВШАГО ГОСУДАРЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА,

ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО *).

Въ руцѣ Господни власть земли, и потребнаго воздвигнетъ во время на ней (Сирах. 10, 4).

 роисхождение на свѣтъ человѣка есть, повидимому, одно изъ самыхъ случайныхъ явленій. Родиться въ такое или другое время, въ той или иной странѣ, отъ славныхъ или бѣдныхъ родителей, съ великими или малыми способностями,— все это, и множество другихъ обстоятельствъ явленія человѣка на свѣтъ, не подлежитъ нисколько соображенію человѣческому, составляетъ тайну бытія нашего на землѣ.

Между тѣмъ, есть око, которое все ясно видитъ и въ этой тѣмѣ! Есть десница, которая блюдетъ всѣ жребіи земнородныхъ, и раздаетъ ихъ съ совершенною правильностью! *Господи,—восклищаль нѣкогда святой Давидъ, проникнутый чувствомъ вседѣтельнаго Промысла Божія о жизни человѣческой, — Господи, Тебѣ извѣстны всѣ стези мои; Ты сотворилъ внутренность мою, во чревъ матери моей Ты образовалъ меня; ни одна кость моя не сокрылась отъ Тебя; зародышь мой видѣли очи твои; въ твоей книгѣ начертаны были всѣ дни мои, когда еще не было ни одного изъ нихъ* (Псал. 138, 3. 13. 15)!

Столь великая бдительность Промысла Божія надъ рождени-

*) Произнесенное въ Киево-печерской лаврѣ, июня 10 дня 1834 года
Инокентій. Сочиненія. IV.

емъ каждаго человѣка обнаруживается еще съ большею силою при явленіи на свѣтъ такихъ людей, отъ коихъ зависитъ судьба многихъ, комъ предназначены быть творцами благоденствія для цѣлыхъ народовъ. Сообразно великому предназначению своему, люди сіи не иначе изводятся на поприще всемірнаго дѣйствования, какъ по особеннымъ законамъ міроуправленія, во времена самыя важныя. Приходить ли такое время? И ничто не можетъ замедлить исполненія судебъ: у грубыхъ народовъ внезапно являются мудрецы и законодатели; среди малыхъ племенъ возстаютъ основатели великихъ царствъ; къ удаленнымъ отъ престола сама собою приходитъ власть. Никакія опасности, преграды и труды не могутъ остановить успѣха таковыхъ избранныхъ Божиихъ: предъ ними, по выраженію Пророка, *горы преклоняются, дебри наполняются, твердыни и забрала падаютъ* (Исаіи 45, 1. 2); ибо предъ ними невидимо предходитъ—самъ Богъ! Оканчивается ли время божественнаго предназначенія? И великіе дѣйствователи, именовъ своимъ наполнявшіе всю землю, какъ бы связанные невидимыми узами, престають дѣйствовать, или внезапно восхищаются съ поприща дѣйствования. Среди таковыхъ *изтѣнь десницы Вышняго* (Псал. 76, 11), чудесно являющей себя по временамъ въ судьбѣ великихъ и сильныхъ земли, а чрезъ то самое и въ судьбѣ цѣлыхъ народовъ, и оставляющей слѣды явленія своего нерѣдко на цѣлые вѣки, — всѣ сами собою невольно узнаютъ и всенародно признаютъ ту великую вѣчную истину, что *въ руцѣ Господни власть земли, и Онъ самъ потребнаго воздвигнетъ во время на ней.*

Но, если *въ руцѣ Господни власть земли*, то что же остается въ руцѣ народовъ?—Ужели одно безмолвное благоговѣніе къ дѣйствіямъ Промысла, дающаго и представляющаго владыкъ земныхъ?—Если *потребнаго воздвигаетъ Онъ самъ*, и въ извѣстное только *время, на ней*; то не должно ли потому самому во всѣ прочія времена отложить всякое ожиданіе видѣть на престолѣ царей, благопотребныхъ къ созиданію народнаго благоденствія? — Нѣтъ, слово Божіе не для того открываетъ намъ чрезвычайную зависимость владыкъ земныхъ въ ихъ происхожденіи и судьбѣ отъ воли Самодержца небеснаго, чтобы содѣлать насъ праздными зрителями ихъ явленія и дѣйствія на землѣ, какъ дѣла намъ вовсе недоступнаго и потому чуждаго. Напротивъ, оно указываетъ народамъ на чрезвычайную зависимость царей земныхъ отъ Царя небеснаго, какъ на вѣрнѣйшее средство оказывать благотворное дѣйствіе на судьбу своихъ земныхъ владыкъ, — какъ на основаніе возможности заслуживать у неба благихъ и мудрыхъ вѣнцемосцевъ.

Царь мудрый и благій, по учению святой вѣры нашея, есть даръ Божіи; по такой даръ, который долженъ быть заслуживаемъ и хранимъ; ибо можетъ быть теряемъ.

Остановимъ внимание наше на сей важной истинѣ и, соответственно потребности настоящаго времени, раскроемъ ее къ общему нашему назиданію.

Народы любятъ помнить, что благоденствіе ихъ зависитъ отъ царей, что благочестіе и правда владыкъ низводятъ благословеніе Божіе на царство, а неправда—гнѣвъ и разрушеніе. И должно сказать, что это—истина, ясно выраженная въ словѣ Божіемъ, оправданная многими, очевидными опытами, особенно въ исторіи израильскаго народа. Но, памятуя сіе, не должно забывать и того, что и правители въ свою чреду не менѣе подлежатъ невидимому влиянію народовъ, что подданные своею правдою и неправдами постоянно дѣйствуютъ на судьбу своихъ вѣнценосцевъ. Дѣйствіе сіе, по указанію слова Божія, такъ сильно и обширно, что простирается на все бытіе царя, начинается еще до его рожденія, продолжается во всю его жизнь, и переходитъ даже за ея предѣлы.

Начинается до рожденія. Съ чѣмъ сообразуется вседѣтельная премудрость Божія, изводя на свѣтъ такого или другаго народо-правителя? Съ потребностію времени, то-есть съ совершенствами и недостатками, съ нуждами и приемлемостію людей, живущихъ въ извѣстное время: *потребнаго воздвигнетъ во время на ней.* Но отъ кого зависятъ сіи совершенства и недостатки, сіи нужды и желанія? Бываютъ между ними, конечно, и такія, кои не подлежатъ произволу человѣческому; но большая часть ихъ всегда есть плодъ свободы, — добраго или худаго употребленія нашихъ силъ и способностей. Посему, если Провидѣніе, воздвигая народо-правителей, всегда сообразуется въ семъ дѣлѣ съ потребностію времени, а потребность сія слагается изъ нуждъ и качествъ, кои зависятъ отъ самыхъ людей живущихъ въ извѣстное время; то не явно ли, что не только судьба, самое происхожденіе на свѣтъ лицъ царственныхъ, еще до рожденія ихъ, опредѣляется состояніемъ народа, — его совершенствами и недостатками? Въ семъ смыслѣ можно сказать, что каждый народъ самъ—своими добродѣтелями или пороками—взимаетъ изъ нѣдръ творческаго могущества царя по сердцу своему. Каково состояніе и каковы заслуги предъ Богомъ народа, таковъ и царь! ибо дары Божіи бываютъ соразмѣрны съ качествами и заслугою приемлющихъ.

Дѣйствуя такимъ образомъ на происхожденіе своихъ правителей еще до явленія ихъ на свѣтъ, народы тѣмъ паче непре-

станно дѣйствуютъ на судьбу ихъ во все продолженіе ихъ жизни. Благочестіе и добродѣтели народа составляютъ и лучшее изъ украшеніи вѣнца царскаго, и главный источникъ силы и крѣпости для царства и надежнѣйшии щитъ противу всѣхъ опасностей. Чего не въ силахъ предпринять и совершить царь, управляющіи людьми, вѣрными Богу отцевъ, преданными престолу и отечеству, за вѣру и правду дерзающими на всякую опасность? Какое зло осмѣлятся приблизиться, и приблизившись не исчезнетъ у подножія того престола, который огражденъ молитвами и добродѣтелями народными?—Напротивъ, управление народомъ бумъ и ненаказаннымъ само по себѣ есть уже тяжелый жребій для правителя. Что можетъ успѣть все искусство и усердіе самаго лучшаго кормчаго, если ему достанется управлять совершенно разстроеннымъ кораблемъ, среди непрестанныхъ бурь и тревоженій? Беззаконія народа, удаляя отъ земли благословенія неба, чрезъ то самое отъемлютъ успѣхъ у самыхъ мудрыхъ начинаній преержавшей власти, дѣлаютъ безсильными самыя надежныя средства, ею употребляемая, подрываютъ самое основаніе всеобщаго благоденствія. За грѣхи народа умаляются самыя дни наилучшихъ изъ царей. Разительный примѣръ сего представляетъ благочестивый Іосія, царь израильскій. *Подобенъ ему въ благочестіи, по свидѣтельству самаго слова Божія, не бысть предъ нимъ царь, и по немъ не воста подобенъ ему* (2 Цар. 35, 20); но поелику народъ израильскій сдѣлался недостойнымъ милости и долготерпѣнія небеснаго; то царь, любимый небомъ и землею,—во цвѣтѣ лѣтъ, внезапно преложень къ отцамъ своимъ, чтобы, по выраженію писанія, *не видѣть очами своими всѣхъ злыхъ* (4 Цар. 22, 20), которыя имѣли быть наведены на его царство.

Наконецъ, народы продолжаютъ дѣйствовать на судьбу своихъ владыкъ и по окончаніи ихъ жизни. Бесѣдуя въ собраніи христіанскомъ, нѣтъ нужды доказывать, что кромѣ земныхъ судовъ есть судище небесное, и что за предѣлами сей жизни ожидаетъ каждаго изъ насъ строгій отчетъ въ томъ, что содѣлано имъ на земли. Царямъ, какъ вождямъ и свыше поставленнымъ приставникамъ народовъ, надлежитъ по сему самому дать предъ Царемъ царствующихъ отвѣтъ не о себѣ токмо самихъ, но и о всемъ великомъ *приставленіи* (Лук. 16, 2) царственномъ. Можно ли же думать, чтобы при семъ отвѣтѣ не воспоминались добродѣтели и неправды народа, который былъ ввѣренъ ихъ управленію?

Соображая все сіе, чье сердце не исполнится благоговѣйнаго умиленія при мысли о великомъ и вмѣстѣ страшномъ предна-

значеніи владыкъ земныхъ?—Еще до рожденія своего имѣть отношеніе къ нравственному состоянію цѣлаго народа, исходить на свѣтъ, для совершенія судебъ Божіихъ надъ цѣлыми племенами и на цѣлыя вѣки, дѣйствовать на временную и вѣчную судьбу каждаго изъ подданныхъ, и прдлежать въ семь отношеніи его дѣйствію, сосредоточивать въ себѣ силу или безсиліе, благоденствіе или бѣдствія всего царства, быть среди миллионѡвъ подобныхъ себѣ человѣковъ первымъ пріемникомъ благословеній и гнѣва небеснаго, — Боже мой, какая страшно-величественная участь!—Что послѣ сего значитъ блескъ всѣхъ вѣнцовъ въ мірѣ въ сравненіи съ великою отвѣтственностію, лежащею на раменахъ каждаго самодержца?—И поелику народамъ, какъ и частнымъ людямъ, *прилежитъ*, особенно въ наши скудныя правдою времена, болѣе *помышленіе на злая* (Быт. 6, 5), нежели на благая; то что остается нынѣ престоламъ въ ихъ уединенной, недосыгаемой высотѣ, какъ быть постоянными *отводами* гнѣва небеснаго, непрестанно привлекаемаго на землю неправдами народовъ?—Таковыми точно и были всегда престолы царей благочестивѣйшихъ; смиреніемъ, упованіемъ на Промысль Божию, дѣлами вѣры, любви и милосердія они всегда покрывали беззаконія своего народа, и такимъ образомъ умѣряли гнѣвъ небесный.

Но, признавая благодареніе сіе, мы тѣмъ не менѣе должны памятовать свою обязанность — благочестіемъ и правдою облегчать для самодержцевъ тяжесть ихъ великаго служенія, а усердными молитвами низводить на главу ихъ милость и благословеніе неба. И когда священная обязанность сія должна пробуждаться въ сердцѣ съ большею силою, какъ не въ настоящій день, когда Промысль Божію, выну благодарющій къ отечеству нашему, благоволилъ воздвигнуть для блага его Вѣнценосца столь твердаго и мудраго, какимъ не только мы, цѣлый свѣтъ признаетъ Монарха нашего?—Благодаря за сію великую милость Божию къ намъ, мы всегда должны памятовать, что продолженіе ея надъ нами зависитъ отъ насъ, — отъ того, сколько и какъ мы будемъ ея достойны.

Посему, желая ознаменовать торжествомъ настоящій день царственный, ознаменуемъ оный не столько шумными гласами радости и восклицаній, которыя, поражая слухъ всѣхъ, могутъ не касаться сердца многихъ, сколько безмолвнымъ, но усерднымъ возношеніемъ мыслей и желаніи нашихъ къ престолу Царя царствующихъ, съ теплою молитвою о возлюбленномъ Помазанникѣ Божіемъ; покажемъ радость и усердіе наше не столько воз-

женіемъ огней вещественныхъ, кои, прогоняя мракъ ночный, не могутъ разсѣять мглы, облажающей умы строптивые, сколько возгрѣянемъ въ сердцѣ невестественнаго огня истинной вѣрности и любви къ престолу, которая вовсе не знаетъ никакого мрака, всегда ходитъ во свѣтѣ. Если доблестные сыны Россіи будутъ достойны благословеннаго царствования мудраго и праволюбиваго Николая; то Господь, оправдавый царствовать его надъ нами, не замедлитъ увѣнчать его и долготою дней. Тогда по слову писанія, никакой, ни явный, ни тайный, *врагъ ничтоже ускѣетъ на него, и никакой сынъ беззаконія не приложитъ озлобити его* (Псал. 88, 25). *Не придетъ къ нему никакое зло и рана не приблизится тѣлеси его* (Псал. 90, 10). *Онъ не убоится ни отъ страха ношнаго, ни отъ стрѣлы летящія во дни, ни отъ вещи, во тьмѣ преходящія* (тамъ же 5). Ибо,—при недостаткѣ естественныхъ средствъ, — Господь заповѣсть Ангеламъ своимъ *сохранити его во всѣхъ путехъ его* (тамъ же, 2).

Итакъ, еще повторимъ, желая мира и долгоденствія благочестивѣйшему Помазаннику, приложимъ всѣ усилія къ сохраненію собственнаго нашего мира съ Богомъ. Грѣхи народа суть первые враги царя, равно какъ молитвы и добродѣтели подданныхъ суть вѣрнѣйшее храненіе для самодержцевъ. Аминь.

СЛОВО

ВЪ ДНИ СВЯТЫХЪ ПИНОКЪ,

И ТЕЗОИМЕНИТСТВА БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ НИКОЛАЯ
ПАВЛОВИЧА, ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО *).

то собрало насъ нынѣ въ такомъ множествѣ въ храмъ сей? Мы собрались по причинѣ двухъ свѣтлыхъ торжествъ. Одно — въ честь и память святителя Христова Николая Чудотворца Мирликійскаго; другое—въ честь Августѣйшаго Монарха нашего, который носитъ имя сего Святителя. Сочетаніе торжествъ прекрасное! Посему-то именно надлежало ожидать, что это сочетание уже будетъ не первое въ исторіи нашей, и между тѣмъ оно первое и единственное! Поелику имя св. Николая съ самаго начала земли русской было и есть въ особенномъ всеобщемъ уваженіи всего народа русскаго: то надлежало ожидать, что оно будетъ нарекаемо надъ многими лицами изъ державнаго Дома, что не одинъ изъ носящихъ его взойдетъ на престолъ россійскій... И между тѣмъ,—свидѣтель вся исторія—доселѣ не было на семъ престолѣ Николая. Казалось, что это имя, такъ всѣмъ любезное, какъ будто хранится подъ какою либо печатію, которую никто не смѣетъ вскрыть, никто изъ самыхъ вѣнценосцевъ не смѣетъ дать сыну или внуку!

Что значить это? «Дѣло случая»,—отвѣтятъ нѣкоторые, а можетъ быть и многіе. За ними — кто бы они ни были — слѣпой случай: а мы обратимся къ чему нибудь не слѣпому.

*) Печатано съ рукописи.

Восхожу мыслию ко временамъ первобытнымъ, когда пути Промысла были очевиднѣе, самый голосъ природы слышнѣе: и что нахожу? Нахожу, что въ церкви патріархальной имена нарекаемыя всегда означали будущія свойства и судьбу нарекаемыхъ, ибо давались по прозрѣнію свыше, коимъ обладали нарекающие. Въ послѣдующія времена возможность—нарекать имена такимъ образомъ — начала оскудѣвать, и, оскудѣвая, постепенно дошла до того, что уступила смыслу чистому, какъ говорятъ, а въ самой вещи,—весьма не чистому произволу. Даютъ имена, какъ случится, не заботясь при семъ ни о чемъ, какъ развѣ о благозвучи,—не руководясь ничѣмъ, какъ развѣ родственными отношеніями.

Но первобытный законъ именъ не потерялъ самъ по себѣ и никогда не потеряетъ силы — выражать свойство и судьбу именуемыхъ. Когда люди уклонились отъ него, ибо по нечистотѣ не могли держаться на высотѣ его: то онъ остался, можно сказать, въ рукахъ одного Промысла Божія.

Промысль Божій такъ обыкновенно управляетъ судьбою человѣческой, что предоставляетъ полную свободу дѣйствовать людямъ; но гдѣ нужно, даетъ видѣть перстъ свой, подобно художнику, который предоставляетъ составлять картину ученикамъ и по временамъ только прибавляетъ черты нѣкоторыя, чтобы не испортить картины.

Посему, и при нареченіи именъ, дѣйствіе Промысла можетъ оказываться только въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ.

Таковые случаи могутъ быть и бывають и въ малыхъ семействахъ; но тѣмъ паче въ великихъ, — мы разумѣемъ царства и народы.

Послѣ сего, уже заранѣе можно сказать, что они будутъ разительнѣе, нежели гдѣ-либо, въ державѣ Россійской. Почему заранѣе можно сказать это? Потому что вся исторія ея ознаменована разительными дѣйствіями и знаменіями непосредственнаго Промысла Божія.

Хотите ли доказательствъ? Вспомните имена—Владимира: кто болѣе его овладѣлъ древнимъ міромъ русскимъ?—Петра: кто болѣе его былъ подобенъ адаманту не сокрушимому для всѣхъ войнъ?

Отъ сихъ и другихъ размышленій, коихъ вѣрность отдаемъ на судъ всѣхъ и cadaго, обратимся къ предмету настоящаго торжества, и подведемъ его, такъ сказать, подъ общій законъ. Что значить имя: *Николай*?—Оно значить—побѣдитель народовъ.

Теперь смотрите—на кого? Во-первыхъ на святителя Христова Николая. Смиранный пастырь Мирликшской церкви — прославляется предъ всѣми святителями, цѣлыми народами. Какими? Не только чтущими имя Христово, но и невѣрными, даже тѣми, кои разрушили гробъ и храмъ его и принудили св. мощи его совершить путешествие съ востока на западъ, какъ будто въ знаменіе того, что западъ, вспомнивъ древнее единство, паки обратится къ востоку.

Видите ли силу имени? Или точнѣе сказать, силу Того, Кто нарицается, по выраженію Апостола, *не сущая, яко сущая* (Рим. 4, 17)?

Воззримъ, за симъ, и на августѣйшаго соименника Святителя, и что видимъ? Не видимъ ли подобнаго, то есть, что сила имени отражается въ судьбѣ того, кто носить имя?

Имя побѣдителя принадлежитъ большей части нашихъ вѣнцесцевъ, хотя не всѣмъ въ равной степени.

Но скажите, кому болѣе принадлежитъ имя побѣдителя народовъ?

Прежде побѣждали владыкъ: въ наше время надобно сражаться съ народами...

(Не кончено).

СЛОВО

ИИ ДОНЬ СРАТИТВОІА ПИКОІІА,

И ТЕЗОИМЕНИТСТВА БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ НИКОЛАЯ ПАРЛОИИЧА, ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО *).

мя святителя Христова Николая есть имя всенародное, все-россійское; и такимъ сдѣлалось оно не вчера только и третьяго дня, а съ первыхъ вѣковъ христіанства въ отечествѣ нашемъ. Послѣ сего ожидалось естественно, что имя это будетъ часто являться на престолѣ всероссійскомъ; между тѣмъ сего не было до нашихъ временъ. Какъ будто невидимая рука удерживала отъ употребленія сего преупотребительнаго въ другихъ отношеніяхъ имени; какъ будто ожидалось чего либо особеннаго, чтобы употребить его.

Наконецъ, вмѣстѣ съ Монархомъ нашимъ сіе великое все-россійское имя вошло на престолъ всероссійскій! Кто былъ современникомъ сего событія, тотъ долженъ помнить, какая мысль и какое чувство пробѣгли тогда по всѣмъ умамъ и по всѣмъ сердцамъ истинно-русскимъ. Особенно чтимое и любимое имя казалось предвѣстіемъ всего добраго и великаго.

Время и опытъ тотчасъ начали оправдывать событіями великое чаяніе.

Самое восшествіе его на престолъ всероссійскій проявило такія высокія и рѣдкія качества души и сердца, что, обрадовавъ все отечество, привело въ удивленіе весь міръ.

*) Печатано съ рукописи.

Возстаетъ внезапно врагъ на востокъ, въ надеждѣ воспользоваться нашимъ краткимъ безвременьемъ; и что же? Едва, едва спасаетъ свою избитую корону и скипетръ подъ могущественною сѣнью того, противъ коего враждовалъ...

(Не кончено).

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ НИКОЛАЯ ПЕРВОГО,

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА
ВСЕРОССИЙСКАГО *).

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

въ жизни частныхъ людей, тѣмъ паче въ жизни народовъ, есть дни, кои всякій разъ, когда ни возвращаются, пробуждаютъ множество различныхъ воспоминаній и чувствованій. Таковы между прочимъ великіе дни преемства царей и народоправителей,—дни, отъ коихъ зависятъ нерѣдко цѣлые вѣки. Таковъ наипаче настоящій день восшествія новаго Самодержца на престолъ россійскій, тотъ престолъ, который не разъ давалъ благотворное направленіе событіямъ всего свѣта, и доселѣ остается главнымъ оплотомъ противу всемірныхъ тревоженій. Кто изъ сыновъ отечества можетъ срѣтить день сей безъ множества важныхъ воспоминаній и глубокихъ чувствованій?—Кто даже изъ иноземныхъ сыновъ можетъ срѣтать его равнодушно, при мысли о неизмѣримыхъ послѣдствіяхъ отъ преемства россійскихъ вѣнценосцевъ?—Это день, коимъ связуются между собою не два царствованія, а, можетъ быть, двѣ всемірныя эпохи.

Собирать воедино' всѣ воспоминанія, слѣдить за всѣми чувствованіями, кои возбуждаются настоящимъ днемъ въ душахъ сыновъ отечества, значило бы съ одной стороны покуситься на не-

*) Произнесенное въ киево-софійскомъ соборѣ, ноября 20 дня, 1832 года.

объятное, съ другой—выйти изъ предѣловъ христіанскаго собесѣдованія.—Но, есть воспоминанія и чувствованія, кои не могутъ не возбуждаться нынѣ въ сердцѣ каждаго истиннаго сына Церкви и отечества, и отсутствіе коихъ во всякомъ было бы знакомъ равнодушія неизвинительнаго. Изложеніе сихъ мыслей и чувствъ можетъ служить вмѣсто поученія, назидательнаго для всѣхъ. Посвятимъ на это нѣсколько минутъ.

Первымъ чувствомъ въ настоящій день, по указанію самой Церкви, должно быть чувство *спиренія, благоговѣнія и благодарности предъ неисповѣдимымъ Промысломъ Божиимъ, распоряжающимъ судьбою царствъ и народовъ.*—Христіанинъ при всѣхъ событіяхъ въ жизни любить обращать взоръ свой къ Небу; тѣмъ паче не могутъ не обращаться къ небу очи и сердце его при воспоминаніи столь великаго событія, каково восшествіе на престолъ Самодержца.—Въ самомъ дѣлѣ, жребіи правленія пространнѣйшаго въ мірѣ царства исходилъ нынѣ изъ десницы Царя царствующихъ и ввѣрялся рукъ богоизбраннаго народоправителя:—какая священная минута!—Чье око, кромѣ Божія, бдѣло тогда надъ судьбою царя и царства? Кому, кромѣ Всевѣдущаго, довѣдомъ былъ рядъ великихъ событій, имѣвшихъ потомъ совершиться?—Если когда, то въ сіе рѣшительное время, люди только предполагали, а располагалъ самъ Богъ.—Это былъ часть особеннѣйшаго промысла Божія объ отечествѣ нашемъ. А посему, куда первѣе всего должно обращаться мыслямъ при воспоминаніи сего великаго событія, какъ не туда, гдѣ оно первѣе всего началось и предопредѣлено,—къ престолу Вседержителя?—Оттуда, съ сей святой высоты, христіанинъ ожидаетъ, при подобныхъ случаяхъ, *услышать, что речеть о судьбѣ его отечества Господь* (Псал-84, 9), глаголющій въ великихъ событіяхъ міра.

Что же изречено о насъ при семъ случаѣ, какой урокъ преподанъ намъ Промысломъ?—*Урокъ, какъ мы сказали, спиренія и благодарности.*

Промыслъ вообще любитъ вразумлять смертныхъ, касательно ихъ недостатковъ, противоположностью своихъ судебъ ихъ соображеніямъ и надеждамъ. Но кажется, никогда сія противоположность не обнаруживалась такъ ощутительно, какъ при царственной перемѣнѣ, нами воспоминаемой. Кто могъ ожидать ее такъ скоро и такъ внезапно? Какими мольбами не призывалось долгоденствие на главу возлюбленнаго вѣнценосца? Глава сія, видимо вѣнчанная и славою земною, и благословеніями неба, совмѣщавшая на себѣ надежды не отечества только, но и всего про-

свѣщеннаго міра, — не ручалась ли повидимому сама за свою крѣпость?—Но Вышній судилъ иначе! Когда никто о томъ не думалъ на землѣ, на небѣ уже положена была великая перемѣна: опредѣлено, чтобы надежды наши внезапно перенесены были на главу иную; чтобы совершеніе великихъ предначертаній ввѣрено было десницѣ другой!..

Столь великая внезапность опредѣленій небесныхъ о нашемъ отечествѣ, ихъ разительная противоположность съ нашими чаяніями и соображеніями, не должны ли вести насъ къ той мысли, что сія грозная измѣна десницы Вышняго была слѣдствіемъ несоотвѣтствія путей нашихъ судьбамъ Божиимъ? Что Царь небесный разительною перемѣною земныхъ владыкъ нашихъ хотѣлъ внушить всѣмъ намъ урокъ смиренія и покаянія? — Церковь, яко таинница судебъ Божиихъ, яснѣе всѣхъ слышала въ семъ случаѣ поучительный гласъ Божій; и вотъ почему такъ громко отъ лица всѣхъ въ настоящій день исповѣдуетъ она предъ Богомъ: *согрѣшихомъ, Господи, и беззаконновахомъ, и крайняго отвращенія твоего достойны сотворихомся; сего ради наказалъ еси насъ краткими бывшія печали посѣщеніемъ* (Слова молитвы, читаемой во время молебствія).

Благодареніе Промыслу, что печаль наша была такъ кратка и гнѣвъ небесный растворенъ такою милостію, что *чувство покаянія*, возбуждаемое воспоминаніемъ великаго лишенія, невольнo перерождается въ *чувство благодарности*, при мысли о новомъ приобрѣтеніи, за тѣмъ послѣдовавшемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не малая милость Божія, лишившись благаго и мудраго царя, получить вскорѣ другаго, равно достойнаго. Пророкъ отъ лица Божія угрожалъ нѣкогда народу израильскому, что онъ останется долгое время безъ царей и правителей (Осіи 3, 4). И наше отечество не разъ сознавало печальнѣйшимъ опытомъ, что значитъ быть долго царству безъ главы.—Мы—не знали сего заключенія! Новый ангелъ царства стоялъ уже на стражѣ, когда прежніи отходили на мѣсто вѣчнаго покоя. Было нѣсколько дней недоумѣнія: но какъ величественны дни сіи! Дотолѣ мы знали только пророковъ, отрекавшихся и говорившихъ ко Господу: *избери могуща иного, его же послещи* (Исх. 4, 13). Тутъ увидѣли законныхъ наслѣдниковъ царства, передающихъ одинъ другому вѣнецъ, первый въ мірѣ!—Чего не дали бы другіе народы, дабы видѣть у себя сію—безпримѣрную — прю царственнаго самоотверженія? О, тотъ вѣнецъ не померкнетъ, на коемъ хотя разъ отразился лучъ сея, истинно *святыхъ славы!*

И чѣмъ не оправдано доселѣ благое предвѣстіе? Сколько опасностей и затрудненій, славно препобѣжденныхъ! — Сколько великихъ предначертаній, мудро приведенныхъ, или приводимыхъ въ дѣйство! — Едва протекло одно седмилѣтіе новаго царствования, и мы были уже свидѣтелями *преставленія* отъ могущества Россіи не малой части свѣта политическаго. Уже не разъ помрачалось солнце—Персіи; не разъ ущеблялась и готова была исчезнуть луна—Турци: только великодушіе побѣдителей оставило ихъ на тверди, да указуютъ превращеніями своими всему свѣту— время нашей славы. Если многія изъ самыхъ неподвижныхъ звѣздъ міра политическаго, подвигнувшись въ своемъ основаніи, доселѣ удерживаются въ своемъ чинѣ, или отъ большаго безчинія: то не благодѣтельнымъ ли тяготѣніемъ сѣвернаго самодержавія?

Радуюсь такимъ образомъ о грозной славѣ' прошедшаго, утѣшаясь тихимъ величіемъ настоящаго и съ дерзновеніемъ взирая на будущее, кто изъ сыновъ отечества не исповѣдуетъ нынѣ благодарнѣ съ Церковію, что Промыслъ Божій, *наказавъ насъ краткимъ бывшія печали посѣщеніемъ, обильно потомъ исполнилъ сердца наши веселіемъ, оправдавъ царствовать надъ нами возлюбленнаго раба своего, Благодѣстивѣйшаго Государя нашего НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА* (Слова молитвы изъ молебствія)?— *Чувство благоговѣнія и благодарнаго смиренія* предъ неисповѣдимыми судьбами Царя небеснаго есть необходимое чувство въ настоящій день для каждаго изъ насъ.

А вмѣстѣ съ тѣмъ неразлучно и другое, подобное *чувство— благоговѣнія, любви и вѣрности къ царю земному*. Ибо, можно ли, благоговѣя предъ Царемъ небеснымъ, поставляющимъ и представляющимъ царей земныхъ, не благоговѣть и предъ тѣмъ, кто Его же промысломъ возведенъ на престолъ и поставленъ княземъ людей своихъ?—Тѣмъ паче, когда возведенный всѣми дѣяніями своими доказываетъ, что онъ точно возведенъ *милостію Божіею*, а не гнѣвомъ небеснымъ?—Въ такомъ случаѣ всякое воспоминаніе о царѣ само собою обращается въ благословеніе ему и въ молитву за него, — тѣмъ паче воспоминаніе въ день настоящій. Ибо что значитъ день восшествія на престолъ самодержца?—Это день восшествия его подъ непосредственное осѣненіе силы Божіей; съ сего дня Монархъ нашъ сталъ для насъ видимымъ представителемъ невидимаго общаго Отца и Владыки человѣковъ, постояннымъ земнымъ намѣстникомъ Промысла небеснаго: можно ли провести таковой день безъ особеннаго бла-

огово́вѣннѣя къ Архистратигу силы Божіей?—Что значитъ день восшествія на престолъ самодержца? — Это день низшествія его въ среду нуждъ и желаній народныхъ; съ сего дня порфира начала прикрывать великихъ и малыхъ, его скипетръ началъ указывать путь всѣмъ и вездѣ, его престолъ содѣлался средоточіемъ жизни и движенія общественнаго, а его вѣнецъ — преемникомъ благословеніи небесныхъ: можно ли провести таковой день безъ особенныхъ выраженій любви къ ангелу-хранителю царства? — Что есть день восшествія на престолъ самодержца? Это день изшествія его на особенные труды и подвиги; съ сего дня Монархъ нашъ началъ быть первымъ подвижникомъ на полѣ общественной дѣятельности, взялъ на рамена свои судьбу цѣлаго царства, сталъ на стражѣ безопасности и благоденствія народнаго, устремился къ великой цѣли народоправленія: можно ли провести таковой день безъ пламенныхъ молитвъ за вѣнценоснаго подвижника?—Святая Церковь и въ семъ отношеніи предшествуетъ примѣромъ своимъ всѣмъ чадамъ своимъ, возглашая въ слухъ всѣхъ теплыя моленія о томъ, чтобы Господь, оправдавши царствовать надъ нами возлюбленнаго раба своего, умудрилъ его *непоползновенно проходити великое сіе служеніе, дароваль ему разумъ и премудрость, во еже судити людемъ въ правдѣ, показалъ его врагомъ побѣдительна, злодѣетъ страшна, добрымъ милостива и благонадежна, согрѣлъ сердце его къ призрѣнію нищитъ, къ пріятію страннѣмъ, къ заступленію напаствуемѣмъ, чтобы самыя подчиненныя ему правительства управилъ на путь истины и правды, и сохранилъ отъ лицепріятія и лздоинства* (Слова молитвы изъ молебствія). Не участвовать въ сихъ благожеланіяхъ и молитвахъ всѣмъ сердцемъ можетъ развѣ одинъ тотъ, у кого нѣтъ сердца.

Среди сихъ чувствъ благоговѣнія и любви къ Царямъ, небесному и земному, *мысль истиннаго сына отечества не можетъ нынѣ не останавливаться и на судьбѣ отечества*, которая такъ близка къ сердцу каждаго, и такъ много зависитъ отъ преемства вѣнценосцевъ. Что было, и что будетъ съ отечествомъ?—это вопросъ, самъ собою представляющіися уму въ дни, подобные настоящему. Какъ страшенъ нынѣ вопросъ сей для многихъ народовъ! — Многие не могутъ коснуться его и одною мыслию, чтобы не почувствовать и не произнести недоумѣннѣи и опасенш. Иначе и быть не можетъ тамъ, гдѣ вѣру въ Промыслъ Божн о судьбѣ народовъ возмѣнили замѣнить довѣріемъ къ слабой мудрости челоуѣческой. Устрашились произвола челоуѣче-

каго, осѣняемаго и блюдомаго милостію Божіею; и потому безъ милости пожинають ужасные плоды произвола, возметаемаго вихремъ страстей!

Россіянинъ, при твердой вѣрѣ въ Промыслъ Божіи, не знаетъ сихъ шатаній царствъ и народовъ, сихъ недоумѣній и страховъ за будущее. При всей неизвѣстности будущаго, онъ спокоенъ касательно судьбы отечества, ибо увѣренъ, что она всецѣло заключена въ судьбахъ Божіихъ. *Вышній владѣетъ царствою человѣческую, и ему же восхождаетъ, дастъ е* (Дан. 4, 22): вотъ для Россіянина источникъ верховной власти! Кто въ состояніи возмутить его?—*Сердце царево въ руиѣ Божіей: а може аще восхождаетъ уклонитъ е* (Прит. 21, 1): вотъ Россіянину порука за права и благо народовъ! Можетъ ли быть что-либо тверже ея?—Если жизнь земныхъ владыкъ можетъ прерываться наравнѣ съ жизнью послѣдняго изъ подданныхъ: то Самодержецъ небесный не знаетъ смерти, а земные владыки не отходятъ токмо къ Нему, а и приходятъ отъ Него же. Если умъ народоправителей можетъ подлежать ошибкамъ, а сердце — слабостямъ: то умъ небеснаго Міроправителя никогда не заблуждаетъ, — десница Божія, содержащая сердца царей, всегда безстрастна. Власть человѣческая можетъ иногда покушаться идти вопреки намѣреніямъ Промысла; но не можетъ сдѣлать ничего, ему совершенно противнаго. А посему только бы народы дѣлали свое дѣло и заслуживали своими добродѣтелями милость неба: а небесный Самодержецъ не забудетъ людей своихъ, *не воздремлетъ, ниже уснетъ храняи Израиля* (Псал. 120, 4), — воздвигая благихъ и мудрыхъ царей, управляя ихъ намѣреніями и дѣйствіями и предохраняя отъ всякаго зла.

Подобныя мысли касательно міроправленія Божія надъ народами, — а онѣ естественно въ настоящи день рождаются въ умѣ отъ вѣры въ Промыслъ Божіи, — совершенно *успокоиваютъ сердце истиннаго Россіянина касательно дальнѣйшей судьбы его отечества, а вмѣстѣ съ тѣмъ обращаютъ его вниманіе на самого себя, какъ члена общества, отъ правильнаго дѣйствования коего зависитъ, болѣе или менѣе, благоденствіе отечества.*

Въ самомъ дѣлѣ, если Промыслъ Божіи располагаетъ судьбою царей и царствъ; если благоденствіе народовъ зависитъ не иначе отъ того, какъ много они посредствомъ добрыхъ нравовъ содѣлываются достойными милости небесной: то твердое убѣжденіе въ семъ не можетъ въ истинномъ сынѣ отечества не сопровождаться твердою *рѣшимостію жить и дѣйствовать такъ,*

чтобы не привлекать на себя и чрезъ себя на отечество гнѣва небеснаго. Послѣ сего всякіи грѣхъ, самыи тайный и, повидимому, безвредный для общества, должны казаться измѣною противъ отечества не только небеснаго, но и земнаго: ибо всякимъ грѣхомъ удаляется милость Божія отъ земли и привлекается гнѣвъ небесный на грады и веси. Съ другой стороны, если въ лицѣ Монарха сосредоточивается благоденствіе цѣлаго царства; если его дѣйствование для блага народа успѣшно наипаче тогда, когда всѣ подвластные содѣйствуютъ ему, каждый возможнымъ для него образомъ: то увѣренность въ семъ, по необходимости, должна производить въ сердцѣ истиннаго сына отечества рѣшимость — облегчать, сколько возможно, вѣрнымъ исполненіемъ обязанностей своихъ, великое бремя, лежащее на раменахъ царя, жертвуя, въ случаѣ нужды, всѣмъ—самою жизнью для исполненія воли его, тѣмъ паче для защиты лица его. Какое нестерпимое было бы противорѣчіе—вѣровать, что благо отечества зависитъ отъ добродѣтелей отечественныхъ, и жить такъ, какъ бы у насъ не было ничего общаго ни съ отечествомъ, ни съ добродѣтельно!—Какое постыдное разногласіе было бы—разумѣть всю важность лица царево, всю трудность великаго подвига народоправления, и не употреблять всѣхъ силъ своихъ и средствъ на облегченіе сего подвига, къ сохраненію сего лица! Никакая малость служенія общественнаго, никакая простота званія не могутъ служить извиненіемъ въ неисполненіи священной обязанности быть, для блага отечества, вѣрнымъ Царю небесному; ибо громаи гнѣва небеснаго привлекаются не однѣми высотами земными, но и юдолями, коль скоро онѣ наполнены воздухомъ тлетворнымъ; и напротивъ, добродѣтель самаго послѣдняго изъ подданныхъ можетъ иногда служить щитомъ для цѣлаго царства. Подобнымъ образомъ, и любовь къ царю земному приносить обильные плоды не въ однихъ чертогахъ: хижина земледѣльца можетъ сокрывать (какъ и сокрывала иногда) спасителя царя и царства. Посему настоящій день, какъ день особеннаго благоговѣнія къ Промыслу Божию о благѣ отечества, и особенной любви къ богоизбранному Монарху, по тому самому должны быть для всѣхъ сыновъ отечества *днемъ повторенія обѣтовъ вѣрности предъ Царемъ небеснымъ и царемъ земнымъ, днемъ возобновленія святой рѣшимости—жить и дѣйствовать для блага отечества*, то-есть, жить и дѣйствовать свято и добродѣтельно.

Нужно ли новое, высшее побужденіе для сего? Настоящее оржество наше доставляетъ и его, самымъ *преествомъ царствъ*

*временныхъ наполниая объ окончаніи всего временнаго, и о иль-
ющей наступитъ нѣкогда жизни некончаемой, царствіи вѣчноль,
гдѣ уготованы награды для одной чистоты и правды.*

Въ самомъ дѣлѣ, если бы чему на землѣ надлежало быть изъясгымъ изъ-подъ закона брэнности челоуѣческой; то конечно вѣнчаннымъ главамъ народа, выотою своею какъ бы уже касающимся неба и безсмертія. И, однако же, вѣнцы царскіе гораздо долговѣчнѣ главъ, ими украшаемыхъ! Все великое и славное здѣсь—на время. Памятуя сіе, христіанинъ, никогда не останавливай окончательно взоровъ и желаній своихъ на землѣ; служа отечеству временному, не геряй изъ виду пристанища вѣчнаго; пріемля съ благоговѣніемъ знаку благоволенія царя земнаго, старайся прежде всего бытъ въ любви у Владыки небснаго, стремись *къ почести вышняго званія* (Филипп. 3, 14), простирай чаянія къ тѣмъ *престоламъ и вѣнцаль* (Апок. 3, и. 21), кои уготованы уже не для малаго числа избранныхъ, а для всѣхъ любящихъ Господа. Здѣсь для всѣхъ—великихъ и малыхъ—мѣсто труда и заслугъ; а покой тамъ, полная награда—тамъ, жизнь и блаженство—тамъ.

Чувство сіе тѣмъ естественнѣ для насъ нынѣ, что благочестивѣйшій Государь нашъ самъ живо проникнуть онымъ; и безъ сомнѣнія, когда мы отъ его царства мыслию восходимъ къ царствію Божію, онъ самъ въ сердцѣ своемъ совершаегъ теперь духовное восхождение къ престолу Царя царей, и наравнѣ съ народомъ своимъ молить Господа, чтобы Онъ, украсивъ его вѣнцемъ славы земной, сподобилъ и въ вѣчной славѣ Его *со святыли царствовать.*

Таковы чувства, возбуждающіяся въ сердцѣ при настоящемъ торжествѣ нашемъ!

Подъемля при семъ очи горѣ—къ престолу Божію, мы слышимъ отголѣ *урокъ смиренія и благодарности*; смиренія—въ внезапномъ лишеніи насъ прежняго вѣнценосца, благодарности—въ дарованіи намъ вскорѣ новаго, по сердцу своему и нашему.

Обращая взоръ къ священному лицу Помазанника Божія, мы исполняемъ *чувстволь уваженія и любви*; уваженія, яко къ богоизбранному,—любви, яко къ боголюбезному.

Останавливая вниманіе на судьбѣ отечества, при вѣрѣ въ промыслъ Божій, ощущаемъ *твердое успокоеніе касательно будущаго.*

Приникая къ самимъ себѣ, слышимъ внутрь себя *поощреде-*

не сохранять, для блага отечества, вѣрность къ Царю небесному и царю земному, быть дѣятельными членами общества.

Наконецъ, восходя мысля отъ торжествъ царства временнаго къ славѣ блаженства вѣчнаго, убѣждаемся, что *всѣмъ, и царямъ и подданнымъ, должно жить на землѣ для неба.*

Сему поучаетъ насъ настоящее торжество наше!—Аминь.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ВОСХОЖДЕНІЯ НА ПРЕСТОЛЪ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, ИМПЕРАТОРА
И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО *).

Возшелъ еси на высоту, плѣнилъ еси плѣнь, даде даянія въ челоѡцѣхъ, и не покоряющимся, еже вселитися (Псал. 67, 19).

акъ въ одномъ изъ псалмовъ Давидовыхъ пророчески изображено будущее величіе Мессіи, Спасителя челоѡковъ. Онъ представляется восходящимъ на чрезвычайную высоту могущества и славы, но единственно съ тѣмъ, чтобы удобнѣе изливать оттуда милости на всѣхъ стоящихъ долу; изображается плѣняющимъ великій плѣнь, но токмо для того, чтобы всю добычу его обратить въ даянія челоѡкомъ. Къ самымъ противникамъ и врагамъ своимъ является Онъ облеченнымъ болѣе милостію, нежели правдою; и они принуждены измѣрять высоту престола Его наиболѣе по великодушно Сѣдящаго на немъ. *Возшелъ еси на высоту, плѣнилъ еси плѣнь, даде даянія въ челоѡцѣхъ, и не покоряющимся, еже вселитися.*

Для слушателей-христіанъ нѣтъ нужды подробно изъяснять теперь, какимъ образомъ сбывось сіе величественное пророчество Давида надъ великимъ Потомкомъ его по плоти. Многимъ, если не всѣмъ, и безъ напомниманія извѣстно, что изображаемое пророкомъ восхождение Сына челоѡческаго на высоту означаетъ

*.) Произнесенное въ Кіево-софійскомъ соборѣ, ноября 20 дня, 1834 года.

божественное могущество и славу, коими увѣнчанъ Онъ по совершеніи великаго дѣла искупленія рода человѣческаго, — что дивный плѣнь, Имъ плѣненный, есть разрушеніе царства грѣха и смерти, и возвращеніе человѣчеству блаженства, имъ потеряннаго; что, наконецъ, *даянія Его въ человѣцѣхъ* суть дары благодати Его, изливаемые въ такомъ обилии на родъ человѣческій, что самые противники благодатнаго царства Мессіи, то-есть, упорные грѣшники могутъ участвовать въ нихъ, коль скоро обращаются съ раскаяніемъ къ престолу милосердія.

Къ настоящему торжеству нашему было бы ближе — показать, какъ въ зеркалѣ Давидовомъ, отражающемъ Божественное лице Мессіи, само собою отражается и священное лице Богомъ увѣнчаннаго и превознесеннаго Монарха нашего; — отражается потому, что украшено чертами величія и благодати, подобными тѣмъ, коими сияетъ лице Спасителя человѣковъ. И какъ удобно было бы сдѣлать это! Для сего довѣло бы одного простаго и краткаго повѣствованія о дѣяніяхъ царствованія, столь же благотворнаго, какъ и великаго. Но къ христіанскимъ доблестямъ Монарха нашего принадлежитъ и то, что онѣ укрываются отъ многоглаголиваго изъясненія. И кому не извѣстно, что величіе подобно величію Царя царей, никогда не преставало быть благотворнымъ даже для тѣхъ, кои хотѣли бы умалить и затмить оное?

Что же остается намъ изъ словъ Давидовыхъ въ назиданіе, если на основаніи ихъ, не можетъ быть теперь полнаго собесѣдованія ни о величіи Царя небеснаго, ни о доблестяхъ царя земнаго?—Многое и важное.—Что порфиноносный пророкъ вѣщалъ о величіи Мессіи, то самое должно сказать и о величіи всѣхъ истинныхъ помазанниковъ Божіихъ: всѣ они восходятъ на высоту престоловъ, облакаются знаменіями могущества и власти не для себя самихъ, а для временнаго и вѣчнаго блага подвластныхъ имъ. И не противъ сей ли священнѣйшей истины, связующей союзомъ взаимной любви народы и царей, преимущественно устремляются нынѣ шатанія людей буихъ и ненаказанныхъ, слящихся престолы царскіе обратить изъ предмета радостнаго благоговѣнія для народовъ въ предметъ зависти и недоброжелательства? — Посему долгъ любви къ отечеству и благоговѣнія къ предрержащей власти призываетъ насъ нынѣ, сообразно цѣли настоящаго торжества и духу божественнаго изреченія Давидова, показать какъ можно ощутительнѣе, что *величіе престоловъ царскихъ гораздо нужнѣе для блага народовъ, нежели для тѣхъ, кои восходятъ на оныя.*

Чтобы совершенно увѣриться въ семъ, довольно обратить внимание на благотворную цѣль сего величія.

Итакъ, посмотримъ, для чего восходятъ благочестивѣйшіе государи на престолъ.

Первѣе всего для того, дабы съ высоты престола быть видимѣе для всѣхъ требующихъ помощи. Кто не знаетъ, что въ обществахъ человѣческихъ, какъ бы ни были они устроены, всегда есть много людей, требующихъ самодержавной защиты, то отъ насилія, злобы и лукавства, то отъ превратностей жизни и судьбы? И лучшимъ преимуществомъ престоловъ царскихъ всегда было и будетъ то, что они служатъ естественнымъ прибѣжищемъ для всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ. Но что за всеобщее прибѣжище, если оно по высотѣ своей не видимо всѣмъ и каждымъ, и если его надобно съ трудомъ отыскивать среди равныхъ, или подобныхъ ему по высотѣ зданію? Что за всенародная сѣнь, если она не возносится надъ всѣми высотами земли, и не простирается во всѣ концы царства? Такимъ образомъ, самое благо бѣдствующаго человѣчества требуетъ, чтобы престолъ царскій былъ какъ можно возвышеннѣе, дабы никто изъ поверженныхъ долу превратности судьбы или насилемъ, не могъ укрыться отъ благотворнаго призрѣнія сѣдящаго на престолѣ. Въ семъ отношеніи, о царѣ земномъ должно сказать тоже, что Псалмопѣвецъ говоритъ о Царѣ небесномъ: *высокъ надъ всѣми языки Господь; сего ради—на слиренныя призираетъ, воздвизаетъ отъ земли нища, вселяетъ неплодовъ въ доль, и творитъ ее матерью о чадѣхъ веселящуюся* (Псал. 112, 4—9). Послѣ сего умалъте въ мысляхъ высоту престола, и вмѣстѣ съ нею вы необходимо умалите покровъ бѣдствующаго человѣчества.

Для чего благочестивѣйшіе государи восходятъ на престолъ?

Дабы съ высоты престола удобнѣе видѣть всѣ нужды царства, всѣ движенія жизни общественной. И благіе домостроители устрояютъ мѣста, съ коихъ можно было бы обзирать все, происходящее въ ихъ достояніи. Тѣмъ нужнѣе такое мѣсто всеобщаго бюстительства для царства, въ коемъ на всѣхъ концахъ его могутъ внезапно происходить великія перемѣны, требующія всего вниманія и дѣятельности. Посему-то у всѣхъ народовъ есть престолы царей, или что-либо подобное имъ по высотѣ. Чѣмъ выше престолъ, тѣмъ виднѣе все пространство, коего онъ служитъ средоточіемъ; тѣмъ замѣтнѣе всѣ неравности положенія различныхъ сословій, все теченіе событій, всѣ новыя явленія, всѣ отклоненія отъ законовъ и остановки, все правое и неправое,

радостное и печальное. Посему, чѣмъ выше престолъ, тѣмъ скорѣе можетъ быть усмотрѣно и предотвращено зло; тѣмъ вѣрнѣе могутъ быть сдѣланы соображенія. надежнѣе — приняты средства, удобнѣе достигнуты цѣли. Не священна ли послѣ сего высота престола, и не долгъ ли сына отечества почитать ее неприкосновенною? Пусть другіе народы поставляютъ свое величіе въ томъ, чтобы умалять высоту своихъ престоловъ: по малости общественнаго зданія многимъ изъ нихъ и не приличенъ верхъ слишкомъ возвышенный. Но Россія, но любезное отечество — верхъ сего всемірнаго зданія не можетъ не возноситься къ небу... Пусть другіе народы находятъ горькую отраду въ томъ, что преступникъ законовъ можетъ ненаказанно глумиться даже надъ верховнымъ блюстителемъ законовъ, и ставить гордо кушу Корея у самыхъ вратъ Скинии свидѣнія: для россиянина отрада въ томъ, что въ его отечествѣ преступленіе трепещетъ при одномъ имени Монарха, что нарушитель законовъ при мысли о самодержавіи царя земнаго принужденъ говорить себѣ тоже, что и при мысли о величіи Царя небеснаго: *камо пойду отъ Духа твоего, и отъ лица твоего камо бѣжу* (Псал. 138, 7)?

Для чего восходятъ благочестивѣйшіе государи на престолъ?

Дабы съ высоты престола удобнѣе видѣть ходъ всемірныхъ событій, и провидѣть опасности отечества. Среди брани и въ другія смутныя времена нарочно устрояютъ высоты, съ коихъ наблюдаются движенія враговъ и всѣ перемѣны, у нихъ происходящія. Но когда общества безъ опасностей? Если и частнымъ людямъ угрожаютъ многія бѣды (2 Кор. II, 26—28): то царства и народы находятся въ непрестанной, явной или тайной, брани; самый, такъ называемый, вѣчный миръ, большею частію, служитъ для нихъ только перемиріемъ. Посему тѣмъ нужнѣе для царства наблюдательное око, которое слѣдило бы за событіями всего свѣта, видѣло бы все, что происходитъ у другихъ народовъ. Но для таковаго всемірнаго наблюденія потребна высота необыкновенная, которая владычествовала бы надъ всѣми прочими высотами, и не была затемняема ничѣмъ равнымъ и близкимъ къ ней; то-есть, высота престола. Чѣмъ онъ возвышеннѣе, тѣмъ, подобно престолу Божію, можетъ быть многоочитѣе (Апок. 4, 6); тѣмъ страшнѣе для враговъ отечества, и тѣмъ благотворнѣе для всѣхъ сыновъ его, кои подъ сѣнью его спокойно могутъ предаваться занятіямъ и трудамъ, зная, что есть око, которое не воздремлетъ, ниже уснетъ, назирая съ высоты престола все, происходящее внѣ отечества. Не священна ли послѣ сего высота

сія, и не долгъ ли любви къ отечеству—блюсти ея неприкосновенность? Въ семъ отношеніи опять должно сказать о царѣ земномъ тоже, что Псалмопѣвецъ говоритъ о Царѣ небесномъ: *высокъ наоъ всѣмъ языки Господь*; сего ради *высокая издалече вѣсть* (Псал. 137, б). Умалъте въ мысляхъ высоту престола, и вмѣстѣ съ симъ тотчасъ умалится это благотворное *вѣдѣніе*, сократится державный надзоръ надъ иноплеменными народами, глава отечества приблизится не только ко взорамъ, но и къ стрѣламъ вражнимъ, — произойдетъ то, чего наиболѣе желаютъ враги отечества.

Для чего восходятъ благочестивѣйшіе государи на престолъ? Дабы на высотѣ его быть свободнѣе отъ слабостей и недостатковъ общежитія человѣческаго. Бѣдная земля наша такъ исполнена неправдою, что самое вещественное удаление отъ нея есть уже нѣкое средство къ совершенству. На великихъ высотахъ дыханіе становится свободнѣе, самыя мысли и чувства принимаютъ какое-то возвышеннѣйшее направление. Тѣмъ нужнѣе возвышеніе надъ обществомъ человѣческимъ тому, кто хочетъ быть превыше недостатковъ общежитія: ибо, при настоящемъ грѣховномъ состояніи рода человѣческаго, всѣ общественныя отношенія таковы, что удобно могутъ наклонять человѣка къ землѣ, дѣлать рабомъ предубѣжденій, привязанностей, выгодъ, милостей, страстей. Но въ комъ всего менѣе должно быть таковыхъ слабостей, какъ не въ представителѣ и владыкѣ цѣлаго народа? Посему, кто болѣе долженъ быть, такъ сказать, разобщенъ съ падшею и клонящею къ паденію землею, какъ не государь? И для сего-то необходимаго разобщенія служить высота престоловъ царскихъ. Не евященна ли послѣ сего высота сія, и не составляетъ ли необходимости для отечества? Если самъ Царь небесный, по глубокому выраженію Псалмопѣвца, *дивенъ наипаче въ высокихъ* (Псал. 92, 4), — является болѣе сильнымъ и величественнымъ на высотѣ, въ удаленіи отъ взора человѣческаго: то тѣмъ нужнѣе это удаленіе, сія высота для царей земныхъ, кои по чрезвычайности предназначенія своего должны быть во многихъ отношеніяхъ *дивны во очю всѣхъ*, и однако же суть *подобострастные намъ человѣки*.

Для чего восходятъ благочестивѣйшіе государи на престолъ?

Дабы съ высоты его быть ближе къ небу, постояннѣе и безпрепятственнѣе сообщаться духомъ съ Тѣмъ, въ десницѣ коего судьбы народовъ и царей. И язычники знаютъ, что благоденствіе царствъ зависитъ не отъ одного произвола и усилія человѣче-

скихъ; христіанинъ гѣмъ паче вѣрветъ, что *Вышній владѣеть царствомъ человѣческимъ* (Дан. 4, 22), и что народоправители, при всемъ величш ихъ, суть токмо *слуги* (Рим. 13, 4) Самодержца небеснаго. Посему между царемъ земнымъ и небеснымъ должно происходить непрестанное, живое сношеніе для блага народа. Гдѣ же должно быть сему? Ужели среди толпы людей? Среди шума предразсудковъ и страстей? Среди праха и вихрей заботъ житейскихъ? Предъ глазами всѣхъ и каждаго? — Моисей восходитъ на Синай для собесѣдованія съ Богомъ и принятія отъ Него закона (Исх. 19, 20); Илія возводится на Хоривъ для созерцанія славы Божіей (Цар. 19, 11); самъ Сынъ Божіи на безмолвной вершинѣ Оавора слышитъ гласъ, нарицающій Его Сыномъ возлюбленнымъ (Матѳ. 17, 1). Долженъ быть и для народовъ постоянный Синай, на коемъ слышима была бы воля небеснаго Законодателя;—постоянный Оаворъ, гдѣ бы сѣтъ славы Божіей отражался на лицѣ вѣнчанныхъ представителей народа. Этотъ Синай, сей Оаворъ есть—престолъ царскій! — Въ сердцѣ сѣдѣющаго на немъ, по свидѣтельству самаго слова Божія, происходитъ непрестанное (Прит. 21, 1) откровеніе воли Божіей; въ устахъ его слышится, никогда не оскудѣвающее, *пророчество* (Прит. 16, 10). Не священна ли послѣ сего высота престола, и не священный ли долгъ истинныхъ сыновъ отечества блюсти ее во всей неприкосновенности?

Внемлите себѣ, говорилъ нѣкогда Богъ чрезъ Моисея къ народу израильскому при Синаѣ, *внемлите себѣ не восходити на гору, и ничимъже коснутися ея: всякъ прикоснувыйся горѣ, смертію умретъ. Не коснется ей рука: каменьъ бо побѣтсѣ, или стрѣлою устрѣлится, аще скоть, аще чловѣкъ, не будетъ живъ* (Исх. 19, 12 — 13). Тоже должно сказать и о престолахъ царскихъ: не только злонамѣренное покушеніе къ превращенію ихъ,—Синай и Оаворъ немного опасаются сихъ превращеніи, — но и неблагоговѣйное прикосновеніе къ нимъ предерзкимъ образомъ мыслей и словъ, достойны наказанія самаго тяжкаго. Почему? Не только потому, что лице сѣдѣющаго на престолѣ есть самое священное на землѣ и богоподобное; но и потому, что въ престолахъ царскихъ сосредоточены сила и благоденствіе цѣлаго царства; потому что съ высоты ихъ исходитъ для всѣхъ правда и милость, провидятся нужды и опасности отечества: потому что престолъ служитъ царю для поправки слабостей и недостатковъ человѣческихъ, для принятія откровеній и благословеній небесныхъ.

Для насъ, почтеннѣйшіе соотечественники, важныя истины сіи глѣмъ благопріятнѣе, что благословенное отечество наше на самомъ дѣлѣ постоянно видитъ, какъ благочестивѣйшіе государи, подобно великому Царю, провидѣнному Давидомъ, восходятъ на высоту престола отечественнаго, и плѣняютъ различные плѣны не для чего другаго, какъ для блага отечества, — дабы *дать даянія въ человѣцѣхъ*. Что можетъ равняться на землѣ съ высотой самодержавнаго престола россійскаго? Что сравнится и съ тою славою и могуществомъ, коихъ достигъ народъ, покоящійся подъ сѣнію его, Богомъ превознесеннаго престола? Что сравнится съ тѣми попеченіями, кои восшедши нынѣ на престолъ сей прилагаетъ непрестанно о благѣ отечества? Есть ли какой либо великій подвигъ, на который онъ усомнился бы изыти для народа, ему любезнаго? Есть ли опасность, которой онъ не срътилъ, и дерзнемъ сказать, не срътитъ въ лице первый? Не одинъ уже плѣнъ въ его славное царствование; и всѣ они сопровождались *даяніями въ человѣцѣхъ* — даяніями милости для достойныхъ сыновъ отечества, даяніями великодушія для самыхъ враговъ. Вразумленная опытами правды, мудрости и великодушія, изумленная подвигами оезпримѣрнаго самоотверженія царственнаго, сама зависть иноземная скоро престанетъ взирать съ огорченіемъ на высоту престола россійскаго, и признаетъ въ немъ, самимъ Промысломъ воздвигнутый, Араратъ, на вершинѣ коего, среди всемірнаго потопа заблужденіи гражданскихъ, найдетъ себѣ спасеніе все, необходимое для благодѣтельнаго возрожденія міра политическаго.

Господи, *даждь слабому гласу сему гласъ силы* (Псал. 67, 34)! Да уразумѣютъ языцы, яко съ нами Богъ; да престанутъ *помышлять въ сердцахъ своихъ тщетная* (Псал. 2, 1), и *усташи своили глаголатъ гордыню* (Псал. 16, 10): а вѣрные сыны отечества да продолжаютъ въ мирѣ обитать подъ благотворною сѣнію Богомъ превознесеннаго престола, заграждая слухъ отъ всѣхъ обаяннн лжи и лукавства и твердо памятуя, что *величіе престоловъ гораздо нужнѣе для блага народовъ, нежели для тѣхъ, кои восходятъ на оныя*. Аминь.

СЛОВО

ВЪ ДНИ ВОШЕСТВІА НА ПРЕСТОЛѢ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, ИМПЕРАТОРА
И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАГО *).

Побѣждающему дамъ сѣсти со Мною
на престолѣ моемъ, якоже и Азь по-
бѣдихъ и сѣдохъ со Отцемъ моимъ на
престолѣ Его (Апок. 3, 21).

реди торжества о восшествіи на престолѣ *единаго*, ко зре-
мени обѣтованіе о возведеніи на престолѣ *всѣхъ*; а му-
жамъ, прославившимся, или имѣющимъ прославиться по-
бѣдами, къ лицу слово о побѣдѣ. И какой побѣдѣ? Плодомъ
коей не временная какая-либо почестъ, а вѣчная слава на пре-
столѣ: *побѣждающему дамъ сѣсти со Мною на престолѣ!*

Но что это за престолѣ, столь пространный, что можетъ
вмѣстити всѣхъ побѣждающихъ, и вмѣстѣ столь неудобопри-
ступный, что путь къ нему надобно пролагать побѣдою? — Что
это за побѣда, столь важная, что побѣдителя прямо ведетъ на
престолѣ, вмѣстѣ столь возможная, что ея требуютъ отъ вся-
каго? Почему для того, чтобы возсѣсть на престолѣ благодати
и любви, каковъ престолѣ Божіи, нужно сражаться и побѣж-
дать, и притомъ, когда уже низложенъ врагъ и одержана вели-
кая побѣда самимъ Раздаятелемъ престоловъ: *побѣждающему
дамъ сѣсти со Мною на престолѣ моемъ, якоже и Азь по-
бѣдихъ, и сѣдохъ со Отцемъ моимъ на престолѣ Его?*

*) Произнесенное въ Кіево-софійскомъ соборѣ ноября 20-го дня 1833 года.

Святѣй тайнозритель Іоаннъ, предавшій намъ изъ устъ Іисуса Христа величественное обѣтованіе, нами разсматриваемое, не изъясняетъ его нисколько, ибо писалъ объ ономъ первоначально къ Ангелу Лаодикійской Церкви (Апок. 3, 14). Посему намъ самимъ должно искать разрѣшенія своихъ недомѣннѣй; и трудно ли найти, когда все священное писаніе есть не что иное, какъ пространное изъясненіе онаго обѣтованія? Для полнаго уразумѣнія его надлежитъ только совокупить во едино то, что пророки и апостолы говорятъ о семъ въ безчисленныхъ мѣстахъ. Когда же приличнѣе сдѣлать это, какъ не въ настоящій день царственный, который самымъ свойствомъ торжества своего столь сильно напоминаетъ каждому христіанину о престолѣ. ожидающемъ всѣхъ истинныхъ послѣдователей Христовыхъ?

Побѣждающему далъ сѣсти со Мною на престолѣ. Явно, что престолъ сей не есть какой-либо престолъ чувственный; ибо онъ подобенъ тому, на коемъ возсѣдѣтъ самъ Богъ: *якоже и Азъ побѣдихъ, и сѣдохъ со Отцемъ моимъ на престолѣ Его*: а въ безпредѣльнаго Божества не можетъ быть престола чувственного. Итакъ, подъ именемъ божественнаго престола должно разумѣть состояніе владычества, могущества и славы, подобное тому, коимъ наслаждается самъ Богъ: состояніе посему столь величественное и блаженное, что мы въ настоящемъ земномъ заточеніи нашемъ не можемъ и представить его себѣ въ полномъ и точномъ видѣ. Самые пророки и апостолы, когда хотѣтъ изобразить его, употребляютъ для сего сравненія, заимствуя ихъ отъ того, что намъ извѣстно наилучшаго, какъ-то: отъ царскаго величія и славы (Апок. 3, п. 21), отъ свѣта солнечнаго (Матѣ. 13, 43), отъ потеряннаго блаженства райскаго (Апок. 2, 7), отъ совершенствъ міра ангельскаго (Матѣ. 22, 30). Притомъ, употребляя различныя сравненія для изображенія будущаго блаженства праведныхъ, священныя писатели рѣшительно объявляютъ, что самый предметъ выше сихъ изображеній, что праведнымъ, или по выраженію нашего текста, побѣдителямъ вготовано то, чего *око не видало, ухо не слышало, что на самое сердце никогда не восходило* (1 Кор. 2, 9), и чего потому не возможно изобразить никакимъ языкомъ человѣческимъ (2 Кор. 12, 4). И сіе-то несравнимое, невообразимое, неизлагоданное, божественное состояніе обѣщается каждому побѣждающему, — столько же самому послѣднему изъ рабовъ, какъ и самому первому изъ царей!

Будемъ ли искать основанія сей чрезвычайной милости Бо-

жіей къ роду человѣческому? Явно, что его въ насъ нѣтъ и быть не можетъ. Чѣмъ могли мы заслужить любовь Творца прежде, нежели получили бытіе? — И по пріятію бытія, что мы сдѣлали такого, за что бы надлежало возвести всѣхъ насъ на престолъ славы? Всѣ наши заслуги едва ли не состоятъ въ томъ, что мы, еще въ лицѣ праотца нашего, не сохранили своего мѣста, вышли изъ своего чина, вступили въ союзъ со врагомъ Божиимъ. Ибо должно сказать къ уничиженію нашей гордости и то, что престолъ, подобный тому, который теперь обьщается, уже принадлежалъ человѣку въ самомъ началѣ его бытія. Чего не было покорено тогда подъ нозѣ его?—Но, нареченный владыка земли восхотѣлъ завладѣть и небомъ; образъ Божій возмнилъ содѣлаться подлинникомъ, и—все превратилось: съ главы, неосторожно преклонившейся для выслушанія змѣишаго совѣта, ниспалъ вѣнецъ; изъ рукъ, простертыхъ къ запрещенному плоду, выпалъ скипетръ; тѣло, дотолѣ облеченное порфирію невинности, обнажилось и потребовало смоковничнаго прикрытія (Быт. . 7); самъ царь въ омраченіи ума и чувствъ, упалъ съ престола. Бездна паденія человѣческаго была такъ велика, и покрыта такою мглою, что падшій праотецъ думалъ укрыться отъ Всевидящаго, и, чтобы извлечь его изъ сего омраченія, нужно было вопрошать: *Адаме, гдѣ еси* (Быт. 3, 9)?

Но эта ужасная бездна паденія призвала новую бездну снисхожденія Божія. Любовь Творца не могла оставить свой земной образъ, забыть лучшее произведеніе рукъ своихъ; нѣтъ, она умыслила произвести надъ человѣкомъ *новое*, высшее *твореніе* (Еф. 2, 10), даровать ему такія силы, чтобы онъ на самомъ дѣлѣ содѣлался *причастникомъ естества Божественнаго* (2 Пет. 1, 4). И вотъ, доколѣ человѣкъ разными, естественными и благодатными, средствами приводится въ чувство отъ своего паденія, врачуется видимо и невидимо отъ разслабленія духовнаго, приучается, подобно младенцу, къ надлежащему образу движенію и дѣйствованію, и такимъ образомъ содѣлывается способнымъ быть паки посаженнымъ на престолъ; — любовь Божія между тѣмъ изъ развалинъ первобытнаго владычества человѣческаго, при помощи своего всемогущества и премудрости, устрояетъ новое царство для своего любимца, — воздвигаетъ престолъ величественнѣе прежняго: *пообѣждающему даль сѣсти на престолъ!* — И чтобы паки возводимый на престолъ царь, возсѣдая одинъ, паки не склонился къ запрещенному плоду (Быт. 3, 22) и не упалъ въ бездну зла, онъ будетъ посаженъ уже не одинъ, а

вмѣстѣ съ его Возстановителемъ: *побѣждающе.ну* *далъ състи со Мною.*

Много стоило даже для всемогущества Божія произвѣсти возстановленіе падшаго царя земли такъ, чтобы самое паденіе его обратилось въ случай къ большому возвышенію. Для сего надлежало самому Сыну Божію сойти на землю и увѣнчаться вѣнцемъ терновымъ; но все сіе сдѣлано. *Тако возлюби Богъ мръ, яко и Сына своего единороднаго далъ есть; да всякъ, вѣрующій въ Онъ, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 16). И сей Сынъ любви, совершивъ великое дѣло примиренія неба съ землею, возвративъ потерянное человѣкомъ царство, завѣщавъ оное всецѣло земнымъ брѣгямъ своимъ. *Якоже завѣща Мнѣ Отець мой,* говорилъ Онъ, разлучаясь съ учениками, представлявшими въ себѣ весь родъ человѣческій, *и Азъ завѣщаваю вамъ царство* (Лук. 22, 29). Много и еще требуется для того, чтобы исполнилось во всей силѣ это царственное завѣщаніе: для сего надобно претворить небо и землю, устроить новый міръ, извести всю тварь, воздыхающую подъ игомъ человѣческой суеты, *отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Рим. 8, 21): но и это все будетъ произведено. Какъ *первый мръ, водюю потопленъ бывъ, погибъ:* такъ *пынѣшнія небеса и земля,* по свидѣтельству Духа Божія, *тѣмъ же словомъ сокровена суть, огню олюдома, на день суда* (2 Петр. 3, 6, 7). И когда наступитъ сей грозный день: *то небеса съ шумомъ мимо пойдуть, стихіи же сжигаемы разорятся, земля и яже на ней дѣла, сгорятъ* (2 Петр. 3, 10); и тогда явится новое небо и новая земля, чтобы служить мѣстомъ новаго владычества для искупленнаго и обновленнаго рода человѣческаго. Безъ сомнѣнія, любовь Божія ускорила бы столь вождѣльнымъ не только для насъ, но и для ней самой возстановленіемъ и возведеніемъ на престолъ славы падшаго человѣчества, если бы благо послѣдняго, то-есть, благо каждаго изъ насъ, не требовало медленія и отсрочки (2 Петр. 3, 9). По свидѣтельству Тайнозрителя, не только *невѣста-Церковь,* уготовляемая къ вѣнцу и престолу, но и *Духъ* божественной премудрости, уготовляющій ее къ сему величію, глаголетъ небесному Жениху: *прииди* (Апок. 22, 17)! А посему, если Онъ медлитъ приходомъ, то для того, чтобы, пришедъ прежде времени, не найтись принужденнымъ *потребить всю, растлѣнную грѣхами, землю въ конецъ* (Мал. 4, 6).

Впрочемъ, и теперь, когда слава будущаго царя земли должна заключаться болѣе внутрь его, а совнѣ онъ нерѣдко покрывъ

рубищами и носить узы,—и теперь, на сей землѣ изгнанія, въ семъ состояніи отчужденія отъ престола, какъ много царственнаго обнаруживается въ тѣхъ, кои, внявъ непреложнымъ обѣгованіямъ вѣры, проводятъ всю земную жизнь свою въ приуготовленіи себя къ восшествію на престолъ славы вѣчной! Силою благодати вознесшись надъ слабостями и недостатками собственной природы, они являются потомъ вознесенными и надъ недостатками природы видимой, которая, по царственному гласу ихъ, нѣрѣдко съ радостію свергаетъ съ себя узы, такъ называемой, естественной необходимости. Самая смерть, низлагающая всякое величіе человѣческое, токмо обнаруживаетъ во всей силѣ величіе таковыхъ избранныхъ Божиихъ, показуя, что въ нихъ есть нѣчто оолѣе, нежели въ цѣломъ мірѣ (1 Иоан. 4, 4). «Вотъ цари,» изрекъ благословенный Александръ, выходя изъ нѣдръ земли, хранящей въ семъ святомъ градѣ нетлѣнный тѣлесъ угодниковъ Божиихъ. И безъ сомнѣнія, ни одинъ царь не усомнится повторить признаніе величайшаго изъ вѣнценосцевъ.—

Такое свойство, происхождение и судьба престола, обѣщываемаго въ награду побѣждающимъ! Это престолъ славы и могущества божественнаго, принадлежавшій нѣкогда человѣку невинному, а теперь возвращаемый человѣку оправдываемому, и потому равно принадлежащій всѣмъ достойнымъ. А изъ сего само собою открывается и то, почему для вступленія на сей престолъ необходима побѣда. На первый престолъ вѣдмскіи чловѣкъ возведенъ былъ безъ всякой предшествующей заслуги, единственно подѣ обѣтомъ будущей вѣрности: ибо въ немъ еще ничего не было, кромѣ образа Божія, для коего престолъ есть единственное приличное мѣсто. На второй, будущій, престолъ сїонскіи, не возможно взойти безъ предварительнаго приуготовленія, не измѣнивъ въ себѣ многое, и не сложивъ съ себя многого. Въ самомъ дѣлѣ, какъ посадить на престолъ славы того, кто покрытъ рубищемъ чувственности, или язвами грѣховъ, или находится въ узахъ страстей? Какъ посадить на престолъ божественномъ чловѣка, который находится въ союзѣ съ врагомъ Божиимъ, имъ ветвою, противную закону Божию, стремится самъ быть богомъ? Надобно прежде уврачевать стопы, чтобы они могли взойти на высоту престола; надобно прежде исцѣпить голову, чтобы она могла держать вѣнецъ; утвердить десницу, чтобы она въ состояніи была вращать скипетромъ: надобно произвести внутреннее воцареніе чловѣка надъ самимъ собою,—ума надъ волею, совѣсти надъ пожеланіями, чтобы потомъ съ пользою и удобно-

стю произошло воцарение внѣшнее, вознесение человѣка надъ всѣми нуждами и покорение подъ власть его всѣхъ тварей.

Но можетъ ли все сіе совершиться въ мирѣ? Уступить ли зло, гнѣздящееся въ нашемъ сердцѣ отъ юности, побѣду надъ собою безъ сраженія? Отдадутся ли въ плѣнъ ума страсти, по одному требованію долга? Не возопіетъ ли, не вооружится ли растлѣнная природа противъ сего благотворнаго и необходимаго, но крайне болѣзненнаго для нея претворенія? Сражавшіеся сами съ собою знаютъ, что въ семъ случаѣ бываетъ въ сердцѣ, —какая возстанетъ брань, какія неприступныя являются твердыни, какія происходятъ измѣны и нападенія! И вотъ почему отъ будущаго наследника престола славы требуется мужество и побѣда надъ врагами: *побѣждающему дать сѣсти со Мною на престолѣ!*

Кто сіи враги? Тѣ самые, кои, побѣдивъ человѣка въ Эдемѣ, низринули его съ престола невинности, и теперь не допускаютъ взойти на престолъ оправданія. Это оное *лукавое око*, которое вопреки увѣренію самого Бога, всегда готово видѣть, даже и въ плодахъ древа смерти, нѣчто угоднѣе плодовъ древа жизни, и потому должно быть *избодено* (Матѹ. 18, 9). Это та слабая на добро, но крѣпкая на зло, рука, которая, вопреки явной заповѣди Божіей, всегда готова простираться къ плоду запрещенному, и потому должна быть *отсѣчена* (тамъ же 18, 8). Это оное *каменное* для любви къ Богу и ближнему сердце, изъ котораго однакоже истекаютъ непрестанно цѣлые потоки злыхъ мыслей и чувствованіи, и которое потому должно быть премѣнено на *сердце новое* (Езек. 36, 26). Это блага міра, кои, какъ проводники, должныствовали бы вести человѣка къ верховному благу—Богу; но вмѣсто сего совращаютъ всецѣло къ самимъ себѣ и держатъ въ плѣну, и потому должны быть обходимы, отвергаемы, попираемы (1 Іоан. 2, 15). Это, наконецъ, тотъ древній змій (Быт. 3, 1—5), который, самъ потерявъ небо, льстивымъ обаяніемъ своимъ умѣлъ заставитьъ человѣка потерять землю, и доселѣ не престаётъ употреблять всѣ средства, чтобъ падшій царь земли не могъ придти въ чувство отъ своего паденія, и не возшелъ на ту высоту, съ коею ниспалъ онъ. Съ сими-то врагами долженъ сразиться будущій наследникъ престола небеснаго. Безъ побѣды надъ ними, безъ низложенія зла, свирѣпствующаго въ душѣ и тѣлѣ, безъ воцаренія ума надъ пожеланіями и страстями, безъ очищенія себя отъ всякія скверны плоти и духа, —если бы человѣкъ и былъ возведенъ любовію Божіею на престолъ славы: то сіе величіе не послужило бы къ истинному его блаженству; ибо, нося зло въ

сердцѣ, онъ не замедлилъ бы пасть глубже прежняго, въ неисходимую уже бездну золь.

Но для чего же нужна была побѣда нашего Спасителя надъ врагами нашими, если каждому изъ насъ должно сражаться съ ними и побѣждать ихъ? Для того, дабы обезсилить сихъ враговъ и побѣдить въ нихъ то, что для насъ есть совершенно непобѣдимаго; для того, чтобы открыть для насъ поприще борьбы съ ними (ибо мы сами по себѣ не имѣли и сего), доставить намъ оружіе благодати, подать примѣръ мужества и воодушевить насъ надеждою вѣрной побѣды. Каждый долженъ дѣлать свое дѣло. Всемогущій Искупитель нашъ побѣдилъ смерть; мы не должны по крайней мѣрѣ паки вкушать отъ плодовъ дерева смерти. Онъ разрушилъ адъ: мы не должны стремиться въ него худыми мыслями и дѣяніями. Онъ изгналъ и связалъ духовъ злобы поднебесной: мы не должны снимать съ нихъ узъ и давать имъ убѣжища въ своемъ сердцѣ. Онъ содѣлался для насъ путемъ, истиною и животомъ: мы должны шествовать симъ путемъ, просвѣщаться сею истиною, вдыхать сію жизнь. Какъ бы ни была обильна трапеза, голодный не будетъ насыщенъ, если только будетъ взирать на яства; какъ бы ни было великолѣпно одѣяніе, нагой не защитится отъ холода, если не облечется на самомъ дѣлѣ въ одежду; какъ бы ни было сильно врачество, больной останется въ недугѣ, если не приметъ его и не употребитъ, какъ должно. Такъ и блага, приобретенныя Іисусомъ Христомъ, не могутъ быть для насъ благотворны, если мы не усвоимъ ихъ себѣ вѣрою и любовію; не будемъ, какъ можно чаще, вкушать отъ трапезы слова Божія, не облечемся въ одежду заслугъ Христовыхъ, не примемъ врачевства благодати, не будемъ ходить достойно высокаго званія христіанина и сражаться съ плотію и кровію. Продолжая добровольно оставаться на сторонѣ враговъ нашего Спасителя и нашихъ въ сей жизни, на полѣ сраженія, мы по необходимости, противъ воли, должны будемъ остаться вмѣстѣ съ ними и тамъ, на полѣ побѣды, и терпѣть все то, на что будутъ осуждены они: потому что сами лучше возжелали быть въ числѣ побѣжденныхъ, нежели побѣдителей.

Истины важныя, единственно важныя для всякаго; но какъ мало и какъ немногихъ занимаютъ онѣ!—Что, если бы кому-либо, рожденному въ низкомъ и бѣдномъ состояніи, сказано было съ увѣренностію: «ты царскаго рода, тебя непременно ожидаетъ въ свое время престолъ; только будь таковъ и таковъ, не дѣлай сего и сего»? Какъ бы часто таковой думалъ о своемъ великомъ

предназначеніи! Какъ постоянно слѣдовалъ бы совѣту! Съ какимъ усердіемъ приготавлился бы къ будущему званію! Чего не перенесъ бы для сего! Среди всѣхъ переменъ и приключеніи у него всегда было бы одно въ умѣ и сердцѣ—будущій престолъ. Но вотъ, намъ, всѣмъ отъ юности возвѣщено—и къмъ? самимъ Господомъ неба и земли,—что мы царскаго и божественнаго рода: что всѣ мы посажены были въ лицѣ праотца нашего на престолѣ, и теперь снова назначены быть *царями и іереями Богу* (Апок. 5, 10); что для открытія сего царства во всей силѣ приготавливается цѣлое небо и земля, что оно будетъ славно, безконечно, божественно. Мы вѣруемъ сему; и что же производитъ въ насъ сія вѣра? Памятуется ли первобытное происхождение и будущее предназначение хотя столько, сколько помнятъ отличія и права предковъ? Думаютъ ли о облеченіи себя въ *бѣлыя ризы* (Апок. 7, 14) побѣдителей хотя столько, сколько заботятся о новой одеждѣ къ какому-либо торжеству? Дѣлается ли для достиженія престола вѣчной славы по крайней мѣрѣ то, что дѣлаютъ для получения какого-либо вѣнца побѣднаго на землѣ? Сравненія малыя и слабыя; но какъ неудобоприкладны и они ко многимъ и многимъ! Что же значить сіе? Уже не преизбытокъ ли обѣтованной славы, Господи, производитъ въ насъ сомнѣніе и дѣлаетъ насъ хладными къ будущему нашему величію? Воистину, обѣтованія твои безконечно превосходятъ всѣ наши способности и заслуги; но не превосходятъ твоей любви и твоего могущества: — Ты рекъ—и воззвавъ отъ небытія весь міръ; речешь паки — и явятся новое небо и новая земля для новаго царства избранныхъ твоихъ на земли. Или, можетъ быть, отдаленность и незримость будущихъ престоловъ и вѣнцевъ дѣлаетъ ихъ непривлекательными для тѣхъ, кои должны сражаться за нихъ? Но и то, что видимъ въ избранныхъ твоихъ, Господи, здѣсь не достаточно ли ручается за то, что ожидаетъ ихъ тамъ? Если здѣсь величайшіе изъ вѣнценосцевъ поставляютъ себѣ за честь преклонять главу свою предъ святыми останками тѣхъ, коихъ имена едва знаемы были въ числѣ послѣднихъ подданныхъ, и нарицаютъ ихъ царями, высшими всѣхъ царей земныхъ: то что будетъ, когда всѣ царства земныя прейдутъ, и останется единое царство Бога и святыхъ Его? А прейдутъ!—За днями скорби, тѣсноты, подвига и борьбы, настанетъ наконецъ великій день торжества; день возшествія на престолъ всѣхъ побѣдителей по чину Іисусову. Какъ радостенъ будетъ день сей для достойныхъ! Какъ ужасенъ для недостойныхъ! Тайнозритель видѣлъ уже, какъ въ сей день и *вельможи*

и богатіи, и тысящницы и сильни, и всякъ рабъ, и всякъ свободъ скрѣшиася въ пещерахъ и камени горстѣмъ, и глаголаша горахъ и каменю: падите на ны и покрѣйте ны отъ лица Сѣдѣющаго на престолѣ, и отъ гнѣва Агнца (Апок. 6, 15).

Но для чего поставлять себя въ ужасную необходимость бѣжать отъ гнѣва Агнца? Лучше, пока есть время, обратиться къ кротости и незлобію сего Агнца, который для того и закланъ, чтобы кровию Его можно было очищать и *убѣлять ризы свои* (Апок. 7, 14) всѣмъ приготавливающимся къ торжеству сіонскому! Для чего подвергать себя добровольно опасности скрываться въ горахъ и пропастьяхъ отъ лица Сѣдѣющаго на престолѣ? Лучше благовременно обратиться съ покаяніемъ къ сему лицу, укрыться подъ сѣнью креста Христова и начать, при помощи благодати, брань со врагами спасенія, дабы, по одержаніи побѣды, самимъ взойти на престолъ, оживающуи всѣхъ побѣдителей. Покаяніе и вѣра самому послѣднему изъ грѣшниковъ скоро возвращаютъ всѣ права на царство вѣчной славы. *Илѣяи ухо да слышитъ, что Духъ глаголетъ Церквалъ* (Апок. 3, 22)! Аминь.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ РОШЧЕСТВІА И ПРОВОДѢ

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА *).

Господь воцарися, да радуется земля.
(Псал. 91, 1.)

Господь воцарися, да гнѣваются люди.
(Псал. 98, 1.)

Земля радуется, а люди гнѣваются; гнѣваются по тому же самому, по чему земля радуется: *яко Господь воцарися!*
О, люди, люди!

Такъ было во время св. Давида: не то же ли самое и нынѣ? Господь видимо хочетъ воцариться надъ востокомъ, омраченнымъ прелестію магометовою, и вся земля тамъ, безъ сомнѣнія, возрадовалась бы о семъ радостію великою: но люди прогнѣвались, прогнѣвались до того, что въ безуміи своемъ дерзнули стать противъ путей и намѣренію Божиихъ. Ибо, что значить въ существѣ дѣла нынѣшняя война, какъ не безумное покушение запада противъ путей промысла Божія? Господь исполнилъ намѣреніе свое наказать востокъ за его неправды посредствомъ желѣзнаго жезла завоевателей мусульманскихъ: этотъ жезлъ уже видимо преломляется отъ самаго употребленія своего, и въ свою чреду, по суду Промысла, долженъ быть преломленъ и повергнутъ на землю: а омраченные гордостью и своекорыстіемъ, сыны Албіона и Галліи возмнили, что они могутъ поднять сей жезлъ отъ земли и укрѣ-

*) Печат. съ рук.

пить его снова на поражение несчастныхъ собратіи своихъ повѣрѣ. О, люди, люди!

Знаете ли, что ожидаетъ подобныхъ противниковъ воли Божіей? Это скажетъ намъ тотъ же св. Давидъ. «Вскую, говоритъ онъ, шаташася языцы и людие поучишася тщетнымъ? Предсташа царіе земли, и князи собрашася вкупѣ на Господа и на Христа Его. Живый на небесѣхъ постѣется имъ, и Господь поругается имъ. Тогда возглаголетъ къ нимъ гнѣвомъ своимъ и яростію своею слятетъ я. Упасеши я жезломъ желѣзнымъ, яко сосуды скудельничи сокрушиши я. И нынѣ, заключаетъ св. Давидъ, и нынѣ царіе разумѣйте, накажитесь вси судящии земли, да не когда погибнете отъ пути Праведнаго, егда возгорится вскорѣ ярость Его (Псал. 2, 1. 4, 5. 10—12).

Если бы вняли сему предостереженію царя—пророка тѣ царіе и царицы, кои собрались нынѣ съ воями своими противъ Господа и Христа Его! Само милосердіе Божіе видимо удерживало ихъ отъ злочестиваго предприятия, пославъ на воинство ихъ предъ началомъ самой брани лютую язву: они не вняли грозному гласу Божію, и еще можно сказать, бичуемые бичемъ небеснымъ, устремились противу святаго дѣла, нами защищаемаго. Послѣ такого упорства и нераскаянности, остается съ благоговѣніемъ ожидать, какъ исполнится надъ ними угроза Давидова, или паче Божія.

Примѣтите, братіе, особенность сей угрозы. Прежде, нежели противники воли Божіей сокрушаются жезломъ желѣзнымъ, яко сосуды скудельничи, *живый на небесѣхъ постѣется имъ, и Господь поругается имъ*. Не сказано: накажетъ, поразитъ и тому подобное, а *постѣется, поругается*. Это значить, что съ неба на подобныя покушенія враговъ нашихъ смотрятъ такъ же, какъ мы смотримъ на малыхъ дѣтей, кои идутъ противу насъ, поднимаютъ на насъ слабую трость, или что либо другое, что едва держатъ сами въ слабыхъ рукахъ. Мы смѣемся надъ такимъ дѣтскимъ мужествомъ и храбростію, и еще иногда помогаемъ имъ одержать надъ нами нѣкоторый успѣхъ, дабы болѣе доставить себѣ удовольствія: ибо потомъ при одномъ грозномъ взглядѣ нашемъ, тѣмъ паче при наложеніи руки на голову, вся дѣтская война обращается въ ничто и оканчивается смѣхомъ, если не слезами самихъ противниковъ. Такъ же, по выраженію св. Давида, поступаетъ Царь небесный съ земными возмутителями противниками своей воли. *Живый на небесѣхъ постѣется имъ, и Господь поругается имъ*.

Мы видѣли уже, братіе мои, начало этого посмѣянія свыше надъ противниками нашими; и еще увидимъ не разъ, какъ они будутъ поруганы свыше же, кромѣ меча нашего, доколѣ не будутъ сокрушены въ конецъ, яко сосуды скудельничи. О, всѣ замыслы, всѣ усилія человѣческія прейдутъ, обратятся въ ничто, яко же не сущая, а грозное слово Всевышняго, изреченное пророкомъ Его,—не пройдетъ, не пройдетъ!

Что привело насъ къ симъ размышлениямъ?—День настоящій. Нынѣ Благочестивѣйшій Государь нашъ возшелъ за двадцать девять лѣтъ предъ симъ на престолъ всероссійскій, и вмѣстѣ съ тѣмъ, яко первородный сынъ св. Церкви, принялъ на себя обязанность быть хранителемъ и защитникомъ св. вѣры и православія. Видите, какъ вѣрно исполняетъ онъ эту святую обязанность! — Исполняетъ вопреки всѣхъ враждебныхъ усилій запада.

Мы на землѣ дѣлаемъ и будемъ дѣлать свое дѣло—стоять за крестъ Христовъ. Господь ли не сдѣлаетъ тамъ—своего? *Живыи на небесѣхъ посмѣется иль, и Господь поругается иль!* Аминь.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СВАЩОПНАГО ВЪНЧАНІА ПИ ДАРСТВО

БЛАГОЧЕСТИВЪЙШАГО ГОСУДАРЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, ИМПЕРАТОРА
И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО *).

Рече Господь Господеву моему: сѣди одесную Мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ. Жезлъ силы послеть ти Господь отъ Сіона: и господствуй посредѣ враговъ твоихъ.— Господь одесную тебе сокрушилъ есть въ день гнѣва своего цари: судить во языцѣхъ, исполнить паденія, сокрушить главы на земли многихъ. Отъ потока на пути петь: сего ради вознесеть главу (Псал. 109).

Вакъ въ книгѣ псалмовъ Давидовыхъ описывается великое предназначение великаго царя: Иегова благоволитъ о немъ и хранить его, яко зеницу ока; но въ тоже время попускаетъ быть предметомъ вражды и неправды человѣческихъ, терпѣть нападенія и клевету. Онъ исполненъ благодати и истины, достоинъ всѣхъ благословеніи земли и неба; между тѣмъ толпы неистовыхъ мятутся, чтобы поколебать престолъ его. При всей любви къ миру, для него необходимо вести брани, и производить судъ надъ народами; при всемъ состраданіи къ бѣдствіямъ человѣчества, онъ долженъ сокрушить главы многихъ. Кратко, сему царю-подвижнику суждено свыше идти и вести народъ свой къ

*) Произнесенное въ Кіево-печерской лаврѣ, августа 22 1831 года.

славѣ и благоденствію путемъ искушени и терпѣнія: *отъ потока на пути тѣтъ, сего ради вознесетъ главу.*

Нѣтъ нужды изслѣдовать, кто сей царь, изображаемый псалмопѣвцемъ, и съ кого сняты черты столь дивныя. По откровенію самаго неба мы знаемъ, что въ нихъ изображено достопоклоняемое лице Мессіи, божественнаго первообраза всѣхъ царей и владыкъ земныхъ, и вмѣстѣ высочайшаго образца всѣхъ подвижниковъ истины и добродѣтели. Но потому самому сіе пророчественное изображение можетъ быть прилагаемо и къ судьбѣ каждаго изъ тѣхъ (немногихъ) вѣнценосцевъ, коимъ суждено свыше побѣждать благимъ злое, сочетать величіе съ терпѣніемъ и кротостію.—Таковъ былъ Давидъ, мужъ по сердцу Божию, вѣрный оправданіямъ Іеговы, и однако же проходившій съ народомъ своимъ рядъ искушени столь тяжкихъ, что молитвенными воплями его наполнена большая часть псалмовъ. Таковы были Іосафатъ, Езекиа, Іосія и прочіе образцы царственной славы, стяжаваемой терпѣніемъ и подвигами.

Усомнимся ли къ симъ благолѣпнымъ именамъ присоединить еще одно побѣдоносное имя, близкое теперь къ устамъ и сердцу каждаго сына отечества? Дерзнемъ ли не примѣтить священныхъ терновъ, коими рука Промысла украшаетъ вѣнецъ и нашего возлюбленнаго Монарха?—Ахъ, кто не знаетъ, что любезное отечество наше вдругъ поражено тѣми бѣдствіями, изъ коихъ Давидъ нѣкогда страшился избрать (2 Цар. 24, 14)? Для чьей же главы ощутительнѣе тяжесть испытующей десницы Божіей, какъ не для главы народа? Въ чьемъ же сердцѣ сильнѣе отзываются удары судьбы, какъ не въ сердцѣ отца отечества? Царственные уста не разъ отверзались уже на смиренное исповѣданіе неисповѣдимыхъ путей Божиихъ; самодержавная рука не разъ, вмѣсто повелѣнш, писала молитву сокрушенія и преданности: самъ Давидъ не отвергъ бы выраженію сей скорби, и не усомнился оы признать, что его изображение царя-подвижника въ лицѣ нашего Монарха еще разъ нашло свое осуществленіе.

Благоговѣя предъ сими знаками самодержавнаго смиренія, нашъ долгъ однако же повѣдать, что и свѣтлая сторона богоначертаннаго изображенія Давидова весьма ясно и вѣрно отражается въ судьбѣ нашего Помазанника; наше дѣло возвѣститъ въ слухъ сѣхъ, что тяжкія искушенія, коими промыслу Вышняго угодно было посѣтитъ наше отечество, служатъ къ тому, чтобы предъ всѣмъ свѣтомъ открылись высокія качества души царевой,—что всѣ враги его и царства видимо облекаются студомъ, и, одинъ за

другимъ, полагаются въ подножіе ногъ, что приближается время окончательнаго торжества добра надъ зломъ, вѣрности долгу и порядку надъ буйствомъ и ненаказанностію.

Такъ вождельнное время сіе приближается!—Ангель смерти, преслѣдуемый смиреніемъ царя и молитвами народа, видимо спѣшитъ изъ предѣловъ нашего отечества; земля, ожестѣвшая было подъ стопами уstraшенныхъ дѣлателей, паки разверзла нѣдра свои и въ большомъ обиліи износитъ жизнь и веселіе; чудовище мятежа уже поражено во главу, и тѣ, кои мнили шумомъ оружія заглушить вопль правды, сами начинаютъ внимать голосу долга; сама столица вѣроломства трепещетъ уже въ стѣнахъ своихъ,—если только онѣ еще дерзаютъ стоять предъ лицемъ воинства російскаго.

Увидимъ и послѣдній конецъ бѣдствіямъ! За рядомъ побѣдъ наступитъ торжество великодушія и милости. Та же десница, которая теперь караетъ непокорность и буйство, еще охотнѣе прострется на уврачеваніе язвъ и осушеніе слезъ. Тѣ же люди, кои доселѣ въ омраченіи ума не видѣли другаго исхода изъ безднъ мятежа кромѣ побѣды или смерти, найдутъ благотворную средину на лонѣ единоплеменнаго незлобія и кротости; — и братія, на время разлученныя чуждымъ для нихъ духомъ крамолы, тѣмъ тѣснѣе соединятся навсегда подъ самодержавнымъ скипетромъ одного общаго отца.

И что могло бы расторгнуть столь ужаснымъ образомъ священный союзъ двухъ народовъ, кои, по намѣренію самаго Промысла, навсегда сопряжены единствомъ происхожденія, сродствомъ языка, совмѣстностію всѣхъ выгодъ мѣстоположенія, давностію сношеній и недавнимъ обѣтомъ клятвы? О, подлинно, если *что было добро, или что красно*, то сей братіи *жити вкупѣ* (Псал. 132, 1)! Только тлетворный духъ лжи, *лстыщій* нынѣ едва *не всю вселенную* (Апок. 12, 9), могъ обаяніями своими заглушить гласъ правды и благоразумія. Но что принесетъ съ собою сей эдемскій искушитель? При одномъ появленіи его тишина и безопасность исчезли, общественная дѣятельность прекратилась, порядокъ уступилъ мѣсто насиліямъ, семейственныя и гражданскія добродѣтели замѣнились безумными порывами отчаяшя. Что послѣдовало за принятіемъ змѣснаго совѣта? Ниспроверженіе того, въ чемъ находили свое благоденствіе грады и веси; опустошеніе того, что созидалось и украшалось вѣками; страхъ однихъ, стыдъ и раскаяніе другихъ, бѣдствія и слезы всѣхъ: *и отверзошася очи, и разулѣша, яко нази бѣша, и услышаста гласъ Бога ходящаго въ раи, и скрystalся* (Быт. 3, 7, 8):

вотъ неизбѣжный конецъ всѣхъ безумныхъ возстаній противъ царя небснаго и царей земныхъ!

Первымъ поводомъ къ искушенію въ такомъ случаѣ обыкновенно бываетъ мечта лучшаго: *будете яко бози* (тамъ же—5). И дѣйствительно, нѣтъ ничего похвальнѣе, какъ желать усовершенствованія себѣ и другимъ; и нельзя отрицать, что на бѣдной землѣ, обитаемой родомъ человѣческимъ, не мало такого, что можетъ быть лучше. Слово Божіе прямо говоритъ, что мы всѣ въ состояніи изгнанія эдемскаго; а такое состояніе когда бываетъ совершеннымъ? Но кто поручится, что все, кажущееся намъ въ общественной жизни недостаткомъ, дѣйствительно таково?—Тѣмъ паче, что средства, придуманныя нами для исправленія порядка гражданскаго, непременно приведутъ къ цѣли и отвратятъ всѣ недостатки? Какъ трудно бываетъ иногда судить правильно о томъ, вѣ что истинно полезно или вредно и для одного человѣка,—даже для насъ самихъ! Тѣмъ труднѣе постигнуть, отъ чего ближайшимъ образомъ зависить благоденствіе цѣлаго народа. Для сего нужно знать его во всемъ составѣ и частяхъ, видѣть его способности и недостатки, нужды и желанія,—обнять соображеніемъ состояніе его прошедшее, настоящее и будущее; различить въ его судьбѣ съ точностію возможное отъ дѣйствительнаго, случайное отъ существеннаго. Многие ли могутъ похвалиться такимъ знаніемъ? А безъ него легко можно впасть въ заблужденія самыя грубыя, и пожелать своему отечеству такихъ совершенствъ, кои для него или невозможны, или обратились бы въ настоящее зло. — Не такъ ли точно ропщутъ иногда на Промыслъ Божій, — который безъ сомнѣнія есть самый премудрый и праведный, — ропщутъ потому, что не видятъ всѣхъ путей Промысла и не умѣютъ правильно судить о томъ, что кажется въ мірѣ безпорядкомъ?

Знающій всю ограниченность природы, а тѣмъ паче произведеніи человѣческихъ, нимаго не поколеблется въ своей вѣрности и любви къ порядку общественному и при замѣчаніи въ немъ дѣйствительныхъ недостатковъ. Есть ли на землѣ совершенство, не причастное недостаткамъ? Легко воображать лучшее; но какъ трудно приводить его въ дѣйство! И одного какого-либо человѣка не возможно вдругъ образовать и сдѣлать счастливымъ, тѣмъ паче народы. Каждый самъ себѣ самый лучший доброжелатель; но дѣлаетъ ли для своего истиннаго блага все, что возможно? И когда дѣлаетъ, достигаетъ ли всего, что предполагалъ? Борьба съ недостатками есть нашъ удѣлъ на землѣ, а умѣренность и терпѣніе—первыя добродѣтели. Гдѣ народъ, который бы могъ по-

хвалиться, что онъ обладаетъ совершеннѣйшимъ устройствомъ гражданскимъ? Тѣ, кои кровавою борьбою восхитили незаконное право сами себѣ предписывать законы, вдругъ ли чрезъ то вошли на верхъ благоденствія? Нѣтъ, они идутъ, подобно всѣмъ прочимъ народамъ, отъ одного опыта къ другому, принимаютъ тяжелые уроки отъ времени, учатся собственными ошибками, повторяютъ тоже самое, въ чемъ прежде винили другихъ.—И сказать ли неприятную для нѣкоторыхъ истину?—Надобно благодарить Промыслъ, что онъ не попустилъ обществамъ чловѣческимъ, равно какъ и въ частности людямъ, достигать, въ настоящемъ состояніи на землѣ, полного совершенства!—И теперь, когда различныя бѣдствія и недостатки земной жизни непрестанно пробуждаютъ въ нашей душѣ тоску о первобытномъ совершенствѣ, нами потерянномъ, и о небесномъ отечествѣ, насъ ожидающемъ, и теперь мало помнятъ это будущее отечество, гдѣ живетъ одна правда; а тогда, прилѣпившись къ землѣ, никто бы не захотѣлъ о немъ и думать.

Изъ сказаннаго ни мало не слѣдуетъ, чтобы кому-либо позволено было оставаться совершенно празднымъ зрителемъ недостатковъ (если они есть) жизни общественной, яко бы не избѣжныхъ и потому неприкосновенныхъ. Напротивъ, здѣсь-то и мѣсто истинному усердію. Законы не могутъ обнять всѣхъ частныхъ нуждъ и случаевъ, кои безчисленны: покрой неподходящее подъ сѣнь закона твоею любовью къ чловѣчеству. Правосудіе земное не въ состояннн поражать прямо всѣхъ возможныхъ злоупотребленій: стань противъ нихъ съ твердостью тамъ, гдѣ можешь. Дѣлай безъ повелѣнія то, что желалъ бы видѣть предписаннымъ въ законѣ; будь, если возможно, лучше закона. — Но есть ли какой-либо благой поступокъ, который бы не былъ предписанъ уже самимъ Богомъ въ нашей совѣсти? Можно ли пожелать лучшаго законоположенія, нежели какое находится въ словѣ Божіемъ? Слѣдуй симъ руководителямъ, и никогда не найдешь причинъ къ раскаянію. То преобразование, которое считаешь нужнымъ для всѣхъ, начни съ себя самого, внеси устройство въ кругъ твоихъ подчиненныхъ, покажи въ своей жизни примѣръ тѣхъ совершенствъ, кои ты желалъ бы видѣть въ жизни общественной. И одинъ такой примѣръ не можетъ остаться безъ дѣйствія, тѣмъ паче если ихъ много. А что было бы, если бы всѣ самоназванные преобразователи обществъ пошли симъ путемъ самоисправления? Сколько преступленій и ужасовъ было бы избѣгнуто! Сколько безпорядковъ и зла истреблено непримѣтнымъ

образомъ! Сколько добра произведено въ тишинѣ и мирѣ! И слезы обольщенныхъ, кои теперь льются предъ Богомъ отмщений, были бы тогда слезами искренней благодарности.

Могутъ быть, конечно, и такіе недостатки въ устройствѣ обществъ человѣческихъ, кои не въ состояніи побѣдить вся ревность частныхъ людей. Но для сего-то и существуетъ верховная власть, въ рукахъ коей сосредоточены силы и средства укрѣплять слабое, возвращать юное, исцѣлять немощное, ускорять, насаждать и отрешать. Намъ ли жаловаться на недостатокъ сихъ средствъ, или на неупотребление оныхъ? Если бы и всѣ народы усомнились въ благотворной дѣятельности властей преобладающихъ, то Россія—не можетъ. Ея величіе есть истое дѣло ея самодержцевъ. Кто простеръ предѣлы земли отечественной до послѣднихъ предѣловъ вселенной, заставилъ не христіанскую Азію преклониться предъ знаменіемъ креста, и недавно еще освободилъ всю Европу отъ тяжкаго ига? Наши самодержцы. Кто призвалъ къ намъ просвѣщеніе, возрастилъ вертоградъ наукъ, повелѣлъ свѣту ума разливаться и тамъ, гдѣ рѣдко является свѣтъ солнца? Наши самодержцы. Кто проложилъ неизмѣримые пути отечественной промышленности, облегчилъ движеніе народныхъ избытковъ, открылъ для трудолюбія входы и исходы во всѣхъ странахъ свѣта? Самодержцы. Кто въ продолженіе толкихъ вѣковъ изрекалъ для отечества права и законы, былъ звучнымъ органомъ народной совѣсти и смысла, гласомъ самаго Бога? Самодержцы. Въ другихъ странахъ благое нерѣдко начиналось внизу и восходило къ престолу; у насъ оно всегда возникало на престолѣ и низходило долу. Другіе предваряли, мы всегда были предваряемы, и едва могли вмѣщать подаваемое. Послѣ *таковаго* прошедшаго, при *нашемъ* настоящемъ, можно ли опасаться за будущее?

Нѣтъ, наконецъ, причины смущаться и тою мыслію, что дѣйствія власти преобладающей, сколько бы она ни была попечительна и мудра, какъ дѣйствія человѣческія, могутъ, такъ сказать, отставать отъ развитія силъ и потребностей народныхъ, и чрезъ то самое замедлять преспѣваніе общества гражданскаго. Царь небесный, въ десницѣ коего цари и царства, прежде насъ видѣлъ сію опасность, и отвратилъ оную единожды и навсегда. Уѣмъ отвратилъ? Тѣмъ, что существенное преспѣваніе обществъ человѣческихъ подчинилъ не слабому произволу человѣческому, а своему вседѣльному и премудрому промыслу. Въ самомъ дѣлѣ, возрастаніе народовъ, равно какъ и человѣка, завися во многомъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, имѣетъ и свой внутрен-

ни законъ, коего дѣйствія никакая сила остановить не можетъ. Въ обществахъ человѣческихъ есть самимъ Богомъ положенное, ничѣмъ незаглушимое начало усовершенности. Сіе живоносное, врожденное всѣмъ начало есть стремление къ истинному, которое въ народахъ, равно какъ и въ частныхъ людяхъ, престаётъ дѣйствовать и приносить плоды только тогда, когда они сами, въ омраченш ума и буйствѣ воли, уклоняются отъ главной цѣли бытія своего. Вмѣстѣ съ развитіемъ сего начала жизни, все худшее проходитъ само собою, предразсудки исчезаютъ, понятія и желанія очищаются, каждый входитъ въ свои права, горы и холмы смиряются, дебри наполняются, и цѣлый составъ общества самъ собою приемлетъ видъ стройный и благолѣпный. Напротивъ, насильственныя потрясенія обществъ не только не ускоряютъ ихъ истиннаго усовершенствованія, хотя для того повидимому предпріемлются, но и замедляютъ оное. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ и вмѣстѣ наказаніемъ за нихъ бываетъ расколъ гражданскіи и взаимная ненависть. Когда одна половина гражданъ стремглавъ спѣшитъ впередъ, другая, какъ бы по нѣкоему закону противоположности, устремляется назадъ. Въ срединѣ открывается бездна, которая поглощаетъ тысячи жертвъ, прежде нежели наполнится. Между крайностями начинается борьба и колебаніе, по окончаніи коего, думая быть у цѣли, не рѣдко находятъ себя отъ нея далѣе прежняго.

Нѣтъ, путь истиннаго гражданскаго преспѣванія идетъ отъ престола, а не изъ дебрей, и приводитъ въ храмъ благочестія, а не въ вертепы буйства. Онъ продолжителенъ; но за то безопасенъ и твердъ; продолжителенъ для жизни одного человѣка, не продолжителенъ для жизни народовъ. Царства возрастаютъ вѣками, и чѣмъ медленнѣе, тѣмъ бываютъ долговѣчнѣе.

Любезное отечество! Съ какимъ радостнымъ спокойствіемъ отъ сихъ священныхъ истинъ обращаешься къ тебѣ, въ судьбѣ коего онѣ осуществлены такъ вѣрно и полно. Не восхищеніемъ нещевало ты взойти на высоту всемірной славы. Когда прочіе народы наслаждались уже плодами свободы и гражданственности, ты носила еще узы и было умалено; продолжителенъ былъ рядъ искушеніи твоихъ, кровавыя подвиги, страшно испытаніе вѣрности: но, вотъ и Богъ превознесъ тебя. Чего недостаетъ теперь къ твоему настоящему, тѣмъ паче будущему величію? Неизмѣримыя пространства твои видимо сотворены быть поприщемъ великихъ событій и опытовъ гражданской жизни; многообразный составъ твой самъ собою обѣщаетъ всякаго рода силы и совер-

шенства; ты объемлешь собою всѣ климаты, слышишь внутри себя всѣ нарѣчія, находишь въ обителяхъ своихъ всѣ степени образования, изображаешь въ себѣ бытие цѣлаго рода человѣческаго. Что можетъ совратить тебя съ пути къ истинному величію, если ты само не уклонишься отъ своей высокой цѣли? Продолжай же идти мирнымъ путемъ законнаго самоусовершенствования, не уклоняясь ни на шее, ни на десное, не предаваясь тѣмъ губельнымъ порывамъ силъ, кои возвышаютъ на годы и обезсиливаютъ на вѣки. Пусть шатаются языцы и людие поучаются тщетнымъ, пусть предстаютъ на поле брани царіе земстїи, и князи собираются вкупѣ на Господа и Христа твоего: пусть говорятъ: *расторгнемъ узы ихъ* — узы любви и благоденствїя народнаго, *и отвержемъ отъ насъ иго ихъ*—иго благое и легкое. *Живый на небесѣхъ*—и въ твоихъ православныхъ храмахъ, а паче въ твоемъ христіюбивомъ сердцѣ,—*посѣбеться имъ, и Господь поругается имъ*, какъ они ругаются тобою. Онъ возлаголетъ къ нимъ гнѣвъ свой, и яростїю своею слятетъ я. Тебѣ же не только возвратитъ прежніе, но и дастъ новые языки въ достояніе твое, и въ одержаніе твое концы земли. Только продолжай работать Господеву со страхомъ, и радоваться предъ Нимъ съ трепетомъ; только приими благодушно наказаніе, тебѣ низпосланное. *Блаженіи вси, надѣющїися на нѣ* (Псал. 2).

Почтенные соотечественники! Нѣтъ сомнѣнія, что каждый изъ насъ всѣмъ сердцемъ участвуетъ въ сихъ благожеланїяхъ отечеству. Но всякое истинное благожеланіе должно выражаться въ благомъ дѣйствованїи. Повторимъ же предъ лицомъ Бога правды обѣтъ, подражая примѣру Монарха, употреблять всѣ силы и способности свои во благо отечества.

День священнаго вѣнчанїя на царство долженъ быть днемъ повторенїя священныхъ обѣтовъ предъ Богомъ для царя и его народа—особенно во время, подобное настоящему. Аминь.

СЛОВО

ВЪ ДНѢ СВЯТЫХЪ ПЪВЦЕВЪ НА ЦАРСТВО

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, ИМПЕРАТОРА
И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО *).

Видѣна быша шествія твоя, Боже,
шествіе Бога моего, Царя, иже во
святѣмъ (Псал. 67, 25).

Порфиросный Пѣвецъ израилевъ, среди пророческихъ вос-
торговъ и видѣній, обратилъ нѣкогда взоръ и на про-
шедшую судьбу своего отечества:—и свѣтлое око его
едва не поникло отъ множества и величія чудесъ, совершенныхъ
Промысломъ во славу людей своихъ Израиля (Лук. 2, 32). Ему
представилось дивное ишествоіе израильтянъ изъ Египта, — еще
болѣе дивный переходъ Чермнаго моря, — законодательство и
чудеса при Синаѣ; онъ видитъ, какъ Іегова, Господь силъ, все-
ляется посреди людей своихъ и предводитъ ихъ столпомъ ог-
неннымъ и облачнымъ по пустыни, — какъ земля сотрясается и
небеса гаюгъ отъ лица Бога Синаина, — видитъ, и отъ полноты
благодарнаго чувства восклицаетъ: *видѣна быша шествія твоя,
Боже, шествія Бога моего, Царя, иже во святѣмъ!* —

Настоящій день царственный призываетъ, слушатели, и насъ
обратить взоръ на судьбу нашего отечества. Мы вѣруемъ, что
Богъ израилевъ есть вмѣстѣ Господь и нашъ и отецъ нашихъ,
что царіе наши *Иль царствуютъ, и сильные наши Иль пишутъ*

*) Произнесенное въ Кіево-печерской лаврѣ августа 22 дня 1832 года.

правду (Притч. 8, 15); вѣруемъ, что благочестивѣйшіе Государи наши, пріемля видимое *показаніе отъ Святаго* (1 Іоан. 2, 20), въ то же время *облекаются невидимою силою свыше* (Лук. 24. 49), что *Духъ Божій отъ того дне носится надъ нилѣ* (1 Цар. 16, 13), *наставляя ихъ на всякую истину* (Іоан. 16, 13). Быть не можетъ, чтобы благословенная вѣра сія не имѣла подтвержденія въ самой судьбѣ нашего отечества, чтобы въ священныя скрижалихъ исторіи царей нашихъ не находилось опытнаго свидѣтельства той великой истины, что *дана есть отъ Господа держава имъ, и сила отъ Вышняго* (Прем. 6, 3). Когда же приличнѣе возвѣстить великую и радостную истину сію въ слухъ всѣхъ и каждаго, какъ не въ настоящій день царственный, при воспоминаніи священнаго вѣнчанія на царство благочестивѣйшаго государя нашего, Николая, перваго не по имени токмо, но и по дѣламъ?—

Итакъ, истинные сыны Церкви и отечества, придите — *возвеличьте Господа* отцевъ нашихъ *вкупѣ*; разгнемъ священныя скрижали бытія народнаго, и возвѣстимъ судьбы Промысла Божія, явленныя въ жизни и дѣяніяхъ царей нашихъ. Но чтобы слабое око наше не помрачилось отъ множества и разнообразія путей Божіихъ, *остановимъ теперь благоговѣнное вниманіе единственно на судьбѣ благословеннаго царствующаго Дома.*

Когда Промыслъ пріемлетъ подъ свою защиту какой-нибудь народъ или племя, то въ самомъ началѣ видимо изъеяетъ его изъ среды прочихъ, усваиваетъ Себѣ особенно, и кладетъ на него нѣкую неизгладимую печать вышняго избранія. Какъ видимо печать сія положена въ самомъ началѣ на державномъ домѣ Романовыхъ! Если кому, то родоначальнику его во всей силѣ приличествовало название: Богомъ вѣнчанный и Богомъ превознесенный!—Люди такъ мало въ семъ случаѣ дѣйствовали, или точнѣе сказать, такъ много противодѣйствовали, что всего скорѣе надлежало ожидать совершеннаго забвенія юнаго отрока. Въ самомъ дѣлѣ, кто помнилъ о Михаилѣ, кромѣ Отца небеснаго, который сокрывалъ его до времени *въ тайнѣ лица своего отъ мятетжа чловѣческа* (Псал. 30, 21)?—Мнѣ кажется, я вижу, какъ вѣнецъ, сорванный бурей съ чела Гогунова, преносится со главы на главу, какъ бы ища достойной! Не находя оной, онъ хочетъ, повидимому, присоединиться къ вѣнцамъ иноземнымъ!—Но вотъ имъ увѣнчана глава сына земли русской, мужа браней и совѣта. Не здѣсь ли конецъ бѣдствіямъ? Шуйскій ли не найдетъ средствъ утвердить престолъ свой, успокоить отечество? — Нѣтъ, Провидѣніе хочетъ блага Россіи не на годы, а на вѣку; для сего нужны ему

не мужество, а благость и невинность; новый вертоградъ царственный долженъ начаться отъ дѣвственной розги. И вотъ, въ гласъ народа отражается наконецъ гласъ Божш; царя земнаго ищутъ у подножія престола Царя небеснаго; изъ нѣдръ святой обители исходитъ тотъ, кто долженъ своею невинностию утолить гнѣвъ Божию надъ мятущимся отечествомъ. Какое благословенное и святое начало!—Въ сіе время и надъ Россією, какъ надъ древнимъ Израилемъ, исполнились слова Пророка: *отроча мало поведетъ я, и на пещеры аспидовъ возложитъ руку свою* (Псал. II, б. 8). Ибо, что былъ Михаилъ въ сравненіи со многими мужами силы, какъ не отроча мало? И что были многие грады и веси, объятые духомъ мятежа, какъ не пещеры аспидовъ?—Но, боговѣнчанный отрочекъ наложилъ на сіи пещеры державную руку свою, и онѣ обратились паки въ жилища мира. Казалось, онъ исшелъ изъ святой обители, окруженный невидимымъ воинствомъ небеснымъ. Послѣ нѣкоторыхъ опытовъ терпѣнія, не обходимыхъ для укорененія юной лѣторасли царственной въ смиреніи и упованіи на Бога,—все враждебное начало преклоняется при одномъ имени самодержца: и гдѣ безъ успѣха истощалось мужество и искусство, тамъ довольно было одного царственного слова; и, колебавшаяся дотолѣ отъ края до края, Россія подъ конецъ царствования Михаилава, подобно океану послѣ бури, лежала уже въ предѣлахъ своихъ съ природною ей тихостию младенца.

Не благословенъ ли убо Господь, тако благоволившій о возлюбленномъ отечествѣ нашемъ?—Удалившій иноплеменныхъ искателей отъ престола православнаго? Воздвигшій родоначальника царей изъ среды людей своихъ, отъ дому святыни своей? Давшій юной добротѣ его силу и крѣпость?

Видѣна быша шествія твоя, Боже, шествія Бога моего, Царя, иже во святѣль!

Простремъ взоръ далѣе. Уже Россія, укорененная въ величии самодержавіемъ престола, восходитъ отъ совершенства къ совершенству. Глубокія раны отечества исцѣлены; отторженные члены вошли паки въ составъ общественнаго тѣла; даже чуждыя области начинаютъ искать покоя подъ сѣню самодержцевъ, царствующихъ *милостию Божією*. Большаго совершенства нельзя и желать по обыкновенному порядку вещей.

Но, для народа, вѣрнаго Богу отцевъ, нѣтъ другаго порядка, кромѣ воли Божіей и воли царей. Предопредѣлено, чтобы юные сыны сѣвера выступили на позорище всемірныхъ происшествій для умѣренія и вразумленія пламенныхъ чадъ юга;—чтобы для

сего, какъ можно скорѣе, сравнялись въ образованіи съ старѣйшими братьями своими,—и будетъ!—Что нужно для сего? Ускорить ходъ вещей цѣлымъ вѣкомъ?—Ускорится. Распространить свѣтъ образованія гражданскаго даже тамъ, гдѣ не знаютъ имени законовъ?—Распространится. Заставить самага царя добровольно сойти съ престола въ работную хramину древодѣлей, и вмѣсто самодержавнаго скиперта взять въ руки млатъ и сѣкуру?—Будетъ.

Уже вы видите, почтеннѣйшіе слушатели, что слово наше касается дѣяній великаго Преобразователя нашего отечества. Какой поучительный предметъ для благоговѣйнаго созерцателя судьбъ Божіихъ! Величіе Петра есть истинное величіе Промысла Божія о нашемъ отечествѣ. Идя мысленно по слѣдамъ сего Монарха, невольно мнишь идти во слѣдъ единаго изъ богоизбранныхъ мужей древности, вооруженныхъ чудесами. По мановенію Петра, моря забываютъ свою непроходимость, рѣки приемиютъ другое течение, пустыни обращаются въ грады, горы смиряются, дебри наполняются, самая Скинія завѣта — Церковь Божія—въ образѣ внѣшняго управления своего — приемиетъ при немъ видъ новый. Кто же повелѣлъ сему необыкновенному свѣтилу взойти въ страну, которая дотолѣ славилась токмо сѣвернымъ сияніемъ?—Кто вдыхалъ въ сію душу множество великихъ мыслей, изъ коихъ каждая слѣдала бы великимъ умъ, ее произведшій? Гдѣ взялась крѣпость воли, нашедшая въ себѣ самой ту непреодолимую опору, на которую опершись, возмогла цѣлымъ вѣкомъ подвинуть впередъ цѣлое отечество? На языкѣ міра, нигдѣ и ни въ чемъ не желающаго видѣть путей Божіихъ, подобные люди называются обыкновенно гениями: название разительное измѣняющее мысли, съ кою употребляютъ его!—Ибо древній міръ, разумѣя подъ гениями духовъ хранителей, хотѣлъ сверхестественнымъ вліяніемъ послѣднихъ изъяснить величіе людей необыкновенныхъ; а нынѣ тѣмъ же самымъ именемъ думаютъ обратитъ ихъ въ сыновъ случая и разорвать союзъ ихъ съ небомъ! То-есть лучше хотятъ употреблять слова безъ мысли, нежели признать, что всѣ сіи, такъ называемые, гении суть видимыя орудія Провидѣнія, живые тайнники судьбъ Божіихъ, истинные посланники небесъ, долженствующіе быть ангелами-хранителями народовъ.

Не за эту ли слѣпоту и неблагодарность великіе благодетели чelовѣчества вземлются такъ внезапно отъ среды живыхъ?... По крайней мѣрѣ, кончина великаго преобразователя Россіи послѣдовало вопреки всѣмъ нуждамъ и чаяніямъ отечества. Можно было подуматъ, что душа его воззвана внезапно для совершения

чего-либо великаго въ другомъ мірѣ; и служитель слова безъ всякаго витійства могъ спросить при гробѣ его: что *дѣлаемъ, кого погребаемъ?* (начало слова Теофана Прокоповича при погребеніи Петра Великаго) — Не погребаемъ, могла бы отвѣтствовать вся Россія, а провождаемъ на престолу Царя царей одного изъ тѣхъ посланниковъ Вседержителя, коимъ Онъ поручаетъ совершать чудеса Его премудрости и любви.—Гробъ Петра есть памятникъ, свидѣтельствующій объ особенномъ присутствіи Божіемъ среди праотцевъ нашихъ, и вѣра необязанно можетъ начертать на немъ слова царя Израилева: *видѣна быша шествія твоя, Боже, шествія Бога моего, Царя, иже во свѣтѣ.*

Шествія Промысла Божія въ судьбахъ народовъ совершаются во свѣтѣ; но иногда, для вразумленія гордости человѣческой, *Вышній полагаетъ тьму за кровь свой* (Псал. 17, 12); и тогда народы, какъ бы оставленные Провидѣніемъ, подобно древнему Израилу, готовы бывають вопіять: *Господь оставилъ есть насъ, Господь оставилъ есть насъ.* Простертъ былъ грозный мракъ сей и надъ нашимъ отечествомъ. Съ Петромъ, казалось, познало западъ и зашло на всегда солнце Россіи. Тщетно ночный мракъ, при началѣ каждаго царствованія, озаряется яркими сияніями. То былъ минутный блескъ молнии,—свѣтъ не созидающій, а разрушающій. Даже и въ то время, когда для освѣщенія тьмы, по гласу Промысла, взошла на тверди Россіи, яко луна дщерь Петрова, даже и тогда, при тихомъ мерцаніи ея, могущественный россъ не могъ еще изыти на великое дѣло свое со всѣми силами своими. Для сего въ вѣнценосцахъ его требовалось преемства не крови токмо и благодати, но и величія и крѣпости духа Петрова. Но можно ли было ожидать сего великаго преемства, когда съ дщерію Петра, по видимому, готовъ былъ прекратиться навсегда самый священный рядъ потомковъ его?

Не возможно отъ человѣкъ, но возможно отъ Бога, благодарющаго народу православному!—Среди дщерей Германіи уже давно рукою Промысла уготованъ сосудъ величія Россіи. Все, что есть лучшаго въ дарахъ природы и искусства, украшаетъ юную царевну; мудрые дивятся ея уму, благіе — добротѣ сердца, но всѣ недоумѣвають, для чего совокупилось столько совершенствъ въ женѣ, далекой отъ престола?—Никто не вѣдалъ, что на раменахъ юной наперсницы мудрости почивала будущая судьба сѣвера. Но Царь царей знаетъ избранныхъ своихъ! И се, для блага Россіи, вопреки всѣмъ преградамъ, Екатерина на престолѣ. Теперь народы и цари, обратите паки очи къ сѣверу, — внемлите и поу-

чайте судьбамъ премудрости и правды Божіей! Въ дѣянїяхъ дивной жены будутъ слышатся опредѣленія небесъ. Съ какою быстротою необыкновенныя событія спѣшатъ окружить престольбогоизбранной! Перо и мечъ ея, кажется, спорятъ между собою о произведеніи дѣлъ великихъ! Смотрите: предѣлы отечества расширяются до древнихъ рубежей земли Россійской; миллионы единовѣрныхъ брати возвращаются въ нѣдра общей матери—Церкви православной; враги имени Христова начинаютъ трепетать при одномъ имени россиянина; крестъ престааетъ быть символомъ слабости и униженія на востокъ; на гласъ побѣды пробуждается отъ смертнаго сна Греція... Не менѣ чудесъ совершается внутри отечества. Изъ устъ Монархини всѣ сословія познаютъ свои права и обязанности; и въ стѣнахъ Москвы свѣтъ видитъ первый въ своемъ родѣ опытъ того законодательства, коимъ столько превозносится нынѣ мудрость иноземная. О, сколь же благъ къ тебѣ, любезное отечество, Господь, удостоившій тебя видѣть на престолѣ своемъ не только многихъ дивныхъ мужей, но и величайшую изъ женъ! Обратившій, въ лицѣ ея, ко благу твоему все, что было лучшаго въ тогдашнемъ иноземномъ образованіи и искусствахъ! Десница Господня сотвори сію силу; она украсила Екатерину необыкновенными дарами и способностями; она избрала ея изъ сонма дочерей царственныхъ, провела среди бѣдъ и искушени и возвела на престолъ россійскій; она окружила ея великими исполнителями великихъ намѣреній; она даровала добротѣ ея силу и мудрости крѣпость. При гробѣ Екатерины, какъ и при гробѣ Петра, россиянинъ съ благоговѣніемъ долженъ сказать: *видѣна быша шествія твоя, Боже, шествія Бога моего, Царя, иже во святѣхъ!*

Обратимъ послѣднїи взоръ на послѣднее царствование.

Боже мой, какое зрѣлище представляютъ общества человѣческія!—Правила нечестія, безумно сѣянныя въ продолженіи полвѣка, вдругъ приносятъ ужасный плодъ по виду своему. Знаменитѣйшїи изъ престоловъ западныхъ упадаютъ съ шумомъ, открывая полъ собою бездну, готовую поглотить всѣ престолы въ мірѣ. Изшедши изъ среды сей бездны, исполнѣть закрываетъ ее самотканною порфиною: но духъ превращеніи, изгнанный имъ изъ народа своего, кажется, сосредоточивается и воплощается въ немъ самомъ. Вихрь за вихремъ возметаетъ лице земли; — уноситъ престолы оттуда, гдѣ они стояли въ продолженіи вѣковъ;—ставитъ тамъ, гдѣ не было ничего, кромѣ хижинъ. Надъ царями

и народами совершается единъ изъ величайшихъ судовъ Божиихъ! —

Что будетъ съ тобою, возлюбленное отечество, среди сего тревоженія народовъ и вавилонскаго преселенія царей? Станешь ли о страну побѣды? Или раздѣлишь всеобщее рабство? На престолѣ Россіи возсѣдигь царь благій и праведный; но что значитъ благость и правда предъ лицомъ силы и лукавства? Юному ли наперснику мудрости ратовать съ исполиномъ брани?..

Такъ мыслятъ едва не весь міръ; такъ судили даже тѣ, кои наиболѣе желали спасенія отъ сѣвера. Будущіе пути Божіи отстояли отъ путей человѣческихъ, какъ небо отъ земли. А гордый врагъ? Идя отъ побѣды къ побѣдѣ, онъ и не мыслятъ, чтобы на землѣ гдѣ-либо находилось мѣсто къ его поражению. Въ изступленіи гордости, онъ дерзнулъ даже изречь, что *жребіи Россіи совершился*. —

Такъ, сынъ гордыни, сей славный жребіи совершился! Великій часъ судебъ насталь! Предъ тобою все преклонялось, докдѣ дѣйствовали противъ тебя одни люди, съ ихъ силами и мудростію; теперь пади самъ во прахъ, ибо *Господь воцарися, облечеса въ силу и препоясая* (Псал. 92, 1)!

Здѣсь, почтеннѣйшіе слушатели, надлежало бы изобразить предъ вами, какъ совершался надъ *богомъ вѣка сего* (2 Кор. 4, 4) и клеветами его величайшій изъ судовъ Божиихъ, какъ погублена премудрость мудрыхъ и сокрушена крѣпость сильныхъ, какъ о имени Божіемъ единъ поражалъ тысящи и десять гнали тьмы, какъ самыя стихіи поборали правдѣ. Но, кому бы я повѣдалъ сіе? Многіе изъ васъ не удостоились ли сами быть не только исполнителями великихъ судебъ Божиихъ во спасеніе отечества и Европы, но и первыми провозвѣстниками оныхъ, призывая съ поля брани и своихъ и чуждыхъ видѣть дѣла Божія, чрезъ васъ совершаемыя? Но, не вы токмо, мужи силы и совѣта, даже послѣдніе изъ сыновъ отечества, — самые юные дѣти, были свидѣтелями чудесной помощи свыше, явленной въ спасеніи нашего отечества. Это было одно изъ тѣхъ великихъ временъ, въ кои, по словамъ прорѣка, *не имать научити кѣждо олижняго своего, глаголя: познай Господа*; ибо — наученные страшными знаменіями, *всѣ увѣдали его, отъ млада до велика* (Іер. 31, 34).

Такъ, Господи, видѣхомъ и вси языцы видѣша, яко Ты еси Господь и нѣсть подобенъ Тебѣ; Ты воіеци, и жити сотвориши; въ руцѣ Твоей сила народовъ и крѣпость царствъ; Ты возносишь смиренныхъ и низлагаешь престолы гордыхъ; Ты увѣнчалъ все-

мирною славою Россію, положилъ благословеннаго Монарха ея Александра въ первенца, высока паче царей земныхъ. Тебѣ убо единому подобаеть слава во вѣки!—

Видѣна быша шествія твоя, Боже, шествія Бога моего, Царя, иже во святѣхъ!

Поучаясь такимъ образомъ судьбамъ Промысла въ нашемъ прошедшемъ, можемъ ли, почтеннѣйше слушатели, преити совершеннымъ молчаніемъ и наше настоящее, не коснуться великихъ событій, совершающихся предъ очами нашими? Правда, богоизбранные на поприщѣ всемирномъ дѣйствователи познаются во всемъ величіи уже по совершеніи своего предназначения: но и теперь кто не видитъ, что возлюбленный Монархъ нашъ назначенъ Промысломъ для совершенія дѣлъ великихъ?—Если другіе, приемля скиптръ, давали обѣтъ посвятить жизнь свою благу отечества; то имъ великій обѣтъ сей не разъ уже выполненъ даже предъ лицемъ самой смерти. И судьба отечества не представляетъ ли явныхъ знаменіи благословенія свыше?—Тяжкіе опыты, коимъ Промыслъ любитъ посѣщать народы, Ему угодные, не видимо ли обратились къ большому укрѣпленію и славѣ Россіи? Судьбы царствъ не рѣшаются ли уже мановеніемъ самодержавнаго скипетра? Гордыевраги въ минуту слабости своей не находятъ ли спасенія въ нашемъ великодушіи? Великій свитокъ законовъ и оправданіи не разогнуть ли предъ очами всѣхъ сыновъ отечества? Новыя права и отличія не вѣнчаютъ ли трудолюбіе мирныхъ гражданъ? Святая Церковь не радуется ли о увеличеніи сонма верховныхъ пастырей и о возвращеніи въ нѣдра ея чадъ заблудшихъ? Будущее извѣстно единому Богу: но, истинные сыны отечества видятъ уже съ радостію, что *не воздремлетъ, ниже уснетъ Господь, храняи Израиля* (Псал. 120, 4).

Будешь, любезное отечество, будешь и всегда зрѣть надъ собою чудеса Промысла Божія, токмо не смѣжай очей твоихъ невѣріемъ и сомнѣніями!—Цари и народы не престанутъ обращать къ тебѣ взоры свои, и наблюдать съ уваженіемъ каждое мановеніе твое; злоба и крамола не престанутъ содрогаться при одномъ имени твоёмъ; науки и искусства со всѣми плодами своими поспѣшатъ подъ свѣтлый и пространный кровъ твой; сама природа разверзетъ нѣдра свои, и ввѣритъ тебѣ новыя сокровища и тайны; только будь тѣмъ, что ты было доселѣ,—сохрани цѣлымъ древній залогъ вѣры Царю небесному и вѣрности царямъ земнымъ, и не подходи къ запрещенному древу невѣрія и вольности безумной! Оно кажется *добрѣмъ въ снѣдъ, угоднымъ очима, еже*

видѣти; и красно еже разумѣти (Быт. 3, 6): но внутрь его смерть и погибель. Не забывай, что явленію Господа благодѣющаго нерѣдко предшествуетъ *огнь и буря* (3 Цар. 19, п. 12): въ такомъ случаѣ пади со смиреніемъ предъ неисповѣдимыми судьбами; но не дерзай, никогда не дерзай воспящать путей Божіихъ,—и слава Господня узрится на тебѣ! Памятуй, что шествія Промысла Божія совершаются—(Псал. 77, 14). Посему прежде и паче всего, тщись украшать себя невинностію нравовъ и правдою. *Безъ святости никто и нигдѣ не узритъ* (Евр. 12, 14) Бога — ни цари, ни народы,—ни на землѣ, ни на небѣ. Аминь.

СЛОВО

ВЪ ДОНИ СВЯЩЕННОГО КЪРЧАНІЯ ПЪ ЦАРСТВО

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, ИМПЕРАТОРА
И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО *).

Молю прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки, за царя и за всѣхъ уже во власти суть (1 Тим. 2, 1. 2).

 въ то время, когда благочестивѣйшій Государь нашъ восходилъ на всероссійскій императорскій престолъ, и въ знаменіе невидимаго облеченія силою свыше (Лук. 24, 49) принималъ видимое помазаніе отъ Святаго (1 Іоан. 2, 20), мы едва ли могли исполнить сіе апостольское завѣщаніе во всей полнотѣ его;—способнѣе были молиться и просить, нежели благодарить и славить. Знала Россія о благихъ свойствахъ новаго Самодержца, ободрялась первыми движеніями Богомъ врученнаго ему скипетра: но—будущее было закрыто!—Видимъ былъ только рядъ тѣней и облаковъ, — рядъ новонасажденій царственныхъ, кои ожидали отъ него свѣта, теплоты и жизни.—Теперь, послѣ толикихъ знаменій благословенія свыше, по совершеніи столь многихъ опытовъ мудрости и силы, среди чрезвычайныхъ успѣховъ брани и мира, когда отъ прежнихъ мраковъ не осталось ничего, кромѣ имени, когда событія превзошли большею частію самыя ожиданія, — теперь настоящій день царственный для са-

*) Произнесенное въ Кіево-печерской лаврѣ, 22-го августа 1835 года.

мыхъ взыскательныхъ любителей отечественной славы содѣлывается днемъ благодаренія и славословія. Чего не благовоилъ Господь узрѣть намъ въ Монархѣ нашемъ? Чѣмъ не засвидѣтельствовано, что благодать помазанія, низшедшая въ настоящій день на главу Его, *не тѣца бысть* (1 Кор. 15, 10), что Духъ Божій, Духъ премудрости и силы, *носится отъ того дне надъ нимъ* (1 Цар. 16, 13), наставляя его на всякую истину, отвращая отъ всякаго вида неправды, содѣлывая любезнымъ предъ очами Бога и чловѣковъ?

Вѣрныя чада Церкви, ищущія видѣть въ помазанникахъ Божіихъ преимущественно силу вѣры и образъ благочестія, сколько разъ уже имѣли вы утѣшеніе быть свидѣтелями или слышателями того, какъ Монархъ нашъ со всѣми нуждами и надеждами царства любитъ повергаться предъ престоломъ Царя царствующихъ, какъ благодушно переноситъ самыя тяжкія испытанія, коими Промыслъ любитъ посѣщать и очищать народы, Ему угодные;—съ какою готовностію простираетъ всяки разъ щедрую десницу на сооруженіе алтарей и распространеніе предѣловъ Церкви;—съ какою мудрою твердостію воспящаетъ устремленія людей буйныхъ и ненаказанныхъ противъ мира и единства вѣры;—съ какою непоколебимостію стоитъ противъ соблазновъ вѣка и тлетворнаго духа времени!

Любители наукъ и образованія народнаго, видѣли ли вы хотя одно предпріятіе, клонящееся къ пользѣ просвѣщенія, оставленнымъ безъ вниманія и поощренія? Хотя одинъ подвигъ во славу наукъ, не вознагражденнымъ сугубо? — Казалось, любовь къ народному образованію истощила, въ предшествовавшее царствованіе, всѣ средства и усилія, такъ что нечего уже было даже дѣлать въ отношеніи къ числу, обширности и разнообразію отечественныхъ вертоградовъ наукъ, и Россія имѣла полное право называть себя, если не *просвѣщенною* (название приобретаемое вѣками), то *просвѣщаемою*. Но для державной воли нѣтъ предѣловъ въ добрѣ!—По мановенію новаго Монарха, являются новыя святилища наукъ, преобразуются и воскресаютъ прежнія въ вящей лѣпотѣ и силѣ. Въ то же время, — свобода мыслей — священный и опасный даръ, уподобляющій чловѣка или Божеству, или духамъ отверженнымъ, — подчиняется законамъ, изреченнымъ, можно сказать, самою мудростію.

И ваши чаянія, мирные ревнители правосудія и порядка гражданскаго, не срѣтились ли съ исполненіемъ?—Вы желали, чтобы усилены были оплоты противъ мзды и лукавства, превращающаго

вѣсы правды: и вотъ для сего умножено число стражей правосудія во всѣхъ концахъ земли отечественной, открыты новыя убожища для угнетаемой невинности, самую таинственностью надзора наведенъ спасительный страхъ на преступленіе. Вы желали, чтобы мирныя занятія гражданской жизни, плоды искусствъ и промышленности отечественной оживлены были ближайшимъ возрѣніемъ державной власти, и успѣхи на семъ поприщѣ поставлены въ рядъ заслугъ отечеству: и сколько учрежденіи, свидѣтельствующихъ, что сіе желаніе было по сердцу Монарха, что ему плоды мира любезны не менѣе плодовъ брани? Вы желали, чтобы законы изведены были изъ мрака, чтобы съ свитка судебъ гражданскихъ отрясенъ былъ прахъ, налегшій въ продолженіе вѣковъ: и вотъ законодательство отечественное, уступивъ державной волѣ, явило наконецъ столь долго сокрываемое лице свое.

Что сказать о радости, которую чувствуютъ всѣ истинные сыны отечества, при взглядѣ на картину семейственныхъ добродѣтелей, украшающихъ престолъ отечественный? Не великое ли благодареніе Промысла, что тѣ добродѣтели, кои служатъ первымъ основаніемъ общественнаго благоденствія, и кои въ нашъ вѣкъ едва не прешли у многихъ въ забвеніе, что сіи кроткія добродѣтели украсились порфиною и предстали, какъ образецъ для подражанія, съ престола? Взирая на цвѣтущія отрасли царственнаго вертограда, Россія познаетъ въ радости, что благоденствіе ея не только велико, но и продолжительно; что ей не суждено вѣдать даже страха опасности, неразлучной съ оскудѣніемъ царственныхъ поколѣній.

Я уже не смѣю предъ мужами силы и браней, предъ виновниками славы отечества подробно излагать исполнскіе успѣхи браней отечественныхъ, и говорить о славѣ оружія, которая какъ бы нѣкимъ завѣтомъ судебъ сопряжена съ знаменами воинства русскаго, но въ наши времена озарилась новымъ, доселѣ невиданнымъ блескомъ. Довольно сказать, что самые упорные враги наши должны были признать, и предъ цѣлымъ свѣтомъ признали, что рука, столь мудро управляющая скиптромъ, умѣетъ бросать, и громы въ нарушителей нашего, или что тоже, всемірнаго спокойствія; что она умѣетъ даже дѣлать болѣе, — производить чудеса не силы токмо и мужества, но и любви, — обращая самыхъ упорныхъ враговъ въ искреннѣйшихъ друзей нашихъ.

Таково наше настоящее: мирно, утѣшительно, величественно!...

Къ общей радости о немъ, мы можемъ присовокупить, что все благое, нами видѣнное, есть предвареніе и начало новыхъ благъ, что въ будущемъ сокрывается, безъ сомнѣнія, еще больше.... Такъ, мы можемъ сказать это! Если шумъ оружія и превращенія браней не могли воспятить въ дѣйствии ни любви къ наукамъ и искусствамъ, ни попеченія о народномъ богатствѣ и промышленности, ни упражненія въ дѣлахъ челоуѣколюбія; если рука, управлявшая теченіемъ всемірныхъ происшествій, умѣла находить время насаждать, отреблять и ограждать все, потребное въ великомъ дому царства: то чего нельзя ожидать отъ благословенной тишины и мира? Какихъ мудрыхъ учрежденіи не изыдетъ отъ престола, осѣненного лаврами и оливами? Умъ привыкшій обнимать всѣ нужды отечества, провидѣть опасности, исправлять недостатки, открывать новые источники благоденствія, не останется празднымъ; сердце, бьющееся для блага отечества, не можетъ остановиться въ своемъ движеніи; явятся новые опыты мудрости и благодати, и тѣ, кои подобно намъ будутъ обращать взоры на благосостояніе отечества, не будутъ имѣть нужды повторять однихъ и тѣхъ же доблестей...

При такой радости о настоящемъ, и среди такихъ надеждъ въ будущемъ, что другое для истинныхъ сыновъ отечества остается въ настоящій день, какъ только вмѣстѣ съ Церковію славить, и благодарить Промыслъ Отца небеснаго за то, что Онъ оправдалъ царствовать надъ нами царя по сердцу своему?

Въ чемъ же должна состоять благодарность сия?—Въ одномъ ли устномъ исповѣданіи подвиговъ и доблестей Богомъ дарованнаго и Богомъ возвеличеннаго Монарха? Въ одномъ ли даже молитвенномъ призываніи на главу его новыхъ благословеніи неба?

Нѣтъ, служители алтаря усугубяютъ свои моленія о благоденствіи царя и царства; но ихъ признательность симъ не ограничится: она изыщетъ новую жертву, достойную благочестія высокаго покровителя Церкви. Тысячи чадъ отечества блуждаютъ еще во тьмѣ невѣдѣнія истиннаго Бога, продолжаютъ говорить древу: *ты отецъ мой*, и камню: *ты родиль меня*; явятся новые провозвѣстники Евангелія, кои, облеченные силою свыше, пройдутъ до послѣднихъ предѣловъ земли отечественной, разсѣютъ тьму идолопоклонства, и собратовъ отечества земнаго обратятъ въ сонаслѣдниковъ отечества небеснаго. Милліоны чадъ самой Церкви еще младенчаютъ познаніями въ вѣрѣ, изнемогаютъ отъ предразсудковъ, недугуютъ раздѣленіями: просвѣщенная ревность служителей слова предложить въ обилии первымъ млеко

вѣры, да возрастають во спасеніе, обнажить предъ очами послѣднихъ мрачную картину суевѣрія во всемъ ея безобразіи, объятіями любви изметъ ихъ отъ среды заблужденій и гибели. Юношество найдетъ въ пастыряхъ Церкви просвѣщенныхъ образователей своего ума и нравовъ, кои первыя искры познания содѣлають искрами вѣры, да свѣтятъ и озаряють путь жизни, не сожигая и не разрушая. Семейства обрѣтутъ въ нихъ опытныхъ руководителей душъ, способныхъ быть судіями и врачами совѣстей, предупреждать и исправлять тайныя неправды, водворятъ всюду миръ и любовь. Къ устнымъ наставленіямъ присоединится примѣръ жизни богоугодной, — и такимъ образомъ духъ благочестія, внушаемый и словомъ и дѣломъ, проникнетъ, оживитъ, укрѣпитъ и освятитъ весь многочисленный составъ жизни общественной ко благу всѣхъ и каждаго, къ радости Монарха, поставляющаго за наилучшую славу свою быть вѣрнымъ служителемъ Царя небеснаго, и путемъ благоденствія временнаго вести своихъ подданныхъ къ блаженству вѣчному.

Примѣру служителей алтаря послѣдуютъ служители наукъ и просвѣщенія. Владѣя словомъ, они не престанутъ въ слухъ всего свѣта повѣдать доблести Монарха, украшать именемъ его свои творенія: но ихъ признательность симъ не ограничится, найдетъ новый даръ, достойный августѣйшаго покровителя просвѣщенія. Сосредоточиваясь въ желаніи истиннаго блага отечеству, они соединенными усиліями стануть противъ превратнаго направленія наукъ и знаній; подвергнуть строгому испытанію плоды мудрости иноземной, и отдѣлять отъ ней все нечистое и вредное; будутъ предшествовать общественному мнѣнію здравыми сужденіями, подобясь благодѣтельнымъ звѣздамъ, указующимъ путь мореплавателю среди мрака, а не блудящимъ огнямъ, совращающимъ путника со стези истинной. Праздныя и бесплодныя умозрѣнія, зловредные вопросы и недоумѣнія навсегда изгонятся ими изъ области просвѣщенія; высокія истины разоблачатся отъ туманнаго покрова, низведутся — по крайней мѣрѣ въ своихъ слѣдствіяхъ — въ кругъ общественнаго понятія и употребленія. Полезныя изобрѣтенія, облегченіе трудовъ общественныхъ и частныхъ, усовершенствованіе всякаго рода искусствъ и орудій дадутъ самому послѣднему селянину почувствовать, что онъ, являясь во градъ, не напрасно удивляется тамъ огромнымъ святыщамъ наукъ, что въ вертоградѣ ихъ произрастають плоды, и для него полезныя. Такое служеніе истинѣ будетъ самою благопріятною жертвою Монарху, который хочетъ, чтобы его цар-

ство было царствомъ свѣта, но того, который приходитъ съ неба, а не творится на землѣ, чтобы алтарь наукъ не былъ противоположенъ алтарю вѣры, матери и дщери всякой истинной премудрости.

И въ третіемъ святилищѣ, — правосудія и законовъ, безъ сомнѣнія, обрѣтется, кромѣ хвалы, дѣятельная жертва благодарности мудрому покровителю правды. Мужу совѣта, раздѣляющіе тайны воли царевои, скорѣе всѣхъ найдутъ средства возвеселить своими дѣйствіями сердце царево. Оснѣняемые благотворною силою власти самодержавной, они не останутся на временномъ уврачеваніи язвъ гражданской жизни, тѣмъ менѣе на смоковичномъ прикрытіи наготы нѣкоторыхъ частей ея; проникнуть до самаго перваго начала слабости и недуговъ гражданскихъ, и заградятъ единожды и навсегда исходища пагубы; заставятъ войти въ предѣлы закона и справедливости, если что вышло изъ нихъ ко вреду общественному; поднимутъ изъ праха, если что лежитъ повержено въ него своеволіемъ. Вѣковые предрасудки умолкнутъ отъ всемогущаго гласа вѣчной правды; своекорыстіе усрамится само себя при видѣ опустошеній, имъ производимыхъ; безобразная личность частная исчезнетъ предъ благодѣпнымъ лицомъ отечества. По выраженію пророка, *всяка гора и холмъ смирится, всяка дѣбрь исполнится, стропотное будетъ въ правое и острое въ пути гладки*, — и тогда спасение Господне узрится. Узрится въ благотворности законовъ, равно благодѣющихъ и великому и малому, — въ единодушии и любви согражданъ, не раздѣляемыхъ рѣзкимъ противорѣчіемъ своихъ выгодъ, — въ славѣ Монарха, возмогшаго понести на своихъ раменахъ тяжесть паки бытія гражданского.

Нужно ли изводить на среду прочія сословія и изображать то, чѣмъ каждое изъ нихъ можетъ свидѣтельствовать свое истинное усердіе къ отечеству и признательность Монарху? — Но принадлежащія къ симъ сословіямъ сами еще лучше насъ могутъ знать и силы, и средства, и совершенства, и недостатки свои, то, что дѣлается ими для пользы общественной, и что можетъ быть сдѣлано во славу отечества и Монарха, каждый подвигъ добра пріемлющаго за услугу себѣ самому. Цѣль нашего собесѣдованія состоитъ не въ изложеніи обязанностей всѣхъ сословіи, а въ приведеніи на память того, что всякая истинная признательность подданныхъ къ Монарху должна состоять въ благомъ дѣйствованіи по примѣру Монарха, и что для такового дѣйствованія настощъ теперь время благоприятное.

Въ самомъ дѣлѣ, не всякое время бываетъ равно благопріятно для развитія силъ и подвиговъ на поприщѣ гражданской жизни. Народы, подобно частнымъ людямъ, не рѣдко ослабѣваютъ въ стремленіи къ цѣли бытія своего, даже совращаются съ поприща, погружаются на нѣкоторое время (горе, если навсегда!) въ усыпленіе и бездѣйствіе. Въ это время самыя великія усилія и пожертванія частныхъ людей остаются безъ плода, самыя полезныя предпріятія, прекрасныя намѣренія теряются въ пустотѣ общественнаго мнѣнія, — и великіе дѣйствователи, являющіеся въ сію эпоху бездѣйствія, большею частью содѣлываются жертвами собственной ревности. Но бываютъ въ жизни народовъ и времена особеннаго самосознанія, полнаго пробужденія, а по сему самому—необыкновенной дѣятельности. Тутъ все приходитъ въ движеніе благотворное, недостатки сами собою выходятъ наружу и настоятельно требуютъ исправленія; улучшенія представляются безъ изысканія, и приходятъ въ дѣйство безъ напряженія; все являетъ жизнь и дѣятельность; посему въ краткое время совершается то, чего не могли произвести цѣлые вѣка расслабленія гражданскаго. Вокругъ престола наипаче сосредоточивается тогда свѣтъ и жизнь: онъ содѣлывается истиннымъ подобіемъ престола Царя небеснаго, къ коему непрестанно возносятся прошенія и молитвы, и отъ коего непрестанно изливаются благословенія и милости. Въ сіе-то время каждый истинный сынъ отечества долженъ усугублять свою дѣятельность и одушевляться готовностію къ всему великому и полезному; долженъ, такъ сказать, расширять умъ для понятія всей благотворности новыхъ учрежденій, исходящихъ отъ верховной власти, расширять волю для вмѣщенія всѣхъ высокихъ чувствъ и побужденій, ею движущихъ,—ускорять стопы свои на поприще всеобщаго усовершенствованія, дабы, оставшись позади всѣхъ, не представлять изъ себя жалкаго остатка прошедшихъ слабостей.

Да повторятъ же всѣ истинные сыны отечества, да повторятъ въ настоящій день предъ лицемъ всемогущаго Бога обѣтъ употреблять, подражая примѣру Монарха, всѣ силы и способности свои къ благу отечества. Аминь.

СЛОВО

ВЪ ДНЬ СВЯЩЕННАГО ВЪНЧАНІА НА ЦАРСТВО

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, ИМПЕРАТОРА
И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО *).

Настоящій день, яко день вѣнчанія на царство благочестивѣйшаго Монарха нашего, былъ бы свѣтелъ и радостенъ для насъ, гдѣ бы мы ни провождали его—на сушѣ, или на морѣ, — на вершинѣ высокихъ горъ, или во глубинѣ мрачныхъ юдолей,—подъ яснымъ и безоблачнымъ небомъ, или подъ тучами и громами. Но день этотъ сугубо свѣтелъ и радостенъ для насъ, когда мы проводимъ его среди сихъ святыхъ горъ; когда приносимъ жертву мира и спасенія на семъ нерукотворенномъ **) престолѣ; когда возглашаемъ Богомъ-вѣнчанному и превознесенному Монарху многая лѣта съ высоты сей дивной скалы.—Здѣсь и теперь—въ торжествѣ нашемъ видимо участвуютъ всѣ стихіи и всѣ царства природы: надъ нами—голубое небо Юга и сѣннолиственныя древа Украйны; подъ нами—величавый Донецъ и мирныя стада съ ихъ пастырями; окрестъ насъ—скалы, сражавшіяся съ волнами потопа и келіи святыхъ тружениковъ, бравшихся съ силами самаго ада.

Много значитъ живая, разнообразная и величественная природа; еще болѣе значитъ духъ бессмертный, съ его стремле-

*) Сказанное при посѣщеніи паствы, 22 августа 1843 г. въ Никольской церкви, что на верху скалы, среди святыхъ горъ на берегу сѣвернаго Донца.

**) Церковь на скалѣ, до половины своей, изсѣчена изъ самой скалы.

ніемъ къ безпредѣльному, съ его предчувствіемъ вѣчнаго, съ его отрѣшенностію отъ всего земнаго. Но гдѣ величіе природы сходится съ величіемъ духа и составляетъ единое цѣлое, тамъ невольно останавливаешься въ радостномъ умиленіи, благоговѣешь и возносишься мыслию къ Создателю всяческихъ.

Много ли же мѣстъ на лицѣ земли нашей, гдѣ бы духъ и вещество сошлись такъ дружно и выразили свое взаимное дѣйствіе такъ явственно, какъ здѣсь? Рука природы—она произвела эту дивную скалу, которая цѣлыя тысящелѣтія готова, по видимому, пасть, и цѣлыя тысящелѣтія стоитъ несокрушимо, посмѣваясь измѣнчивости водъ, текущихъ у ея подножія. Безсмертный духъ—онъ слабыми руками человѣка проникъ въ сердце сихъ горъ, озарилъ и освятилъ мрачныя нѣдра ихъ молитвою, и утвердилъ среди ихъ престолъ Богу живому и вѣчному.

Падемъ же, братіе и сомолитвенники, падемъ еще разъ предъ симъ нерукотвореннымъ престоломъ, и воздадимъ славу Тому, Кто единъ и тойже въ царствѣ природы и въ царствѣ благодати, въ десницѣ Коего равно содержатся и сердца горъ и сердца сыновъ человѣческихъ! — Падемъ и проліемъ изъ глубины сердець нашихъ теплую молитву, да святое и дивное мѣсто сіе скорѣе совлечетъ печальныхъ ризъ запусѣнія, да гласъ радованія духовнаго, раздавшійся нынѣ здѣсь въ первый разъ, въ день для всѣхъ толико вождѣльный, не будетъ первымъ и послѣднимъ, и приведетъ за собою новые, неумолкающіе гласы радованія и молитвы.

Обращаясь за симъ къ предмету настоящаго торжества, я тотчасъ срътаюсь съ возглашенною нынѣ въ слухъ всѣхъ насъ заповѣдю Апостола, повелѣвающаго творить *моленія, прошенія, благодаренія за царя и за всѣхъ, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житіе поживемъ, во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (1 Тим. 2, 2). Если бы для насъ мало было побужденія къ исполненію сея заповѣди въ томъ, что она есть заповѣдь не человѣческая, а Божественная: то собственная польза наша должна бы заставитьъ каждаго исполнить ее, какъ можно прилежно. Ибо тихое и безмолвное житіе само по себѣ есть благо крайне вождѣльное для всякаго мирнаго гражданина; а житіе во всякомъ благочестіи и чистотѣ есть верхъ желаніи для каждаго истиннаго христіанина. Но все это, какъ учитъ Апостолъ Христовъ,—и тишина и безмолвіе, и чистота и благочестіе, во многомъ зависятъ отъ царя, и *тѣхъ, иже во власти суть*. Кто убо желаетъ достигнуть цѣли—наслаждаться сими благами, тотъ

по сему самому долженъ употреблять и средства, ведущія къ цѣли, то есть, приносить моления за царя и его скипетръ.

Еще мудрецъ древнихъ временъ замѣтилъ, что царь какъ солнце въ своемъ царствѣ: солнце сокрылось на западѣ, и всюду темнота и мракъ, все живущее предается бездѣйствию и сну; солнце затмилось луною, и у всей природы печальный видъ, среди дня наступаетъ ночь, вездѣ недоумѣние и страхъ; солнце покрылось только облаками, и уже не такъ ясно и не такъ отрадно, не то небо, не та земля, не тѣ всѣ вещи. Таково солнце по дѣйствию на природу: таковъ и царь по дѣйствию на его царство. Вспомните судьбу отечества,—кто поставилъ его на верхъ могущества и славы? Цари православные. Вспомните судьбу Церкви отечественной,—кто содѣйствовалъ ея распространению, украшению, благолѣпю? Цари православные. Жизнь народа русскаго всегда была соединена съ жизнью царя русскаго, и, можно сказать, заключена въ ней: вмѣстѣ страдали и терпѣли, вмѣстѣ молились и уповали, вмѣстѣ сражались и побѣждали, вмѣстѣ радовались и торжествовали. Посему молиться о царѣ для русскаго значитъ тоже, что молиться о царствѣ, тоже, что молиться—о себѣ самомъ.

Помолимся же, братіе, со всею крѣпостию вѣры, со всею теплою любви о благочестивѣйшемъ Монархѣ нашемъ, да Господь продлитъ дни жизни его до послѣднихъ предѣловъ земнаго бытія человѣческаго,—да не оскудѣваетъ крѣпость десницы его на отраженіе всѣхъ враговъ отечества, къ низложенію всѣхъ преградъ народнаго благоденствія, къ совершенію всѣхъ великихъ и благихъ помысловъ души его,—да озаряется умъ его свѣтомъ свыше, на усмотрѣніе всего, что потребно для многочисленныхъ народовъ и племенъ, находящихся подъ Его могущественнымъ скипетромъ, да исполняется сердце его теплою любви небесной, на призрѣніе всего страждущаго, утѣсняемаго, обидимаго,—да не приближаются къ нему, или да исчезаютъ отъ лица его всѣ духи злобы и лукавства, въ какомъ бы видѣ они ни представлялись, и какую бы личину ни принимали,—да обрѣтаетъ онъ источникъ утѣшенія, похвалу и награду (другой нѣтъ на земли для царей) въ искренней любви своихъ подданныхъ, въ мирѣ и чистотѣ своей совѣсти, въ твердомъ чаяніи вѣнца небснаго! О семъ помолимся нынѣ.

Но, Апостолъ заповѣдуетъ, не только просить и молиться о царѣ, но и благодарить за царя: *моления, прошенія и благодаренія.*

Счастливы мы, что можемъ отъ всей души исполнить и сію часть заповѣди апостольской! Ибо сколько предметовъ благодарности за царя, при самомъ поверхностномъ взглядѣ на его царствование!

Святая Церковь—предметъ благодарности. Пастыри ея прирѣчны и успокоиваются отъ нуждъ, ихъ обстоявшихъ; миллионы отторгнутыхъ чадъ Церкви возвращены въ нѣдра ея; предъ юношами, воспитывающимися на служение алтарю, открыты всѣ источники древняго благочестія и облегчено ихъ употребленіе.

Законы—предметъ благодарности. Они не составляютъ болѣе отрывковъ, разбросанныхъ тамъ и здѣсь, обрѣтеніе коихъ стоило столько труда и давало столько поводовъ къ злоупотребленіямъ, а соединены, слиты, можно сказать, въ одно зеркало и представлены взору всѣхъ, да каждый видитъ и свои права и свои обязанности.

Воспитаніе юношества—предметъ благодарности; ибо въ основаніе его положено не легкомысленное мудрованіе вѣтротлѣнной учености иноземной, а вѣра святая, нравы благіе, древняя любовь къ престолу и отечеству.

Судьба низшихъ классовъ народа — предметъ благодарности. Мудрое правительство въ самую послѣднюю хижину старается внести довольство и радость, свѣтъ необходимаго познанія и охоту къ труду честному.

Слава отечественная—предметъ благодарности. Гдѣ не отразилась она? И на высотѣ Арарата, и въ дебряхъ Кавказа, и на берегахъ Дуная и Вислы, и въ грозномъ блескѣ оружія, и въ мирномъ подвигѣ наукъ, искусства и торговли.

Видите, сколько причинъ къ благодарности! Между тѣмъ, мы указали только на одно то, что предъ взоромъ всѣхъ и каждаго. А сколько частныхъ благотворныхъ учрежденій! Сколько мудрыхъ узаконеній и правилъ! Сколько градовъ возстановленныхъ, путей новопроложенныхъ, неправдъ посрамленныхъ, благихъ подвиговъ, изведенныхъ во свѣтъ!

Какъ же за все сіе не возблагодарить Господа и, преклонивъ колѣна, не сказать: удивилъ еси милость Твою на насъ, Господи, оправдавъ царствовать надъ нами возлюбленнаго раба Твоего, благочестивѣйшаго Монарха нашего!

Не можемъ послѣ сего сомнѣваться и въ томъ, чтобы сердце царево, столь благодвижное на все общепольное, не обратило державнаго взора его и на сіе святое мѣсто, да будетъ оно наку

гѣмъ, чѣмъ было нѣкогда, и чѣмъ судила ему быть десница Творческая, такъ давно его преукрасившая!

Святителю Христовъ *), имени коего посвященъ храмъ сей! Тебѣ угодно было ознаменовать мѣсто сіе дивнымъ ликомъ твоимъ: буди убо самъ ходатаемъ за него у престола Помазанника Божія, который, нося твое имя, любитъ подражать и твоимъ дѣяніямъ. Аминь.

*) Въ храмъ находится явленная икона Святителя Николая.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ВЪНЧАНІА ВЪ ЦАРСТВО

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИСКАГО, И ВЪ ДЕНЬ ОСНОВАНІА ГОРОДА ОДЕССЫ *).

 о милости Божіей, опять явились къ намъ два свѣтлыхъ празднества наши! Опять мы торжествуемъ день вѣнчанія на царство благочестивѣйшаго Монарха нашего, и вмѣстѣ съ тѣмъ снова воспоминаемъ день основанія и рожденія божоспасаемаго града нашего! Кто могъ сочетать сіи два событія во едино? Единъ Тотъ, Кто нарицаетъ *не сущая, яко сущая* (Рим. 4, 17), Коему отъ вѣка извѣстны всѣ дѣла Его и наши. Онъ восхотѣлъ, дабы мы въ настоящи день радовались радостно не единою, а сугубою, не въ-примѣръ, такъ сказать, всѣмъ прочимъ градамъ земли отечественной. Возблагодаримъ убо Господа и мы сугубымъ благодареніемъ за сугубую милость, возблагодаримъ какъ за то, что Онъ продолжаетъ хранить въ здравіи и крѣпости возлюбленнаго Монарха нашего, такъ и за то, что Его же державною силою стоитъ непоколебимо, высится, растеть и процвѣтаетъ градъ нашъ!

Да, братіе мои, есть, чему порадоваться въ настоящи день сердцу русскому о царѣ своемъ! Какъ свѣтель и блистателень вѣнецъ на главѣ его! Какъ благоуханно мвро, измянное на сію главу у престола Вседержителя! Сколько великихъ и славныхъ

*) Печатано съ рукописи.

начинаній, совершенныхъ успѣшно во славу Божию и въ честь Россіи! Сколько препятствіи, преодолѣнныхъ — то мужествомъ, то мудростию и разумомъ, то терпѣниемъ и самоотверженіемъ христіанскимъ! Недостанетъ цѣлаго дня, если бы захотѣли повѣствовать предъ вами о томъ, что совершенно великаго и общепользнаго въ это единственное царствованіе... И теперь, въ настоящую минуту, куда устремлены взоры цѣлаго свѣта? Устремлены на скипетръ Монарха всероссійскаго, отъ единого мановенія руки коего — зависитъ миръ цѣлаго міра. И онъ ли нарушитъ его? Но что дѣлать съ ослѣпленіемъ неразумнаго сосѣда, который, подобно малымъ дѣтямъ, вращая въ слабой рукѣ своей, дѣтское оружіе, думаетъ, что онъ не побѣдимъ, и можетъ безнаказанно попираетъ права единовѣрныхъ братьевъ нашихъ? Что дѣлать съ завистию прочихъ народовъ, коимъ величіе и сила Россіи — какъ терно въ окѣ, кои желали бы, чтобы эта сила была употребляема только на защиту ихъ, и никогда — для собственной нашей чести и выгоды?

Если они забываютъ и не хотятъ знать, то онъ никогда не можетъ забыть своего, что онъ есть слуга Божіи въ отмщеніе всѣмъ, творящимъ злое. Чтобы они ни дѣлали, къ чему бы ни обращались, слово царя русскаго изречено и не пройдетъ. Мы получили то, что намъ слѣдуетъ: луна не взойдетъ на верхъ креста!..

Есть, чему порадоваться въ настоящий день сердцу и гражданину одесскаго о градѣ своемъ! Градъ сей не прожилъ еще жизни одного человѣка; и гдѣ не извѣстно имя Одессы? Откуда не стремятся къ подножію ея корабли иноземные? И чѣмъ служимъ мы странамъ дальнимъ и ближнимъ? Тѣмъ, что есть самаго необходимаго для человѣка — пищею! Градъ нашъ по всей справедливости можно назвать житницею народовъ. Посему-то на всемъ пространствѣ земли Русской нѣтъ града, который бы росъ съ такою быстротою, отъ благосостоянія коего зависѣло бы благо столькихъ градовъ и весей. И будетъ расти и будетъ укрѣпляться, если Господь пробавитъ намъ милость!

И здѣсь-то корень силы и могущества града нашего.

Кто можетъ лишитъ насъ сего природнаго нашего преимущества? Посему-то, радуясь за настоящее, мы можемъ радоваться и за будущее.

(Не кончено).

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРИНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ *).

а пять дней мы торжествовали свѣтло день рождения благочестивѣйшаго Государя нашего; нынѣ не менѣе свѣтло и радостно торествуемъ день рождения благочестивѣйшей Государини. Такъ промыслъ Божіи въ самомъ происхожденіи ихъ на свѣтъ предуказалъ, что они какъ бы созданы другъ для друга.

А двадцати-пятилѣтнее царствование явило предъ лицомъ всего свѣта, что они произошли на свѣтъ для блага Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на Домъ царственный: невидимо ли само собою идутъ къ нему прекрасныя слова Давида: *жена его яко лоза плодовита; сынове его, яко новосажденія масличная окрестъ трапезы его. Се тако благословится чловѣкъ, бояися Господа* (Пс. 127, 3—5)!

Немало было радостей дано видѣть Россіи въ продолженіе предшествующихъ царствованіи: много веселилъ и утѣшалъ ее Петръ Великій своими безпримѣрными подвигами, Елисавета — своею кротостію и чловѣколюбіемъ, Екатерина — мудрыми учрежденіями, Александръ Благословенный — мужественнымъ единоборствомъ съ Голаѳомъ временъ нашихъ. Но ко всѣмъ симъ ра-

*) Сказанное 1 июля 1851 года.

Печатано съ рукописи.

достямъ о настоящемъ, всегда почти примѣшивалось опасеніе за будущее. Невольно смущала мысль,—кто и какъ будетъ продолжать счастье Россіи?

Нынѣ мы свободны отъ всѣхъ подобныхъ опасеній: нынѣ радость наша о благоденствіи отечества есть радость полная и даже сугубая; ибо мы можемъ радоваться не только за настоящее, но и за будущее. Почему? Потому, скажемъ опять словами св. Давида, что жена, сынове, даже внуки вѣнценосной четы, яко новосажденія масличная окрестъ трапезы ихъ.

Уже одно попеченіе о такомъ благословенномъ семействѣ могло бы занять умъ и сердце августѣйшей Виновницы настоящаго торжества: но, подобаясь приснопамятной Маріи, она восхотѣла бытъ не только матерію своего семейства, но и матерію всего отечества, пріявъ подъ державную руку свою всѣ вертоградъ воспитанія, гдѣ образуются будущія матери семействъ. Если бы въ сихъ вертоградахъ сохранилось одно то, что было сдѣлано для нихъ чадопопечительной Маріей: и тогда Россія обязана была бы вѣчною благодарностію благочестивѣйшей преемницѣ ея; но сколько новыхъ улучшеній и удобностей! Сколько знаковъ и доказательствъ, что августѣйшая Покровительница ихъ неусыпно помышляетъ о возведеніи ихъ на самую послѣднюю высоту нравственнаго и вещественнаго совершенства!

Удивительно ли, послѣ сего, если день настоящій, въ который дано было нашей Монахинѣ увидѣть сей свѣтъ, торжествуется вездѣ, и особенно въ управляемыхъ ею вертоградахъ воспитанія, не по обычаю только и уставу, а отъ всей души и сердца? Въ семь случаевъ любовь истинно материнская невольно и естественно вызываетъ любовь истинно дѣтскую.

Какое утѣшительное зрѣлище было бы, если бы въ настоящій день могли совокупиться во едино всѣ образующіеся подъ мирнымъ покровомъ Монахини, и едиными устами и единымъ сердцемъ возгласить молитву о ея здравіи и благоденствіи! Какъ отрадно было бы и для ея материнскаго сердца предстать нынѣ въ каждомъ изъ вертоградъ воспитанія, и сказать самой послѣдней изъ питомицъ: и ты не забыта мною!

Но, если по плоти она удалена отъ насъ, то по духу она съ нами; и безъ сомнѣнія, когда мы будемъ молиться о ней, и Она молитвенно вспомнеть насъ.

Дадимъ же обѣтъ какъ бы предъ ея собственнымъ лицемъ—тѣ, кои оканчиваютъ поприще своего образования—доказать нравами и дѣлами, вѣрою и терпѣніемъ, что онѣ не напрасно про-

вели юность свою подъ ея высокимъ покровомъ, а тѣ, коимъ предлежитъ еще идти по сему поприщу—свидѣтельствовать свою любовь къ ней прилежаніемъ, послушаніемъ и благонавіемъ! Аминь.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРИНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ

АЛЕКСАНДРЫ АВОДОРОВНЫ *).

огодухновенный писатель книги Притчей, желая въ концѣ ея начертать образъ жены, украшенной всѣми совершенствами ея пола, чѣмъ бы вы думали, братіе, начинается свое изображение?—Недоумѣняемъ о томъ, скоро ли найдется на самомъ дѣлѣ лице, имъ изображаемое. *Жену доблю*, говоритъ онъ, *кто обрящетъ? — дражайши есть каменя многоцѣннаго таковая* (Прит. 31, 10).

Какою же радостно обрадовалось бы сердце мудреца израилева, еслибы ему дано было провидѣть то, что совершается надъ возлюбленнымъ отечествомъ нашимъ!—Здѣсь является не одна, а цѣлый сонмъ доблественныхъ женъ, является не въ низкой долѣ, гдѣ все, сколько нибудъ выходящее изъ среды, представляется необыкновеннымъ, а на престолѣ, гдѣ и великому трудно не казаться малымъ. Какихъ доблественныхъ женъ не было на престолѣ, или у престола Россіи? Не восходя къ временамъ древнимъ, такъ богатымъ въ семъ отношеніи великими воспоминаніями, здѣсь, въ продолженіи одного послѣдняго вѣка, видимъ Екатерину I-ю, которая, обращаясь въ лучезарномъ сіяніи такого необыкновеннаго свѣтила, каковъ былъ Петръ Великій, умѣла не потерять своего блеска, и быть для всѣхъ постоянно примѣтною. Видимъ Елисавету, которая, подобно радугѣ послѣ тучъ, восходитъ на мрачномъ тогда небосклонѣ Россіи, какъ бы въ знаменіе того, что предшествовавшая царствованію ея бури по-

сланы были Провидѣніемъ для упражненія, а не для потопленія корабля государственнаго, и что послѣ нихъ, вмѣстѣ съ нею, наступитъ продолжительное ведро и благораствореніе воздуха. Видимъ Екатерину, вторую по числу, но несравненную по царственному величію и мудрости, у коей перо всегда спорило съ мечемъ о побѣдахъ, коея одного имени достаточно было вмѣсто всѣхъ надписей на памятникѣ великому Преобразователю Россіи. А сердобольная Марія, давшая великіи примѣры, какъ, не бывъ самодержавною, можно обладать и повелѣвать сердцама, какъ, безъ побѣдъ и завоеваніи, можно усвоить себѣ всю область благотворенія, и наречь имя свое на всѣхъ челоуѣколюбивыхъ учрежденіяхъ? А кроткая Елисавета, умѣвшая создать для себя особый родъ дивнаго величія — царицы христіанки, блистающей глубокою преданностію Промыслу и самоотверженіемъ болѣе, нежели вѣнцемъ царственнымъ?—скажите сами, не это ли жены дивныя и добліи, коихъ искалъ священный мудрецъ израилевъ?

Что и нынѣ дѣлаемъ мы, какъ не торжествуемъ тезоименитство жены царственной, служащей украшеніемъ своего пола?—Здѣсь должно оставить всякое витіиство: рассмотрите сами Соломоново описаніе жены доблественной, сличите его съ дѣянїями Монархини нашей: и вы увидите, что благословенное отечество наше не только въ своемъ прошедшемъ, но и въ своемъ настоящемъ обладаетъ тѣмъ, что вѣнчанный мудрецъ израилевъ едва надѣялся обрѣсти въ будущемъ.

Доблественная жена, искомая Соломономъ, первѣе всего окружена благословеннымъ семействомъ, для коего она служить образцемъ. И много ли, скажите, на всемъ шарѣ земномъ домовъ царственныхъ, кои могли бы сравниться въ семь благословеніи Божіемъ со всеблагословеннымъ домомъ всероссійскимъ? Семь сыновъ и дочерей царственныхъ у насъ какъ семь вѣтвей въ златомъ свѣтильникѣ, который въ храмѣ Соломоновомъ всегда горѣлъ предъ лицемъ Іеговы.

Доблественная жена,—по Соломону,—служитъ ко всеобщему уваженію своего мужа (Прит. 31, 23). Къ вѣнцу россійскаго Монарха что придать? — Между тѣмъ Монархиня наша, связуя собою два могущественные народа, безъ сомнѣнія, служитъ не мало къ умаленію страха въ сердцахъ враговъ нашихъ. Къ чему другому, какъ не ко всеобщему уваженію нашего Дома царственнаго служить и прекрасная картина семейственнаго мира, счастья и любви, постоянно видимая на престолѣ россійскомъ? А кто, послѣ Монарха, славнымъ виновникомъ ея, какъ не Монархиня?

Отъ жены доблей Соломонъ требуетъ, чтобы благорасположение ея не ограничивалось одними кровными и присными, чтобы рука ея была отверста на помощь всякому бѣдствующему (Прит. 31, 20). У нашей Монархини столько присныхъ, сколько бѣдствующихъ. Потокъ царственныхъ благотвореннй ея, извинаясь у Престола, видимо течетъ по всѣмъ областямъ пространнаго отечества, до послѣднихъ предѣловъ его. А сколько струй исходить невидимо! сколько орошеннй совершается непримѣтно!

Жена Соломонова прилежитъ устройству своего дома (Прит. 31, 15): наша Монархиня не имѣетъ нужды устроить благоустроеннаго; но въ замѣнъ сего, ревностно содѣйствуетъ благоустройству обширнаго дома государственнаго, образуя подъ державнымъ покровомъ своимъ многочисленныя сонмыб удущихъ женъ и матерей, образуя не по началамъ токмо и нуждамъ вѣка сего, но и по святымъ требованнямъ вѣка онаго.

Наконецъ, и та черта жены Соломоновой, коея осуществленнй, по видимому, такъ трудно ожидать въ женѣ-порфиросной, то-есть, что она, при всѣхъ высокнхъ совершенствахъ своихъ, не забываетъ мирныхъ домашнихъ занятнй своего пола (Прит. 31, 13), и снй черта прекраснымъ образомъ осуществляется въ нашей Монархинѣ. Кто не слышалъ, и слыша не радовался, какъ она, истинно благочестивѣйшая, повергла плодъ трудовъ собственныхъ рукъ своихъ къ подножню новоявленнаго Святителя и Чудотворца Воронежскаго? Поступокъ, который въ слухъ всего отечества громко засвидѣтельствовалъ, что Монархиня наша, будучи превосходною матерню чадъ своихъ и чуждыхъ, есть въ тоже время истинная дщерь Церкви православной.

Послѣ сего, братнй, я не думаю, чтобы мнѣ нужно было много располагать васъ къ усердной молитвѣ о здравнн и благоденствн августѣйшей Виновницы настоящаго торжества. Истинныя сыны отечества давно всѣ глубоко убѣждены, что съ жнзнью ея соединено благоденствнй царственнаго Дома и всего отечества. Итакъ, поспѣшимъ прейти отъ словесъ назиданнй къ слову молитвы, и произнести нашими устами то, что уже давно предназначено вашими сердцами. Аминь.

СЛОВО

НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ

АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНЫ *

 какъ многое должно было измѣниться съ кончиною почившаго въ Бозѣ Монарха нашего! Съ нею перемѣнилось число и значеніе самыхъ торжественныхъ дней нашихъ: одни изъ нихъ возвысились, другіе умалились, иныя переиначены въ своемъ характерѣ.

Къ числу послѣднихъ принадлежитъ день настоящи. Священная торжественность его не возвысилась и не умалилась, но получила новое какое то, умиленное значеніе. Доселѣ мы освящали празднованіемъ день сей, какъ день тезоименитства возлюбленной Монархини нашей, августѣйшей супруги Самодержца всероссійскаго; отселѣ онъ будетъ освящаемъ молитвою, какъ день Ангела порфиросной вдовы и матери осиротѣвшаго Семейства царскаго. Достоуважаемо было лице Монархини, когда она возсѣдала на Престолѣ одесную августѣйшаго Супруга своего; не менѣе священно и вмѣстѣ съ тѣмъ умиленно будетъ лице ея на томъ же Престолѣ о страну Сына-Монарха. Трудившись такъ постоянно и усердно для блага Россіи, въ качествѣ Богомъ вѣнчанной Супруги, престанетъ ли она благотворно дѣйствовать на судьбу ея, въ качествѣ порфиросной Матери?

Если что могло-бы воспрепятствовать сему, то развѣ одна

*) Произнесенное въ одесскомъ кафедральномъ соборѣ, апрѣля 23 1855 г.

слабость состава тѣлеснаго и недостатокъ силъ; ибо этотъ кринь райскій подвергся изнеможенію отъ самаго обилія цвѣта и плодоношенія своего для счастья Россіи. Но опыты непрестающей духовной дѣятельности, являемые столько лѣтъ среди самой немощи тѣлесной, особенно-же тотъ, истинно-христіанскіи и потому истинно-великіи и твердый духъ, съ коимъ Монархія срѣтила неожиданную кончину Супруга своего, показали всему свѣту, что и надъ нею, по ея искренней вѣрѣ въ Господа силъ, сбылось отрадное слово Апостола, что въ то самое время, когда внѣшній и плотяный человѣкъ нашъ изнемогаетъ, внутренніи и духовный, силою благодати, обновляется и становится болѣе крѣпкимъ (2. Кор. 4, 16). Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ ожидать, что она, немощная, явится у смертнаго одра Супруга своего не съ безотрадною горестію, а какъ нѣкій, невозмутимый ничѣмъ, земный Ангелъ, имѣющіи сопроводить его въ вѣчность? Какъ трогательно готовится она его къ принятію св. таинствъ Церкви! Съ какимъ присутвіемъ духа услаждаетъ для него своею чистою любовію горечь послѣднихъ болѣзней рожденія въ жизнь вѣчную! Съ какою покорностію Провидѣнію пріемлетъ она жребій оставаться на землѣ, тогда какъ душа и сердце ея парятъ за отходящимъ къ небу!

Зрѣлище столь же невиданное, какъ и трогательное! Предъ лицемъ смерти мы видимъ эти два существа въ расположеніи духа, подобномъ тому, какъ они шествовали нѣкогда предъ св. налой вѣнчальный, и снова вопрошающими другъ друга о любви. Въ то время они соединяли земную судьбу свою на вѣки; теперь они же соединяются снова повтореніемъ того же обѣта на всю вѣчность. И что служить предметомъ и цѣлю сего, вновь повторяемаго, союза и, можно сказать, таинства? Уже не счастье собственное и личное, а благо отечества, счастье Россіи.

Въ книгахъ Царствъ читаемъ, какъ великіи поборникъ и учитель народа израильскаго, Илія, во время преставленія своего на небо, оставилъ преемнику своему въ званіи пророческомъ, Елисею, чудотворную милоть свою, въ знаменіе имѣющаго почитать на немъ *сугубаго духа* пророчества. Не погрѣшимъ, если позволимъ себѣ сказать, что и наши вѣнценосный Поборникъ земли отечественной и православія, отходя въ міръ высшій, оставилъ супругѣ своей, какъ нѣкую милоть, примѣръ своя живой и непоколебимой вѣры въ Бога, да возымѣетъ и она *духъ сугубый* любви къ отечеству, то есть, уже не за себя токмо единую, но и за него. «Ты будешь жить для нихъ!», вѣщаль

онъ, умирая. Сими священными словами вѣнценосная Вдова какъ бы посвящена въ великое званіе сердобольной Матери и августѣйшаго семейства, и всего осиротѣвшаго отечества.

О, этотъ священный завѣтъ будетъ исполненъ вѣрно! Жившая для блага Россіи доселѣ, не престанетъ жить для сего же блага и отселѣ, пока Владыка жизни не воззоветъ ее самую отъ земли.

Наше дѣло и нашъ долгъ, братія мои, усердными молитвами привлекать свыше силу и крѣпость на царственную Подвижницу, да, при помощи всявосполняющей благодати Божіей, *горсть луки* и малый *чванецъ еля* (3 Цар. 17, 14) силъ естественныхъ не оскудѣютъ въ ней на исполненіе ея новаго, великаго и святаго предназначенія — замѣнять собою съ вѣнценоснымъ сыномъ своимъ почившаго въ Бозѣ Монарха.

Царю царствующихъ и Господи господствующихъ, коего неспавѣдимою, но, безъ сомнѣнія, премудрою и всеблагою волею возванъ отъ насъ возлюбленный Монархъ нашъ, услыши молитву смиренныхъ рабъ твоихъ: и *еще* не до конца прогнѣванъ еси грѣхами нашими, то да явится знаменіе милосердія Твоего къ намъ въ продолженіи дней и въ укрѣпленіи силъ августѣйшей Матери отечества! Да придетъ въ исполненіе надъ нею и завѣтъ отшедшаго къ Тебѣ Супруга ея, и всеобщее желаніе Россіи, и Твое собственное слово, глаголющее: *яко единъ поемлется, а другая оставляется* (Мат. 24, 40—41). Аминь.

СЛОВО

НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА БЛАГОВѢРНАГО ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА *).

О Сынъ Самодержца небеснаго, возлюбленномъ Спасителѣ нашемъ, сказано въ писании, что самое имя Его есть какъ драгоцѣнное, всѣхъ услаждающее, благоухаше: *муро изліяное имя твое* (Пѣсн. Пѣсн. 1, 2). Подобное къ утѣшенію нашему въ настоящій день, можемъ сказать мы и объ августѣишемъ Имянинникѣ нашемъ, благовѣрномъ Государѣ, Наслѣдникѣ престола всероссійскаго; ибо одно имя его напоминаетъ собою все, что было въ древнихъ и новыхъ временахъ между людьми великаго и доблестнаго, благаго и ободряющаго: *муро изліяное имя твое!*

Въ самомъ дѣлѣ, низходимъ ли въ глубь отдаленныхъ вѣковъ, въ самый древній міръ языческій: тамъ подъ именемъ Александра срѣтаетъ насъ юный герой, который необыкновенными дѣянiami и доблестію своею наполнилъ всю вселенную, въ немногіе годы успѣлъ перемѣнить лицо едва не всей земли, казался многимъ превыше естества человѣческаго, и самою—рановременною—кончиною своею далъ поводъ и случай къ образованію цѣлыхъ новыхъ царствъ и владѣній.

Останавливаемся ли вниманіемъ на временахъ среднихъ: здѣсь

*) Произнесенное въ храмовой церкви рижельскаго лицея, 30 августа 1854 года.

подъ именемъ Александра находимъ въ собственномъ отечествѣ великаго челоуѣка—другаго рода, который умѣлъ не только быть героемъ на полѣ брани и поражать враговъ, но и забывать свое мужество и смиряться для блага отечества; который служилъ отрадою для народа своего въ самую тяжкую годину потери государственной независимости, и успѣлъ заслужить уваженіе самыхъ притѣснителей его — монголовъ, по кончинѣ коего потому, со всею справедливостію, на всѣхъ краяхъ отечества говорили: *закатилось солнце земли Русской!*

Возвращаясь за симъ ко временамъ ближайшимъ и недавнимъ, съ радостію видимъ предъ собою Александра Благословеннаго, съ его примѣрною твердостію въ отраженіи нашествія на Россію повелителя галловъ и съ, ними двадцати языкъ, съ его мудростію и благоразуміемъ въ сонмѣ царей, среди предводительства противу общаго врага цѣлыхъ народовъ, съ его неустошимымъ великодушіемъ, которое не умѣло отмщевать врагамъ своимъ иначе, какъ благодѣяніями.

Вотъ, кто является намъ въ дѣписаніяхъ — чуждыхъ и нашихъ—подъ именемъ августѣйшаго Имянинника нашего! Какъ не сказать послѣ сего и о немъ, что самое имя его есть, яко *муро изліяное?*

Хотя это муро еще находится теперь, можно сказать, подъ печатію, и не отверсто къ благоуханію всѣхъ и каждаго; но, по свойству мюра, оно не могло не дать себя почувствовать многимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, обоняла уже воню мюра сего Россія, слыша, какъ будущій Наслѣдникъ престола, еще въ самыхъ юныхъ лѣтахъ, былъ внимателенъ къ изученію всѣхъ полезныхъ знаній, и особенно тѣхъ, кои преимущественно потребны для благоуспѣшнаго управленія царствомъ;—какъ въ исторіи судебъ народныхъ останавливали вниманіе его, радовали и умиляли его, особенно тѣ событія, въ коихъ проявляется благость и милосердіе, великодушіе и самоотверженіе на пользу общую.

Еще болѣе обоняла это муро Россія, взирая съ утѣшеніемъ и радостію на картину семейнаго счастья, коимъ при благословеннѣ Божіемъ, умѣлъ окружить себя августѣйшій Наслѣдникъ престола, когда пришло къ тому время; ибо, если къ кому, то къ нему со всею силою можно приложить слова св. Давида: *жена его яко лоза плодovitа: сынове и дщери его, яко новосажденія масличная окрестъ трапезы его* (Псал. 127, 3. 4).

Обоняла воню этого мюра Россія, слыша, какъ будущіи повелитель царства проникнуть уваженіемъ и любовію къ своимъ

августѣйшимъ родителямъ, и что это чувство не умалилось и тогда, когда онъ самъ содѣлался главою семейства.

Обоняла воню этого мвра Россія, зная, съ какою неутомимостию будущій отецъ отечества печется о воспитаніи всѣхъ будущихъ защитниковъ отечества, съ какою горячностью сорадуется ихъ успѣхамъ, какъ охотно входитъ въ нужды не только ихъ собственныя, но и семействъ ихъ. Съ радостію изъ всѣхъ краевъ Россіи текутъ подъ кровь воспитанія благородныя отрасли благородныхъ родителей, зная, что во главѣ сего воспитанія стоитъ тотъ, кому вѣрою и правдою должны служить нѣкогда воспитываемые.

Обоняла воню этого мвра Россія, слыша, что будущій распорядитель судебъ ея, присѣдая въ совѣтъ августѣйшаго Родителя своего, отличается не однимъ постояннымъ вниманіемъ къ дѣламъ царственнымъ, но и зрѣлостію своихъ мыслей и сужденій, пронизаніемъ въ самое существо дѣлъ и предпріятій, съ ихъ послѣдствіями.

Обоняла наконецъ, Россія воню этого мвра, постоянно слыша, что господствующее качество Наслѣдника царева есть кротость нрава и благодѣтельность сердца, — тѣ боголюбезныя свойства, кои влекутъ къ себѣ сердца людей и въ частномъ быту, тѣмъ паче на престолѣ, и низводятъ на человѣка и дѣла его благословеніе небесное.

Такова воня мвра, еще находящагося, какъ я сказалъ, подъ печатью. Придетъ время, когда печать снимется, и мвро, по выраженію писанія, проліется — *муро излиянно*. О, каковое благоуханіе должно распространиться тогда по всѣмъ краямъ отечества! Въ то время и неимущіе еще чувствъ, *обученныхъ долгилъ учениемъ* (Евр. 5, 14) и опытомъ, не замедлятъ рещи съ невѣстою Соломоновою: *влеку насъ въ слѣды тебѣ, въ воню мвра твоего течель* (Пѣсн. Пѣсн. 1, 3)!—Аминь.

СЛОВО

ПО ВОЗВРАЩЕНИИ ИЗЪ МОСКВЫ ПОСЛѢ ПРИСУТСТВІЯ ТАМЪ

ПРИ СВЯЩЕННІИХЪ ПРОВОДѢНІИ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВОЗВРАЩЕНІИ *).

о возвращении изъ царствующаго града, мы ни разу еще, оратіе мои, не побесѣдовали съ вами пастырски о томъ великомъ событіи, которое тамъ совершилось. Между тѣмъ душа наша доселѣ преисполнена разныхъ впечатлѣній отъ видѣннаго и слышаннаго тамъ. Поелику же краткая повѣсть о семъ можетъ и доставить вамъ радость и послужить въ общее назиданіе, то мы и предложимъ ее нынѣ вамъ вмѣсто всякаго обыкновеннаго поученія.

Итакъ, по разлукѣ съ вами, мы снова увидѣли древній первопрестольный градъ нашъ, и подивились множеству его златоверхихъ храмовъ, изъ коихъ однихъ можетъ составиться городъ не меньшій нашего, а еще болѣе съ радостію подивились набожному расположенію его жителей, ихъ истинно-русскимъ нравамъ и обычаямъ. — Какое тамъ всеобщее и неподдѣльное усердіе къ святынь! Какая пламенная любовь къ отечеству! Какая искренняя преданность царственному Дому! Какая вѣра въ величіе и святое предназначеніе Россіи! — О, да будетъ и преизбудетъ надъ тобою, богоспасаемый градъ, благословеніе Божіе! Не напрасно именуешься ты сердцемъ Россіи: въ тебѣ струится чистая кровь,

*) Произнесенное въ одесскомъ кафедральномъ соборѣ, 28-го октября 1856 года.

могущая оживлять все тѣло. Стой же непоколебимо, со святыми твоими храмами и нетлѣнными въ нихъ мощами угодниковъ Божіихъ, стой, какъ русскіи Араратъ, на коемъ, среди самыхъ всемірныхъ тревоженіи, всегда можетъ найти себѣ безопасное пристанище ковчегъ—русскаго православія и русскаго духа!

Посѣтили мы въ первопрестольномъ градѣ и тѣ два пресловутыя кладбища, кои, вмѣсто успокоенія почивающихъ тамъ усопшихъ, смущали собою доселѣ только живыхъ — едва не по всей Россіи отвлекая часть православной Церкви отъ лона матери своей и утверждая въ упорствѣ противу святой власти ея—прежде отпадшихъ. Давно ли сіи мѣста служили во всеобщій соблазнъ и укоръ для русскаго духа и нравовъ, составляя собою нѣкія твердыни для противниковъ истины? Теперь, какъ бы воесіявшу весеннему солнцу особенной благодати Божіей надъ ними, ледъ ожесточенія растаялъ, и явилась свѣжая нива, удобная къ пріятію сѣмянъ здраваго ученія; теперь тамъ, вмѣсто вѣковой вражды, водворилось благое начало единства съ Церковію православною и взаимной любви Христовой, такъ что тѣ, кои составляли собою вѣковую язву на тѣлѣ Церкви, скоро могутъ составить одно изъ лучшихъ ея украшеніи. Да услышатъ сіе всѣ и между нами недугующіе доселѣ духомъ сѣченія и удаленія отъ св. Церкви, и подражавъ доселѣ неразумно старѣйшимъ столичнымъ собратіямъ своимъ въ недобромъ, да возревнують подражать имъ и въ возвращеніи на путь правый, преставъ, вмѣсто Богомъ устроеннаго и хранимаго ковчега — Церкви вселенской, самочинно созидать свои малыя, неблагословенныя, ляди, опрокидывающіяся и потопляющія сѣдящихъ на нихъ—при первомъ порывѣ вѣтра.

Видѣли мы потомъ въ первопрестольной столицѣ сонмъ избранныхъ сыновъ отечества, кои изъ всѣхъ сословіи и со всѣхъ концовъ Россіи стеклись для присутствія при священнѣйшемъ коронованіи того, кто, по самому сану своему, есть отецъ отечества. Какой величественный и достоуважаемый сонмъ! Тутъ во всей силѣ видно было, что значитъ русскіи смыслъ и взглядъ, русскій опытъ и дальновидность, особенно — русское сердце и чувство! Какого добра нельзя ожидать отъ подобнаго совокупленія талантовъ и мудрости народной? На челѣ каждого было видно, что всѣ собранные пламенѣютъ чистою любовію къ царю и отечеству, и готовы на всѣ подвиги и жертвы, — только бы стояла непоколебимо св. Церковь, только бы цвѣла и благоденствовала Россія, только бы возвышался и укрѣплялся престолъ царскіи!

Видѣли мы въ тоже время и избранный сонмъ сыновъ ино

земныхъ, кою, по гласу повелителей своихъ, явились для привѣтствія отъ ихъ имени Самодержца всероссійскаго, въ день торжественнаго вѣнчания его на царство. Каждый изъ нихъ старался блистать свѣтомъ своей страны и своего народа, изъ коихъ многіе, какъ вѣдаете, велики и славны; но этотъ, соединенный и усиленный, свѣтъ нисколько не затмѣвалъ собою величественное сияніе солнца русскаго.— Не смотря на недавность и ожесточенность прошедшей брани нашей едва не съ цѣлымъ западомъ, ни у кого изъ нихъ, ни на лицѣ, ни въ устахъ, не было слѣдовъ прежней вражды. Думаемъ, что ея не было теперь ни у кого изъ нихъ и въ сердцѣ; ибо за что было враждовать противу насъ и прежде? — Только духъ тьмы и злобы могъ кознями своими смутить на время такъ неожиданно и глубоко великую семью народовъ христіанскихъ. Но послѣ нашей истинно-великодушной готовности къ миру, который нуженъ былъ еще болѣе для нихъ, нежели для насъ, самые недовѣрчивые и мнительные должны были убѣдиться, что мы не тѣ, какими представляли насъ зависть и лукавство, что мы не враги, а блюстители и друзья всемірнаго порядка и спокойствія.

Видѣли мы во всей полнотѣ нашъ августѣйшій домъ царственный, и взирая на эту священную полноту, на стройность, любовь и благолѣпіе, въ немъ царствующія, невольно приводили себѣ на память слова св. Давида, изображающія благословеніе Божіе надъ домомъ человѣка богобоязненнаго: *блаженъ мужъ, бойся Господа! Сильно на земли будетъ сѣмя его; слава и богатство въ дому его. Жена его яко лоза плодовита. Сынове его, яко новосажденія масличная окрестъ трапезы его* (Псал. III, 1—3.27,3). Осуществленіе такой богоначертанной картины отрадно срѣтись и въ хижинѣ: тѣмъ вождельннѣе и поучительнѣе для всѣхъ была она — на престолѣ.

Наконецъ, мы удостоились быть при совершеніи самаго священнѣйшаго коронованія августѣйшаго Монарха и Супруги его, и молитвенно участвовать въ ономъ. Ахъ, братіе, что было видимо и слышимо тутъ, — послѣ того, нѣтъ уже мнѣ кажется, что можно бы видѣть и слышать болѣе величественнаго на этой землѣ, въ нашемъ мірѣ человѣческомъ; остается только уготовлять себя къ видѣнію и слышанію того, что превыше земли и людей...

Какъ свѣтель и блистающъ былъ на главѣ Монарха тотъ вѣнецъ, который, какъ сами знаете, устроенъ не годами, какъ у

другихъ народовъ, а цѣлыми вѣками; устроены изъ многочисленнаго собранія вѣнцовъ разныхъ царствъ и княженіи!

Какъ величественъ и лучезаренъ былъ въ десницѣ Монарха тотъ скипетръ, по манію коего движется столько миллионовъ подданныхъ, направляется въ дѣйствіяхъ своихъ столько народовъ и племень!

Какъ видимо тверда и несокрушима казалась въ шуйцѣ его та держава, на которую уже столько разъ опирались, среди всесвѣтныхъ колебани, спокойствіе и порядокъ всемірный!

Какъ обширною являлась на раменахъ его порфира, которая должна осѣнять собою семь морей и тысячу градовъ, служить убѣжищемъ для всякаго, обремененнаго судьбою!

Взирая на царя нашего, вѣнчанна и превознесенна, можно было съ увѣренностію обратиться не къ Россіи токмо, но ко всей вселенной съ словами Пѣсни Пѣсней: *изыдите и видите царя нашего въ вѣнцѣ, илиже вѣнча мати его* — православная Церковь всероссійская, въ день обрученія его — съ народомъ своимъ, въ день веселія сердца его (Пѣсн. Пѣсн. 3, 2)!

Но особенно умилительны были въ семь торжественномъ священнодѣйствіи три минуты:

Первая, когда благочестивѣйшіи Государь, приступая къ принятію вѣнца прародительскаго, въ слухъ всея Церкви произнесъ св. символъ вѣры православныя. Это былъ Константинъ Великій, произносящій исповѣданіе вѣры въ слухъ собора вселенскаго!

Вторая разительная минута — когда Монархъ, увѣнчанный уже и облеченный во всѣ утвари царскаго сана, преклонилъ, подобно послѣднему изъ подданныхъ своихъ, колѣна предъ Царемъ царствующихъ, и возгласилъ смиренную молитву о дарованіи ему духа премудрости и разума, воеже судити людемъ своимъ въ правду, духа силы и крѣпости, воеже хранить, строить и возвышать благоденствіе, боговѣряемой ему, державы Всероссійской. — Это былъ юный Соломонъ, предъ лицемъ храма испрашивающій въ молитвѣ у Бога отцевъ своихъ мудрости правительственной!

Третья, самая священная минута — когда Самодержецъ, по окончаніи литургии, отложивъ знаки царскаго величія, въ единой порфирѣ приступилъ, подобно новокрещенному, къ помазанію св. муромъ, для пріятія даровъ Св. Духа, и въ слѣдъ за тѣмъ — ко причащенію Божественныхъ Таинъ, для укрѣпленія себя на подвигъ царственный. Въ сіи минуты онъ весь былъ благоговѣніе, весь — смиреніе христіанское, весь — страхъ Божн. По самому свойству служенія моего, много видѣлъ я всякаго рода причаст-

никовъ св. Таинъ, но никогда не зрѣлъ подобнаго умиленія въ причащающемся. Въ лицѣ Помазанника, казалось, соединялась *священнотайнѣ* съ Господомъ вся Россія. У многихъ изъ предстоящихъ потекли изъ очей слезы. Отъ избытка чувствъ, я едва не забылъ, что мнѣ надлежало послужить, послѣ причащенія, омовенію устъ и рукъ державныхъ. И совершая сіе потомъ, я невольно мыслилъ: тако *изловенный* невидимо благодатно, *не требуетъ* другаго омовенія: *есть бо весь чистъ* (Лук. 11, 31).

Говорить ли за симъ предъ вами о радости и восторгѣ окружавшаго храмъ народа, когда боговѣнчанный Помазанникъ, изшедъ изъ храма, какъ ангелъ Божіи, явился предъ нимъ, одѣянь и преукрашень всѣми знаками сана державнаго? Отъ звука церковныхъ кампановъ въ Кремль сотрясается—не воздухъ только, а самая земля, но и сей поражающій звукъ, былъ не разъ заглушаемъ громомъ восклицаній народныхъ.

Разсказывать ли вамъ о той благодати, съ которою боговѣнчанный Царь, во все продолженіе великаго торжества своего, обращалъ лице свое ко всѣмъ, великимъ и малымъ, богатымъ и нищимъ? Каждый видѣлъ и чувствовалъ, что сердце его готово было объять любовію всю Россію, доставить радость всему страждущему, изгнать навсегда съ лица земли Русской всѣ печали и бѣдствія.

Къ сказанному развѣ присовокупить единое. На утріе дня вѣнчальнаго, когда все вокругъ престола гласило славу боговѣнчаннаго, и вся Россія, въ лицѣ представителей своихъ, спѣшила съ привѣтствіями предъ лице своего Самодержца и супруги его,—приемля оное въ ряду іерарховъ и отъ меня, яко пастыря страны сей, о чемъ, думаете вы, между прочимъ благоволил онъ провѣщать мнѣ? О томъ, что это былъ *послѣдній день* нашего южнаго Севастополя... Скажите сами, не подобно ли это тому—какъ Богочеловѣкъ, среди самой славы Фаворской, бесѣдовалъ нѣкогда съ Моисеемъ и Илиєю о Голгоѣѣ (Лук. 9, 31), бывшей тогда—для Него—еще впереди, а теперь—для насъ—уже пройденной?..

Таковы, братіе, впечатлѣнія, безъ сомнѣнія, изнесенныя мною однимъ изъ первопрестольной столицы во всѣ края Россіи. Не имѣя возможности быть свидѣтелями происходившаго тамъ, вы однако же сами заранѣе могли судить о семъ уже по чрезвычайному потоку милостей, тотчасъ истекшихъ на всю Россію отъ престола царева; и, безъ сомнѣнія, съ радостію замѣтили господствующую въ сихъ милостяхъ черту милосердія, этой бого-

любезной добродѣтели, которая наиболѣе уподобляетъ царей земныхъ Самодержцу небесному. Еще ближе могли судить о томъ же по любвеобильному, можно сказать, четвероевангельскому гласу признательности царской, простертому къ четыремъ областямъ многострадальной страны, нашей, и въ особенности — по тѣмъ безпримѣрнымъ словамъ, въ коихъ, съ такимъ преизбыткомъ отеческой милости, убаженъ и возвеличенъ градъ нашъ...

Послѣ сего, обнимая единымъ взоромъ все прошедшее, что остается намъ, братіе и сограждане, какъ не пасть въ благодарности предъ Царемъ царствующихъ, и словами молитвы церковной возгласить: «благодаримъ Тя, Владыко и Господи, яко, наказавъ насъ краткимъ бывшия печали посѣщеніемъ, се изобильно исполнилъ еси радостию и веселіемъ сердца наша, оправдавъ надъ нами царствовать возлюбленнаго раба своего, Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича!» — Аминь.

СЛОВО

ПО ЗАВѢЩАНЮ ВОЛГОГРОДЦА О РОЖДЕНІИ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ АЛЕКСАНДРЫ
АЛЕКСАНДРОВНЫ *).

Святыи Давидъ, изображая состояніе челоуѣка, находящагося за свои добродѣтели подъ особеннымъ благословеніемъ Божиимъ, говоритъ, что жена его яко лоза плодовитая, сынове его и дщери окрестъ трапезы его, яко новосажденія масличная (Пс. 127, 3).

Если пріятно и поучительно срѣтить такую картину семейственнаго счастья и въ низкой долѣ, тѣмъ пріятнѣе и поучительнѣе видѣть ее на престолѣ. Тамъ радуешься простою радостію о благѣ ближняго; здѣсь веселишься и утѣшаешься великою радостію о благѣ цѣлаго, неизмѣримаго царства.

И симъ-то драгоцѣннымъ благословеніемъ благословляется престолъ русскій во все продолженіе настоящаго царствованія! И сею-то святою радостію дано радоваться отечеству нашему въ продолженіе многихъ лѣтъ! Вождельнное событіе, насъ нынѣ собравшее, служить новымъ звѣномъ въ сей цѣпи благословеніи свыше, и вмѣстѣ новою порукою за ея непрерывность. Важный для цѣлаго царства былъ вопросъ: продолжится ли благословеніе многочадія въ порфиросносномъ племени? не положено ли въ небесномъ совѣтѣ противнаго? Теперь съ радостію видимъ, что не положено, что мы вправѣ ожидать еще новыхъ радостей царственныхъ, что бла-

*) Сказанное въ харьковскомъ успенскомъ соборѣ, сентября 6, 1842 года.

гословенному дому всероссійскому суждено свыше распростра-
няться, возрастать, процвѣтать и плодоносить.

Да будетъ же благословенъ Господь, тако благодѣющіи право-
славному отечеству нашему! — Я говорю: отечеству; ибо прира-
щение Дома державнаго есть милость небесная для всего царства.
Чтобы убѣдиться въ семъ, довольно припомнить прошедшую судьбу
Россіи. Что предъ воцареніемъ благословенно владѣющаго нынѣ
Дома предало было скипетръ россиіскій въ руки непорфиросныя
и открыло было путь къ престолу искателямъ иноплеменнымъ?
Оскудѣніе царственнаго дома. Что послѣ Петра Великаго приостановило успѣхи Россіи на поприщѣ государственнаго благоустрой-
ства и день славы отечественной, среди валичайшаго утра, едва
не обратило въ полночь? Оскудѣніе царственнаго Дома.—Что и
потомъ было главнымъ источникомъ недоумѣній, страховъ, по-
трясеній и печалей общественныхъ?—Оскудѣніе царственнаго До-
ма. Послѣ сего, кто, взирая не только на сыновъ и дщерей, но и на
внуковъ царственныхъ, окружающихъ нынѣ престолъ всероссій-
скій, не возрадуется духомъ за счастье царя и за судьбу оте-
чества?—Теперь доля наша—не опасаться и недоумѣвать, а ра-
доваться и ожидать радостей. По самому естественному порядку
вещей, вѣтви царственнаго винограда нашего прострутсѣ за пре-
дѣлы отечества, соплетутсѣ съ вѣтвями иноземныхъ виноградовъ
царственныхъ, и составятъ изъ себя цѣлый обширный верто-
градъ державнаго родства и союзовъ.

Да будетъ же выну благословенъ Господь, тако благоволившій
о державномъ Домѣ всероссійскомъ!

Скоро увидимъ первоначальнаго виновника всѣхъ царствен-
ныхъ радостей, августѣйшую главу своего дома и царства. Воз-
шлемъ усердныя молитвы ко Всевышнему, да благопоспѣшится
путь его къ намъ! Да будетъ приходъ его въ страну нашу по-
добенъ явленно солнца майскаго! Да всѣ возрадуемсѣ во свѣтѣ
лица Помазанника Божія, и никтоже укрывается державной теплоты
его! Аминь.

СЛОВО

ПО СЛУЧАЮ ТОРЖЕСТВА О ПРОЩЕНИИ

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА, БЛАГОВѢРНОЙ КНЯЖНЫ АЛЕКСАНДРЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ *).

Иаки торжествуемъ, благодаримъ и молимся! Что виною новаго торжества и молитвъ? Тоже августѣйшее отроча, рожденіи коего мы недавно радовались и благодарили Господа. Что новаго съ нимъ? Съ нимъ—цѣлое новое рождение!

Слѣдовательно, спросить кто-либо, человѣкъ родится дважды. Да, братіе, какъ христіанинъ, каждый изъ насъ раждается дважды, хотя яко человѣки, всѣ мы раждаемся только единожды. Это необыкновенно, чудесно, и въ то же время совершенно истинно: ибо слышите, что говоритъ въ Евангелии Спаситель и Господь нашъ Никодиму: *подобаетъ, говорить, родитися свыше* (Іоан. 3, 7). И Никодимъ удивлялся и недоумѣвалъ, зачѣмъ это второе рождение? и какъ можетъ человѣкъ родиться въ другой разъ? Но Спаситель на его недоумѣніе отвѣчалъ повтореніемъ одной и той же истины, что каждому изъ насъ необходимо нужно родиться въ другой разъ, дабы войти въ царствіе Божіе. Почему нужно? Потому, что наше первое, плотское рождение не достаточно для цѣли бытія нашего: *рожденное отъ плоти только плоть есть* (Іоан. 3, 6), *а плоть и кровь царства Божія наследити не могутъ* Кор. 15, 50), потому что для сего царства, какъ духовнаго, нужно

*1) Сказанное въ харьковскомъ успенскомъ соборѣ сентября 20, 1842 года.

возродиться свыше отъ Духа, чего въ плотскомъ рожденіи нѣтъ и быть не можетъ.

Для сего-то именно втораго, новаго духовнаго рожденія и учреждено Спасителемъ нашимъ таинство Крещенія.—Св. купель составляетъ тѣ таинственныя ложесна, изъ коихъ выходитъ чело-вѣкъ новый, возрожденный благодатию. Если бы здѣсь была одна вода, то осталось бы мѣсто недоумѣнню: какъ вода можетъ отрождать душу крещаемаго? Съ другой стороны, если бы въ семъ таинствѣ дѣйствовалъ одинъ невидимый Духъ, то мы лишены были бы видимаго знаменія тайны. Посему премудрость Божія соединила то и другое: и чувственное для нашихъ чувствъ, и духовное для нашего духа и силы таинства. Крещаемый погружается въ воду, но въ сей водѣ срѣтаетъ его Духъ, тогъ Духъ, который, по свидѣтельству священнаго Бытописателя, носился нѣкогда надъ водами въ первые дни мірозданія и воззвалъ своимъ всемогущимъ дѣйствіемъ изъ хаоса все благолѣпіе видимой нами вселенной (Быт. 1, 2),—тотъ Духъ, который, по слову Спасителя, *идѣже хочетъ дышитъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуда приходитъ, и како идетъ* (Іоан. 3, 8),—тотъ Духъ, который глагола въ пророцѣхъ, сошелъ во время крещенія въ видѣ голубинѣ на самого Господа, а потомъ въ день Пятидесятницы — въ видѣ огненныхъ языкъ — на Апостоловъ, коимъ, какъ премудро воспѣваетъ св. Церковь, всякая душа живится, и который, по замѣчанію Премудраго (Прем. 12, 1), *естъ во всѣхъ и во всемъ*. Для такого Дѣйствателя трудно ли совершить свое дѣло? Такому всемогущему Духу мудрено ли возродить и одушевить для новой жизни душу и все существо крещаемаго?

Естественнѣе и поучительнѣе посему спросить: въ чемъ состоитъ сила таинства Крещенія, и какой плодъ его? Въ томъ, отвѣтствуютъ намъ богомудрые учителя Церкви, что рожденный по плоти возраждается въ крещеніи благодатию для жизни въ духѣ,—въ томъ, что Духъ Божій, въ силу заслугъ Искупителя, который низвелъ Его на землю, осѣняетъ собою все существо крещаемаго, проникаетъ своимъ зиждительнымъ дѣйствіемъ весь составъ его, всѣ силы и способности, и симъ самымъ обезсиливаетъ въ немъ дѣйствіе зла прирожденнаго и тли естественной, освобождаетъ въ немъ первобытное начало добра и свободы чистой изъ-подъ вліянія плоти и чувствъ, сообщаетъ предрасположеніе ко всему благому и святому, кладетъ на немъ печать и знаменіе жизни вѣчной. Вышедъ изъ таинственной купели, чело-вѣкъ престаеетъ быть дикимъ растеніемъ, прививается къ свя-

тому обществу вѣрующихъ, къ самой живоносной *маслинѣ* (Рим. II, 14)—Господу Іисусу, приѣмля такимъ образомъ возможность посредствомъ вѣры и любви впивать изъ нея сокъ жизни и износить плоды для вѣчности. Если, по возрастѣ, пришедъ въ сознание и употребленіе всѣхъ силъ душевныхъ, крещаемый не расторгаетъ сего блаженнаго союза со Христомъ — своимъ невѣріемъ, нечестіемъ и нераскаянною; то вся жизнь его бываетъ не что иное, какъ возрастаніе и спѣваніе для царства Божія.

Вотъ почему крещеніе дѣтей всегда составляетъ радость для ихъ родителей и утѣшаетъ всѣхъ добрыхъ христіанъ! вотъ почему и мы нынѣ исполняемъ новою радостію, слыша, что августѣйшая внука возлюбленнаго Монарха нашего удостоилась благодати св. крещенія! При всей высотѣ своего происхожденія по плоти, она была доселѣ только дочерію Евы; а отселѣ стала дочерью благодати и Церкви. О, да сбудутся надъ нею всѣ желанія ея августѣйшихъ Родителей! Да совершится все, что призываетъ на нее въ своихъ молитвахъ св. Церковь! Да возрастетъ она въ вѣрѣ и любви христіанской, и да содѣлается украшеніемъ царственнаго Дома и утѣхою отечества! О семъ молились мы прежде; о семъ молимся и теперь, памятуя, что отъ судьбы державныхъ лицъ зависитъ судьба цѣлыхъ царствъ и народовъ. Аминь.

СЛОВА И РѢЧИ

ПРИ ВЪЗРАВІИ ВЪ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДОЛЖНОСТИ

и

ПРИ ОТКРЫТИИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

РѢЧЬ

СВ. ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЪЕЗДУ,

РЕКТОРА КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ АРХИМАНДРИТА ИННОКЕНТІЯ, ПРИ НАРЕЧЕНИИ ЕГО ВО ЕПИСКОПА ЧИГИРИНСКАГО *).

вятѣйше отцы, и богомудрые пастыре-начальники и представители святыхъ и православныхъ Церкви!

Когда нарекають имена младенцамъ, то нарекаемые отвѣтствуютъ нарекающимъ ихъ—или молчаніемъ, или слезами. Можетъ быть, и для меня, который радъ бы обрѣстися *младенцемъ о Христѣ*, можетъ быть и для меня, при настоящемъ нареченнн моемъ, приличнѣе были бы не слова, а — или благоговѣйное молчаніе, или слезы.

Что мнѣ сказать достойнаго слуха вашего? Благодарить-ли за избраніе?—Но святое дѣло сіе выше благодарности человѣческой, и если можетъ быть въ семъ случаѣ благодарность, то одна—дѣлами благими, а не словами краснорѣчивыми. Признаваться ли въ немощи? Въ ней признавались и лучше меня; а моя немощь безъ признанія давно извѣстна каждому изъ васъ. Обѣщать ли усердіе и вѣрность новому званію? Но, безъ твердой рѣшимости быть вѣрнымъ ему, не надлежало бы касаться и прага сего святилища. Ищу и не нахожу слова, достойнаго слуха вашего.

*) Сказанная 1836 года 18-го ноября.

Примѣчаніе. Рѣчь эта въ первый разъ напечатана въ журналѣ—«Труды Кіевской Духовной Академіи». 1864 г. Т. 1, стр. 71—74.

А слезы?—Онѣ готовы сами собою, при одной мысли о томъ, что я приѣмлю на себя съ новымъ именемъ и званіемъ. Я долженъ отдѣлаться отъ сонма собратіи моихъ по званію и стать на крылахъ орлихъ: что, если стоя на нихъ, не буду умѣть вознестись желаніемъ надъ всѣмъ дольнимъ, и парить непрестанно чистою мыслию къ Солнцу правды? Я долженъ пріять въ руки свѣтильники, дабы освѣтить свѣтомъ Христовымъ Церковь Христову: что, если свѣтъ сей, освѣщая многихъ, не отразится во мнѣ самомъ, и не озаритъ собою лѣпоты тѣхъ благихъ дѣлъ, за кои, видя ихъ, всѣ *прославляютъ* Отца небеснаго? Я долженъ буду возложеніемъ рукъ низводить благодать освященія на самыхъ служителей алтаря и содѣлывать ихъ чрезъ то самихъ способными къ освященію многихъ: что, если сія благодать будетъ преливаться чрезъ меня, какъ преливаются потоки воды чрезъ землю каменистую, не дѣлая ее самую плодоносною? Сеято мысли ужасались Кипріаны и Аѳанасіи; отъ нея-то плакали Василии и Григоріи; она-то заставляла убѣгать отъ избранія Златоустовъ.

А я—недостойный стою здѣсь теперь и *ничтоже вопреки глаголю!*... Не глаголю подобно имъ; но, Богъ свидѣтель, чувствую не менѣ ихъ свое недостойнство; не глаголю потому, что признание немощи моей уже не разъ касалось слуха вашего. Паче же Ты Самъ, Господи, зрѣлъ и зришь, что я имѣлъ въ виду не златое сѣдалище пастыре-начальничества, а крестъ и гробъ Твой святой,—что мысли мои, какъ доселѣ привитали, такъ и отселѣ будутъ привитать тамъ, гдѣ Ты положилъ за всѣхъ насъ душу Свою.

Если вопреки желанію—быть поклонникомъ гроба Христова, я содѣлываюсь теперь сопастыремъ стада Христова, то меня побуждаетъ вступить на новый путь сей не перемѣна прежнихъ мыслей и намѣреній, не виды плоти и крови, а гласъ Монарха,— тотъ державный гласъ, въ коемъ отъ юности привыкъ я слышать гласъ самого Бога; побуждаетъ милостивое опредѣленіе о мнѣ сонма пастырей церкви, ваше опредѣленіе, святѣйше отцы, въ коемъ обыкло проявляться для всея Церкви росіійскія изволеніе самаго Духа Всесвятаго, невидимо васъ руководящаго; побуждаетъ неожиданное для меня дарованіе мнѣ возможности вмѣстѣ съ новымъ званіемъ моимъ, быть, по мѣрѣ слабыхъ силъ моихъ, еще сколько нибудь полезнымъ тому вертограду наукъ, отъ котораго возникли всѣ вертограды отечественные, и въ коемъ возрасталъ я самъ; побуждаетъ, наконецъ, къ приня-

тию новаго званія мысль, что путь всякаго христіанскаго пастыря, гдѣ бы ни пролегалъ онъ, если идетъ вѣрно, то ведетъ прямо къ Іерусалиму небесному, и что самый жезлъ, который воспріиму я, какъ въ древнія времена Церкви бывалъ, такъ и нынѣ можетъ быть жезломъ не только благочестиваго пастыря, но и благочестиваго странника.

Одно должно бы удержать меня отъ принятія сего жезла — сопастыреначальничества — немощь моя. Но я слышу слово пророка: *дерзай*, говоритъ онъ Іерусалиму, *дерзай*; ибо *утѣшитъ тя нарекій тебе* (Вар. 4, 30). Уподобляя и себя, не въ достоинствѣ, а въ немощи Іерусалиму, и будучи нареченъ нынѣ о имени того же Господа, осмѣливаюсь укрыться со всѣми недостатками своими подъ сѣнь его утѣшительнаго слова пророческаго, и воспріять дерзновение Іерусалимово. Нѣкое мановеніе къ сему я имѣю уже въ томъ, что, вопреки ожиданію, долженъ былъ явиться лицу вашему для принятія благодати освященія отъ цѣлаго сонма верховныхъ пастырей Церкви росіиской. Твердо вѣрую, что возложеніемъ толикихъ рукъ, коими освящены едва не всѣ святители Церкви росіиской, дополнится моя духовная скудость, уврачуется моя духовная немощь.

О силѣ сея-то вѣры иду сотворити волю Монарха благочестивѣйшаго,—не именемъ токмо, но и дѣлами; иду сотворити волю вашу, споспѣшники Божіи, паче же иду сотворити волю твою, Боже! Ты *нарицаешь не сущая яко сущая*, и *глаголь твой не возвратится тощъ*. О, да не возвратится, молю Тя, онъ тощъ и отъ меня недостойнаго! Съ новымъ именемъ да воспріиму новыя силы. Да буду и пребуду, благодатию твоею, вѣрнымъ провозвѣстникомъ и нельстивымъ истолкователемъ святаго слова твоего, непостыднымъ совершителемъ и нелицепріятнымъ раздаятелемъ святѣйшихъ таинствъ твоихъ; да буду и пребуду неуклоннымъ послѣдователемъ вѣры и духа мужей апостольскихъ, твердымъ и недоступнымъ хранителемъ живоносныхъ заповѣдей и преданій святыхъ православныхъ восточныхъ Церкви; да буду и пребуду пастыремъ не именемъ токмо, но и дѣломъ! Удостоивъ меня нынѣ стать со дерзновениемъ предъ лицомъ Церкви земной, сподоби, Господи, стать непостыдно и предъ лицомъ Церкви небесной, и пріять нѣкогда изъ собственныхъ устъ твоихъ нареченіе однимъ изъ тѣхъ именъ, кои *никтоже вѣсть, токмо пріемляй* (Апок. 2, 17). Болѣе сего не желала и не желаетъ душа моя, а я—рабъ твой отъ нынѣ и до вѣка!!!...

РѢЧЬ

ПРОДЪ ИЗБРАНІОЖЪ ИЗЪ ДВОРАНОСТВА СУДІИ

ДЛЯ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Жатва многа, зѣлателей же мало
(Матѣ. 9, 37).

ы не удивитесь, почтенные слушатели, что служитель слова почитаетъ за долгъ въ настоящія минуты привести вамъ на память эту печальную истину, и полагаетъ ее въ начало своего собесѣдованія съ вами. Собравшись въ храмъ сей, дабы предъ алтаремъ Всемогущаго испросить благословеніе и помощь на дѣло, отъ коего зависитъ благоденствіе цѣлой страны, вы поступили бы вопреки цѣли настоящаго собранія, если бы возмнили услышать здѣсь одно пріятное и, вмѣсто назиданія ума, исправленія сердца, потребовали только занятіи для воображенія и пищи для чувствъ. Не въ сіи торжественныя минуты, и не съ сего священнаго мѣста слышатся словамъ ласканія и мірскаго витійства: здѣсь должна вѣщать любовь къ человѣчеству; теперь долженъ быть слышанъ голосъ одной истины!

Что же говоритъ любовь къ человѣчеству? Что — *жатва многа*.—Въ самомъ дѣлѣ, въ мірѣ человѣческомъ, среди обществъ гражданскихъ, на полѣ жизни общественной, между нами и братьями нашими весьма много предметовъ для дѣятельности и усердія друзей человѣчества; — много добраго и полезнаго, которое еще не совершено и даже не начато; — злаго и вреднаго, которое еще не искоренено и даже не обуздано; много талантовъ и силъ, коимъ не дано еще надлежащаго направленія, и можетъ быть, мѣста; — худыхъ навыковъ и страстей, кои не находятъ

себѣ никакой преграды и даже мѣры; много предразсудковъ и заблужденій, почитающихся непоколебимыми и священными, — похвальныхъ учрежденій, не исполняемыхъ въ должной силѣ, — священныхъ правъ, не признаваемыхъ или попираемыхъ невѣжествомъ и своеволиемъ. Самые законы, своею многочисленностью и разнообразіемъ, не представляютъ ли богатой жатвы для благо-разумія и опытности законовѣдовъ? Самое правосудіе не есть ли нива, требующая для воздѣланія своего рукъ чистыхъ и трудолюбивыхъ? *Жатва убо многа* — такъ говоритъ любовь къ чело-вѣчеству!

Что вѣщаетъ истина? Что—*дѣлателей мало*. Въ самомъ дѣлѣ, какъ немного тѣхъ неизмѣнныхъ друзей чело-вѣчества, кои, бывъ призваны на общественное служеніе ближнимъ, подвизались бы для блага другихъ такъ, какъ бы оно было ихъ собственное! Какъ не велико число тѣхъ благихъ дѣлателей, кои изъ любви къ правдѣ готовы были бы жертвовать всѣми личными выгодами, не знали бы побужденій выше святаго чувства долга, — наказаній страшнѣе безчестія, наносимаго порокомъ. Не взирая на гор-дость вѣрка, хвалящагося просвѣщеніемъ и чело-вѣколюбивыми правилами, явленіе истинныхъ доблестей душевныхъ, черты дѣй-ствительнаго великодушія и безкорыстія, къ сожалѣнію, еще столь рѣдки, что имъ радуются, какъ нѣкоей драгоценной на-ходкѣ: радость правильная, но небезпечальная, дающая разумѣть, какъ мало людей, поступающихъ такъ, какъ бы всѣмъ и всегда поступать надлежало.

Жатва убо многа, многа, дѣлателей же мало, мало!

Вы не будете спрашивать, почтенные слушатели, почему те-перь именно повторяется въ слухъ вашъ сія печальная истина, и для чего обнажаются передъ вами нѣкоторые недостатки жизни общественной, кои сокрывать отъ нареканій во многихъ случаяхъ есть священный долгъ любви къ отечеству. Ваше сердце, безъ сомнѣнія, уже сказало вамъ, что все это дѣлается потому и для того, что теперь въ вашихъ рукахъ возможность, если не совер-шенно перемѣнить печаль сію на радость, то растворить ее ра-достью.—Цѣлая страна ожидаетъ отъ васъ дѣлателей; отъ одного слова, одного знака согласія или несогласія вашего можетъ зави-сѣть, чтобы они были благіе и достойные: какой благоприятный случай доказать на опытѣ благородство души вашей, ваше усер-діе къ отечеству! Какая драгоценная возможность, безъ всякаго труда, безъ малѣйшаго пожертвованія, оказать важную услугу чело-вѣчеству!

И каждый изъ васъ, почтенные слушатели, безъ сомнѣнія, намѣренъ поступить въ семъ случаѣ такъ, какъ повелѣваетъ разсудокъ и совѣсть. Отличнѣйшіе изъ сыновъ отечества не приносятъ въ жертву своимъ выгодамъ благоденствія соотечественниковъ; мужи совѣта и силы явятъ самымъ дѣломъ, что они превыше обыкновенныхъ слабостей и недостатковъ; главные исполнители воли монаршей оправдаютъ великое довѣріе, имъ сдѣланное, не употребятъ во зло правъ, имъ данныхъ; вѣрныя чада Церкви Христовой докажутъ чистотою поступковъ своихъ, что въ открытомъ для всѣхъ училищѣ Іисуса Христа лучше научаются любить правду и человѣчество, нежели въ малодоступныхъ лабиринтахъ земной мудрости.

Но, почтенные слушатели, не забудемъ при семъ, что самыя благія намѣренія, самыя чистыя и усердныя желанія, по слабости природы нашей, часто остаются безъ исполненія (ахъ, какъ бы родъ человѣческой былъ счастливъ, если бы исполнилось на дѣлѣ все, что когда-либо замышляемо было къ его совершенству!). Тоже самое можетъ послѣдовать и съ настоящимъ вашимъ желаніемъ избрать достойныхъ слугъ отечеству; оно можетъ не принести всѣхъ плодовъ, если не будетъ приложено надлежащаго попеченія о томъ, чтобы непременно исполнить преднамѣреваемое.

Чувствую, что вы готбы предупредить меня вопросомъ: «въ чемъ должно состоять это попеченіе?—Отъ чего ближайшимъ образомъ зависитъ исполненіе нашихъ благонамѣреній въ настоящемъ дѣлѣ?» Совершенно увѣренъ, что вы желаете знать сіе именно для того, чтобы исполнить въ точности познанное. Но это такіе вопросы, на кои всего лучше можетъ и должна отвѣчать вамъ собственная ваша опытность и усердіе къ пользамъ отечества. Служитель слова можетъ при семъ случаѣ, для руководства, указать только на главныя средства, ведущія къ вашей цѣли, и не болѣе какъ указать: подробное разумѣніе сихъ средствъ, способъ ихъ употребленія опять, по необходимости, предоставляется вашему благоразумію.

И во-первыхъ, почтенные слушатели, если когда, то въ настоящіе дни прилично и нужно вамъ воскресить въ памяти своей все, что мудрыми самодержцами нашими, и особенно великою законодательницею, сказано мудраго о должностяхъ гражданскихъ; —должно представить въ умѣ своемъ со всею ясностію ихъ происхожденіе, цѣль, свойство и духъ, влияние на благо гражданъ, самыя злоупотребленія, коимъ они подлежатъ могутъ; — и та-

кимъ образомъ повторить, такъ сказать, весь великій и священный урокъ законоположенія и чиновначалія гражданскаго, — памятуя, что въ немъ заключается источникъ благоденствія цѣлаго отечества, родовъ настоящихъ и будущихъ. Нѣтъ нужды, что предметъ сей давно извѣстенъ каждому изъ васъ: о законахъ человѣческихъ, когда они начертаны мудростию и человѣколюбиемъ, можно сказать тоже, что сказано царемъ израильскимъ о законѣ Божіемъ: *широка заповѣдь зѣло* (Псал. 118, 96), широка по самой буквѣ, еще пространнѣе по духу! Посему обращаться къ нимъ какъ можно чаще, размышлять о нихъ и углубляться въ духъ ихъ, дабы самому исполниться ихъ духомъ, — полезно для самыхъ опытныхъ законовѣдовъ. Умъ истиннаго патриота всегда найдетъ въ нихъ новую, пріятную пищу для своего размышленія; сердце истиннаго сына отечества, при занятіи ими, никогда не оскудѣетъ новыми чувствами благодарности къ мудрымъ законодателямъ, уваженія къ законамъ и учрежденіямъ отечественнымъ — любви къ своимъ согражданамъ. Напротивъ, невниманіе къ сему предмету неминуемо и скоро порождаетъ предразсудки, весьма много препятствующіе успѣшному избранію въ должности. Такъ, мысль о неважности низшихъ должностей, и что онѣ ниже достоинства многихъ лицъ, — эта ложная и вредная мысль откуда родилась, какъ не отъ невниманія къ духу законодательства отечественнаго? — Чѣмъ питается и поддерживается, какъ не явнымъ незнаніемъ этого важнаго дѣла? Ибо, не говоря уже о томъ, что между всѣми должностями существуетъ крѣпкій и тѣсный союзъ, вслѣдствіе коего самыя высшія должности не могутъ быть хорошо исполняемы, когда худо исполняются низшія, — гдѣ начинается великая цѣпь судопроизводства? Именно тамъ, гдѣ начинается лѣствица должностей — внизу! Значить, первыя звѣна оной цѣпи, всегда болѣе или менѣе тяжкія для подсудимыхъ, связываются и возлагаются на согражданъ людьми, стоящими на самыхъ низшихъ степеняхъ чиновначалія гражданскаго. Какъ притомъ связываются? — Извѣстно, что начало судопроизводства, по самому существу своему, во многомъ зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія, благоразумія и благонамѣренности суди. Значить, неважными почитаются именно тѣ должности, кои, если позволено употребить еще сравненіе, составляютъ первыя пружины въ великой машинѣ судопроизводства, отъ движенія коихъ (не столько притомъ механическаго, сколько произвольнаго) начинается движеніе цѣлой машины, отъ правильнаго — правильное. отъ худаго — худое!... Какъ послѣ сего назвать таковое

мнѣніе, какъ не предразсудкомъ? И можно ли предразсудку быть неосновательнѣе и опаснѣе?

Вмѣстѣ съ симъ предразсудкомъ падаетъ и та ложная мысль, что нѣкоторыя должности ниже достоинства лицъ. Не любовь къ человѣчеству, не усердіе къ отечеству родителю сей мысли, а гордость житейская. Конечно, безразсудно было бы унижать какимъ бы то ни было образомъ истинныя заслуги и достоинства; долгъ признательности повелѣваетъ, не обязывать къ новымъ усиліямъ, не требовать новыхъ опытовъ самоотверженія, не налагать новыхъ тяжестей на тѣхъ, кои безъ требованій, сами по себѣ, уже сдѣлали болѣе многихъ, и чрезъ то возвысились надъ многими; но, если бы, по какимъ-либо важнымъ причинамъ, палъ жребіи скромнаго служенія и на высшее лицо; то, по самой высоты своей, оно приметъ его, ничтоже сумняся. Не низко быть выше должности; низко, по своимъ дѣйствіямъ, быть ниже ея: гораздо важнѣе, должность украшать своимъ лицомъ, нежели самому украшаться должностію. Что сдѣлало бессмертнымъ Петра Великаго? Не то ли наипаче, что онъ любилъ такъ часто оставлять свое величіе, дабы сокрывать оное въ прохожденіи самыхъ низшихъ степеней общественнаго служенія? — И для вельможъ руссіискихъ не новое и необыкновенное дѣло низходить, по примѣру своихъ монарховъ, съ высоты состоянія своего на скромное служеніе человѣчеству.

Но, препирая предразсудки, я едва не забылъ, что говорю предъ собраніемъ, въ коемъ, по всей вѣроятности, нѣтъ и тѣни сихъ заблужденій ума слабаго и дѣтскаго;—что нахожусь во храмѣ *), который, въ ужасную годину искушеній для отечества, былъ свидѣтелемъ, съ какою готовностію для блага отечества, забывалась разность званій, заслугъ и отличій; — что бесѣдую съ мужами, изъ коихъ многіе, безъ сомнѣнія, самымъ опытомъ доказали, что они твердо помнятъ слова своего Спасителя: *уже хочетъ быти первый, да будетъ всѣмъ слуга.*

Не продолжимъ, почтенные слушатели, нашего размышленія о важности должностей гражданскихъ; обратимся къ тому, что должно быть предметомъ вашего вниманія въ лицахъ, имѣющихъ удостоиться избранія.

Блюститель законовъ правосудія, стражъ тишины и порядка, споспѣшникъ благоденствія общественнаго, представляется мнѣ

*) Произнесено въ с.-петербургскомъ Казанскомъ соборѣ.

лицемъ столь важнымъ, что я недоумѣваю, какъ въ краткихъ словахъ изобразить предъ вами всѣ качества, нужныя ему для успѣха въ своемъ служенн. Миѣ кажется, что нѣтъ ни одного душевнаго совершенства, которое надлежало бы въ немъ почестъ излишнимъ, ни одного недостатка, который бы могъ быть въ немъ, не обезображивая его. Обращаю ли внимание на умъ суди? Не могу иначе представить его, какъ украшеннымъ полезными знаніями, особенно знаніемъ правъ божескихъ и человѣческихъ, обычаевъ, совершенствъ и недостатковъ своей страны:— одареннымъ тою прозорливостію, предъ коею не смѣетъ явиться лукавство,—тою разсудительностію, которая никогда не смѣшиваетъ слабости съ преступленіемъ, недалководности съ злымъ намѣреніемъ, безъ труда узнаетъ, что принадлежитъ къ существу дѣла и что въ немъ случайно; — тою неутомимостію, для коей нѣтъ другаго предѣла дѣятельности, кромѣ совершеннаго открытія истины. Взираю ли на сердце суди? — Тотчасъ нахожу, что въ немъ самое лучшее жилище для всего добраго и возвышеннаго: ему надобно быть чувствительнымъ для различенія голоса правды отъ обаяній ласкательства, — благороднымъ, дабы презирать корысть и возноситься надъ страстями,—нѣжнымъ, чтобы сострадать бѣдствующему человѣчеству,—мужественнымъ, чтобы противустоять нечестію и соблазнамъ вѣка, не трепетать предъ лицомъ сильныхъ. Воображаю ли себѣ характеръ суди?—По необходимости воображаю его важнымъ безъ надменія и презорства, прямымъ безъ строптивости, твердымъ безъ упорства и своенравія, кроткимъ и снисходительнымъ безъ слабости. Поставляю ли себя мысленно свидѣтелемъ всего поведения суди? — Онъ постоянно является предо мною человѣкомъ возвышеннымъ, который, среди всѣхъ попеченій о земномъ благоденствіи своихъ согражданъ, никогда не забываетъ, что есть блаженство небесное, вѣчное, къ коему мы всѣ предназначены; старается о соблюденіи правды человѣческой особенно потому, что она есть подобіе, хотя слабое, правды божественной; взираетъ на служение ближнимъ, какъ на нѣкое священнодѣйствіе и служение самому Богу; словомъ: человѣкомъ благочестивымъ.

Знаю, почтеннѣйшіе слушатели, что это идеалъ, рѣдко осуществляемый на опытѣ и, можетъ быть, никогда во всей полнотѣ. Но я и представилъ его не со всею полнотою, и отнюдь не для того, чтобы вы примѣняли къ нему со всею строгостію каждое лице, вами избираемое. Это значило бы, и для меня и для васъ, забыть ограниченность природы нашей, которая такова,

что самыя возвышенныя умы, самыя чистыя сердца не изъяты отъ слабостей и недостатковъ. Довольно, если образецъ истиннаго судии будетъ въ умѣ вашемъ; если вы, по возможности, будете сообразоваться съ нимъ при избраніи,—тѣмъ паче избѣгать того, что ему противорѣчитъ. Вы сами, безъ сомнѣнія, замѣтили, что въ семь образцѣ есть три черты, совершенно необходимыя въ каждомъ суди: это—здравый умъ, честность души и усердіе къ вѣрѣ. Судия безъ благоразумія и нужныхъ свѣдѣній есть тоже, что кормчій безъ хорошаго зрѣнія; онъ не видитъ надлежащимъ образомъ ни добрыхъ, ни худыхъ своихъ поступковъ, вреденъ не менѣе наемника и корыстолюбиваго: ибо для страдающихъ не много разности, отъ обманщика ли они страдаютъ, или отъ того, который самъ бываетъ обманутъ. Судия безъ честныхъ правилъ и благородства души самъ есть первый предатель и врагъ законовъ, ввѣренныхъ его храненію. Вѣсы правосудія въ нечистыхъ рукахъ его будутъ колебаться и превращаться не только отъ бурнаго дыханія угрозъ и опасностей, но и при слабомъ вѣяніи лести, при легкомъ звукѣ прибытка. Приступая къ суду надъ знаемыми и сильными, онъ изъ судии превратится въ ходатая, дабы закономъ прикрывать беззаконіе виновныхъ. Напротивъ, когда у правосудія будутъ искать помощи оскорбившіе его, онъ вмѣсто суди, сдѣлается гонителемъ, начнетъ тѣснить прежде суда, все приведетъ въ сомнѣніе и направитъ къ обвиненію. Наконецъ, судия безъ страха Божія, хотя бы обладалъ всѣми прочими качествами,—что однако невозможно,—всегда будетъ слабъ и низокъ: ибо въ немъ недостаетъ того, что одно дѣлаетъ чело-вѣка совершенно твердымъ и возноситъ надъ всѣми искушеніями. Безъ страха Божія самый страхъ царевъ есть только бремя, которое постоянно стараются свергать, какъ скоро могутъ сдѣлать это, не опасаясь наказанія. Однимъ словомъ, почтенные слушатели, кто отважился бы избрать на общественное служеніе чело-вѣка, не отличающагося здравымъ умомъ, честностию души и усердіемъ къ вѣрѣ, тотъ самъ самымъ обнаружилъ бы жалкое состояніе собственнаго своего ума и сердца. Предполагать такихъ избирателей или избираемыхъ между вами, значило бы уже не довѣрять благородству вашихъ мыслей и чувствованій, — что невозможно.

Кромѣ сего, почтенные слушатели, никогда не должно забывать, что самыя свѣдущіе и добрые люди не равно бываютъ способны ко всякому роду дѣлъ. Одинъ одаренъ способностію открывать истину, преслѣдовать лукавство, разбирать пререканія и

навѣты; другой—блюсти благочиніе, хранить безопасность и тишину, приводить въ исполненіе повелѣнія высшаго начальства; тотъ съ особеннымъ успѣхомъ можетъ подавать совѣты, наблюдать за дѣйствіемъ другихъ, служить посредникомъ между закономъ, подсудимыми и судьей;—этотъ представлять въ лицѣ своемъ цѣлое сословіе, быть вождемъ и распорядителемъ. Весьма неблагоприятно было бы не сообразоваться въ дѣлѣ избранія, вамъ подлежащаго, съ сими указаніями самой природы, или паче Творца ея, который для того и распредѣляетъ между людьми различныя дарованія, дабы они, чувствуя нужду одинъ въ другомъ, тѣмъ тѣснѣе соединялись всѣ во едино. Тоже должно сказать и о различіи нравственныхъ качествъ. Къ счастью чело-вѣчества; нѣкоторые на то какъ бы рождаются, чтобы служить прибѣжищемъ несчастныхъ: да предоставится ихъ попеченію жребіи сирыхъ и безпомощныхъ! Нѣкоторые однимъ обращеніемъ своимъ, даже видомъ располагаютъ уже къ довѣренности, къ открытію предъ ними своего сердца: да возядутъ таковыя въ судилищѣ совѣсти! Всякій избранный сдѣлаетъ много и съ успѣхомъ, коль скоро займетъ свое мѣсто; напротивъ, вредно для общества, тяжело для самаго избраннаго, когда способности и характеръ его будутъ разногласить съ должностію, имъ занимаемою, хотя бы онъ впрочемъ былъ чело-вѣкъ свѣдущій и добрый.

При сихъ замѣчаніяхъ, самъ собою, почтенные слушатели, приходитъ на мысль еще одинъ признакъ, который апостоль Павелъ далъ нѣкогда въ руководство святому Тимоѳею, при избраніи пастырей Церкви, но который не съ меньшею пользою можетъ быть употребляемъ и при избраніи блюстителей земнаго благоденствія чело-вѣческаго. Признакъ сей есть благое управленіе — своимъ собственнымъ, — по отношенію къ вашему состоянію—благое управленіе тѣми, кои жребіемъ рожденія поставлены въ зависимости отъ васъ, и коихъ права заключены большею частью не въ хартияхъ, а въ вашемъ сердцѣ... Слава добраго властелина, кроткаго и благоразумнаго домоправителя есть лучшее одобреніе для избираемаго; напротивъ, недостатокъ сего добраго свидѣтельства есть рѣшительный признакъ недостойнства: ибо, говоря словами апостола, можетъ ли тотъ пещись о благѣ цѣлаго общества, кто не умѣетъ управлять своимъ домомъ (1 Тим. 3, 5)?

Наконецъ, почтенные слушатели, чтобы дѣло, вамъ предстоящее, совершенно было съ наилучшимъ успѣхомъ, вамъ должно быть внимательными къ самимъ себѣ: такъ ли каждый изъ васъ

дѣйствуетъ, какъ должно; не увлекается ли чѣмъ-либо, не водится ли, вмѣсто истины, предубѣжденіемъ. Совѣтъ сей преподается отнюдь не изъ опасенія какого-либо незаконнаго искательства между вами, или грубаго лицепріятія. Такимъ порокамъ трудно и явиться нынѣ среди того сословія, для коего истинная честь составляетъ душу, тѣмъ труднѣе найти себѣ одобреніе и помощь. Но, къ сожалѣнію, пороки, нетерпимые въ грубомъ видѣ, могутъ принимать видъ утонченный; и тогда ослабляютъ и колеблютъ даже тѣхъ, кои не хотѣли бы никогда уклониться ни на десное, ни на шеее. Кто знакомъ съ сердцемъ человѣческимъ, тотъ знаетъ, какъ оно способно преображаться во всѣ виды, по тайному требованію страстей. Думаешь, что дѣйствуешь по закону, готовъ клятвою утверждать чистоту своихъ намѣреній; но углубись только въ основаніе своихъ поступковъ, забудь на время свои отношенія къ нѣкоторымъ лицамъ, оставь то или другое предубѣжденіе: — и увидишь, съ изумленіемъ увидишь, что поступаешь нечисто, по тайной страсти. Вообще человѣкъ никогда не бываетъ хитрѣе, какъ въ оболъщеніи своей совѣсти; посему и христіанскіе учителя и даже мудрецы языческіе ничего столько не одобряютъ и не требуютъ отъ людей, какъ вниманія къ самимъ себѣ. Помня сіе, и вы, почтенные слушатели, не позволите увлекать себя каждой благовидной мысли, будете недовѣрчивы къ самымъ похвальнымъ желаніямъ своимъ; не прежде изъясните свое мнѣніе, какъ совершенно увѣрившись, что ни вашею рукою, ни вашимъ сердцемъ не движеть пристрастіе.

Таковая внимательность отнюдь не покажется излишнею тому, кто вникнетъ надлежащимъ образомъ въ важность лежащаго вамъ дѣла и размыслитъ о его послѣдствіяхъ. Конечно, вы не можете, даже посредствомъ самаго лучшаго избранія лицъ достойнѣйшихъ, достигнуть того, чтобы прекратить всѣ безпорядки, пополнить всѣ недостатки жизни гражданской, избавить или предохранить челоѣчество отъ бѣдствій, причиненныхъ ему неправосудіемъ. Зло всегда останется между людьми; самъ Промыслъ попустилъ расти плевеламъ вмѣстѣ съ пшеницею до той великой жатвы, на коей жателями будутъ уже не люди, а Ангелы. Но и то несомнѣнно, почтенные слушатели, что, избравъ благихъ и достойныхъ слугъ отечеству, вы чрезъ то самое будете много содѣйствовать къ уменьшенію золь, обременяющихъ челоѣчество, къ предотвращенію несправедливостей и угнетенія, къ обузданію порока и буйства, къ поощренію добродѣтели, къ укорененію и распространенію всего полезнаго и похвальнаго. И гдѣ?—

Не между малымъ числомъ людей, для васъ неизвѣстныхъ, или чуждыхъ, а въ цѣлой странѣ, вмѣщающей сотни тысячъ жителей, которая, почитая васъ лучшими изъ сыновъ своихъ, жертвуетъ и для васъ всѣмъ лучшимъ,—странѣ, которая изъ всѣхъ областей обширнаго отечества нашего удостоилась высокаго предназначения — заключать въ нѣдрахъ своихъ все, что есть драгоценнѣйшаго для отечества. Кто почелъ бы за неважное содѣйствовать благоденствію такой страны, тотъ симъ самымъ показалъ бы, что для него нѣтъ ничего важнаго: состояние самое злополучное!

Да не поколеблетъ безпристрастія вашего и то чувство, что для нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ самыхъ достойныхъ, избраніе можетъ быть тяжестію; между тѣмъ, какъ для инаго, мало впрочемъ соотвѣтствующаго цѣли избранія, оно составитъ даже нѣкую милость. Добрые сыны отечества никогда не отяготятся чрезъ мѣру служеніемъ отечеству: любовь къ человѣчеству утѣшитъ, а чистая совѣсть укрѣпитъ ихъ; сама святая Церковь будетъ сопровождать ихъ подвиги своими молитвами. Что же касается до оказанія кому-либо чрезъ избраніе милости незаслуженной,—это благодѣяніе—безчеловѣчно! Ибо, не безчеловѣчно ли для выгоды одного человѣка жертвовать правосудіемъ и благомъ многихъ?

Да не ослабитъ усердія вашего и та мысль, что прохожденіе должностей кратковременно; слѣдовательно, и неуспѣшное избраніе не можетъ быть слишкомъ вредно. Спросите у тѣхъ, кои имѣли несчастіе видѣть когда-либо надъ собою злыхъ приставниковъ: скажутъ ли они, что это время кратко? Подлинно, оно непродолжительно для добрыхъ дѣлателей; но долго, очень долго для недостойныхъ.

Что еще сказать вамъ, почтенные слушатели? Чѣмъ напутствовать васъ на совершеніе благаго дѣла, вамъ предлежащаго?

Вы произнесете предъ Богомъ клятвенный обѣтъ дѣйствовать по совѣсти. Да будетъ священный обѣтъ сей вмѣсто заключенія слову! Да сообщитъ призываніе страшнаго имени Божія силу убѣжденія моему слабому собесѣдованію съ вами! И да избегнутся вамъ на служеніе отечеству *мужи сильны, Бога боящіеся, мужи праведны, ненавидящіе гордости* (Исх. 18, 21)!—Аминь.

СЛОВО

ПО СЛУЧАЮ ПРИСАГИ ДВОРЯНСТВА ХАРЬКОВСКАГО,

ПРЕДЪ ИЗБРАНИЕМЪ ИЗЪ НЕГО ЛИЦЪ НА ДОЛЖНОСТИ ПО ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ *).

 обравшись во храмъ сей, для произнесенія предъ Богомъ клятвеннаго обѣта въ томъ, что подлежащее дѣло избранія будетъ совершено вами со всѣмъ вниманіемъ и безпристрастіемъ, какъ того требуетъ важность его для всей страны нашей, вы, по всей вѣроятности, предполагаете и отъ насъ услышать теперъ что либо о семъ же самомъ предметѣ, и думаете, можетъ быть, что мы будемъ убѣждать васъ—быть вѣрными своему долгу и безпристрастными въ сужденіи о достоинствѣ лицъ, вами избираемыхъ. Простите великодушно, если мы не поступимъ сообразно чаянью вашему, и скажемъ, что причиною сего—вы сами. Въ самомъ дѣлѣ, зная васъ, почитаемъ подобныя убѣжденія вовсе не нужными, тѣмъ паче, что при семъ случаѣ, въ огражденіе отъ всѣхъ слабостей и искушеній, будутъ стоять на стражѣ крестъ и евангеліе Спасителя. Возможно ли, чтобы изъ мужей столь почтенныхъ отважился кто либо играть неразумно своею клятвою и призывать всуе имя Того, въ десницѣ коего небо и земля, время и вѣчность, жизнь и дыханіе наше? И въ какомъ дѣлѣ? гдѣ собственная честь и польза каждаго требуютъ безпристрастія и добросовѣстности. А если бы, паче чаянія, нашелся такой недостойный человѣкъ въ сословіи

*) Сказанное 25 сентября 1843 года.

столь почтенномъ, то мы скорѣе расположены молиться о немъ, яко о погибающемъ, нежели думать, что наше слабое слово можетъ произвести надъ нимъ чудо обращенія. У насъ нѣтъ такого слова; естъ только слезы для оплаканія подобной потери совѣсти.

Чѣмъ же мы займемъ внимание ваше въ минуты столь священные? Пользуясь рѣдкимъ случаемъ всеобщаго собранія вашего (ибо гдѣ можно увидѣть васъ въ такой совокупности?), мы намѣрены пастырски побесѣдовать съ вами о нѣкоторыхъ весьма нужныхъ предметахъ, и высказать предъ вами нѣсколько мыслей и чувствъ, кои давно лежали у насъ на душѣ. Надѣмся посему и отъ васъ быть выслушанными не съ однимъ хладнымъ вниманіемъ разсудка, а и съ чувствомъ сердца, убѣжденнаго въ томъ, что съ нимъ говорятъ отъ сердца же, по искреннему желанію добра и пользы общей.

И во-первыхъ, примите здѣсь, у престола Божія, благодарность за то усердіе къ храмамъ Божиимъ, коего мы, среди пастырскихъ странствій нашихъ по градамъ и весямъ, были свидѣтелями во многихъ мѣстахъ. Духъ нашъ радовался, видя, какъ многіе изъ васъ блага земныя умѣютъ употреблять во славу верховнаго Раздаятеля всѣхъ благъ. Да вѣдаютъ таковыя, что они, своимъ попеченіемъ о домѣ Божіемъ, упрочиваютъ надолго благосостояніе собственныхъ домовъ свдихъ. Ибо Тотъ, коему поклоняемся мы, яко Господь всяческихъ, хотя не имѣетъ нужды въ нашихъ дарахъ и приношеніяхъ, но, тѣмъ не менѣе, со благоволеніемъ взираетъ на любящихъ святыню дома Его, и за ревность о благолѣпнн его обѣщаетъ милость и благословеніе не только самимъ попечителямъ, но и всему потомству ихъ. Примѣръ сего святой Давидъ, о коемъ, за его любовь къ дому Божію, сказано пророкомъ, что сынове его сядутъ до вѣка на престолѣ Его.

Послѣ сего нельзя не пожелать, чтобы благой примѣръ нѣкоторыхъ нашель себѣ подражаніе у всѣхъ, и всего скорѣе у тѣхъ, коимъ, судя по ихъ состоянію, остается только принять рѣшимость, дабы выйти изъ злополучнаго разряда людей, нерадящихъ о святынѣ дома Божія. И въ семъ отношеніи признаюсь, я не могу понять, какъ, имѣя средства создать или обновить домъ Божій, можно оставаться празднымъ зрителемъ его развалинъ или безобразія!.. Гдѣ же въ такомъ случаѣ благородство духа и крови? Гдѣ образованіе и вкусъ? Гдѣ даже радѣніе о своей чести? Ибо, по чему первѣе всего судить о владѣльцѣ селенія

всякой, и приходящій и исходящій? Не по храму ли Божию? Не найдете никто страннымъ, если у владѣльца селенія нѣтъ чертоговъ пышныхъ; но всякій подивится и осудитъ, увидѣвъ храмъ Божию, оставленный въ небреженіи. — И не у сего ли храма лежитъ цѣлый рядъ предковъ, коихъ трудами стяжано все благосостояніе владѣльца? Не подъ сѣнію сего ли храма будетъ почивать и прахъ того, кто теперь такъ безразсудно оставляетъ его безъ вниманія?

Вмѣстѣ съ храмами да содѣлаются предметомъ попеченія вашего и ихъ священнослужители! — Вы не можете не чувствовать, какую великую жертву приносятъ они своему званію, отрекаясь отъ всѣхъ видовъ честолюбія мірскаго и заключааясь на всю жизнь въ тѣсномъ кругу обитателей своего селенія; не можете не знать, съ какими трудностями и усиліями сопряжено добросовѣстное исполненіе обязанностей духовнаго сана и вездѣ, тѣмъ паче по селеніямъ, и какъ мало за все сіе вознагражденія въ этомъ мірѣ для священнослужителя, какимъ стѣсненіямъ подлежитъ самый домашни бытъ его. Кому же облегчить это столь же священное, какъ и тяжелое иго обязанностей пастырскихъ, кому усладить эту горечь званія, какъ не владѣльцу селенія? И много ли требуется для сего? Можетъ быть двадцатой, или тридцатой, даже пятидесятой части противъ того, что иждивается нерѣдко на предметы, вовсе не нужные. Здѣсь опять мы должны обратиться съ благодарностію отъ лица св. Церкви къ тѣмъ изъ васъ, кои поняли важность сего предмета, и дѣлаютъ съ своей стороны для священнослужителей все, для нихъ возможное. Они же первые видятъ и плодъ сего образа дѣйствій, видятъ въ усердіи священнослужителей къ исполненію дѣлъ своего званія, видятъ въ благочиніи служенія церковнаго и совершенія таинствъ христіанскихъ, видятъ въ благонравіи и степенности поселянъ, называемыхъ словомъ и примѣромъ своихъ пастырей. Но что препятствуетъ и всѣмъ прочимъ владѣльцамъ вступить въ столь естественное и благотворное отношеніе съ священнослужителями ихъ церкви?—Нѣкоторые недостатки нѣкоторыхъ священнослужителей? Мы первые готовы пролить слезы о ихъ паденіяхъ; но, братіе мои, не должно ли вспомнить при семъ о печальномъ положеніи священнослужителя — быть непрестанно окруженнымъ съ одной стороны крайними нуждами, съ другой непрестанными соблазнами и искушеніями? Кто знаетъ сіе положеніе (а вамъ ли не знать его?), тотъ, вмѣсто ропота и осужденія, скорѣе будетъ удивляться, какъ еще не много такого, за

что можно винить служителей Церкви! какъ сила духа и вѣры можетъ торжествовать въ нихъ надъ непрестанными нуждами, лишеніями и соблазнами!—И сколько прекратится недостатковъ, сколько ущѣлветъ талантовъ, если вы примете сердечное участіе въ положеніи служителей алтаря! Обезпеченные въ своемъ внѣшнемъ состояніи, облегченные въ исправленіи своихъ обязанностей, введенные въ вашъ кругъ, нашедшие между вами лучшій образъ времяпрепровожденія и отраду душевную, они скоро обрадуютъ васъ такими совершенствами, коихъ вы, можетъ быть, и не подозревали въ нихъ. Съ увѣренностью говоримъ такимъ образомъ, потому что опытъ нѣкоторыхъ изъ васъ же давно готовъ подтвердить все это.

Дабы не показалось кому либо, что мы занимаемся въ настоящія минуты только непосредственно своими и своимъ, поспѣвшимъ прейти къ собственному положенію вашему, которое—Богъ свидѣтель!—не чуждо намъ ни въ какомъ отношеніи.

Утѣшительно видѣть, что воспитаніе дѣтей составляетъ для васъ одну изъ важныхъ и любимыхъ обязанностей. Но для успѣха въ дѣлѣ, какъ извѣстно, мало того, чтобы заниматься имъ усердно; надобно еще умѣть заниматься, какъ должно. Если въ какомъ случаѣ ложный путь не можетъ привести къ желанной цѣли, то въ дѣлѣ воспитанія. Спрашивается: можно ли назвать истиннымъ путемъ при воспитаніи; когда дитя, вопреки природѣ, безъ всякой особенной нужды, отторгается во-первыхъ отъ сосцевъ матернихъ, и воздоенное чуждымъ млекоу, предается потомъ всецѣло во власть воспитателей иноземныхъ? Когда, раздружаясь такимъ образомъ отъ колыбели не только съ языкомъ и нравами отечественными, но и съ самымъ семействомъ, приучается къ такому образу мыслей, чувствъ и жизни, который, можетъ быть, и не худъ, только не для насъ, а на берегахъ Сены или Темзы?... Но такое несчастное воспитаніе, къ сожалѣнію, до того сдѣлалось господствующимъ, что воспитанный иначе почелся бы отъ многихъ за человѣка невоспитаннаго. Посмотрите на воспитываемаго такимъ образомъ:—ему не болѣе десяти или двѣнадцати лѣтъ, и онъ знакомъ уже съ языкомъ галла и тевтона; въ умѣ его много понятій и познаній, кои видимо превышаютъ его лѣта и даже здоровье; но, вмѣстѣ съ симъ, онъ не умѣетъ еще положить на себя крестнаго знаменія и произнести необходимыхъ для христіанина молитвъ; не видѣлъ доселѣ большей части священнодѣйствій церковныхъ; не знаетъ, какъ назвать по-русски

многихъ предметовъ, самыхъ родныхъ и необходимыхъ; всѣмъ-видомъ своимъ похожъ на иностранца; едва не съ презрѣніемъ смотритъ на все, его окружающее; и мечтаетъ уже о томъ, чтобы, улучивъ возможность, стремглавъ нестись за предѣлы отечества. Скажите сами, чего можно ожидать отъ такого воспитанія, не только для Церкви и отечества, но и для отца и матери? Думаете ли, что дитя изъ чуждыхъ сосцевъ изсосетъ приверженность къ своимъ родителямъ? изъ иноземныхъ устъ выучится любить Россію и свой край? что посредствомъ лепетанія на непонятномъ для окружающихъ его языкѣ оснуется душевный союзъ между будущимъ владѣтелемъ и владѣемыми?

Знаемъ, почтенные слушатели, что можно сказать противъ подобныхъ совѣтовъ и замѣчаній; но мы предлагаемъ ихъ не для состязанія и не въ видѣ правилъ безъисключительныхъ, а главнымъ образомъ для того, чтобы остановить на семъ важномъ предметѣ внимание ваше. Собственный здравый смыслъ каждаго изъ васъ долженъ опредѣлить, что въ семъ отношеніи нужно измѣнить, или оставить какъ есть, что должно прибавить, или убавить. Въ побужденіе къ сему не можемъ однакоже не указать вамъ на горькій плодъ превратнаго воспитанія, который со слезами должны вкушать теперь нѣкоторые изъ отцевъ и матерей, вамъ не безъизвѣстныхъ.

Отъ меньшаго семейства вашего перейдемъ размышленіемъ къ большему семейству — вашему же. Такъ называемъ мы, и надѣемся, никто изъ васъ не станетъ противъ сего названія, — кругъ людей, вамъ подвластныхъ. Не сему ли большему семейству вашему меньшая семья ваша обязана всѣми выгодами своего состоянія? Послѣ сего не должно ли по всей справедливости ожидать, что взаимное отношеніе между сими двумя семействами будетъ состоять не изъ подчиненія только одного власти другого, а и изъ взаимной любви, услугъ и уваженія? Тѣмъ паче не должно ли предполагать, что неравенство между владѣтелемъ и владѣемыми не прострется до той рѣзкой и неестественной противоположности, смотря на которую можно подумать, что родъ человѣческій произошелъ не отъ одного прародителя и не одинаковое имѣетъ предназначеніе, когда одна часть его, и при томъ самая большая, осуждена, повидимому, всего лишаться, все терпѣть, всему и всегда служить, а другая — несравненно меньшая, уполномочена, какъ будто свыше, пользоваться трудами другихъ, все имѣть, всѣмъ располагать, и дѣлать съ подобными себѣ, что захочетъ?

Но скажите сами: много ли сдѣлано доселѣ, дабы сія злополучная противоположность не бросалась въ глаза всѣмъ и каждому? Сто разъ, вѣроятно, было думано и соображено у многихъ, какъ усовершенствовать свое хозяйство, воздѣлать поле, очистить лугъ, ввести у себя новую отрасль промышленности, усилить или переиначить прежную; но подумано ли у сихъ же людей хотя разъ основательно о томъ, какъ соразмѣрить собственное состояніе съ состояніемъ владѣемыхъ? какъ послѣднимъ преподавать необходимыя понятія, коихъ требуетъ въ нихъ человѣчество? какъ оградить ихъ нравственность? предохранить и возстановить здоровье? какъ успокоить старость, призрѣть сиротство, доставить утѣшеніе на одрѣ болѣзни, какъ предать самымъ останки умершихъ общей матери—землѣ?

Гдѣ же послѣ сего будутъ плоды того образования, къ коему мы всѣ такъ стремимся? Ужели они выразятся въ томъ, что мы будемъ воспитывать и облагораживать огромныя стада бессловесныхъ животныхъ, а сотни тысячъ разумныхъ собратій нашихъ, ихъ воспитывающихъ, будемъ оставлять въ состояніи бессловесныхъ? То ли величіе духа, когда чертоги наши заспорятъ высоту съ окрестными горами и наполнятся всякаго рода драгоценными бездѣлками, а хижины подвластныхъ намъ будутъ походить на убѣжища звѣрей и не имѣть у себя свѣта Божія? То ли вкусъ, когда мы, не переводя дыханія, станемъ слѣдить на зрѣлищѣ за отчаянными извѣтями голоса, рукъ и ногъ лицедѣевъ, и останемся безъ очей и ушей при видѣ горькаго жребія подручныхъ намъ, при стонахъ старца, коего силы истощены на поляхъ нашихъ, при воплѣ сирыхъ, коихъ отцы провели всю жизнь въ служеніи намъ?

Не суетное желаніе витицствовать приводитъ насъ, почтенные слушатели, къ симъ противоположностямъ и сближеніямъ, а чистая любовь къ человѣчеству и искреннее усердіе къ собственному благу вашему. Ибо, въ комъ же человѣчеству имѣть голосъ за себя, какъ не въ служителяхъ того Бога, который самое высшее доказательство своего величія явилъ въ томъ, что положилъ за всѣхъ насъ на крестѣ душу свою? Ужели и вамъ слышать уроки и напоминанія касательно обязанностей вашихъ къ подручнымъ вамъ только на зрѣлищахъ изъ устъ лицедѣевъ, и никогда не услышать сего у престола Божія, изъ устъ служителей Церкви? Вы клянетесь нынѣ соблюдать правду, а мы клялись соблюдать и возвѣщать ее!

Да будетъ же день сей началомъ не избранія только нѣкоторыхъ изъ васъ на нѣкоторыя должности, но возобновленіемъ для всѣхъ и каждаго священной обязанности—служить человѣчеству въ лицѣ подвластныхъ вамъ! Сего ожидаетъ отъ васъ страна наша, отечество, Монархъ и святая Церковь! Аминь.

СЛОВО

ПО СЛУЧАЮ ПРИСАГИ ДВОРАНИИ ХАРЬКОВСКАГО,

ПРЕДЪ ИЗБРАНИЕМЪ ИЗЪ НЕГО ЛИЦЪ НА РАЗЛИЧНЫЯ ДОЛЖНОСТИ
ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ *).

 радуемся духомъ, братіе мои, видя васъ, послѣ трехлѣтней разлуки, снова собранными во храмъ семь; радуемся и благодаримъ Господа, находя васъ цѣлыми и невредимыми, съ прежними силами и новымъ, безъ сомнѣнія, усердіемъ ко благу общему. Настоящее собрание ваше тѣмъ пріятнѣе и для васъ и насъ, что въ продолжение минувшаго трехлѣтія цѣлая страна наша не представляла собою никакихъ особенныхъ причинъ къ печали общей: грады и веси наши ограждены были миромъ и тишиною; поля и нивы наши благословлялись постоянно обиліемъ плодовъ земныхъ; труды рукъ и промышленности нашей находили справедливыхъ цѣнителей даже между отдаленными иноземцами; самыя перемѣны воздушныя почти не разнорѣчили съ желаніями и потребностями нашими; кратко сказать, земля и небо были къ намъ такъ милостивы и благосклонны, какъ нельзя было и ожидать, судя по нечистотѣ рукъ и сердецъ нашихъ.

Въ дополнение ко всему этому, око власти предержавшей видимо обратилось на край нашъ особеннымъ образомъ. Нужды и потребности наши не только усмотрѣны во всей ихъ обширности, но, принятыя къ сердцу, содѣлались особеннымъ предметомъ

*) Сказанное сентября 25 дня 1846 года.
Печатано съ рукописи.

попеченій и думъ державныхъ. Уже предначата система дѣйствій, которая, въ полномъ развитіи ея, освободивъ насъ отъ огромной тяжести, насъ подавлявшей, должна облегчить собою для края нашего всѣ прочія тяжести общественныя. Вскорѣ и градъ здѣшній, яко средоточіе цѣлой страны, явитъ на себѣ слѣды новыхъ попеченій о немъ власти предержащей.

Послѣ сего теперъ чреда, явно, за нами самими. Въ соотвѣтствіе обстоятельствамъ, для насъ видимо благоприятствующимъ, не подобаешь ли и намъ явитъ новое усердіе и новую готовность ко всему благому и общеплезному? И мы увѣрены, что почтеннѣйшее дворянство харьковское, уразумѣвъ важность настоящаго времени, не замедлитъ доказать, что, гдѣ идетъ дѣло о благѣ общемъ, тамъ оно умѣетъ забывать всѣ свои частныя виды и выгоды.

Предстоящее вамъ избраніе на должности достойныхъ лицъ изъ среды васъ будетъ первымъ опытомъ сего и вмѣстѣ свидѣтельствомъ, возрасли ль мы до той высоты душевной, съ коею можно не только видѣть лучшее, но избирать его, не только избирать, но и удерживать въ силѣ. Съ сей стороны дѣло сіе, само по себѣ нисколько не новое, получаетъ новое и особенное значеніе, и вы, при всей свободѣ мнѣній вашихъ, будете подлежать за него сугубому отчету. Предъ кѣмъ?—Во-первыхъ, предъ своею совѣстью, которая тѣмъ строже должна судить васъ, чѣмъ менѣе вы зависимы въ семъ случаѣ отъ внѣ, и чѣмъ болѣе имѣете побужденій быть внимательными къ своему дѣлу; во-вторыхъ, предъ Церковію, которая, напутствуя васъ молитвами, ограждая клятвою, имѣетъ все право надѣяться отъ сихъ средствъ плода и дѣйствія; наконецъ предъ мнѣніемъ общественнымъ, которое, признавая васъ первыми представителями страны нашей, по тому самому отъ васъ первыхъ ожидаетъ того, что требуется для блага сей страны.

И что же болѣе требуется для сего блага, какъ не избраніе лицъ достойныхъ на должности общественныя? Чего не будетъ въ рукахъ сихъ лицъ? И оправданіе невинныхъ и наказаніе виновныхъ; и честь и достояніе каждаго гражданина; и миръ и безопасность общественная и частная; и участь вдовъ и сиротъ, и самыя послѣдніе завѣты тѣхъ, кои отъ судовъ человѣческихъ прешли на судъ Божій. Можно ли послѣ сего легкомысленно смотрѣть на выборъ таковыхъ людей? Можно ли не употребить всѣхъ усилій ума и воли на то, чтобы избраніемъ достойныхъ на нѣсколько лѣтъ упрочить судъ правый по всей странѣ родной?

Еще бы извинителенъ былъ въ семъ случаѣ просмотръ какой либо, если бы дѣло сіе сопряжено было съ трудностями. Но какая трудность? Людей достойныхъ между вами такъ не мало, что стоить токмо не смежать 'очей, чтобъ видѣть ихъ. Самый образъ избранія такъ облегченъ, что благо края, можно сказать, зависитъ отъ одного мановенія руки вашей. И дѣла столь легкаго и вмѣстѣ столь важнаго по своимъ послѣдствіямъ для васъ же не сдѣлать надлежащимъ образомъ? Это было бы верхъ неразумія и безчувствія. Посему-то мы не хотимъ даже убѣждать васъ къ сему; ибо всякое убѣждение въ семъ случаѣ отзывалось бы сомнѣніемъ о собственномъ вашемъ достоинствѣ, а мы далеки отъ сего.

Скажемъ одно: время, почтенные избиратели, показать не словомъ, а дѣломъ, что мы, не только подобно малымъ дѣтямъ, готовы забрать въ свои руки всѣ права и отличія, но и способны, подобно мужамъ, употреблять во благо тѣ, кои имѣемъ; время явить, что мы возвышены надъ собратіями нашими не одною порою или случаемъ, а и высокою мыслей, чувствъ и дѣйствій; время престать играть необдуманно благосостояніемъ не только чуждымъ, но и собственнымъ.

Сдѣлавши свое дѣло, какъ должно, вы во всякомъ случаѣ можете покойно оставаться каждый подъ смоковницею своею, въ полной увѣренности, что ваши представители не воздремлютъ, ниже уснутъ, храня покой общій. Въ противномъ случаѣ, при каждомъ слухѣ о несправедномъ дѣйствіи избраннаго вами, въ вашемъ сердцѣ будетъ отдаваться горькій упрекъ: онъ избранъ и мною! Аминь.

РѢЧЬ

ПРИ ОТКРЫТИИ ВЪ ГОРОДѢ КИЕВѢ ОБЩЕСТВА ДЛА ПРИЗРѢНІЯ БѢДНЫХЪ *).

Почтеннѣйшее собраніе!

Въ тотъ день, когда святая Церковь повторяетъ древнее торжество вѣры надъ заблужденіями разума, въ тотъ самый день, какъ бы въ доказательство того, что истинная вѣра должна быть *способна къ любви* (Гал. 5, 6), благодать Святаго Духа собрала насъ на новое торжество любви къ ближнимъ, которая, не довольствуясь частными благотвореніями, образуетъ наконецъ среди насъ цѣлое общество благотворителей. Торжество по истинѣ вполне достойное и настоящаго святаго времени, и здѣшняго святаго града! Ибо хотя на мѣстѣ, прославившемся чудесами любви къ Богу, никогда не могла совершенно оскудѣть любовь къ ближнимъ, и у священнаго подножія угольниковъ Божіихъ, на немъ почивающихъ, всегда обильнѣе, нежели гдѣ-либо, текли, вмѣстѣ съ небесными, и земные источники благотворенія; но, и при сихъ источникахъ многіе доселѣ принуждены были оставаться жаждущими уже потому, что не имѣли возможности всенародно исходить на почерпаніе въ нихъ, а частью и потому, что источники сіи разверзнутся и текутъ болѣе въ уреченныя времена, когда любовь къ Богу и угодникамъ Его, собирая отвсюду любителей благочестія, отверзаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ сердце и руку ихъ для помощи требующимъ. Самая мно-

*) Не произнесена—по обстоятельствамъ.

Открытіе общества предполагалось въ недѣлю православія.

гочастность раздѣленныхъ протоковъ милости, не направляемыхъ въ теченіи своемъ ничѣмъ, кромѣ внезапныхъ вдохновеніи сердца, то чрезмѣру обильнымъ, то слабымъ, то неблаговременнымъ орошеніемъ, могла иногда вредить успѣшному произрастанію плодовъ милосердія. Вообще духъ благотворительности не имѣлъ у насъ твердаго видимаго средоточія, ни опредѣленнаго круга, ни постоянного образа дѣйствій: — посему, при внутренней неизмѣримости своей, былъ ограниченъ въ дѣятельности, при крайнемъ разнообразіи милующихъ—однообразенъ въ милованш, при всей силѣ своей—непостояненъ въ обнаруженіи оной.

И вотъ, всѣ сіи—важные—недостатки устраняются наконецъ учрежденіемъ общества для помощи бѣднымъ. Отнынѣ христіанское милосердіе тѣснѣе сочетается съ христіанскимъ благоразуміемъ; раздѣленные силы добра сойдутся въ одномъ средоточіи, дабы сильнѣе устремиться къ единой цѣли; случайность благодѣянія уступитъ мѣсто обдуманному благодѣянію:—и духъ челоѣколюбія, зримый доселѣ единственно въ частныхъ дѣйствіяхъ, приметъ общественный образъ бытія и дѣятельности. Съ сихъ поръ любовь христіанская будетъ имѣть въ градѣ постоянное и извѣстное обиталище, а бѣдные—постоянное и вѣрное пристанище; одна и таже милость сдѣлается многоочитою, одна и таже помощь сторукою, дабы, подобно милости и помощи небесной,—являться во время и не *ищуущимъ*, обрѣтаться и не *вопрошающимъ о нихъ* (Исаіи 65, 1).

И кто предвѣщаетъ прочихъ на семъ новооткрывающемся прищѣ любви? Тѣ, коихъ самъ Апостолъ назвалъ *немощнѣйшими* (1 Пет. 3, 7) по ихъ природѣ, но кои, окрыленные благодатію, не разъ—отъ Маріамы до Деворы, Юдифи и Магдалины до Елены, Ольги и, недавно еще восхищенныхъ отъ насъ ангеловъ благодати, Маріи, Елисаветы, — являли себя крѣпчайшими мужей въ подвигахъ любви къ Богу и ближнему *).

Да будетъ же благословенъ Господь, и въ семъ случаѣ, избравшій *немощнѣйшая мѣра* (1 Кор. 1, 27), дабы чрезъ нихъ наипаче возвеселить сердца нищихъ людей своихъ! Да будетъ благословенно имя челоѣколюбиваго Монарха, который маниемъ державнаго скипетра не умелъ осѣнить новый подвигъ челоѣколюбія! Хвала и честь,—хвала Божія, честь не земная—высокимъ

*) Въ кievскомъ обществѣ челоѣколюбія принимаютъ участіе преимущественно дамы.

споспѣшникамъ и покровителямъ святаго дѣла любви, не обинувшимся принять его, при самомъ рожденіи, подъ свѣтлый и пространный кровъ свой. Отнынѣ благословенный градъ нашъ будетъ имѣть новое право именоваться градомъ великаго Владимира, ибо въ немъ всенародно воскрешена и прекраснѣйшая добродѣтель сего равно-апостольнаго монарха—любовь къ бѣднымъ.

Но, благодаря Господа и радуясь духомъ о благомъ началѣ благаго дѣла, не убоимся возвести взоръ и на образъ истиннаго христіанскаго благотворенія, дабы по возможности приближаться къ нему на новооткрывающемся поприщѣ любви.

Любовь истинная, а посему истинная благотворительность, по слову Апостола, должна быть *отъ чиста сердца, совѣсти благія, и вѣры нелицемѣрная* (1 Тим. 1, 5).

Можно оказывать благодѣянія ближнимъ, безъ участія сердца,—по подражанію, приличію, отношеніямъ и проч. И скажемъ откровенно, такой родъ благотворительности всего чаще можетъ встрѣчаться въ обществахъ благотворителей. Ибо, въ нихъ можно участвовать однимъ именемъ,—тѣмъ паче одними приношеніями. Если присоединяются къ тому нѣкоторыя личныя дѣйствія въ пользу бѣдныхъ братій: то, кажется, сдѣлано уже очень много.

Не будемъ судить строго и о семъ хладномъ образѣ челоуѣколюбія: для нѣкоторыхъ людей, обремененныхъ, развлеченныхъ и своими, тѣмъ паче общественными дѣлами, почти не возможно въ семъ отношеніи иначе дѣйствовать. Но не скроемъ и той апостольской истины, что въ дѣлѣ благотворенія, особливо при частнѣйшемъ совершеніи онаго, всего нужнѣе—богатство сердца. Благотворитель по сердцу всегда найдетъ болѣе средствъ къ благотворенію, скорѣе отыщетъ истинно бѣднаго, долѣе не ослабѣетъ въ подвигахъ любви, мужественнѣе перенесетъ непріятности и затрудненія: потому что собственное сердце его — чистѣйшимъ ощущеніемъ сладости благаго дѣла—награждаетъ его за все столицею. Несправедливо было бы думать, что и для бѣднаго все равно, только бы получить помощь, хотя бы она подавалась не отъ сердца. Бѣдность огрубляетъ чувство, но не столько, чтобы она не могла замѣтить въ благотвореніи хладной суровости, или кичливой суетности и надменія. Въ такомъ случаѣ уста бѣднаго будутъ наполнены, но въ сердцѣ можетъ возбудиться еще болѣе чувство недостатка, его удручающаго.

Апостоль требуетъ притомъ отъ благотворителя *сердца* не всякаго, каково есть, а *чистаго*, то есть, не помраченнаго страстями, движимаго искреннею любовію къ Богу и ближнимъ. Въ самомъ

дѣлѣ, при всемъ гладѣ мы неохотно принимаемъ хлѣбъ изъ рукъ нечистыхъ;—при всей жадѣ не съ такимъ удовольствіемъ утоляемъ оную изъ источника мутнаго. Тоже и въ благотвореніи. Бѣдное благодѣяніе, если принявшій оно колеблется между двумя чувствами — благодарности за помощь, и отвращенія за презрѣтельство, съ коимъ она оказана. Если бы впрочемъ благотворимый и не зналъ, что такое чистота сердца въ благотворителѣ; то вѣдаетъ оную Тотъ, который въ лицѣ бѣднаго благоволитъ Самъ принимать наши даянія. Къ Нему ли прострется нечистая рука отъ нечистаго сердца?

Во вторыхъ, истинная благотворительность должна происходить, по слову Апостола, отъ *совѣсти благія*. Сердце самое мягкое способно увлекаться въ благотвореніяхъ къ крайностямъ и дѣйствовать на-удачу. Но, если гдѣ не умѣстенъ такой образъ дѣйствій, то въ обществахъ челоуѣколюбія. Частный благотворитель извинительнѣе, если предается первому чувству, хотя бы дѣйствовалъ неправильно. Отъ общества, напротивъ, всегда ожидаютъ болѣе вниманія, разборчивости, безпристрастія, благоуспѣшности. Кто же надежнѣйшій руководитель къ симъ совершенствамъ, если не совѣсть, удобно отличающая всякаго истинно бѣднаго, сказующая, что можно и что должно дѣлать при видѣ брата требующаго,—когда и какую оказать помощь?—Но къ сей—высокой—должности внутренняго вождя челоуѣколюбивыхъ чувствованій и дѣяній способна совѣсть токмо благая, — та, которая сама водится непрестанно закономъ Божиимъ, не зрѣтъ на лица, судитъ *не по глаголанію* (Исаіи II, 3), а по дѣйствіямъ, никогда и ни въ какомъ видѣ *не ищетъ своихъ си, а яже суть ближняго* (I Кор. I3, 5), предлагаетъ, гдѣ нужно, и не требующему, останавливаетъ, гдѣ должно, и взыскующаго, которая всегда не предъ людьми токмо, но и предъ Богомъ готова сказать: «я могла погрѣшить въ дѣйствіи, но никогда не хотѣла грѣшить, брала всѣ мѣры предосторожности; не сдѣлала конечно всего, но ничего не упустила съ намѣреніемъ:—трудилась, сколько могла!»

Наконецъ, благотворительность христіанская, по слову Апостола, должна происходить отъ *вѣры неллицетѣрныя* (I Тим. I, 5). Есть предразсудокъ (жалкое исчадіе объюродѣвшей мудрости!) дѣлать добро ближнимъ, не думая о Богѣ.—Особенно имя Спасителя, произносимое бѣдными, кажется тяжелымъ для изнѣженнаго слуха нѣкоторыхъ. Стыдъ самый постыдный! Кому же иному и должны быть посвящены наши малыя благотворенія, какъ не Тому, Кто пролилъ за насъ всю кровь свою? Довольно,

что мы забываемъ о Спасителѣ нашемъ, когда грѣшимъ: будемъ ли изгонять Его изъ нашей памяти и устъ даже въ то время, когда, повидимому, дѣлаемъ добро? И что приобрѣтаетъ любовь къ ближнимъ, отлучаясь, по неразумію своему, отъ любви къ Богу? Одну слабость, сухость и непостоянство. Только святая вѣра производитъ героевъ любви къ ближнимъ; только Моисеи и Павлы молились быть изглаженными изъ книги живота, дабы внесены были въ оную имена братіи ихъ (Рим. 9, 1). Природа человѣческая и мудрость земная никогда не производили и не произведутъ сего.

И куда самъ собою невольно устремляется взоръ бѣднаго по полученіи неожиданной помощи? Не къ небу ли? Кто же будетъ столько жестокосердъ, чтобы захотѣлъ остановить на своемъ, или чьемъ-либо лицѣ, благодарный взоръ, ищущій лица Отца небеснаго? Но онъ будетъ остановленъ и обратится долу, если благотворимый увидитъ, что благотворящій самъ не расположенъ взирать на небо.

Не услышится искренняя молитва благодарности и въ такомъ случаѣ, когда видно будетъ, что истинная вѣра въ благотворителѣ замѣняется личиною оной. Око бѣдности острозрительно;—ничто не помѣшаетъ ему распознать дѣйствительнаго ангела милосердія, приходящаго во имя Божіе, отъ пышнаго служителя гордости житейской, который самъ хочетъ являться божествомъ для милуемаго имъ человѣчества.

Такимъ образомъ чистое сердце есть родитель, благая совѣсть—воспитатель и руководитель, а нелицемѣрная вѣра—утверждение и вѣнецъ истинной благотворительности.

Коснемся нѣсколько и трудностей благаго дѣла, нынѣ предпринимаемаго.

Добрыя дѣла представляются иногда слишкомъ легкими и воображеніе можетъ обѣщать себѣ отъ нихъ однѣ пріятности духа и наслажденія сердца. Добро точно таково — по природѣ своей, но не нашей. Наша—падшая—природа любитъ болѣе разсуждать о подвигахъ добродѣтели, нежели подвизаться для нея, — болѣе любоваться ею издали и вчужѣ, нежели вблизи, возложивъ на нее собственную руку,—болѣе замышлять и начинать благое, нежели успѣшно производить и совершать. Памятуя сіе, истинный благотворитель не удивится, если скоро пройдетъ первая пріятность, всегда сопутствующая началу благаго дѣла; — не охладѣетъ въ ревности, если на пути челоуѣколюбія срѣтутъ потомъ тернія и

волчцы. Среди поля ли бѣдности искать однихъ розъ и наслажденій?

Не оскорбится любовь христіанская даже и тѣмъ, если между бѣдствующими собратіями будетъ срѣтаться иногда невѣжество, нечистоту нравовъ, недостатокъ искренности, даже неблагодарность и злость. Чего и ожидать лучшаго среди тѣсноты и убожества, когда самъ Соломонъ опасался нѣкогда отъ нихъ за свою добродѣтель (Прит. 30, 9)? И развѣ лучшее срѣтаютъ Ангелы Божіи, низходя въ нашъ міръ,—среди насъ самихъ? Чего бы не могли сказать они—если бы захотѣли—противу насъ, возвращаясь къ престолу благодати?—Благодѣянна человѣчеству часто должны имѣть цѣлю пробудить самое чувство человѣчества, подавленное нуждами. Пусть лишенные сего чувства изъ образа нашихъ благотвореній узнаютъ, что значитъ быть человѣкомъ и христіаниномъ.

Требуется не малаго отъ истиннаго благотворителя. Но, развѣ мы сами меньшаго требуемъ у общаго нашего Благотворителя, *иже на небесѣхъ* (Мат. 6, 9)? Ахъ, мы всѣ въ свою череду бѣдные, всѣ, —кто бы мы ни были, — осужденные на смерть преступники закона Божія! Въ такомъ ли состояніи гордиться нашими преимуществами? Почитать себя выше другихъ? Считаться титулами и достоинствами? Напротивъ, не величайшая ли милость, что всѣмъ намъ позволено искуплять грѣхи наши милостынями? Не драгоцѣнное ли право, что всѣ мы можемъ—въ лицѣ нашихъ братш — служить будущему нашему Судии и Господу? Ты чувствуешь отвращеніе идти къ человѣку, лежащему на гноищѣ? Но, можетъ быть, это второй Іовъ, искушаемый въ своей добродѣтели. Твоя чувствительность колеблется преклониться съ утѣшеніемъ къ одру болящаго? Но, можетъ быть, это новый Лазарь, у коего не одинъ богачъ будетъ просить нѣкогда капли воды для устуженія языка своего. Но, кто бы ни былъ бѣдный, довольно для тебя того, что ты, идя къ нему, идешь къ самому Христу, который говоритъ: *Мнѣ сотвористе* (Мат. 20, 40)! Никто не откажется, а всякій поспѣшитъ на зовъ царя, въ какое бы мѣсто онъ ни призывалъ. Отречемся ли, когда самъ Царь небесный зоветъ насъ въ хижину или къ одру болящаго? Съ царемъ бесѣдовать всякій поставитъ за честь, хотя бы онъ почему-либо сокрылъ себя подъ рубищами. У Царя ли небеснаго рубища могутъ отнять въ очахъ нашихъ все достоинство? Не будемъ взирать на то, что предъ нами, а на будущее; не на временное, а на вѣчное; не на себя, а на своего Спасителя:—и низкій кровъ

бѣднаго обратится для насъ въ храмъ, простое дѣйствіе любви— въ священнодѣйствіе, трудъ—въ сладость и награду.

Богъ же всякія любви и щедротъ, обнищавши всѣхъ насъ ради, да мы нищетою Его обогатимся, начный дѣло благо въ насъ, той Самъ да утвердитъ и да совершитъ его благодатію своею! Аминь.

РѢЧЬ

ПРИ ОТКРЫТІИ ВЪ ГОРОДѢ ХАРЬКОВѢ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА ДЛЯ БѢДНЫХЪ *).

такъ, прошедшій годъ былъ плодоносенъ у насъ не на поляхъ только и нивахъ, а и въ душахъ и сердцахъ чело-вѣческихъ!—Какіе изъ плодовъ духовныхъ лучше плода милосердія и любви христіанской? И вотъ сей драгоцѣнный плодъ въ продолженіе года собирается нами уже въ другой разъ! **) Благодареніе Господу! Отнынѣ градъ нашъ будетъ отличатся не однѣми науками и торговлею, какъ было прежде, а и благотвори-тельностьюю общественною. Хвала и честь тѣмъ, кои возревно-вали украсить его симъ святымъ отличіемъ! Благодарность и вамъ, почтеннѣйшіе сочлены новаго общества, кои съ такимъ усердіемъ поспѣшили явиться на новомъ поприщѣ благотворенія при пер-вой вѣсти о его открытіи! Мы увѣрены, что въ вашемъ любве-обильномъ сердцѣ достанетъ мужества христіанскаго на препо-бѣжденіе всѣхъ трудностей, кои могутъ встрѣтиться съ вами на семъ поприщѣ. А между тѣмъ позвольте предложить вамъ нѣ-сколько мыслей, могущихъ служить къ подкрѣпленію вашей дѣ-ятельности.

Какъ обыкновенно смотрятъ на занятія благотвореніемъ? Какъ на подвигъ для благотворителей и какъ на милость для благотворимыхъ. Конечно, это подвигъ и милость; но для кого

*) Сказанная марта 2, 1844 года.

**) Въ семъ же году открытъ въ Харьковѣ тюремный комитетъ.

милость? для однихъ ли благотворимыхъ? Нѣтъ, и для благотворителей, и еще болѣе для благотворителей, нежели для благотворимыхъ.

На сей-то важной истинѣ хотѣли бы мы остановить ваше внимание, почтеннѣйшіе члены новаго общества; ибо, очевидно, великая разность, если труждающійся въ благотвореніи будетъ почитать его за милость только для благотворимаго, или когда будетъ увѣренъ, что это милость и для него самого. Въ послѣднемъ случаѣ самая любовь къ себѣ должна побудить его къ дѣятельности неослабной.

Но, точно ли благотворение есть благодѣяніе благотворящихъ самимъ себѣ?

Это столь же вѣрно, какъ несомнѣнно то, что благотворение есть средство къ изглажденію своихъ грѣховъ предъ Богомъ, есть источникъ самыхъ чистыхъ наслажденій душевныхъ; есть надежнѣйшее приготовленіе себя къ небесной жизни за гробомъ. Раскроемъ сіи мысли подробнѣе.

Кто можетъ сказать о себѣ, что онъ чистъ и правъ предъ закономъ правды небесной? *Аще речеть, яко грѣха не имать, себе прельщаетъ и истины нѣсть въ насъ* (1 Іоан. 1, 18). Тѣ, кои щедрены дарами счастья, еще болѣе другихъ подлежатъ разнымъ соблазнамъ, среди коихъ теряется чистота духа и совѣсти.

Не благодѣяніе ли въ такомъ случаѣ имѣтъ всегда въ готовности средство къ искупленію своихъ вольныхъ и невольныхъ грѣхопадений? Но благотворение именно есть такое искупительное средство. Мы не осмѣлились бы утверждать сего безъ яснаго свидѣтельства о томъ слова Божія. И свидѣтельства сіи разсыпаны по всѣмъ книгамъ св. писанія. Возьмемъ одинъ разительный примѣръ. Навуходоносоръ, царь вавилонскій, видитъ сонъ, въ коемъ подъ образомъ древа, осужденнаго на посѣченіе, указана ему его собственная участь. Казалось, вся надежда потеряна; но является пророкъ и говоритъ, что есть еще средство отвратить казнь. Какое средство? Благотворение и милостыня. *Се совѣтъ мой, вѣщаетъ пророкъ, грѣхи твоя милостынями искупи, и неправды твоя щедротами убогитъ* (Дан. 4, 24). Примѣтьте самое выраженіе пророка: искупи. Въ дѣлахъ земныхъ нерѣдко говорятъ съ сожалѣніемъ: если бы то или другое можно было купить деньгами! Вотъ, можно купить деньгами не какую либо тѣлнную вещь, а милость Божію и собственное спасеніе. Поспѣшайте же искуплять грѣхи свои вы, кои щедрены дарами счастья, поспѣшайте, доколѣ не посѣчено древо, доколѣ вы не вос-

хищены туда, откуда нѣтъ исхода, гдѣ уже нѣтъ искупленія, должно будетъ воздать до послѣдняго кодранта (Мат. 18, 34).

Но такимъ образомъ, подумаетъ кто либо, можетъ войти въ рай самый нераскаянный грѣшникъ, обладающій богатствомъ. Не безпокойся, возлюбленный! Если онъ войдетъ въ рай, то войдетъ раскаянный. Откуда возьмется раскаяніе? Отъ дѣлъ чело-вѣколюбія. Коль скоро грѣхлюбивый богачъ сдѣлается чело-вѣколюбивъ воистину (а мы и не признаемъ того за чело-вѣколюбіе, что онъ съ холодностію, мимоходомъ, броситъ бѣднымъ горсть серебра или мѣди), то престанетъ быть жестокимъ и къ самому себѣ, не станетъ болѣе губить своей души грѣхами. Живая любовь къ ближнему непременно приведетъ за собою истинную любовь и къ Богу; а въ чьей душѣ вселятся сіи два ан-гела свѣта, тамъ не мѣсто уже грѣху и страстямъ.

Судите послѣ сего, можно ли благотвореніе ближнимъ нашимъ не назвать великою милостію для самыхъ благотворителей, коль скоро оно есть надежнѣйшее средство къ искупленію нашихъ грѣховъ предъ Богомъ?

Но добродѣтель сія, какъ мы сказали, есть вмѣстѣ источ-никъ самыхъ чистыхъ и высокихъ удовольствій душевныхъ, и средство къ нашему нравственному усовершенствованію.

Въ самомъ дѣлѣ, ужели намъ почитать за удовольствие только то чувство, которое происходитъ отъ роскошной трапезы, отъ великолѣпныхъ чертоговъ, отъ пышнаго убранства, отъ богатой прислуги, отъ разсѣянія и забавъ мірскихъ? Ужели въ душѣ нашей нѣтъ способности вкушать сладость невещественную, доставляемую благою совѣстью и благими дѣлами? Но въ благотвореніи ближнимъ сокрывается неизсякаемый источникъ наслажденій душевныхъ. Какъ отрадно для сердца, когда малолѣтние и без-помощные сироты находятъ въ васъ отца и мать! Когда боля-щие вами воздвигнуты съ одра болѣзни, или успокоены на ложѣ смертномъ! Когда преклоняющаяся къ землѣ старость за васъ подымлетъ дрожащія руки къ небу! Когда неопытная юность вами отведена отъ бездны разврата и поставлена на путь правый. Въ этомъ именно великая награда для тѣхъ, кои не только жерт-вуютъ отъ избытковъ своихъ на помощь ближнимъ, но и сами лично пріемлютъ трудъ оказывать имъ эту помощь. Можетъ быть, сердце, привыкшее къ шумнымъ радостямъ мірскимъ, не вдругъ раскроется для ощущеній сихъ невещественныхъ утѣхъ, — но раскроется! Лучи благотворенія, въ повторенномъ дѣйстви ихъ, не слабѣе лучей солнечныхъ, скорѣе или медленнѣе, но расто-

пятъ ледъ душевный, обнажатъ почву сердца, проникнуть въ глубину души, изведуть сѣмена добра, въ ней сокрывавшіяся, заставятъ возникнуть цвѣты благихъ мыслей и чувствъ, обратятъ ихъ въ плодъ и содѣлаютъ способными къ питанію внутренняго человѣка. Опытъ доказываетъ, что люди самые разсѣянные, начавъ заниматься дѣлами человеколюбія, даже случайно и не по влеченію сердца, съ продолженіемъ времени, обращались отъ разсѣянія къ занятію самими собою, дѣлались способными ко всему доброму, получали возвышенное направленіе мыслей и чувствъ, сдружались съ неизвѣстнымъ имъ дотолѣ духомъ вѣры и благочестія, оставляли худыя привычки, перемѣняли свое поведеніе, становились истинными христіанами.

Сказать ли еще одну мысль? Самое наслажденіе благами земными получить новую цѣну отъ упражненія въ благотворительности. Получивъ ихъ большею частію при самомъ рожденіи, не испытавъ никогда бѣдности и лишенія, не находя никогда препятствія къ удовлетворенію не только истинныхъ нуждъ своихъ, но и суетныхъ прихотей, обыкновенно думаютъ, что такое счастливое и независимое положеніе есть какъ-бы естественно человѣку, не видятъ причины радоваться своему состоянію и благодарить Промыслъ Божій. Совсѣмъ другое чувство возникаетъ въ сердцѣ, когда знакомятся ближе со всѣми видами бѣдности человѣческой. Тутъ открывается, до чего можетъ простираться и до чего доводить человѣка недостатокъ въ самомъ необходимомъ; тутъ познается, отъ какихъ они состояніемъ своимъ избавлены горестей и искушеній; тутъ посему научаются быть благодарными къ Провидѣнію, судившему поставить ихъ въ семь, а не другомъ состояніи.

Послѣ сего не въ правѣ ли мы опять сказать, что благотвореніе есть благодѣяніе для самихъ благотворителей — какъ источникъ чистыхъ наслажденій душевныхъ, какъ средство къ собственному самоусовершенствованію?

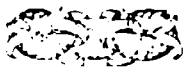
Наконецъ, въ благотвореніи заключается самый благонадежный способъ на приготовленіе себя къ будущей жизни на небѣ.

Да, братіе мои, какъ бы ни было кому либо изъ насъ хорошо на землѣ, но мы всѣ здѣсь — гости, коимъ завтра — послѣ завтра, надобно возвращаться домой. Съ чѣмъ мы пойдѣмъ и что понесемъ туда? Съ нашими познаніями о вещахъ земныхъ? Они тамъ не нужны. Съ нашими титулами и стяжаніями? Для нихъ тамъ нѣтъ мѣста. Все, что мы дѣлали для времени, должно будетъ остаться у прага вѣчности, а съ нами поидетъ одно

то, что превышаетъ времени и тѣнныя. Что это такое? Вѣра и добродѣтель, и первая изъ добродѣтелей — любовь христіанская. Ее-то по сему самому должно болѣе всего укоренять въ душѣ и сердцѣ, дабы явившись въ небесное отечество, не оказаться тамъ чужестранцами въ языкѣ и нравахъ нашихъ.

Но, какой лучший для сего способъ, какъ не упражненіе въ дѣлахъ любви и милосердія? Воззрѣмъ на Ангеловъ — что они суть всѣ, какъ не служебные духи, въ служеніе посылаемы за *хотящихся наследовать спасеніе* (Евр. 1. 14)? Весь соборъ ангеловъ, можно сказать, есть общество благотворителей для бѣднаго рода человѣческаго. Посему, вступивъ на поприще благотворенія, вы вступаете на путь ангельскій. Идя по немъ неослабно, вы еще на землѣ придете въ таинственное содружество съ Ангелами, кои не преминутъ оказывать вамъ самимъ помощь и услуги, подобныя тѣмъ, кои вы будете оказывать бѣднымъ братьямъ своимъ, тѣмъ паче въ часъ смерти не забудутъ вознаграждать васъ за ваши труды и попеченія о нихъ.

И Ангеламъ ли только уподобляется душа человѣколюбивая? Она сближается съ самимъ Спасителемъ своимъ, который есть первый и послѣдній Человѣколюбецъ, Вождь и Глава всѣхъ труждающихся во благотвореніи ближнимъ. Если у кого, то у Него не окажется недостатка въ средствахъ къ вознагражденію насъ за всякое дѣло человѣколюбія. Онъ, если то заслужимъ, можетъ благословить насъ всѣмъ, чего желаемъ, и на землѣ: и успѣхомъ на поприщѣ служенія общественнаго, и крѣпостію силъ тѣлесныхъ, и благими чадами и вѣрными слугами, и уваженіемъ людей добродѣтельныхъ, и усмирениемъ людей враждебныхъ и удаленіемъ отъ насъ искушеній, и дарованіемъ силъ на перенесеніе ихъ, если онѣ для насъ нужны и полезны. Тѣмъ паче, какъ отрадно будетъ, явившись предъ Него тамъ, въ вѣчности, имѣть возможность сказать: Господи, не имѣя другихъ добродѣтелей, я тщился по крайней мѣрѣ подражать любви Твоей, служилъ, по возможности, бѣднымъ братьямъ моимъ: да явится убо и надо мною — недостойнымъ безприкладное милосердіе Твое! Аминь.

РѢЧЬ

ПО СЛУЧАЮ ОТКРЫТІЯ ВЪ ГОРОДѢ ХАРЬКОВѢ ДѢТСКАГО ПРИУТА *).

Ѣдкое душевное наслаждение дано имѣть намъ нынѣ: въ одинъ и тотъ же день два торжества **) торжество просвѣщенія и торжество человѣколюбія! О, если бы свѣтъ наукъ всегда оставался въ такомъ тѣсномъ и приискреннемъ соединеніи съ теплотою любви христіанской! Не то было бы съ людьми, не то бы было и съ науками! Нашему особенно граду давно приличествовало явить примѣръ сего союза благотворнаго просвѣщенія съ человѣколюбіемъ. Между тѣмъ, оставивъ далеко назади себя всѣхъ сверстниковъ своихъ на поприщѣ умственнаго образованія, онъ, какъ бы изъ опасенія не взять верха надъ ними и въ другихъ отношеніяхъ, — доселѣ медлилъ вступить на поприще общественной благотворительности. И вотъ, — какъ бы въ вознагражденіе прошедшей медленности, — мы начинаемъ теперь поприще человѣколюбія такимъ дѣломъ, которое въ другихъ мѣстахъ служило уже какъ бы вѣнцемъ разныхъ учрежденій человѣколюбивыхъ. Явный знакъ, что и у насъ не замедлятъ появиться подобныя учрежденія, совершенно уже, какъ извѣстно, созрѣвшія и въ умѣ благопопечительнаго начальства и въ сердцахъ благочестивыхъ жителей града сего. Между тѣмъ, въ ожиданніи сего, самый первый плодъ любви христіанской посвящается дѣ-

*) Произнесенная июля 1 1843 года.

**) Въ этотъ же день было молебствіе въ харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ, по случаю выпуска воспитанницъ его, кончившихъ курсъ ученія.

тямъ: первенство во всѣхъ отношеніяхъ совершенно приличное! Ибо, какой возрастъ, болѣе дѣтскаго, имѣетъ нужду въ благопризрѣнни и руководствѣ отеческомъ? Равно отъ какого возраста благопризрѣннаго, благосохраненнаго и благонаправленнаго, можно ожидать наиболѣе благихъ послѣдствіи въ будущемъ, какъ не отъ дѣтскаго? Что сіи малые птенцы увидятъ и услышатъ здѣсь, что займутъ отсюда, то останется съ ними на всю жизнь, съ ними же пойдетъ по сотнямъ домовъ и хижинъ, сообщится болѣе или менѣе самымъ родителямъ ихъ, старшимъ братьямъ и сестрамъ и надъ всѣми окажетъ благотворное вліяніе. Сія-то, безъ сомнѣнія, мысль одушевляла тѣхъ, кои съ такимъ христіанскимъ усердіемъ неслись о приведеніи къ бытію сего учрежденія; сія же самая мысль подвигла на обильное приношеніе въ пользу его руку воина-героя *), который, веселивъ отечество въ незабвенную годину двѣнадцатаго года подвигами необыкновеннаго мужества, являетъ теперь, что для христілюбиваго сердца его столь же близки и сродны безкровныя подвиги вѣры и любви христіанской. Сія же мысль да подкрѣпляетъ и васъ, кои приняли на себя святую обязанность замѣнять собою для каждаго изъ сихъ птенцовъ отца и мать. Зная васъ, мы увѣрены, что обязанность сія будетъ и выполнена вами по-отечески и по-матерински. Если бы впрочемъ когда либо на семъ новомъ поприщѣ челоуѣколюбія встрѣтили васъ и затрудненія; то вспомните тогда любвеобильныя слова Спасителя, вѣщающаго: *не браните дѣтей приходитъ ко Мнѣ: Ангели бо ихъ выну видятъ лице Отца небеснаго*, вспомните, и скажите самимъ себѣ: Ангелы Божіи не оставляютъ дѣтей, имъ ввѣренныхъ, мы ли оставимъ? скажите такъ самимъ себѣ, и утѣшитесь. Ибо, что можетъ быть въ вашемъ положеніи отраднѣе той мысли, что ваше попеченіе о дѣтяхъ вмѣстѣ съ вами раздѣляютъ самые Ангелы Божіи! И будьте увѣрены, что сіи незримые сотрудники ваши не забудутъ вознаграждать васъ за всѣ труды ваши въ то время, когда вы явитесь туда, гдѣ безъ чистоты и незлобія дѣтскаго невозможно войти въ царствіе Божіе.

Вамъ, юныя дѣти, собственные родители ваши скажутъ и внушатъ, какъ должно вести себя здѣсь. А между тѣмъ, какъ

*) Графъ Орловъ-Денисовъ, который значительными пожертвованіями своими содѣйствовалъ преимущественно къ устройству въ Харьковѣ дѣтскаго приюта.

ни юны вы, сердце ваше, думаю, уже говоритъ вамъ теперь, что съ вами произошло что-то необыкновенное и весьма благое, что вы дѣлаетесь предметомъ нѣжнаго попеченія для тѣхъ людей, кои чужды вамъ по всѣмъ отношеніямъ, кромѣ вѣры и любви о Христѣ. Ибо, кто далъ вамъ сихъ вторыхъ отцевъ и матерей? Единъ Отецъ небесный. Ангелы ваши умолили Его о васъ; Онъ подвигъ сердца тѣхъ, въ коихъ обрѣлась способность къ тому;— и вотъ, надъ вами простерся покровъ любви, подъ коимъ вы будете находить неоскудѣваемую пищу не только тѣлу, но и душѣ вашей. Возблагодарите же Господа за дарованіе вамъ сихъ вторыхъ отцевъ и матерей, и прилежаніемъ, кротостію и послушаніемъ поспѣшите обрадовать и возвеселить тѣхъ, кои, кромѣ вашего совершенства и успѣховъ, не ожидаютъ и не ищутъ за свои труды и жертвы никакой другой награды на землѣ.

А мы, радуясь отъ всей души о насажденіи сего малаго по виду, но великаго по плодамъ, вертограда, любви христіанской, и здѣсь не усумнимся молитвенно возгласить тоже, что, по уставу св. Церкви, привыкли возглашать во храмахъ нашихъ: *призри съ небесе, Боже, и виждь, и посѣти виноградъ сей, и утверди и, егоже насади десница Твоя! Аминь.*

РѢЧЬ

ПРИ ОТВѢТѢ ВЪ ГОРОДѢ НИЗѢ ПОЛУЧИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА О ТЮРЬМАХЪ.

лужителямъ слова всего чаще нужно бываетъ наставлять, исправлять и даже обличать, и всего рѣже — благодарить, привѣтствовать и соутѣшаться. И сей-то рѣдкій случай предлежитъ теперь моему слову. Ибо, что вижу я? — Вижу людей всѣхъ сословій, кои, оставивъ труды и занятія свои, поспѣшили на дѣло, о коемъ одна мысль предполагаетъ уже не малый избытокъ любви въ сердцѣ. Какой другой духъ можетъ одушевлять подобное собрание, кромѣ духа вѣры и упованія христіанскаго? — И дивно ли послѣ сего, если слово назиданія въ устахъ проповѣдника само собою обратится теперь въ слово радости и привѣтствія? Такъ, христіолюбивые слушатели, я не усомнюсь, отъ лица злополучнаго человѣчества, принести вамъ благодарность за начало дѣла, которое приноситъ честь христіанству и человѣчеству; не обинусь отъ лица самаго воплощеннаго Человѣколюбца, возвѣститъ вамъ, что мысль препослать постоянные лучи благотворенія во мракъ темницъ есть дѣло Его всеблагаго духа любви. О, плоть и кровь не являютъ сего! Всемудрые Аѳины съ ихъ божественнымъ Платономъ, уставолюбивый Римъ съ его Катонами, не знали — даже имени этой добродѣтели! —

Между тѣмъ, какъ высокая добродѣтель сія недалеко отъ сердца самаго послѣдняго христіанина! — Для насъ не нужно доискиваться и учиться ей; нужно только постоянно взирать на нее въ лицѣ своего Спасителя: ибо куда поспѣшилъ Онъ со креста, въ тѣ минуты, когда по окончаніи видимаго подвига крестнаго, казалось, слѣдовало, если не тотчасъ начать торжество, по крайней

мѣрѣ опочить на время отъ страданій? — Поспѣшилъ не къ Отцу, не къ Ангеламъ, не къ душамъ избранныхъ праведниковъ, а во адъ, къ узникамъ смерти и грѣха, дабы извести ихъ въ свободу. Одно это обстоятельство должно сдѣлать темницы для насъ стоящими всякаго благочестиваго вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, если сама благодать Божія преизбыточествовала тамъ, *идѣже множитя грѣхъ* (Рим. 5, 20); то и милосердію человѣческому всего приличнѣе являться наиболѣе тамъ, гдѣ наиболѣе бѣдности человѣческой. — Гдѣ же наиболѣе ея, какъ не въ темницахъ? Кто несчастнѣе преступника? — Если мы вмѣняемъ въ жестокость не оказать помощи страждущему болѣзнию тѣлесною, то не жестокость ли оставить безъ возможнаго вспоможенія страждущихъ болѣзнями душевными, — пороками? Ибо, сколько душа важнѣе тѣла, столько порокъ губельнѣе болѣзни.

Знаю, почтенные слушатели, что недуги душевные всегда почти бывають слѣдствіемъ злоупотребленія свободы: но развѣ нельзя того же самого сказать и о большей части недуговъ тѣлесныхъ? — И однако же при нихъ всегда остается право на страданіе. Зачѣмъ же лишать сего права и недугъ душевный — порокъ? — Увы, что значить падшая, помраченная грѣхомъ прародителей, свобода наша, какъ не трость въ тромъ колеблемая? — Посему-то, какъ замѣчаетъ Апостоль, *попрѣмноу согрѣшаетъ вси* (Іак. 3, 2), всѣ узники грѣха, всѣ невольники чувствъ, всѣ измѣнники небу и враги закона, всѣ осужденные на смерть преступники. Послѣ сего надобно стократъ благодарить Судю небеснаго за то, что Онъ позволилъ намъ искупать наши грѣхи милостію къ согрѣшающимъ обратіямъ нашимъ и стократъ надобно дивиться, если мы такъ мало пользуемся симъ, по истинѣ божественнымъ, способомъ взаимнаго всепрощенія.

«Но, помыслить кто-либо, если строго и постоянно слѣдовать сему способу, то мы придемъ къ ненаказанности. Чтобы сдѣлать порокъ отвратительнымъ, для сего необходимо отвращаться и презирать порочныхъ». Кто бы ты ни былъ, мыслящи такимъ образомъ, да будетъ вѣдомо тебѣ, что ты судишь не по-христиански. — Ты боишься потворства преступленіямъ? — Но развѣ мы нынѣ думаемъ вступить въ содружество съ преступниками? — Ты боишься лишити законъ спасительнаго страха. — Но, потеряетъ ли силу законъ, если подзаконный будетъ по временамъ во храмѣ слышать волю небеснаго Законодателя, имѣть понятие о наградахъ и наказаніяхъ не временныхъ только, но и вѣчныхъ? — Потеряетъ ли силу законъ, когда между преступниками закона,

вмѣсто всегубительной праздности, водворено будетъ трудолюбіе— предтеча и родитель жизни правильной? — Потеряетъ ли силу законъ, когда преступникъ, умѣющій читать, будетъ имѣть въ рукахъ книгу, способную открыть ему глаза, указать бездну, въ коей онъ находится, и тотъ путь, коимъ можно выйти изъ нея? — Потеряетъ ли силу законъ, если содержимые въ заключеніи раздѣляются по ихъ полу, по возрастамъ, по званію, по роду преступленію, даже, если можно, по характерамъ и наклонностямъ?

«Все это хорошо и полезно,» скажешь ты. А что же другое, возлюбленный, имѣется въ виду, какъ не сіе самое? — Предметъ дѣятельности новоучреждаемаго общества—не ослабленіе спасительной строгости законовъ, а направление ея къ цѣли, къ тому, чтобы преступникъ не выходилъ изъ темницы хуже, нежели какимъ вошелъ въ оную, чтобы дома, устроенные противъ преступленій, не обращались въ разсадники преступленію, чтобы мечъ правосудія, посѣвая плевелы, не пожиналъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ самомъ зародышѣ и будущей пшеницы, чтобы самая, необходимая, строгость закона не страдала отъ недостатка и погворства исполнителей закона.

«А это,» можетъ еще подумать кто-либо, «это дѣло — власти предержащей.» Итакъ, по твоему, еще мало занята власть сія, когда держитъ въ рукахъ своихъ судьбу едва не цѣлаго свѣта? — Ты хотѣлъ бы, чтобы она, взявъ на свои руки нашу свободу, взяла вмѣстѣ съ тѣмъ и все наше своеволіе и всѣ наши пороки? — Не только учила ходить дѣтей малолѣтнихъ, пеленала дѣтей строптивыхъ, но и занялась сама врачеваніемъ дѣтей увѣчныхъ? — Но, подумай, многие ли даже изъ родителей занимаются врачеваніемъ такихъ дѣтей? — Власть предержащая уже дѣлаетъ свое дѣло, когда раздаетъ всѣмъ и каждому — правосудіе, она дѣлаетъ болѣе, когда вмѣстѣ съ правосудіемъ оказываетъ и милосердіе; дѣлаетъ еще болѣе, когда не только сама милосердствуетъ, но допускаетъ всѣхъ и каждого на поприще милосердія. Характеръ суди измѣнился бы, если бы онъ изъ раздаятеля правды обратился въ раздаятеля милости. На самомъ небѣ раздѣлены сіи служенія; есть Ангелы правды, и есть Ангелы милости: не будемъ сливать ихъ и на землѣ. Преступникъ скорѣе откроетъ сердце тому, кого привелъ въ его темницу голосъ любви, а не долгъ званія. Покажемъ, что можемъ мы сдѣлать въ семъ случаѣ, дабы власть предержащая имѣла удовольствіе знать, чего можетъ надѣяться отъ насъ и въ другихъ обстоятельствахъ: *вѣрный въ малѣ поставляется надъ многими* (Мат. 25, 21)!

Но говоря и разсуждая такимъ образомъ, я непримѣтно обратился въ защитника такого начинанія, за успѣхъ въ коемъ самая лучшая порука въ вашемъ сердцѣ, почтенные слушатели! Не продолжимъ изъясненіе дѣла; скажемъ нѣсколько словъ о самомъ производствѣ его.

Намъ предлежитъ трудиться надъ исправленіемъ преступниковъ. Обращеніе каждаго грѣшника есть чудо, которое можетъ совершать единъ Богъ, тѣмъ паче — преступника. Итакъ, употребляя всѣ мѣры благоразумія для достиженія цѣли, не будемъ забывать, что главный Виновникъ нашего успѣха не на землѣ, а на небѣ. О Его пресвятомъ имени по тому самому надлежитъ дѣйствовать всѣмъ намъ; къ Нему должно обращать очи и сердца и свои и узниковъ. Пусть они не знаютъ нашего имени; только бы познали чрезъ насъ имя Отца, иже на небесѣхъ. Господь не останется ни у кого изъ насъ въ долгу; въ свое время вспомнитъ каждаго изъ насъ.

Во-вторыхъ, не будемъ забывать, что намъ должно воздѣлывать такое поле, которое уже *близко къ пожженію* (Евр. 6, 8). Посему, если всякое благое дѣло требуетъ терпѣнія, то наше — наипаче. Надобно быть довольными и малымъ успѣхомъ, помня, что самъ небесный Человѣколюбецъ оставляетъ девяносто девять овецъ, и ищетъ одной заблудшей.

Въ-третьихъ, не будемъ думать, что мы, нисходя въ темницы, не можемъ выносить изъ нихъ ничего для себя. Нѣтъ, этотъ подвигъ человѣколюбія заключаетъ награду самъ въ себѣ. Узники ничего не имѣютъ, но могутъ многое дать, если будемъ умѣть принимать. Желаетъ ли узнать свойство природы человѣческой? — Посѣщай темницы, — тамъ увидишь ее на одной изъ послѣднихъ крайностей, найдешь такую, какою не покажутъ тебѣ ее ни книги, ни театры. Ты борешься съ искушеніемъ обольстительнымъ, и чувствуешь нужду оживить въ себѣ отвращеніе къ пороку? Посѣти темницу: тамъ увидишь, до чего доводитъ человѣка порокъ, какъ онъ ангела обращаетъ едва не въ диавола. Но паче всего, ты хочешь заглядить собственные грѣхи и стяжать хотя малое право на милость Божию? Спѣши въ темницу: тамъ срѣтитъ ебя Тотъ, кто сказалъ: *въ темницѣ обѣхъ, и приидосте ко-Мнѣ* (Мат. 25, 39). Не думай, что Ему не прилично быть съ преступниками; можно ли не быть съ грѣшниками Тому, Кто умеръ за грѣшниковъ?

Сими чувствами я почелъ за долгъ напутствовать васъ, хри-

столюбивые члены новоучреждаемаго общества, на святое поприще ваше.

Господь Иисусъ, сошедши во адъ къ узникамъ, для проповѣди имъ спасенія (1 Пет. 3, 18. 19; 4, 5), Онъ самъ да подкрѣпитъ силы ваши, да воодушевитъ любовь вашу, да просвѣтитъ умъ вашъ и да увѣнчаетъ трудъ вашъ благословеніемъ и успѣхами!
Аминь.

РѢЧЬ

ПО СОВЕРШЕНИИ ДѢЛОВАТІЯ, ПРИ ОТКРЫТІИ ОБЩЕСТВА КИЕВСКАЯ КРАЧЕЙ.

 сердная молитва ко Всевышнему, коею вы, какъ врачехристиане, почли за долгъ предначать ваши вновь учреждаемыя общепользныя собранія, уже ясно даетъ знать намъ, какъ далеко отъ васъ тотъ низкій и жалкій взглядъ на свою науку, по коему религія почитается для нея дѣломъ совершенно чуждымъ; что вы, напротивъ, и усугубляя труды и усердіе свое на пользу страждущаго человѣчества, полного успѣха въ благотворномъ служеніи ему ожидаете не столько отъ собственныхъ усилій и средствъ земныхъ, сколько отъ благословія свыше.

Привѣтствуемъ васъ, отъ лица святой Церкви, съ симъ свѣтымъ и возвышеннымъ взоромъ на свое дѣло! Безъ сомнѣнія, и весь пространный и богоспасаемый градъ нашъ не замедлитъ отозваться чувствомъ сугубой признательности къ вамъ, не только за то, что вы такъ благородно усугубляете дѣятельность вашу на пользу общую, но и за то, что самое начало сей дѣятельности освящаете именованіемъ Того, въ десницѣ коего жизнь и дыханіе наше. Если въ какомъ градѣ, то въ нашемъ, изъ коего свѣтъ вѣры и свѣтъ наукъ распространился по всѣмъ предѣламъ неизмѣримаго отечества нашего, вѣрѣ и знанію всегда должно находиться въ самомъ тѣсномъ и всѣми видимомъ союзѣ.

Имѣя въ виду такое благое расположеніе ваше, мы питаемъ твердую надежду, что святая вѣра, призванная на помощь въ началѣ занятій вашихъ, не будетъ забыта вами и во все продолженіе ихъ. И почему бы сей всеосвящающей вѣрѣ не осѣнять

постоянно своимъ невидимымъ присутствіемъ ученыхъ собраній вашихъ? — Знание истинное — что такое оно вообще, какъ не природная дщерь и воспитанница вѣры? — Вѣра истинная, что и она, какъ не естественный конецъ и вѣнецъ всякаго основательнаго познанія? Присмотритесь къ началу и къ концу наукъ, и увидите, что каждая изъ нихъ вытекла изъ-подъ священныхъ высотъ вѣры, и каждая при надлежащемъ теченіи своемъ, всегда впадаетъ въ море разумнаго вѣрованія; въ противномъ же случаѣ, каждая неминуемо образуетъ изъ себя наконецъ непроходимыя дебри и болота. Мы привыкли говорить: кругъ наукъ, кругъ знанія, и отдѣлять его отъ круга вѣры; но собственно говоря: нѣтъ и не можетъ быть круга наукъ, а существуетъ одинъ безпредѣльный округъ вѣры, внутренность коего раздѣляется между науками. Знание безъ вѣры, есть средина безъ начала и конца; посему, кто ищетъ не бездушныхъ отрывковъ, а живаго разумнаго цѣлаго, тотъ необходимо долженъ соединять знаніе съ вѣрою. — Только близорукая философія прошедшаго столѣтія возмечтала было на время расторгнуть сей священный союзъ и заставила знаніе копать гробъ для вѣры: но что вышло изъ сего матерубійственнаго покушенія? Святая вѣра, гонимая самозабывшимся разсудкомъ, сокрылась въ недоступную для него глубину сердца человѣческаго; — и лжеименное познаніе осталось само въ ископанномъ отъ него гробѣ съ своими софизмами.

Но если каждая наука, подобно какъ и всякій человѣкъ, по самой натурѣ своей, требуетъ для своего совершенства религіи; то ваша наука, врачи-христиане, имѣетъ въ себѣ нужду сугубую. Вы призваны трудиться на мрачномъ полѣ страданій человѣческихъ; среди сихъ трудовъ нельзя не спросить: гдѣ первое начало и гдѣ послѣдній конецъ сихъ ужасныхъ страданій? — Кто же въ состояніи дать успокоительный отвѣтъ на сей великій вопросъ, кромѣ святой вѣры? — Недугамъ тѣлеснымъ, тайно или явно, посредственно или непосредственно, но всегда предшествуютъ недуги душевные — грѣхи и страсти: можно ли изсушить протоки, не заградивъ источника? и какъ заградить источникъ, не призвавъ на помощь нравственности и вѣры? — Не должно забывать и того, что болѣзни и недуги, съ коими вамъ должно сражаться, суть не какая-либо не важная случайность въ родѣ человѣческомъ, что они допущены Промысломъ съ премудрою цѣлю, и суть въ рукахъ Его одно изъ главныхъ средствъ къ управленію судьбою земнородныхъ, къ нравственному исправленію людей: какъ съ полнымъ успѣхомъ дѣйствовать къ прекращенію или ослабленію

сихъ узъ, коими связуется свыше легкомысліе или строптивость человѣческая, не имѣя въ виду путей Промысла, не сообразуясь съ ними сколько можно, и слѣдовательно не бывъ глубоко проникнутымъ вѣрою въ нравственную цѣль всѣхъ нашихъ несчастій и страданій? — Какъ, наконецъ, исключить самую вѣру изъ числа прямыхъ средствъ къ излеченію всякаго рода недуговъ, когда многократные опыты свидѣтельствуютъ, что силъ живой вѣры уступаетъ то, что посмѣвалось надъ всѣми усиліями искусства? — А сердце самаго врача — ужели оно иначе создано, чтобы ему можно было обходиться безъ религіи, — ему, отъ коего такъ часто требуются подвиги самоотверженія самаго высокаго? — Вѣримъ, что васъ одушевляетъ чувство чистой любви къ ближнему; но сколько случаевъ, гдѣ сіе чувство естественно изнемогаетъ, не будучи подкрѣпляемо чувствомъ вѣры въ Того, кто за чашу студеной воды, поданной во имя Его, обѣщаетъ царство? — Такимъ образомъ врачъ и его наука не могутъ слѣлать разумно ни одного шага безъ того, чтобы не возчувствовать нужды въ религіи. За то и имъ стоитъ слѣлать, съ своей стороны, только одинъ шагъ, чтобы вступить въ область вѣры.

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ постоянно стоитъ и дѣйствуетъ врачъ? Не на предѣлахъ ли жизни и смерти? Слѣдовательно не тамъ ли именно, гдѣ знаніе граничитъ съ вѣрою? — Трудно ли, стоя на срединѣ, взирать въ обѣ стороны? — Естественно ли всегда смотрѣть только въ одну сторону? — Правда, что на сторонѣ вѣры болѣе сумрака, нежели на сторонѣ знанія: за то тамъ виды въ безпредѣльность, а здѣсь все сжато, мелко и ничтожно. — Далѣе — наука требуетъ отъ врача слѣлать за тайнами природы и бытія человѣческаго; но не сіи ли самыя тайны служатъ матеріею и, такъ сказать, подкладкою для таинствъ христіанскихъ? Какъ свойство растенія самымъ лучшимъ образомъ познается въ его цвѣтѣ; такъ и сущность тайнъ естественныхъ наилучше проразумѣвается (сколько возможно это для человѣка — на землѣ) въ таинствахъ христіанскихъ. — Посему тѣ естествоиспытатели, кои наиболѣе одушевлены были духомъ вѣры, всегда проникали далѣе другихъ въ святилище природы, и болѣе выносили оттуда общепользныхъ открытій. — Не сходятся ли наконецъ неизбѣжно ваша наука и религія въ своихъ цѣляхъ, трудясь та и другая надъ возстановленіемъ разстроеннаго состоянія человѣческаго? Но, искусство человѣческое обѣщаетъ недугующимъ одно здравіе временное; а медицина божественная, заключающаяся въ откровеннѣ, самымъ умирающимъ возвѣщаетъ жизнь вѣчную и нетлѣ-

ніе. Что легче для врача и что благотворнѣе для болящихъ, какъ подкрѣплять человѣческую надежду обѣтованіемъ божественнымъ? — А недугующіе? — каждый изъ нихъ самымъ недугомъ своимъ уже располагаетъ, болѣе или менѣе, къ религіозному настроенію духа; и благоразумному врачу остается только не портить того, что сдѣлано рукою Промысла. А когда все это такъ, то думать, что науку врачеванія трудно совокуплять съ религіею, значитъ не знать основательно ни своей науки, ни религіи. — Не то говорятъ намъ примѣры врачей наиболѣе знаменитыхъ; они всегда были, чѣмъ ученѣе и опытнѣе, тѣмъ добрѣе и религіознѣе; многие изъ нихъ охотно посвящали перо свое на защиту вѣры и нравственности, такъ что сочиненія ихъ приводятся наравнѣ врачами и богословами; а не малое число было и такихъ, кои, послѣ разнообразнаго служенія человѣчеству, оканчивали дни свои въ строгомъ самоотверженіи на видимомъ служеніи единому Богу, — указуя такимъ образомъ своимъ примѣромъ собратіямъ своимъ врачевство для болѣзней духа, подобно какъ прежде предписывали врачевства противъ немощей ихъ тѣла.

Нисходя отъ сихъ общихъ истинъ къ предметамъ будущихъ занятій вашихъ, мы увѣрены, что вы не забудете обратить среди ихъ вниманіе на нѣкоторые зловредные предразсудки въ вашемъ дѣлѣ, источникомъ коихъ есть недостатокъ религіознаго чувства въ врачахъ. Одинъ изъ нихъ особенно приносить самые горькіе плоды. Это несчастный обычай, по коему самые лучшие изъ врачей опасаются брать съ собою религію къ одру своихъ болящихъ; и потому допускаютъ ихъ приближаться даже къ самымъ вратамъ смерти, не предваривъ ни однимъ словомъ о грозномъ часѣ, для нихъ наступающемъ.

Не правда ли, что сей предразсудокъ существуетъ во всей силѣ? Не истина ли, что онъ весьма пагубенъ? — Когда же и гдѣ же обнажить его и показать въ истинномъ видѣ, какъ не здѣсь и не теперь?... Что служитъ опорой и извиненіемъ сего предразсудка у врачей? — Ложный страхъ показать предъ болящими ненадѣянность на свое искусство и знаніе; суетное опасеніе возмутить спокойствіе болящаго напоминаніемъ о нуждѣ обратиться къ пособіямъ святой вѣры; поверхностно — челоуѣколюбивое желаніе не озабочивать сугубою заботою и безъ того много озабоченнаго семейства. Все это имѣетъ видъ извиненія теперь, когда общее мнѣніе дѣйствительно такъ несчастно настроено, что одно напоминаніе о пособіяхъ вѣры больному отзывается для него уже приговоромъ къ смерти. Но спрашивается: кто настроилъ такъ

общее мнѣніе? Врачи неблагоразумные, не дорожащіе истиннымъ благомъ больныхъ и ихъ семействъ. Не врачамъ ли благоразумнымъ послѣ сего предстоитъ честь перестроить его, какъ должно? И не перестроится ли онъ, когда всѣ врачи примутся единодушно за сіе, достойное ихъ, дѣло? — И когда лучше приняться за это дѣло, какъ не съ настоящаго времени? Сообщества тѣмъ особенно и полезны, что они открываютъ удобность легко и съ успѣхомъ произвести общими силами то, на что одинъ не можетъ отважиться—по многимъ причинамъ. Сначала васъ въ семъ случаѣ срѣтуть, вѣроятно, недоумѣніе и холодность; вы, точно, причините нѣкоторое смущеніе: но будьте увѣрены, что если вы будете дѣйствовать единодушно и постоянно, заранѣе огласивъ вашъ методъ дѣйствования: если будете употреблять его съ самаго начала болѣзни, не дожидаясь ея свирѣпства, когда больному и окружающимъ его можно говорить все, не пугая тѣмъ, что говорится: то благая цѣль ваша будетъ понята и оцѣнена, какъ должно, вашему благому намѣренію отдадутъ всю справедливость; а между тѣмъ это будетъ однимъ изъ лучшихъ плодовъ вашего новаго сообщества, настоящаго собранія и молитвъ.

Я не говорилъ бы такимъ языкомъ, если бы мнѣ не довелось, ц не разъ, быть свидѣтелемъ, что происходитъ у одра умирающихъ и въ цѣломъ домѣ отъ того, что врачи сокрывали опасность до послѣдней минуты. Больной въ борьбѣ жизни съ смертію; семейство въ отчаяніи; врача или нѣтъ уже, или онъ стоитъ въ отдаленіи, какъ осужденный; всѣ хотятъ, и никто не осмѣливается сказать умирающему, что онъ — умираетъ! — А между тѣмъ необходимо произнести это роковое слово: еще не снята тяжесть грѣховъ съ души отходящаго; еще не принято таинственное напутіе въ жизнь вѣчную; не дано послѣдняго благословенія дѣтямъ, не сдѣлано распоряженія о домѣ и семействѣ... Что будетъ, если болящій отойдетъ, не принявъ печати завѣта вѣчнаго, и не давъ скрѣпы завѣщанію временному? Вѣра, дотолѣ забываемая, обходимая, пренебрегаемая, явится! — теперь твое дѣло, теперь ты нужна, одна ты нужна!... Схваченный наскоро священно-служитель является (кто, откуда, какъ?—о семъ уже не спрашиваютъ); но что находитъ онъ?... Не жизнь, а послѣднія капли догорающаго съ трескомъ огня; не чувство и слезы истиннаго покаянія, а трепетъ предсмертный и лепетъ безсвязный... Ахъ, братіе мои. ужели хотите вы, чтобы мы производили чудеса, когда вамъ вздумается, и останавливали руку ангела смерти, когда она уже поднята на разлученіе души отъ тѣла?—Ищите для сего

Мовсеевъ и Аароновъ, а не насъ, скудельныхъ сосудовъ, кои сильны однимъ упованіемъ на милосердіе Того, Кто пришелъ призвать не праведныхъ, а грѣшныхъ на покаяніе. Но и оныя великіе мужи сказали бы вамъ, что такъ дѣйствовать, значить искушать безразсудно долготерпѣніе Божіе.

Итакъ, врачи христіане, хотите ли ознаменовать самое начало вашего общества дѣломъ достойнымъ васъ, коего благія послѣдствія несомнѣнны, которое не требуетъ особеннаго труда и равно доступно каждому изъ васъ,—и оканчивающихъ и начинающихъ свое поприще? Вооружитесь въ мысль, мною вамъ предлагаемую, поставьте себѣ за правило не являться къ одру болящаго—безъ религіи; какъ сами начинаете теперь свое дѣло, такъ и имъ совѣтуйте начинать врачеваніе съ призванія имени и помощи Божіей, съ освобожденія себя посредствомъ исповѣди отъ всѣхъ тяжестей душевныхъ, съ принятія всеисцѣляющаго врачества Тѣла и Крови Христовой. Мы совершенно увѣрены, и смѣемъ увѣрить васъ, что такой методъ дѣйствования не только не повредитъ успѣхамъ врачеванія, а еще во многомъ облегчитъ его и приблизитъ къ цѣли. А между тѣмъ, если вы успѣете въ семъ одномъ великомъ и истинно-общепольномъ дѣлѣ (а успѣете несомнѣнно, коль скоро приметесь за него единодушно и постоянно), то ваше новое общество принесетъ великій плодъ для всего нашего града, и имена ваши не только сдѣлаются памятны въ лѣтописяхъ медицины, но и будутъ вписаны въ ту великую книгу жизни, которая нѣкогда будетъ читана въ слухъ неба и земли. Аминь.

РѢЧЬ

ПРИ ОТКРЫТИИ ПЕРВОЙ НАДАТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ВЪЩЕСТВЪ.

 Благодаря мудрой прозорливости и истинно-отеческой попечительности правительства нашего о благѣ народномъ, между государственными учреждениями, въ такомъ обилии, непрерывною чредою, исходящими отъ престола, нѣтъ ни одного, которому истинный сынъ отечества не пожелалъ бы отъ сердца успѣха. Но и въ благомъ и общепольномъ есть свои степени: съ инымъ скоро и легко соглашаешься; другое охотно одобряешь и хвалишь; тому радостно дивишься, а объ иномъ отъ всего сердца молишься.

Настоящему учрежденію государственному выпалъ прекрасный жребіи совокупить въ себѣ всѣ сіи качества. Ибо, кто изъ истинныхъ сыновъ отечества не скорбѣлъ сердцемъ, видя, какъ благосостояніе многочисленнаго класса народа, будучи предоставлено его собственному устройству, по его душевному малолѣтству и неспособности управлять собою, не только не оказывало успѣховъ, но и приходило въ большее и большее разстройство, угрожая важнымъ вредомъ для всего великаго тѣла государственнаго? Кто, скорбя о семъ, не желалъ, чтобы просвѣщенная, твердая и добросовѣстная опека съ надлежащею властію поспѣшила на помощь сему малолѣтству и неспособности, взяла на свои руки необразованныхъ дѣтей природы, раскрыла имъ глаза и вразумила въ тайну ихъ благосостоянія? — И вотъ, сіи благожеланія исполняются! Исполняются, какъ только можно было ожидать отъ ума и сердца нашего великаго Монарха.

Свойства настоящаго дня не позволяютъ мнѣ, почтенное со-

бране, долго занимать ваше изображеніемъ всего состава и всѣхъ благотворныхъ качествъ настоящаго государственнаго учрежденія: но и одного краткаго указанія на главныя черты его достаточно, дабы возбудить къ нему въ каждомъ благомыслящемъ не только уваженіе, но и любовь.

Чего первѣе всего недостаетъ селянину?—Способности благо-разумно управлять своею дѣятельностію, пользоваться выгодами своего состоянія и умножать ихъ, избѣгать опасностей и невыгодъ своего состоянія и уменьшать ихъ, если нельзя уничтожить: — вотъ чего не достаетъ нашему селянину! Вслѣдствіе сего надъ нимъ прострется постоянная отеческая опека, коея главный долгъ и цѣль — возбудить уснувшую дѣятельность селянина и направить ее къ истинной цѣли, — указать, расчистить, расширить и углубить источники сельскаго благосостоянія, и напротивъ, иссушить, и заградить, сократить и ослабить, если нельзя уничтожить, всѣ источники невыгодъ и несчастій.—Селянинъ, будучи крѣпокъ силами и богатъ терпѣніемъ, малъ понятіями, скуденъ сообразительностію, не видитъ, что сокрывается въ нѣдрахъ его нивы, и какъ извлекать сокрытое; не умѣетъ идти за природою, тѣмъ паче пособлять ея нуждамъ, дабы самому потомъ не имѣть нужды въ пособіяхъ: и вотъ на помощь сему недостатку будетъ призвано все, что наука и искусство измыслили и устроили полезнаго для сельскаго хозяйства, — призвано не такъ, какъ иногда дѣлаютъ неблагоразумные нововводители, посредствомъ мечтательныхъ улучшеній, губящіе послѣдніе остатки своего достоинства, а по усмотрѣнію истинныхъ нуждъ, послѣ увѣренности въ несомнѣнномъ успѣхѣ предпринимаемаго, безъ употребленія изнурительныхъ для селянина трудовъ, не подвергая, — въ ожиданіи будущаго, — опасности настоящее. Селянинъ, по самой необразованности своей, удобопреклоненъ къ грубымъ удовольствіямъ, и готовъ погружаться въ нихъ до забвенія не только своихъ выгодъ, но и достоинства человѣка: сей несчастной склонности противупоставятся самыя дѣйствительныя, даже вещественныя преграды: порокъ и худое поведеніе не будутъ пользоваться ненаказанностію, даже совершаемыя въ семейномъ мракѣ хижинъ; но въ то же время сей мракъ не сокροетъ отъ пронизательнаго взора начальства ни безпріютнаго сиротства, ни бездомной престарѣлости, ни неисцѣльной болѣзненности. Повременное соединеніе силъ и рукъ въ одинъ трудъ общественный дастъ возможность совершать на пользу сельскаго хозяйства то, что совершенно невозможно было для раздѣльныхъ усилій, и откроетъ

удобность селамъ и всяемъ нашимъ сбросить съ себя и съ окрестностей своихъ тотъ жалкій видъ нестроения, который нынѣ такъ безобразитъ прекрасную страну нашу. Приучение къ порядку общественному, прохождение общественныхъ звани родить среди поселянъ духъ общественный и будетъ отучать ихъ отъ безпорядковъ домашней жизни; благоразумныя награды отъ начальства пробудятъ въ нихъ соревнованіе, а благоразумныя наказанія оживятъ между ними благотворное чувство стыда и приличія. Кратко: вслѣдствіе новаго, истинно государственнаго учрежденія, весь бытъ селянина долженъ подлежать благотворной перемѣнѣ; и все сіе должно совершиться, не выходя нисколько изъ нравовъ русскаго народа, имѣющаго по природѣ прекрасную склонность быть особенно приверженнымъ къ алтарю и престолу.

Послѣ сего, оставалось желать одного, чтобы учрежденіе столь благотворно измышленное, такъ основательно соображенное, такъ мудро направленное къ цѣли, нашло для себя вѣрныхъ, неутомимыхъ и благоразумныхъ приставниковъ и исполнителей.

Поелуку качества сіи предержащею властію усмотрѣны въ васъ, почтеннѣйшіе приставники новаго учрежденія, то вамъ и ввѣрена первая судьба его въ странѣ нашей. Привѣтствуемъ васъ съ симъ прекраснымъ назначеніемъ! — Трудиться для отечества всегда пріятно; но тѣмъ пріятнѣе, когда плоды трудовъ предъ собственными глазами видимо обращаются во благо человѣчества. Вы постоянно будете наслаждаться симъ чистымъ удовольствіемъ. Да будетъ же оно, послѣ святаго имени Божія и совѣсти вашей, для васъ и всегдашнимъ побужденіемъ къ неослабной дѣятельности. Не забывайте, что за дѣятельностію вашею будетъ идти вниманіе всѣхъ просвѣщенныхъ друзей человѣчества, жаждущихъ видѣть на опытѣ плоды учрежденія столь благотворнаго и столь ожиданнаго. Помните, что успѣхъ вашего управленія между прочими благими послѣдствіями будетъ имѣть и то, что возбудитъ подражаніе въ частныхъ владѣльцахъ, столько терпящихъ и заставляющихъ такъ много герпѣтъ подвластныхъ имъ отъ неблагоразумнаго управленія своимъ достояніемъ. Имѣя въ виду все сіе, ускорите успѣхомъ; удвойте, утройте его, если можно! — Да обрадуется скорѣе сердце Отца отечества! Да поднимутъ главу изъ праха простота и бѣдность! Да покажется всѣмъ и каждому, что государственное хозяйство есть не одно звучное имя, но и дѣло великое! —

А мы, какъ здѣсь и теперь призывали, такъ вездѣ и всегда не престанемъ приывать на васъ и труды ваши благословеніе Божіе.

РѢЧЬ

ПРИ ОТКРЫТИИ ВЪ ГОРОДѢ ПУСКѢ КОПИИ КОЛОДЦА СВАТОВАГО КАНЦА.

динъ изъ Апостоловъ Христовыхъ свидѣтельствуесть, что словомъ Божиимъ и молитвою освящается все (1 Тим. 4, 5). По сему указаню и мы совершили здѣсь молитву и возгласили слово Божіе. Послѣ сего, на новомъ учрежденіи нашемъ, кромѣ другихъ видимыхъ печатей, будетъ невидимо и печать освященія свыше. Важна ли сія печать? — Такъ важна, что несоблюдение въ цѣлости ея одной повлечетъ за собой важную отвѣтственность въ тотъ великій день отчетовъ, когда будутъ вскрываться всѣ печати и разгнуты всѣ книги.

Имѣя въ виду сіе, приставники новаго учреждения будутъ руководствоваться въ трудахъ своихъ не однимъ сознаниемъ своего служебнаго долга, но и возвышеннымъ чувствомъ страха Божія. За то, въ поощреніе трудамъ своимъ, они могутъ быть увѣрены, что усердіе и дѣятельность ихъ не только будутъ оцѣнены предрѣшающею властію на земли, но и не забыты у Того, Кто одинъ можетъ вполнѣ вознаградить человѣка за всѣ подвиги и лишения земной жизни.

Обращаясь за симъ къ обитателямъ страны нашей, мы не можемъ не привѣтствовать ихъ отъ лица святаго Церкви съ новымъ знакомъ особеннаго самодержавнаго вниманія къ ихъ нуждамъ и благосостоянію. Я говорю: *особеннаго вниманія*; ибо что побуждаетъ мудрое правительство, на коемъ лежитъ обязанность удовлетворять столь многимъ и разнообразнымъ нуждамъ общественнымъ, открыть не въ другомъ какомъ либо градѣ, а въ нашемъ, такой обширный источникъ пособію для всякаго рода пред-

пріятіи частныхъ, какъ не особенное желаніе видѣть въ нашей странѣ благія предпріятія возрастающими въ числѣ, укрѣпляющимися въ исполненіи, дружно направленными къ той высокой цѣли, къ коеи стремится оно само, то есть, къ мирному и прочному благоустроению страны нашей? — Что лучше, — быть въ тягостной зависимости отъ ненасытной алчности заимодавцевъ, кои, помогая нуждѣ, сами еще болѣе живутъ ею, и, подобно зловѣщимъ птицамъ, являются наиболѣе тамъ, гдѣ близокъ конецъ и разрушеніе; или имѣть неизсякаемый источникъ пособіи, текущій отъ Престола, огражденный законами, невозмущаемый никакимъ дыханіемъ страстей, доступъ къ коему открыть и разлучить со всѣхъ сторонъ до послѣдней возможности? — Ужели же благодѣяніе менѣе будетъ отъ того, что произошло не изъ частныхъ рукъ, а отъ Престола?...

Не источникъ виною, если, вмѣсто того, чтобы почерпать и утолять жажду, кто-либо стремглавъ повергается въ него и утопаетъ: иначе надлежало бы заградить и изсушить всѣ источники. На стражѣ противъ сей опасности, если то нужно, должно стать здоровое понятіе о собственныхъ выгодахъ каждаго; станутъ самыя нужды страны нашей, столь громко напоминающія объ умѣренности и благоразуміи. Въ самомъ дѣлѣ, тогда ли помышлять о начинаніи какихъ-либо мечтательныхъ предпріятіи и улучшеній, объ удовлетвореніи прихотямъ воображенія и чувственности, когда большая часть градовъ и весей нашихъ останавливаютъ взоръ путешественника едва не однѣми развалинами? Когда не малая часть храмовъ нашихъ, тѣхъ храмовъ, въ коихъ отъ лѣтъ древнихъ призывается миръ и благоденствіе на всѣхъ и каждаго, угрожаетъ паденіемъ?—Когда тысячи живыхъ храмовъ—братіи нашихъ по вѣрѣ и плоти, едва находятъ способы продолжать свое жалкое существованіе? Когда самое небо такъ грозно вразумляетъ насъ, безвременно затворяясь и растворяясь надъ главами нашими, вопреки нашихъ нуждъ и ожиданій? Когда земля такъ вѣрно повторяетъ упрекъ неба, го изсыхая и ожестѣвая подъ стопами земледѣльца, то растворяясь и поглощая невозвратно сѣмена, ей ввѣряемая? Смотри на все сіе, какой благомыслящій обитатель страны нашей не скажетъ вмѣстѣ съ нами отъ всей души, что время, давно время, заградить слухъ отъ всѣхъ обаяніи, внять наконецъ гласу истинныхъ нуждъ и собственныхъ и собратіи своихъ по плоти? Что время, давно время обратить и находящіяся въ рукахъ способы, и вновь великодушно предлагаемое пособіе, на уврачеваніе язвъ, причиненныхъ или безразсудною непредусмо-

трительностию или неразумливою мечтательностию, или пагубною расточительностию? Безъ сего, что будетъ значить наша образованность, какъ не призракъ лучей солнечныхъ, праздно живописующихъ въ облакахъ и своими картинами предвѣщающихъ или засуху или бурю? — Что будетъ великолѣпие, насъ окружающее, какъ не богатство цвѣтовъ, нерѣдко покрывающихъ собою скалы недосыгаемая, или почвы непроходимыя? Что будетъ самое обиле правъ и преимуществъ, какъ не наборъ драгоценныхъ камней, блистательныхъ для взора, но не могущихъ сообщить и единой капли здравія груди, мертвѣющей отъ недуга?...

Царь небесный благословляетъ страну нашу миромъ; возревнуемъ принять благодатный миръ сей въ дома и сердца наши! Царь земной,—съ лицемъ архангела, благовѣствующаго радость,—спѣшитъ на помощь нуждамъ нашимъ: оправдаемъ его попеченія благоразумнымъ употреблениемъ предлагаемыхъ пособій! Неусыпные и нелестные исполнители воли царской готовы быть вѣрными посредниками между Престоломъ и послѣднею хижиною: будемъ признательны къ ихъ подвигамъ!

Да удалится всякое недоразумѣние, да придутъ въ дѣйствіе всѣ благія намѣренія! Да возвеселится сердце людей и лице земли! — О семъ молитъ, и непрестанетъ молить Господа святая Церковь Его. — Аминь.

СЛОВА

НАДГРОВНЯЯ.

СЛОВО

ПРЕДЪ СОВЕРШЕНИЕМЪ ПАНИХИДЫ ОБЛАГОЧЕСТИВЪЙШЕМЪ ГОСУДАРЬ

ИМПЕРАТОРѢ НИКОЛАЕВѢ : *).

вчера мы совершали молитвенно память о кончинѣ Александра Благословеннаго; а нынѣ молимся о успокоеніи души Николая подвиголюбиваго, который въ этотъ самый день взошелъ нѣкогда на престолъ всероссійскій. Итакъ, предъ нами сіи два величайше Монарха, съ высоты могущества своего и славы сошли въ могилу.... Нужна ли послѣ сего въ настоящіе дни какая либо проповѣдь?... Развѣ только съ горестно духа воскликнуть: о бренность и краткость бытія нашего на землѣ! О превратность и скороисчезаемость величія и могущества человѣческаго!—При такихъ-то гробахъ познается во всей силѣ справедливость слова пророческаго: *всяка плоть сѣно, и всяка слава человѣча, яко цвѣтъ травный: изше трава, и цвѣтъ отпаде* (Исаіи II, 6)!

Но и въ семь, такъ не длинномъ преддверіи вѣчнаго бытія человѣческаго, какова наша жизнь на землѣ, усматривается однакоже по временамъ не малая разность. Большая часть людей приходятъ на землю и сходятъ съ ней, какъ волны моря, не принося съ собою и не унося ничего особеннаго. Но бываютъ жизни, такъ обильныя внутреннимъ значеніемъ и качествами, такъ важныя по своему дѣйствию на все человѣчество, что ихъ можно уподобить цѣлымъ приливамъ и отливамъ морскимъ.

*) Произнесенное 20 ноября 1855 года.

Такова была жизнь каждаго изъ воспоминаемыхъ нынѣ нами Монарховъ. Александръ Благословенный—при одномъ имени его невольно пробуждается въ памяти и воображеніи цѣлая четверть настоящаго столѣтія; является снова рядъ царствъ и престоловъ, не имъ ниспроверженныхъ, а имъ снова поднятыхъ и утвержденныхъ на своемъ мѣстѣ; возстаетъ во всемъ грозномъ величии своемъ 1812 годъ, съ пылающею, какъ очистительная жертва, Москвою, съ поникшимъ долу и милуемымъ, какъ грѣшникъ кающійся, Парижемъ. Затѣмъ открывается новый порядокъ вещей, и какъ бы творится новый міръ, въ коемъ право сильнаго подчинено уже святости долга, который проникнуть не одною мудростію и благоразуміемъ человѣческимъ, а духомъ и любовью христіанскою, и посему справедливо украшался именемъ *союза священнаго*. И кто, какъ нѣкій архангелъ, сталъ и до конца своей жизни стоялъ, съ своимъ скипетромъ и мечемъ, на стражѣ сего союза? Тотъ же Александръ Благословенный. Сколько другихъ, истинно-великихъ и благодѣтельныхъ событій, коимъ всѣ радовались, и за которыя всѣ благословляли насъ, даже самые, бывшіе дотолѣ, враги наши! — Смотришь на тогдашній міръ, и радуешься, не только за свое отечество, но и за другіе народы, тогда освобожденные и возвращенные къ ихъ природному бытію и благоденствію. Одинъ тогдашній исполинъ брани, не дававшій никому покоя и движениемъ замысловъ своего властолюбія потрясавшій весь свѣтъ,—одинъ онъ сидитъ въ печали среди океана и томится отчаяніемъ на бесплодной скалѣ. Но и онъ поверженъ въ эту неусходную безъ стѣнъ темницу не мщеніемъ какимъ либо Александра, коего долею было токмо миловать и радовать, а мнѣшемъ и приговоромъ цѣлыхъ народовъ, или паче тайнымъ опредѣленіемъ правды небесной.

Кто не желалъ продолженія такому благословенному царствованію? Воспомявая его, и теперь чувствуешь нѣкоего рода сожалѣніе, что оно не продолжилось до позднихъ предѣловъ жизни человѣческой, и Россіи не дано было увидѣть и испытать на себѣ то, что готовила для нея мудрая опытность Монарха, наставленнаго и — можно сказать—перевоспитаннаго рукою самаго Провидѣнія въ училищѣ грозныхъ событій всемірныхъ и всякаго рода испытаній.

При воспоминаніи за симъ о недавно почившемъ въ Бозѣ Монархѣ, первѣе всего должно сказать, что, съ наступленіемъ его царствованія, это праведное сожалѣніе о кончинѣ его великаго предшественника не увеличивалось, а съ каждымъ днемъ видимо

уступало мѣсто всеобщему успокоенію мыслей. Скоро увидѣли, всѣ и каждый, что это—преемникъ почившаго не по крови токмо и плоти, а и по духу и по силѣ воли, истинно-державной. Ему не суждено было свыше, какъ августѣйшему брату его, стоять и устоять противу какого либо новаго исполна браней: но вмѣсто сего онъ долженъ былъ всю жизнь единоборствовать противу тлетворнаго духа мятежа и возмущеній народныхъ, который обольстилъ собою едва не всю вселенную, и одинъ стоилъ многихъ завоевателей. И кто можетъ сказать, что онъ поникъ когда либо предъ симъ опаснымъ и злохитрымъ врагомъ? — чтобы не сразилъ его вездѣ, гдѣ только встрѣчался съ нимъ лицомъ къ лицу? — Право и долгъ были всегдашнимъ знаменемъ почившаго Монарха; безкорыстіе, благородство духа и чистота намѣреній — его спутниками. Неправда и лукавство восточныхъ сосѣдей нашихъ и его принуждали извлекать изъ ноженъ мечъ; но онъ всегда съ радостію спѣшилъ вложить его въ ножны, коль скоро открывалась возможность къ тому. Тридцатилѣтніе неутомимые труды его на пользу отечества, сопровождавшіеся множествомъ общепользныхъ учрежденіи, свидѣтельствуютъ, какъ пламенно любилъ онъ свою Россію; воскрешенная Греція, упроченная на потрясенномъ было основаніи Германія, самая нынѣшняя брань за восточное христіанство—показываютъ, какъ искренно любилъ онъ человѣчество. Не его вина, если пролилось столько крови за то, ради чего впрочемъ всѣмъ бы надлежало быть готовыми пролить свою кровь, только не противу насъ, а противъ враговъ креста Христова. Великая и святая цѣль почившаго Монарха — доставить успокоеніе страдающему на востокѣ столько вѣковъ христіанству, могла быть достигнута безъ всякой брани и безъ вреда для кого либо, къ единой радости и успокоенію всѣхъ, если бы только противу сего святаго дѣла не стали съ ожесточеніемъ явная зависть и давняя тайная вражда къ намъ западныхъ недруговъ нашихъ, и еслибъ не были злонамѣренно распалены ими противу насъ всюду страсти человѣческія.

Всевышніи самъ разсудитъ сію великую и неожиданную распрю, и покажетъ современемъ — на чьей сторонѣ была искренность, на чьей — лукавство. Но мы, увѣренные въ благихъ и чистыхъ видахъ почившаго, не можемъ не жалѣть отъ всего сердца, что и ему не дано было достигнуть обыкновенныхъ предѣловъ жизни. Чрезвычайные труды и долговременная, непрестанная дѣятельность неминуемо должны были сократить срокъ его царственнаго служенія,—и сократили!

Такимъ образомъ, братіе мои, предъ нашими, можно сказать, очами два великіе Монарха наши съ престола сошли въ могилу, и тѣ, кои управляли обширнѣйшимъ въ мірѣ царствомъ и давали направлеиіе едва не всему свѣту, почіють теперь, яко же и прочіе человѣки, въ гробахъ своихъ на маломъ пространствѣ земли. Послѣ сего, нужна ли еще какая нынѣ проповѣдь о брѣнности естества человѣческаго, и о томъ, что, живя на землѣ, всѣмъ и каждому изъ насъ, должно жить не для одной земли, а паче всего для неба, гдѣ наше истинное мѣсто, уже не на время токмо, а на всю безпредѣльную вѣчность?—Аминь.

СЛОВО

ВЪ ЧЕТЫРЕДЕСЯТЫЙ ДЕНЬ ПО КОНЧИНѢ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО
ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

ВЪ КЪТОМЪ МѢСЯЦѢ *).

Есть ли по ту сторону гроба время и какая либо мѣра времени, или тамъ нѣтъ ничего временнаго, а единая вѣчность? Многіе готовы утверждать послѣднее: ибо имъ кажется, что если допустить и за гробомъ время, то вмѣстѣ съ тѣмъ надобно допустить тамъ и конецъ времени; а это несообразно съ вѣчнымъ бытіемъ, отшедшихъ туда, безсмертныхъ душъ человѣческихъ.

Опасеніе напрасное! Ибо время предполагаетъ собою токмо начало; но отнюдь не предполагаетъ необходимо конца своего: напротивъ, мы не можемъ и представить себѣ никакого конца времени, потому что оно въ самомъ дѣлѣ не имѣетъ его. Въ семъ отношеніи время есть таже вѣчность, токмо не стоящая и пребывающая, а поступающая и движущаяся въ безконечность.

Не подобное ли сему мы видимъ въ таинственномъ откровеніи Іоанновомъ? Тамъ, среди міра духовъ, слѣдовательно въ нѣдрахъ вѣчности, является полное подобіе нашего времени, со всѣми даже его измѣреніями, какъ-то: тысячелѣтій и годовъ, дней и часовъ. Все сіе, безъ сомнѣнія, имѣетъ значеніе высшее, и должно быть понимаемо не такъ, какъ въ нашемъ теперешнемъ кругѣ земнаго бытія человѣческаго: но, съ другой стороны, все это не

*.) Произнесенное въ одесскомъ кафедральномъ соборѣ, 4 апрѣля 1855 года.

можетъ не заключать въ себѣ, хотя отчасти, измѣренія времени и лѣтъ подобнаго нашему. Одни и тѣ же слова и выраженія, взятая изъ нашего міра и прилагаемая къ міру высшему, естественно должны заключать въ себѣ и смыслъ подобный.

А когда такъ, то поелику у насъ въ земномъ мірѣ, время слагается вообще изъ событіи и перемѣнъ, и опредѣляется ихъ послѣдовательностію и взаимнымъ разстояніемъ: подобное сему должно быть и тамъ — за гробомъ. Даже можно сказать болѣе, то есть, что эти перемѣны и тамъ, какъ здѣсь, имѣютъ основаніе и начало двоякое: одно внутри самыхъ существъ разумныхъ, — въ преемствѣ ихъ мыслей, чувствъ и движеніи сердечныхъ, другое — въ предметахъ внѣшнихъ, ихъ окружающихъ, въ томъ, что происходитъ съ сими предметами и чѣмъ сопровождается.

Какъ бываетъ все это у нихъ — тамъ, по какимъ законамъ совершается, изъ чего именно происходитъ и къ чему приводитъ, — сего не дано знать намъ, доколѣ мы на землѣ; — не дано между прочимъ, можетъ быть, и потому, что на языкѣ человѣческомъ нѣтъ словъ къ выраженію тамошнихъ предметовъ и дѣйствій; — такъ какъ и апостолъ Павелъ, возвратившись нѣкогда съ третьяго неба, не въ состояніи былъ пересказать, что ему было тамъ говорено и показано (2 Кор. 12, 4).

Единой святой Церкви, яко хранительницѣ таинъ Божіихъ, дано возвѣстить намъ изъ загробнаго состоянія нашего то и столько, что и сколько нужно знать намъ для нашего духовнаго руководства и употребленія въ дѣло. И вотъ, она съ первыхъ временъ христіанства, постоянно освящаетъ нѣкоторые дни по кончинѣ усопшихъ особенными молитвами о нихъ, и въ томъ числѣ преимущественно день четыредесятый. Совершая нынѣ таковое поминовение по кончинѣ возлюбленнаго Монарха нашего, многимъ посему можетъ придти на мысль вопросъ: что же именно происходитъ въ четыредесятый день съ душою отшедшихъ? Поелику святая Церковь не раскрываетъ для насъ сей тайны, — ибо ея дѣло не любомудрствовать, а молиться и призывать къ молитвѣ; то обратимся къ священной исторіи и посмотримъ, что происходило когда-либо въ четыредесятый день особенно важнаго. Можетъ быть, такимъ образомъ найдется, хотя отчасти, то, чего мы ищемъ.

Четыредесятъ дней и четыредесятъ ночей продолжалось умноженіе водъ потопныхъ, покрывшихъ наконецъ самыя высокія горы на землѣ, и истребившихъ все, живущее на ней.

Значить — это время продолженія суда и гнѣва небеснаго за неправды человѣческія!

Четырнадцать дней проводить Моисей на горѣ Синайской въ постѣ и молитвѣ, прежде нежели удостоивается вступить въ бесѣду съ Господомъ и пріять отъ Него скрижали завѣта.

Значить—четырнадцатый день есть окончаніе великаго приготовленія къ великому и святому дѣйствию!

Четырнадцать дней, по закону Моисееву, должно было продолжаться удаленіе отъ храма родившей и новорожденнаго, яко нечистыхъ по природѣ.

Значить—это время естественнаго очищенія!

Четырнадцать дней проводить Спаситель въ пустынь, послѣ Его крещенія, предавшись посту и молитвѣ, и въ то же время искушаемый отъ сатаны.

Значить,—это время подвига и борьбы духовной!

Четырнадцатый день пребываетъ Онъ же на землѣ по своемъ воскресеніи, являясь по временамъ ученикамъ, и потомъ уже видимо возносится предъ ними на небо.

Значить—это время окончательнаго разрѣшенія отъ земли и вознесенія на небеса!

Послѣ сего не трудно уразумѣть, какими чувствами должны быть одушевлены мы, изливая молитвы свои въ настоящій день предъ Богомъ о почившемъ въ Бозѣ Монархѣ нашемъ.

Воспомявая четырнадцатидневное умноженіе водъ потопныхъ, кои очистили собою лице земли, мы должны молить Господа, чтобы четырнадцатидневное продолженіе потока молитвъ церковныхъ покрыло наконецъ предъ лицемъ милосердія Божія всѣ вольныя и невольныя грѣхопаденія почившаго.

Воспомявая четырнадцатидневное очищеніе родившей—послѣ рожденія—отъ нечистотъ природы, мы должны молить Господа, чтобы и четырнадцатидневіе Монарха нашего, по рожденіи его въ жизнь вѣчную чрезъ смерть, сопровождалось освобожденіемъ души его отъ нечистотъ нашей падшей природы.

Воспомявая четырнадцатидневное пребываніе Моисея на горѣ Синайской, предъ вступленіемъ въ бесѣду съ Господомъ, мы должны молить благость Божию, чтобы и почивши, послѣ четырнадцати дней своей кончины, могъ удостоиться приближенія ко Господу, и воспріять въ душу свою начертаніе новаго высшаго закона, сообразно настоящему пакибытію своему за громомъ, на небѣ.

Вспоминая сорокатидневный подвигъ Спасителя въ пустынь и побѣду Его надъ духомъ злобы, мы должны молить, чтобы почившему дано было побѣдить темныхъ духовъ, кои, какъ учитъ святая Церковь, обыкли ставить препоны душѣ, восходящей отъ земли.

Вспоминая, наконецъ, сорокатидневное пребываніе воскресшаго Спасителя на земли до Его вознесенія на небо, мы должны молить Его милосердаго, чтобы и почившему отверсть быль теперь восходъ въ горняя, въ обитель вѣчнаго упокоенія.

Вотъ сколько для христіанина основаніи, побужденія, предметовъ и цѣлей — молиться за усопшихъ братій своихъ — въ день сорокатиный! — Не тѣмъ ли съ большимъ усердіемъ мы должны сдѣлать это нынѣ о почившемъ въ Бозѣ Монархѣ нашемъ? Всѣ прочія связи и отношенія между имъ и нами кончились; но союзъ вѣры, любви и молитвы не разрываемъ, и долженъ пребыть въ силѣ навсегда. Симъ токмо образомъ можемъ мы показать и доказать нашу искреннюю благодарность къ нему за его многолѣтніе и неутомимые труды для блага и славы возлюбленнаго нашего отечества. — Аминь.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ГОДИЧНАГО ПОМИНОВЕНІЯ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I^{ГО} *).

Тодъ уже протекъ надъ могилою почившаго въ Бозѣ Мо-
нарха нашего! Сколько событіи совершилось въ это время
и у насъ, на этой бѣдной землѣ нашей! Тѣмъ болѣе должно
произойти тамъ, у нихъ...—Что совершилось здѣсь, въ нашемъ
земномъ мірѣ, то мы видѣли или слышали. Кто скажетъ намъ,
что произошло—*тамъ!*... Сколько ни усиливай любопытства, и
ни напрягай мысли, сколько ни умножай вопросовъ, въ отвѣтъ
одно—молчаніе. Гробы царей такъ же безмолвны, какъ и гробъ
последняго изъ подданныхъ.

Почему такъ? Развѣ не могло быть иначе? Конечно могло;
но Промыслъ Божіи судилъ за лучшее—простереть непроницае-
мую завѣсу между двумя мірами, нашимъ видимымъ и ихъ ду-
ховнымъ,—такую завѣсу, которая приподнимается для человѣка
только одинъ разъ — рукою смерти, и то единственно для того,
кто отходитъ отсюда навсегда, а не для насъ, остающихся долу.
Почему такъ судилъ Промыслъ Божіи? Отчасти, можетъ быть,
потому, что время, въ кругѣ коего мы обращаемся, и вѣчность,
куда отходятъ они, такъ противоположны между собою, что даже
умственный взоръ нашъ не можетъ совмѣстить того и другаго;
а главное, должно быть, потому, что для насъ не полезно и даже
сопряжено было бы со вредомъ видѣть и знать заранѣе, что про-
исходить съ человѣкомъ по ту сторону гроба.

*) Сказанное въ одесскомъ кафедральномъ соборѣ, февраля 18 1856 года.

«И какой бы могъ быть вредъ изъ сего?» — подумаетъ кто либо. А тотъ,—укажемъ на главное,—что отъ преждевременнаго прозрѣнія и, такъ сказать, соглядатайства въ вѣчность возмущился бы весь порядокъ земной жизни, и многие изъ людей престали бы вовсе заниматься дѣлами своего званія. Добродѣтель, между прочимъ, потеряла бы въ такомъ случаѣ свою главную цѣну и достоинство, то есть, свободу и безкорыстіе. Теперь напротивъ! Мы—волею и неволею—приучаемся вѣровать не видя, и уповать не осязая; теперь каждый самымъ положеніемъ своимъ во мракѣ земномъ воззывается на ту высоту духа, куда не можетъ достигать вихрь и прахъ житейскихъ попеченіи, и гдѣ начинаютъ быть видимы и ощутительны тихое мерцаніе и кроткое вѣяніе изъ жизни вѣчной.

Между тѣмъ, гдѣ оставляютъ человѣка чувства и опытъ, тамъ является св. вѣра; въ то время, какъ умоляетъ, не зная, что сказать о жизни за гробомъ, нашъ разумъ, слышнѣе дѣлаются благодатныя вѣщанія Евангелія.

Конечно, и эти небесныя вѣстники не открываютъ намъ всѣхъ тайнъ вѣка грядущаго; но, въ замѣнъ того, говорятъ о немъ все то, что намъ необходимо знать для руководства въ нашей земной жизни, чтобы при переходѣ, путемъ смерти, въ вѣчность, удостоиться тамъ блаженства. И во-первыхъ, св. вѣра ясно говоритъ и утверждаетъ, что есть всемогущи Владыка жизни и смерти, отъ коего приходятъ на землю и къ коему возвращаются, по смерти, всѣ души человѣческія; что Онъ, будучи самъ безсмертенъ, таковымъ же благоволилъ создать и человѣка, такъ что самая смерть, которой мы подверглись вслѣдствіе эдемскаго грѣхопаденія, умерщвляетъ, и то на время, одно тѣло наше, а души коснуться не можетъ;—что сей вседержавный Владыка времени и вѣчности праведенъ и святъ, а посему не можетъ равно принимать на лоно вѣчности каждаго изъ умирающихъ, а воздаетъ комуждо по дѣломъ его въ земной жизни. Вмѣстѣ съ симъ св. вѣра открываетъ, что сей небесный Домовладыка, по безприкладному милосердію своему къ намъ, падшимъ и нечистымъ, послалъ на землю, для спасенія нашего, однороднаго Сына своего, который для того именно воплотился и претерпѣлъ смерть крестную, дабы удовлетворить за грѣхи наши правосудію небесному, и приготовить насъ къ пребыванію на небѣ, *да всякъ, вѣрующій въ Него, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. 3, 16).

Вотъ что говоритъ и открываетъ намъ св. вѣра!

Когда прилагаемъ сіи великія и непреложныя истины къ судьбѣ почившихъ въ Бозѣ отцевъ и братіи нашихъ, то получаемъ возможность составить для себя достаточное понятіе о томъ, что съ каждымъ изъ нихъ въ вѣчности.

Такъ, поелику Господь нашъ и Отецъ будущаго вѣка праведень и есть Богъ мздовоздатель для подвизавшихся здѣсь доблественно; то нѣтъ сомнѣнія, что великіе труды почившаго въ Бозѣ Монарха нашего не могли остаться безъ мздовоздаянія. Поелику Господь нашъ самъ человѣколюбивъ и благоутробенъ, то нѣтъ сомнѣнія, что подвиги его на пользу человѣчества вмѣнены ему въ заслугу и приняты со благоволеніемъ. Поелику предъ очами Отца небеснаго выну крестъ едиnorodнаго Сына и безцѣнная кровь Его, проліянная во искупленіе всего міра, то можемъ быть увѣрены, что живая вѣра почившаго Монарха въ Спасителя и Его крестъ восполнила собою его несовершенства и недостатки, яко человѣка, и отверзла для него врата царствія небеснаго. Наконецъ, поелику самъ Спаситель нашъ глаголетъ намъ въ Евангелии, что *вся, елика аще воспросите въ молитвѣ, вѣрующе, приимете* (Мат. 21, 22), то мы не можемъ сомнѣваться, что молитвы всея Россіи о успокоеніи души почившаго въ Бозѣ Монарха, оказали свое таинственное дѣйствіе на его душу и низвели на нее благодать и милость Божью.

Съ сими мыслями подобаетъ намъ, яко христіанамъ, срътити и проводить настоящій день годичнаго поминовенія по усопшемъ Вѣнценосцѣ нашемъ.

Обращаясь за симъ отъ неба, гдѣ *живетъ* единая любовь и правда (2 Петр. 3, 13), къ бѣдной землѣ нашей, гдѣ непрестанно волнуютъ и ослѣпляютъ людей страсти, мы не встрѣчаемъ еще полной справедливости къ почившему — во мнѣніяхъ человѣческихъ. И какъ могло быть иначе? Возставши съ такимъ ожесточеніемъ противъ его благихъ намѣреніи въ отношеніи къ востоку, разжегши пламень такой ужасной брани противу насъ, враждебные намъ народы поставили себя въ такое состояніе, что имъ крайне трудно уже быть справедливыми и говорить то, что внушаетъ совѣсть: они, какъ бы по необходимости, должны продолжать въ отношеніи къ почившему свои неосновательныя подозрѣнія и несправедливыя нареканія. Ибо, иначе должно бы имъ признать свою собственную несправедливость и тяжкую вину въ начати войны безразсудной и нечестивой. Но, можно ли ожидать такого самоотверженія отъ нашего вѣка, который, славясь пре-

успѣянемъ въ дѣлахъ земныхъ, такъ мало отличается любовію къ истинѣ и правдѣ?

Но время и въ семъ отношеніи сдѣлаетъ свое дѣло. Когда, съ окончаніемъ брани, престанетъ жалкая необходимость сокрывать *истину въ неправдѣ* (Рим. 1, 28); тогда, — будьте увѣрены, — и взглядъ и языкъ измѣнятся у самыхъ противниковъ нашихъ; и они, платя дань истинѣ, не замедлятъ признать, что почившій Монархъ былъ одинъ изъ немногихъ великихъ монарховъ и дѣйствителей всемірныхъ.

И во-первыхъ, всѣми признано будетъ неволью, что это былъ такой вѣнценосецъ, для коего престолъ служилъ не возглавіемъ къ покою, а побужденіемъ къ непрестанному гряду и благотворной дѣятельности, неизгладимые слѣды коей разсѣяны не только по всѣмъ краямъ его обширнѣйшаго въ свѣтѣ царства, но и далеко за его предѣлами.

Всѣ увидятъ и признаютъ, что это въ сонмѣ царей былъ не завистникъ чьего либо могущества, не противникъ благосостоянія чуждыхъ ему народовъ, а безкорыстный слуга и споспѣшникъ всемірному спокойствію, неусыпный стражъ и оградитель всеобщаго порядка и тишины, который, забывъ всѣ виды своекорыстія, мощный скипетръ свой употреблялъ для поддержанія падавшихъ царствъ, для огражденія слабыхъ союзниковъ.

Увидятъ и признаютъ, что это былъ не себялюбивый властелинъ, взиравши на людей, какъ на одно орудіе къ достиженію своихъ видовъ, а нелицемѣрный другъ челоуѣчества, который съ высоты престола своего постоянно наблюдалъ времена и лѣта, дабы благовременно начать и совершить что либо на пользу челоуѣчества; и когда, слѣдуя мыслию за судьбою царствъ и народовъ, увидѣлъ приближеніе дня воскресенія для православнаго востока, то, не смотря ни на какія опасенія и трудности, не усомнился одинъ, подобно Архангелу, провозгласить: вставайте, мертвые!

Всѣ, наконецъ, увидятъ, что это былъ не только великій вѣнценосецъ, но и смиренный христіанинъ, вѣрный Богу и своей совѣсти, который на одрѣ смертномъ, когда оставляетъ челоуѣка невозвратно все земное, явилъ въ себѣ такое величіе духа и вѣры, что самымъ образомъ кончины своя преподалъ всѣмъ вѣнценосцамъ рѣдкій примѣръ, какъ должны они разставаться съ порфирію и престоломъ, дабы низойти во гробъ.

Для насъ, сыновъ Россіи, не нужно убѣждаться ни въ чемъ подобномъ; ибо предъ нами дѣла почившаго, давно свидѣтельствующія о великости его духа, о твердости его воли и благона-

мѣренности предпріятій. Если почившему не дано было начать и совершить всего, благопотребнаго для царства, то это удѣлъ природы человѣческой; ибо, кто когда обнималъ и совершалъ все? И что оставалось бы совершать другимъ, еслибы одинъ кто либо могъ сдѣлать все?—И къ сему можно, со всею справедливостію, примѣнить сказанное нѣкогда о трудахъ апостольскихъ св. Павломъ: одинъ посѣялъ, другой полилъ, третій окопалъ и оградилъ; а возраститъ посѣянное и политое—всегда дѣло единаго Бога (1 Кор. 3, 6). Въ похвалу отшедшаго отъ насъ Монарха должно присовокупить и то, что все благое, содержащееся въ сердцѣ державнаго Преемника его, посѣяно ко благу Россіи рукою не чуждою, а родительскою, такъ что мы будемъ въ сынѣ продолжать видѣть отца.

Послѣ сего, братіе мои, понятно безъ словъ, чѣмъ заключить нынѣ истинный сынъ Россіи годичное поминовение о преставльшемся Монархѣ?—Твердымъ обѣтомъ самому себѣ—не преставать возносить о немъ искреннюю и теплую молитву ко Господу до конца собственныя своея жизни.—Аминь

СЛОВО

ПРЕДЪ СОВЕРШЕНІЕМЪ ПАНИХИДЫ ПО БЛАЖЕННОМЪ КОНСТАНТИНО-
ПОЛЬСКОМЪ

ПАТРІАРХЪ ГРИГОРІѢ *).

блаженный вселенскій іерархъ Григорій!

Не въ уреченный **) для памяти твоей день являемся мы нынѣ съ молитвами предъ гробомъ твоимъ; но являемся не произвольно, а по указанію свыше.... Надлежало же, чтобы тотъ грозно-памятный для насъ день, въ который градъ нашъ подвергся недавно огненной бурѣ съ моря, былъ не другой какой въ году, а тотъ самый **), въ который, за тоже великое и святое дѣло, за которое подвигаемся теперь и мы, сподобился ты—за тридцать лѣтъ предъ симъ—пріять вѣнецъ мученическій. Возможно ли, чтобы это было дѣломъ случая?—Нѣтъ, это могъ произвести единъ Тотъ, въ десницѣхъ коего времена и лѣта, мѣсяцы, дни и самыя минуты наши. Ему-то благоугодно было сочетать столь знаменательнымъ образомъ, отнынѣ, навсегда, память страдальческой кончины твоя со днемъ собственныхъ нашихъ страданій. И для чего сочетать? — Да разумѣмъ, что ты не напрасно, оставивъ престольный градъ твой, пришелъ опочить среди насъ святыми останками твоими, — что ты данъ

*) Произнесенное въ одесской греческой церкви, 16 мая 1854 года.

**) Ежегодная панихида совершается торжественно у гроба блаженного патриарха, въ день погребения его 19 июня.

***) Блаженный патриархъ скончался мученически въ 10 день апрѣля 1821 года въ Константинополь. Нынѣ въ сей день была великая суббота.

въ заступника граду нашему и молитвенника о насъ предъ Богомъ.

Быть не можетъ, чтобы духъ твой и тамъ — въ обителяхъ Отца небеснаго — не сѣтовалъ, видя, какъ злосчастивая луна снова силится затмить трисолнечное сіяніе креста Христова, — какъ великая, но злосчастная, паства твоя паки обливается слезами и кровью, — какъ возлюбленное отечество наше, единое обнажившее мечъ за угнетенное православіе, начинаетъ терпѣть нападенія за то отъ самыхъ народовъ христіанскихъ, — какъ наконецъ градъ нашъ, избранный тобою въ мѣсто вѣчнаго успокоенія твоего, самъ не имѣетъ отъ нихъ покоя и безопасности. Но, могло ли сѣтованіе твое о насъ оставаться бездѣйственнымъ?

Нѣтъ, мы вѣруемъ, что, облеченный силою Божіею, ты вмѣстѣ съ сонмомъ заступниковъ страны нашей, священно-мучениковъ херсонскихъ, стоялъ въ день брани невидимо на воздухѣ и росоноснымъ дыханіемъ отъ Духа Божія угашалъ разжженные стрѣлы врага, дабы онѣ падали такъ безвредно для насъ на землю и дома наши: иначе чему приписать бездѣйственность столь многихъ молній и громовъ вражескихъ? — Вѣруемъ, что ты, ревнуя о насъ противу безчеловѣчныхъ враговъ нашихъ, самъ бралъ незримо въ свою десницу слабыя молнии наши, придавалъ имъ силу и крѣпость, и направлялъ прямо въ сердце врага: иначе какъ объяснить ихъ необыкновенную силу и смертоносность надъ нимъ? — По чьимъ, наконецъ, если не по твоимъ святымъ молитвамъ предъ Богомъ, простерлась потомъ и эта, столь необыкновенная въ настоящее время года, тьма надъ моремъ нашимъ, которая до того ослѣпила очи врагу, что онъ совершенно потерялъ путь, увязъ съ кораблемъ своимъ въ пескахъ и камняхъ у береговъ нашихъ, и принужденъ былъ просить у насъ какъ милости — плѣна себѣ? Иначе, куда дѣвалась опытность врага, привыкшаго издавна обитать во мглѣ и плавать безбѣдно среди темноты?...

Прими убо, Святителю Христовъ, благодареніе за вся сія отъ града нашего, и продолжи ходатайство и молитву свою о насъ предъ Богомъ брани и мира! Ибо, враги наши, безъ сомнѣнія, готовятъ новыя нападенія на страну нашу. Взыди убо и ты паки къ престолу Царя славы, положи, если то нужно, къ подножию Его мученическии вѣнецъ твой (Апок. 9, 10), и умоли Его кровью твоею, да *сошедши* (Быт. 11, 7) узритъ содѣваемое нынѣ на землѣ нашей и, въ праведномъ гнѣвѣ своемъ, смѣситъ и посрамить, якоже древле, языки, хотяще создати столпъ гор-

дости въ прославление имени своего и въ защиту враговъ креста Христова;—да прелесть Магометова, толико вѣковъ льстящая народы, и нынѣ,—къ стыду христіанства,—покровительствуемая и принимаемая къ сердцу самыми державами христіанскими, исчезнетъ навсегда съ лица земли православной и возвратится въ пустыни и дебри, среди коихъ порождена она духомъ злобы—на пагубу челоуѣчества, и да единовѣрные намъ братія наши о Христвѣ изыдутъ наконецъ изъ разженной пещи четырехвѣковаго плѣна мусульманскаго, и начнутъ, подобно древнимъ израильтянамъ, въ свободѣ духа, праздновать — *пасху Божию спасительную*.

Тогда умиранные, обрадованные, торжествующіе,—мы не замедлимъ снова явиться у гроба твоего съ благодарственными пѣснями Богу Спасителю нашему, и тебѣ, нашему предѣ Нимъ неусыпающему молитвеннику. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОГРЕБЕНИИ ПЕРВЕНСТВУЮЩАГО ЧЛЕНА СВЯТѢЙШАГО СИНОДА,
МИТРОПОЛИТА НОВГОРОДСКАГО, С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО, ЭСТЛЯНДСКАГО
И ФИНЛЯНДСКАГО,

ВНУШЕ О ПРОВОДѢНІИ ЕГО И ТУПИД .

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихъ же визующе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ (слова св. Павла. Евр. 13, 17).

Иовинуюсь заповѣди Апостола Христова, обозрѣваю земное поприще почившаго въ Бозѣ Архипастыря; иду за нимъ по всѣмъ стезямъ его жизни; восхожу вмѣстѣ съ нимъ на высоту, и нисхожу долу, — и что вижу? вездѣ вижу слѣды особеннаго Промысла Божія, ознаменовавшаго себя въ жизни почившаго разительною противоположностію путей своихъ. Съ одной стороны, представляется въ ней необыкновенная высота сана и званія, о коей почившій большую часть жизни своей не могъ и помышлять; съ другой—рядъ тяжкихъ недуговъ, кои, казалось, навсегда устранины были самою крѣпостію его тѣлосложенія. Если кто, то онъ, подобно Давиду, не обвиняясь, могъ сказать о себѣ: *малъ ѡбѣхъ въ братіи моеи, и кто возвѣститъ Господеву моему? Самъ Господь, самъ услышитъ; и посла Ангела своего и взять мя* (Псал. 108, 1). Если кто, то сей же пастырь могъ взывать потомъ ко Господу словами Давидовыми: *спаси мя, Боже,*

*) Произнесенное въ александровской лаврѣ, 19 ноября 1848 года.

яко видоша воды до души моея (Псал. 58, 1). Одержаша мя болѣзни смертныя (Псал. 17, 5). Пострадахъ и слякохся до конца (Псал. 37, 7). Изше, яко скудель, крѣпость моя; языкъ мой прильпе гортани моему (Псал. 21, 17); свѣтъ очю моею и той нѣсть со мною (Псал. 37, 11). Въ персть смерти свель мя еси (Псал. 21, 16)!

При такой разительной противоположности земнаго жребія своего, почившему надлежало имѣть сугубую силу духа: одну—дабы не поникнуть подъ неожиданною высокою сана и званія своего, другую—дабы мужественно перенести тяжесть столь же неожиданнаго, какъ и продолжительнаго недуга. И, благодарение Господу, онъ имѣлъ эту сугубую силу! — Златый кидаръ первосвященника ничѣмъ не помраченъ на главѣ почившаго; ложе многострадалнаго Іова ни разу не огласилось воплемъ ропота и малодушія. Въ мрачные дни печали, какъ и въ свѣтлые дни радости, являлась одна и таже вѣра, николиже сумнящаяся, и одна и таже любовь, *николиже отпадающая* (1 Кор. 13, 8). И вотъ, братіе, урокъ, который, можно сказать, самъ собою выходитъ для всѣхъ насъ изъ гроба сего—урокъ вѣры и терпѣнія, смиренія и преданности Богу!

Какъ бы желательно было, чтобы поучительный урокъ сей изложенъ былъ теперь предъ нами однимъ изъ тѣхъ лицъ, кои имъ извѣстны всѣ событія въ жизни почившаго пастыря, предъ коими раскрылись тайны его души и сердца! Но поелику печальный жребіи священнодѣйствія слова возлегъ на насъ, кои не можемъ похвалиться подобнымъ знаніемъ, и кои вообще способны удивляться путямъ Божиимъ въ жизни человѣческой, не жели изображать ихъ словомъ человѣческимъ: то, воодушевившись силою заповѣди апостольской, повелѣвавшей поминать наставниковъ и пастырей, сдѣлаемъ, что можемъ: пройдемъ кратко, въ духѣ вѣры и любви, по пути жизни почившаго. Такимъ образомъ онъ самъ, не смотря на свой сонъ смертный, еще разъ—дѣяніями своей жизни—будетъ для насъ учителемъ и наставникомъ.

Не безъ причины замѣчаютъ, что у людей съ особеннымъ предназначеніемъ самое младенчество окружено бываетъ нерѣдко знаменательными событіями. Если бы не краткость времени, то и мы могли бы рассказать вамъ о подобныхъ событіяхъ изъ самыхъ раннихъ дней жизни почившаго пастыря, такихъ событіяхъ, кои невольно привели бы вамъ на память дивную судьбу Самуила, когда онъ, еще будучи отрокомъ, привиталъ въ ски-

ни свидѣнія. Кто бы, напримѣръ, могъ вообразить, что онъ, еще младенцемъ, не разъ былъ приносимъ родителемъ своимъ во храмъ, и, во время утреннихъ молитвословіи, мирно почивалъ у самаго подножія престола Божія? — Между тѣмъ да послужить сіе къ успокоенію тѣхъ, коимъ судьба почившаго можетъ казаться исполненною рѣзкихъ внезапностей. Нѣтъ, судьба возлюбленной невѣсты Христовой, Церкви святой, коея онъ былъ первосвятителемъ, никогда не можетъ подлежать случаю и внезапности. Кто стяжалъ ее не серебромъ и златомъ, а безцѣнною кровію своею, Тотъ не воздремлетъ, ниже уснетъ, храняи ее. Яко всевѣдущій, Онъ твердо знаетъ, когда нужно послать въ первосвященнику ея Аарона, когда Финееса, когда Эздру, когда другаго кого либо изъ сыновъ пророческихъ, и заранѣе самъ уготовляетъ избранныхъ на дѣло служенія пастырскаго.

Справедливость требуетъ сказать одно то, что большая часть жизни почившаго была подобна рѣкамъ, кои долго текутъ между берегами пустынными, довѣдомыя немногимъ, хотя обиліемъ водъ своихъ могли бы служить на пользу цѣлыхъ странъ. Въ самомъ дѣлѣ, что видимъ мы? Въ началѣ (и не малое время) пастырь небольшого словеснаго стада, наставникъ въ незнаменитомъ, хотя важномъ по своему назначенію, вертоградѣ наукъ; потомъ предстоятель собратій по званію, потомъ блюститель порядка и благочинія церковнаго, потомъ мужъ совѣта въ управленіи епархіальномъ; потомъ истолкователь закона и нравственности для благороднаго юношества: вотъ разные виды служенія, среди коихъ протекла большая часть жизни почившаго! Служенія не именитыя, если сравнивать ихъ съ послѣдующими, но именно такія, на коихъ можно было собрать драгоцѣнный запасъ всякаго рода опытовъ изъ жизни человѣческой, ознакомиться со всѣми нуждами Церкви, пастырей и пасомыхъ, дабы потомъ, по примѣру св. Павла, быть *всѣмъ* *вся* (1 Кор. 9, 22). Самая строгая справедливость требуетъ сказать при семъ, что каждое изъ мѣстъ, на кои становился почившии, тотчасъ возвышалось **отъ** лица его и обращало на себя общее вниманіе: не только пасомые симъ пастыремъ, не только собратія по званію, не только начальники и архипастыри, самые иновѣрцы почитали его однимъ изъ рѣдкихъ людей своего края.

Да послужить и сіе въ урокъ и утѣшеніе тѣмъ, кои позволяютъ себѣ малодушно сѣтовать на невысокую долю своего званія и служенія. Человѣкъ истинно-достойный видѣнъ во всякомъ

званіи, высокъ на каждомъ мѣстѣ. И стократъ лучше, когда человѣкъ выше мѣста, нежели когда мѣсто выше человѣка.

Между тѣмъ будущая судьба почившаго, не смотря на всеобщее уваженіе къ нему, все еще оставалась подъ крѣпкою печатью: и печать сія могла вскрыться не прежде, какъ послѣ ужасной бури, потрясшей страну имъ обитаемую, изъ края въ край. Вы знаете, откуда пришла, какъ разразилась и чѣмъ окончилась эта буря. Для нашей цѣли довольно сказать, что святая Церковь, вмѣстѣ съ отечествомъ, вышла изъ кровавой борьбы съ новою силою и новою славою. Отторгнутая превратностію времянь, древняя обитель Почаевская возвращается въ составъ родной іерархіи.... Среди столицы умиренной Польши, въ знаменіе первобытнаго духовнаго союза, водружается кафедра православнаго святителя.

Въ сіе-то время, когда такъ нужны были быстрые и благіе дѣлатели въ вертоградѣ Церкви, почившій въ Бозѣ пастырь, какъ бы по особенному мановенію свыше, оставляетъ навсегда жизнь среди міра и всецѣло посвящаетъ себя на служеніе Церкви въ званіи иноческаго. Казалось, что это была пристань послѣ трехволненій моря житейскаго: между тѣмъ здѣсь, въ этой пристани и началось для него великое и разнообразное плаваніе духовное.

Зная отличныя достоинства почившаго, пастырь Церкви вольинской немедля поемлетъ его себѣ въ сотрудники въ дѣлѣ благоустройства своей обители Почаевской. Недолго по времени — продолжалось это святое сотрудничество; но слѣды и плоды его останутся навсегда. Одни изъ средствъ къ благосостоянію лавры угаданы и открыты, другія обновлены и усилены, третьи очищены и облагорожены, и всѣ направлены къ надлежащей цѣли.

Скоро открылось для почившаго другое, высшее и труднѣйшее поприще, на коемъ надлежало уже не содѣйствовать только и усовершенствовать, а полагать основание, подавать примѣръ и руководить всѣхъ и cadaго. Для новоустрояемой Церкви варшавской потребовался первый святитель. Всѣ чувствовали важность новаго поприща; всѣ желали будущему дѣлателю успѣха на немъ. Но, кто сей избранникъ, имѣющій явиться съ знаменіемъ міра и любви отъ лица Церкви всероссійской къ Церкви польской?—Почившии, по самой недавности новаго званія своего, казался далѣе другихъ отъ сего святаго, но многотруднаго посольства. И вотъ, сверхъ чаянія и его и другихъ, оно поручается не иному кому, а ему именно, такъ что онъ еще тогда могъ со всею точностію приложить къ себѣ слова св. Давида: *малъ обѣхъ въ братіи моеи*;

и кто возвѣститъ Господеву моему? Саль Господь, саль услышитъ. И посла Ангела своего и взять мя. Зрѣлище умиленное! Тотъ, кто такъ недавно оставилъ свету мірскую и весь шумъ градовъ, ища покоя душѣ своей подъ кровомъ святой обители, внезапно долженъ взять на рамена свои тяжесть званія святительскаго, и явиться представителемъ цѣлой Церкви православной. Гдѣ явиться? Не среди обыкновеннаго града, а посреди величавой столицы, которая, вслѣдствіе несовершенно прошедшаго еще недуга, готова была, по выраженію пророка (Исаиѣ 17, 20), свѣтъ назвать тьмою, а тьму свѣтомъ. Сколько требовалось опытности, презорливости, терпѣнія и великодушія, чтобы только благоуспѣшно начать, не говоря уже благополучно кончить дѣло свое!—Надлежало, подобно Нееми, одною рукою соиздать стѣны Сіона, а другою отражать навѣты противныхъ (Неем. 4, 17). Почивши умѣлъ скоро найти тайну побѣды: потому что искалъ ее не въ темныхъ глубинахъ мудрости мірской, а въ Евангелии и собственномъ сердцѣ. вмѣсто того, чтобы дѣйствовать силою, онъ началъ дѣйствовать любовію; и любовь произвела то, чего никогда не могла бы сдѣлать сила. Не прошло года, и тѣ, коимъ православный архипастырь казался опаснымъ пришельцемъ, съ радостію признали въ немъ не только достойнаго святителя, но и мудраго для нихъ самихъ совѣтника, и любве-обильнаго помощника, и кроткаго миротворца. Удивительно ли послѣ сего, если державный взоръ Монарха такъ часто и съ такою любовію началъ обращаться на того пастыря, который умѣлъ побѣдить столько трудностей и заслужить уваженіе даже отъ взыскательныхъ сыновъ Церкви западной?—Успѣхи служенія его были радостію и честію для всей Церкви православной, для всего отечества; и если бы онъ не сдѣлалъ ничего болѣе, то за одни труды его для Церкви варшавской, коея онъ былъ основателемъ и украшеніемъ, имени его слѣдовало быть вписаннымъ между именами святителей—*приснопамятныхъ*.

Между тѣмъ и здѣсь не конецъ подвигамъ. Явится еще разъ ангелъ, еще разъ, и столь же неожиданно, возьметъ его съ своего мѣста, и поставитъ на новомъ, высшемъ; тотъ ангелъ, какъ и прежде, былъ помазанникъ Божіи, коего сердце, по увѣренію Пророка, выну въ *руцѣ Божіей* (Прит. 21, 1). Онъ рекъ державнымъ гласомъ своимъ; и жезлъ первосвятительства, который не безъ труда носили Гавриилы, Амвросіи, Михаила, Серафимы, переходитъ въ руки почившаго!... Назначеніе высокое! но можно ли было безъ тяжкой борьбы душевной принять на

рамена свои тяжесть пастыре-начальства, къ духовному попечению и надзору коего принадлежитъ, можно сказать, вся Церковь православная? Можетъ быть стократъ почивши взывалъ въ душѣ своей ко Господу: и кто есмь азъ, Господи, яко возглаголахъ еси тако о рабѣ Твоемъ?—Но, покорный судьбамъ Промысла, онъ, хотя уже съ ослабѣвшими отъ трудовъ и недуга силами, бодрственно является на новой духовной стражѣ. И какъ начинается ея?—Какъ-бы бдѣлъ и подвизался еще только въ первый разъ. На что не обратилось тотчасъ его пастырское внимание и попечительность, начиная отъ сего храма и сей обители?—Кому изъ слышавшихъ не памяты тѣ умилительныя чувства, коими исполнено было первое слово его къ сему граду, при вступлении на паству? Съ какимъ усердіемъ спѣшили въ тотъ храмъ, гдѣ совершалъ онъ богослуженіе, окруженный не столько величіемъ своего сана, сколько доблестію пастыря — отца? На чьей главѣ изъ присутствовавшихъ во храмѣ, какъ бы она ни была проста и мала, не опочивало его благословеніе? — Утѣшаясь таковыми дѣйствіями пастырскими, невольно вспоминали многие, что маститый предшественникъ его, какъ-бы въ духѣ прозрѣнія духовнаго, не другому кому, а ему единственно, вскорѣ по посвященіи его во епископа варшавскаго, преподавалъ въ отеческое напутіе и свой златый кидаръ и свой жезлъ первосвятительскій. И такъ благоуспѣшно дѣйствовано при здравіи уже полуразрушенномъ, съ силами, видимо оскудѣвающими отъ недуга! Сколько бы еще можно было послѣ сего ожидать отъ дальнѣйшей пастырской дѣятельности почившаго, если бы ему дано было раскрыться предъ послѣднею паствою своею вполне и окончить поприще свое подобно другимъ?—Но елей жизни видимо и быстро оскудѣвалъ въ свѣтильникѣ отъ самой яркости прежняго свѣтенія. Немощная плоть не могла постоянно и до конца слѣдовать за порывами и напряженіемъ духа бодрого и неусыпнаго. Наступило послѣднее поприще болѣзни и злостраданія.

Что сказать о немъ? Сожалѣть и печалиться, или паче благодарить и за него Господа? При одрѣ болящаго нельзя было не совоздыхать; а при гробѣ почившаго не только можно, но и должно возблагодарить и утѣшиться духомъ. Почему? Потому что для поврежденной грѣхомъ природы нашей болѣзни и недуги вообще суть одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ очищенію и освобожденію изъ-подъ владычества плоти и крови, такъ что, какъ говоритъ св. Павелъ, *еще и внѣшній человекъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется по вся дни* (2 Кор. 4, 16). Для

тѣхъ даже, въ коихъ положено уже твердое основаніе къ добру, кои провели жизнь въ усиленномъ исполненіи заповѣдей Божіихъ, кои за свои труды и вѣрность закону и совѣсти удостоились дарованіи духовныхъ, — даже для такихъ людей болѣзни, самыя тяжкія, никогда не составляютъ излишества, а напротивъ служатъ нерѣдко вмѣсто того крещенія огнемъ, о нуждѣ коего для нашего духовнаго пакибытія засвидѣтельствовалъ Предтеча Христовъ, когда вѣщалъ ученикамъ своимъ о Спасителѣ: *Той вы креститъ Духомъ Святымъ и огнемъ* (Матѳ. 3, 11).

Дано было испытать и протии это крещеніе огнемъ и почившему въ Бозѣ пастырю. Не о дняхъ и недѣляхъ, а о цѣлыхъ послѣднихъ годахъ жизни своей онъ могъ, подобно Апостолу, сказать: *сами въ себѣ осужденіе смерти имѣхомъ* (2 Кор. 1, 9); то есть, мы чувствовали уже надъ собою приговоръ къ смерти и видѣли какъ бы по частямъ его исполненіе. И для чего чувствовали и видѣли это надъ собою? *Да не надѣющеса*, какъ изъясняетъ Апостолъ, *будель на ся, но на Бога, возставляющаго мертвыя* (тамъ же). И дѣйствительно, у почившаго, особенно въ послѣдніе мѣсяцы недуга, всѣ надежды видимо перенесены были отъ людей къ единому Богу, и постоянно было въ виду возстаніе уже не съ одра болѣзни, а изъ утробы земной — въ день всеобщаго воскресенія. — Было, было отчего поколебаться самому твердому духу! Но, благодареніе Господу! проникнутый живою вѣрою, духъ почившаго пребылъ твердъ! Когда другіе ободряли его надеждами на землѣ, онъ возводилъ очи къ небу. Когда окружающіе изъявляли скорбь и сожалѣніе, онъ, если не языкомъ и устами, то взоромъ вѣщалъ: *еще благая пріяхомъ отъ руки Господни, злыхъ ли не стерпимъ* (Іов. 2, 10)? *Буди иля Господне благословенно во вѣки* (тамъ же 1, 21)! Такимъ образомъ одръ болящаго былъ поучителенъ не менѣе каедедры проповѣдующаго.

Но, вотъ наконецъ и поприще недуга кончено! Вѣтхое рублище плоти сложено навсегда! Мрачныя врата смерти пройдены! Остается безсмертному духу явиться предъ престоломъ вѣчнаго Судии и дать отчетъ о *приставленіи домовнѣмъ*....

Да, братіе мои, *опредѣлено есть*, скажемъ и мы словами св. Павла, *опредѣлено есть человекомъ единою умрети, потомъ же судъ* (Евр. 9, 27), судъ же не человѣчески, часто неправильный и всегда неполный, потому и не имѣющіи рѣшительныхъ послѣдствій, а судъ Божій, пронцающіи сердца и утробы, взвѣшивающій самое *несодѣянное* (Псал. 54, 12) наше, коего слѣдствіемъ потому для человека есть или жизнь и блаженство вѣчное. или

отверженіе и мука нескончаемая. Кто бы изъ насъ могъ устоять на судѣ семъ, если бы о страну Судии не было за насъ всемогущаго Ходатая и Заступника, едиnorodнаго Сына Божія, съ Его всепримиряющимъ крестомъ и всеочищающею кровію?—Да вознесутся же къ сему Божественному Ходатаю молитвы отъ всѣхъ и каждаго изъ васъ, братія, о успокоенш души почившаго архипастыря и объ отпущеніи вольныхъ и невольныхъ его грѣхопаденій! Да помолится отъ сердца каждый: ибо почивши, яко пастырь града сего, не о себѣ токмо, но и о каждомъ изъ васъ долженъ свидѣтельствовать на судѣ Божіемъ!

Гряди съ миромъ, доблій подвижникъ вертограда Христова, въ послѣдній путь твой! Приложись къ сонму святителей, украсившихъ собою и служеніемъ своимъ державный градъ сей! Возвѣсти имъ, что православная Церковь россійская, утверждаясь на краеугольномъ камени вѣры въ едиnorodнаго Сына Божія, стоитъ непоколебимо и восходитъ отъ силы въ силу!

А мы, братія мои, препровождая въ нѣдра земли гробъ сей, возьмемъ отъ него въ напутствіе себѣ на всю жизнь если не что другое, то память о нашей смерти: ибо нѣтъ сомнѣнія, что давно растутъ, а можетъ быть уже и подъ рукою сѣкущаго, тѣ древа, изъ коихъ будетъ устроень и нашъ гробъ. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОГРОБЕНІИ КНЯЗЯ АРКА ДИХАЙЛОВИЧА ШВЕЦА,

НАЧАЛЬНИКА ВСЕЙ АРТИЛЛЕРІИ, ГЕНЕРАЛА ОТЪ АРТИЛЛЕРІИ, ВСѢХЪ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ И МНОГИХЪ ИНОСТРАННЫХЪ ОРДЕНОВЪ КАВАЛЕРА.

Лежить челоуѣку единоу умерети, по-
томъ же судъ (Евр. а, 27).

При имени людей, подобныхъ почившему въ Бозѣ герою
обыкли слышаться слова похвалъ челоуѣческихъ, а не
слово суда Божія. Не имѣли бы мы недостатка въ пред-
метахъ для похвалы, если бы захотѣли нынѣ соплести вѣнецъ
надгробный. Много ли жизней, подобныхъ жизни почившаго раз-
нообразіемъ явленіи, примѣчательностію подвиговъ, важностію
вліянія на судьбу отечества?—Ученикъ Суворова, сподвижникъ
Кутузова, онъ давно присоединилъ имя свое къ именамъ не-
забвеннымъ для отечества, и теперъ, идя мысленно по слѣдамъ
жизни его, непримѣтно вступаешь въ храмъ исторіи временъ
новѣйшихъ. То видишь его при взятіи Кинбурна и завоеваніи
Крыма, то при паденіи Измаила и Очакова, то при низложеніи
Праги и Варшавы. При Аустерлицѣ является онъ въ числѣ тѣхъ,
кои для спасенія чести оружія отечественнаго, умѣли стать про-
тивъ самаго несчастія; при Пултускѣ и Прейсишъ-Эйлау — въ
числѣ тѣхъ, кои вполне умѣли воспользоваться счастіемъ, для
довершенія его славы. Но болѣе всего дарованіе и добродѣтель
почившаго явили себя въ ту ужасную эпоху бѣдствія и искуше-
ній, когда отечеству нашему суждено было пройти крещеніе кро-
вию и огнемъ, дабы взойти потомъ на высоту всемірной славы.

Когда рѣдкій воинъ, тѣмъ паче военачальникъ, не былъ героемъ, почившій и тогда умѣлъ обратить на себя внимание всѣхъ своимъ героизмомъ, и достигъ чести управлять всѣми молніями и громами отечественными. Не наше дѣло изображать, какъ они летали по его указанію: но и мы можемъ сказать, что ими остановленъ полетъ тѣхъ грозныхъ орловъ, кои крылами своими хотѣли покрыть всю вселенную, что они не разъ заставляли содрогаться того, предъ кѣмъ трепеталъ весь свѣтъ!—И по окончаніи бури бранной не окончились подвиги добраго слуги царя и отечества: въ краткое время онъ успѣлъ изгладить слѣды потерь и недостатковъ, такъ что взоръ Монарха не разъ восхищался потомъ устройствомъ важной части, ему ввѣренной. И не исходя потомъ болѣе на поле ратное, онъ еще продолжалъ дѣйствовать на немъ, приуготовленіемъ способныхъ дѣйствователей. Послѣдніе ожесточенные враги наши съ горестію видѣли, что внутренній миръ нашъ блюдетъсѧ мужами, кои умѣли нѣкогда возвращать миръ царствамъ чуждымъ.

Кругъ частной жизни почившаго, потому самому, что она всецѣло посвящена была отечеству, не представляетъ подобнаго разнообразія. Но, и здѣсь мы могли бы указать на ту простоту образа жизни, которая, казалось, возрастала вмѣстѣ съ достоинствами почившаго, и симъ самымъ показывала, какъ умѣетъ онъ цѣнить всю ничтожность пышной величавости;—на ту счастливую легкость мыслей и чувствъ, которая способна была воодушевить и мирный кругъ друзей, и шумный кругъ воиновъ, и казалась тѣмъ пріятнѣе, что украшала человѣка, посѣдѣвшаго среди бурь и громовъ; на ту готовность къ услугамъ и одолженіямъ, которая была тѣмъ примѣчательнѣе, что не замѣчала сама себя; на ту мудрую взыскательность, которая малыми неприятностями предотвращала большія огорченія, требовала повидимому болѣе, дабы заставить сдѣлать не менѣе того, сколько должно; на то, наконецъ, простое усердіе къ вѣрѣ православной, которое выражало себя болѣе дѣлами человѣколюбія, нежели словами и умствованіями.

Такимъ образомъ, не было бы недостатка ни въ лаврахъ подвиговъ бранныхъ, ни въ оливахъ мирныхъ добродѣтелей, если бы мы захотѣли соплести для усопшаго вѣнецъ надгробный. Но къ чему бы послужилъ теперь вѣнецъ сей?—Увы, и тѣ вѣнцы, коими украшало его признательное отечество, остаются праздно! Не до похвалъ человѣческихъ теперь тому, кто стоитъ на судѣ Божіемъ! И мнѣ кажется, если бы почившии самъ возсталъ теперь изъ гроба, то не обратилъ бы никакого вниманія

на знаки почестей, его окружающихъ, а указалъ бы всѣмъ намъ на тогъ неувядаемый вѣнецъ, который уготовляется отъ самаго Господа, всѣмъ любящимъ имя и святой законъ Его.

Чего не можетъ сдѣлать почивши, то должно исполнить, вмѣсто него, намъ. Нашъ долгъ, братіе, напомнить вамъ у сего гроба, что значить жизнь человѣческая и для чего должно здѣсь жить и дѣйствовать всѣмъ и каждому. Смотрите, что остается отъ отличія и почести!—Любимый звукъ громовъ бранныхъ еще разъ потрясетъ сердце земли, еще разъ отзовется среди разнообразія сихъ горъ: но сердце и слухъ почившаго уже не воспринять на гласъ сей; ихъ пробудить одна труба Архангела!

Значить, всѣмъ и каждому надобно жить здѣсь не для стяжанія временныхъ благъ, въ чемъ бы они ни состояли, а для заслуги награды вѣчной. Здѣсь для всѣхъ только мѣсто труда и подвига, а успокоение — *тамъ*, истинная жизнь и блаженство — *тамъ*!

Боже духовъ и всякія плоти, воззавый отъ насъ къ себѣ душу раба Твоего, упокой ее на лонѣ милосердія Твоего! Если онъ, развлекаемый многочисленными трудами на пользу отечества, не успѣлъ очистить себя отъ всякія скверны плоти и духа, то приими въ возмездіе за сіе ту кровь, которую онъ проливалъ за святую Церковь Твою и за благо своихъ соотечественниковъ; или паче покрой всѣ недостатки его всеизглаждающею Кровию единороднаго Сына Твоего, по образу коего онъ всегда готовъ былъ положить душу свою за братію свою. Аминь.

РѢЧЬ

ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ПЬЯВЪ ПОТРОКЪЧА ТУРЧАШИНОВА,

КОМЕНДАНТА КІЕВОПЕЧЕРСКОЙ КРѢПОСТИ, ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТА
И РАЗНЫХЪ ОРДЕНОВЪ КАВАЛЕРА.

Не на радость, не на радость собралъ ты насъ сюда, успѣшій о Господѣ собрать нашъ! неожиданное, тяжелое зрѣлище уготовилъ ты намъ! Не такую бесѣдою хотѣли бы всѣ мы бесѣдовать съ тобою; но, поелику ты самъ предназначалъ ее, то мы не можемъ не продолжить. Какъ однакоже ни ново и странно являешься ты намъ, мы будемъ бесѣдовать съ тобою попрежнему: ибо здѣсь, предъ лицемъ Господа жизни, нѣтъ мертвыхъ, всѣ живы!

Чѣмъ продолжимъ послѣднюю бесѣду съ тобою? Сожалѣніемъ ли о томъ, что ты такъ неожиданно оставилъ насъ навсегда, такъ невозвратно уклонился отъ всѣхъ заботъ и радостей земныхъ?—Но день разлуки твоей съ нами есть день приближенія твоего ко Господу: часъ смерти твоей для брэнной жизни нашей былъ часомъ рожденія твоего въ жизнь новую, безконечную. Посему, со слезами на глазахъ, но привѣтствуемъ тебя съ окончаніемъ земнаго поприща, со вступленіемъ туда, гдѣ нѣтъ не только нашихъ скорбей, но и нашихъ суетныхъ радостей. Ты теперь уже не на морѣ, не въ изгнаніи, не въ узахъ, а въ пристани, въ отечествѣ, на свободѣ: видишь то, во что мы должны вѣровать; окруженъ тѣмъ, чего мы должны ожидать. О, какъ малою и брэнною показалась тебѣ, думаю, вся наша земля со всѣмъ величіемъ ея, когда ты взглянулъ на нее въ послѣдній

разъ!—Посему, когда мы въ горести окружаемъ гробъ твой, ты, можетъ быть, скорбишь о насъ, здѣсь остающихся; благодаришь Господа, что Онъ не продолжилъ твоего заключенія въ узахъ плоти и крови; тѣмъ паче благодаришь за тѣ дни скорби, кои благодать Его дала тебѣ провести на одрѣ болѣзненнымъ для твоего очищенія. Да, очищенія: ибо кто есть человѣкъ, уже поживетъ и не согрѣшитъ? Благо тому, кто не пребудетъ во грѣхѣ; кто слезами покаянія, растворенными вѣрою въ крестъ Христовъ, омоетъ пятна совѣсти!—Что сія купель паки-бытія ненапрасно была открыта для тебя, свидѣтель слезы, съ коими ты взиралъ какъ часто съ одра болѣзни на икону Спасителя; свидѣтель и тѣ слезы, съ коими ты принималъ Тѣло и Кровь Христову для напутствія въ жизнь вѣчную. Поселку ты искалъ оправданія не въ дѣлахъ и трудахъ своихъ, какъ они были ни много и благообразны, а въ единомъ смиреніи предъ Богомъ, въ твердой вѣрѣ въ крестную смерть и ходатайство за насъ Сына Божія; то мы увѣрены, что небесное милосердіе не мимо-идетъ тебя, что сокрушеннаго и смиреннаго сердца твоего Господь не уничтожитъ. Но сія же святая увѣренность не позволяетъ мнѣ распространяться на похвалу твою. Дерзну ли, по обычаю мірскаго вѣщанія, повѣдать теперь о подвигахъ твоихъ для отечества, когда ты, стоя на страшномъ судѣ Божіемъ, молишь, можетъ быть, о томъ, чтобы самое главное и чистое, по мнѣнію нашему, въ жизни твоей было покрыто завѣсою милосердія? — Объ одномъ не могу промолчать, не могу потому, что сказанное можетъ служить еще болѣе въ назиданіе другимъ, нежели въ похвалу тебѣ: это усердіе твое ко храмамъ Божіимъ и вѣрное исполненіе уставовъ святой Церкви. Не тебя ли нерѣдко видѣли мы перваго входящимъ и послѣдняго исходящимъ изъ дома Божія? А когда видѣли мы, то могъ ли не зрѣть Господь храма? И вотъ, какъ бы въ знаменіе сего, ты воззванъ Имъ изъ сея жизни, въ которой самъ Спаситель принесенъ былъ въ храмъ, когда и праведный Богоприимецъ желалъ отойти ко Господу и возгласилъ пѣснь, столь тобою любимую!.. Вѣруемъ, что тамъ найдется и для тебя Симеонъ, который приметъ тебя подъ свое осяненіе и представитъ милосердію Господа. Не малый залогъ сего для насъ уже въ томъ, что, послѣ разнообразныхъ странствій твоихъ по землѣ отечественной и за предѣлами ея, браннымъ останкамъ твоимъ дано опочить въ сей землѣ, освященной потомъ и слезами святыхъ подвижниковъ, и такимъ образомъ войти въ священный кругъ одержанія ихъ. Желаетъ ли имѣть за гробомъ

нѣкіи знакъ христіанской пріязни къ тебѣ и отъ насъ?—Доколѣ слабый языкъ мой будетъ изрекать страшное и достопокланяемое имя Бога надъ всепримиряющею жертвою Тѣла и Крови Сына Его, дотолѣ будетъ творима мною молитвенная память и о упокоеніи твоей души. Если можешь сдѣлать что либо, по твоему благорасположенію и для насъ, то, послѣ незабвенія насъ предъ Богомъ, просимъ тебя о единомъ: испроси у Господа осиротѣвшей супругѣ и чадамъ твоимъ духа терпѣнія и мужества для перенесенія разлуки съ тобою,—да коснется сердце ихъ то благодатное утѣшеніе Святаго Духа, предъ лицемъ коего не постоитъ никакая скорбь.

Такъ, осиротѣвшее семейство (ибо надобно назвать тебя нынѣшнимъ именемъ твоимъ), въ настоящія минуты для тебя нѣтъ утѣшенія на землѣ; и мы показали бы только невѣдѣніе сердца человѣческаго, если бы возмнили, что отъ нашихъ словъ могутъ закрываться и исцѣлывать раны сердца, подобныя твоимъ. Но у Врача душъ и сердцецъ есть цѣлебный бальзамъ отъ всего. Утѣшенные Имъ не только не скорбѣли о смерти, но и сами съ радостію шли на смерть. Итакъ, первѣе и паче всего обращайся въ скорби вашей къ Господу. Какъ радовались предъ Нимъ, такъ и сѣтуйте теперь предъ Нимъ же. Вы старались быть вѣрными Ему во дни вашего счастья: Онъ ли покажетъ Себя невѣрнымъ вамъ во дни вашего несчастья?—Нѣтъ, если Онъ поступилъ пріиѣти на васъ тяжелому искушенію, то не оставитъ за симъ искушеніемъ сотворить и утѣшенія.

Между тѣмъ, когда время утишитъ чувства сердца, смятеннаго теперь скорбію, и дастъ взорамъ ума свободу озрѣться вспять—на жизнь и дѣянія почившаго въ Бозѣ супруга и отца; то въ самомъ воспоминаніи о немъ откроется постоянный, обильный источникъ утѣшенія.

И во-первыхъ, если нить жизни его пресѣклась не на послѣднихъ предѣлахъ жизни человѣческой, то много ли однако же не достигла ихъ?—И, что важнѣе, воспрепятствовало ли это быть ей исполненною такихъ дѣяній, кои не разъ обращали на почившаго взоры отечества, отличное благоволеніе самого Монарха?—Какой талантъ, пріятый отъ великаго Раздаятеля талантовъ, не имѣлъ времени раскрыться вполнѣ, быть употребленнымъ въ дѣло, принести плода сугубаго? Много ли въ пространномъ отечествѣ нашемъ странъ, кои не видѣли почившаго на поприщѣ служенія общественнаго? Много ли браней отечественныхъ, въ коихъ онъ не отличился своимъ мужествомъ? Ученикъ и непосредственный сви-

дѣтель славы Суворова, дѣятельный соучастникъ славныхъ подвиговъ Бенигсена, ближайшии сотрудникъ на берегахъ Дуная Кутузова, собрать по оружию Блюхера, Бернадота, — онъ давно успѣлъ сочетать имя свое съ именами, незабвенными для исторіи.— Если, по слову самого Спасителя, нѣсть большія любви, да кто душу свою положить за други своя: то онъ стократно приносилъ и сію жертву за цѣлое отечество, и не его воли слѣдствіемъ было то, что сія жертва каждый разъ возвращаема была ему рукою Провидѣнія. Послѣ сего что оставалось? пройти нѣсколько ступеней по лѣствицѣ земнаго бытія, еще непройденныхъ: но какихъ ступеней?—кои прямо ведутъ къ тому же предѣлу, — по коимъ идущіе рѣдко не жалуется на то, что ихъ нельзя было минуть.

Итакъ, вмѣсто безотраднaго сѣтованія о мнимой недоконченности земнаго пути почившимъ о Господѣ, надобно благодарить милость Божію, что ему дано было пройти путь сей такъ, какъ онъ пройденъ. Сколько разъ сія жизнь могла пресѣчься среди вихря браней!—но ангелъ смерти всегда щадилъ ее. Сколько разъ и духовная жизнь могла подлежать смертной опасности среди всякаго рода искушеній и соблазновъ, но благодать Божія отвращала и сію — наиважнѣйшую опасность. Усердіе ко всему священному отличало еще болѣе почившаго, нежели всѣ сіи знаки отличія, праздно лежащіе теперь у его гроба.

Не мало и другихъ утѣшеній, коль скоро, хотя сквозь слезы, осмотримся пристальнѣе вокругъ самихъ себя. У матери взяты супругъ, но оставленъ сынъ и дочь: двѣ опоры и двѣ надежды, кои съ каждымъ днемъ будутъ возрастать, укрѣпляться и веселить собою сердце матери. У дѣтей не стало отца; но оставлена мать, которая съ сердцемъ материнскимъ всегда соединяла благоуміе и твердость отцовскую. И не тогда ли послѣдовала разлука, когда по закону природы и общежитія дѣтямъ и безъ того скоро должно было оставить кровь отеческіи, удалиться отъ взора родительскаго?—Плодъ семейнаго счастья уже вкушенъ и со стороны отца, насладившагося зрѣніемъ юнаго возраста дѣтей, и со стороны дѣтей, видѣвшихъ всѣ знаки нѣжности и весь примѣръ богобоязненности своего родителя.

Всѣ сіи и подобныя мысли могутъ составить для тебя, осиротѣвшее семейство, и теперь, тѣмъ паче современемъ, обильный источникъ утѣшенія; и ты, взвѣсивъ настоящую потерю съ прежними радостями и будущими надеждами, само скажешь съ Іовомъ: *аще благая пріяхоль отъ руки Господни, злыхъ ли не*

терпѣль? яко Господу изволися, тако бысть. Буди иля Господне благословенно отнынѣ и до вѣка!

Что касается васъ, печальныя участники плачевнаго обряда, то я не думаю, чтобы мнѣ нужно было какое либо искусство слова, дабы преподать вамъ здѣсь назиданіе. Ахъ, гробъ безъ всякаго слова есть самый трогательный проповѣдникъ въ мірѣ! Тѣмъ паче гробъ лежащій не можетъ не пробудить въ нашемъ сердцѣ многихъ и многихъ благихъ мыслей и чувствованіи. Я съ своей стороны присовокуплю къ сему одно: не гоните отъ себя сихъ, такъ называемыхъ, мрачныхъ мыслей: онѣ свѣтлѣе многихъ радостей мірскихъ; дайте сердцу вашему выговорить вамъ при семъ случаѣ все, что придетъ на него; позвольте почившему собрату вашему оказать сію послѣднюю услугу, чтобы своею смертію напомнить о вѣчности и вамъ. Если при подобныхъ случаяхъ не замолчать нашей плоти и крови, то гдѣ же и когда умолкнуть имъ? Если здѣсь не пробудиться во всей силѣ совѣсти, то когда же воспрянуть ей отъ сна? Итакъ не отвращайте взоровъ вашихъ отъ сего гроба; смотрите прямѣе и пристальнѣе въ это обезображенное смертію лице собрата вашего: что нынѣ ему, то завтра, послѣзавтра каждому изъ насъ.

На сей конецъ я не усомнюсь раздѣлить съ вами и тѣхъ мыслей, кои гробъ сей возбудилъ во мнѣ касательно меня самаго. Не смотря на краткость сопастырскаго служенія въ семъ богоспасаемомъ градѣ, мнѣ суждено сопроводить въ обитель вѣчнаго покоя слабыми молитвами моими едва не всѣхъ, кои составляли верхъ нашего градоначалія. Когда подумаю о семъ, то, кажется, слышу съ неба голосъ: служитель слова и таинъ! разумѣешь ли, для чего тебѣ именно дано видѣть такъ часто развѣвающуюся могилу и сходящимъ туда все великое?... — Для того, чтобы ты научился гверже помнить послѣдняя своя, наменьше увлекаться блескомъ славы мірской, громче говорить истину сильнымъ земли, прилежнѣе совлекаться ветхато чловѣка съ дѣлами его, глубже спогребаться Господу и Спасителю своему. Горе мнѣ, если я не выразумѣя сего урока, или выразумѣвъ, не обращаю его въ дѣло и жизнь, и проповѣдая другимъ, самъ неключимъ буду! Поелику же я слышалъ съ особенною силою наставленіе сіе у гроба твоего, усопши о Господѣ собратъ; то пріими отъ меня и за сіе благодарность: это новыи, на всю жизнь мою, знакъ христіанской пріязни твоей ко мнѣ и за гробомъ! Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ГРАФА ВАСИЛІЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ОРАБЪ-ДОПІЗОВА,

ГЕНЕРАЛА ОТЪ КАВАЛЕРІИ *).

такъ, вотъ гдѣ, среди насъ, суждено тебѣ найти мѣсто послѣдняго успокоенія отъ трудовъ, мужъ неутомимыхъ подвиговъ, побѣдъ и славы отечественной! Не напрасно въ предпоследніе годы жизни твоей переходилъ ты изъ одного края отечества въ другой, какъ бы ища и не находя мѣста по себѣ; душа твоя уже предчувствовала почестъ вышняго званія—тайный призывъ туда, гдѣ нѣтъ споровъ и браней, гдѣ постоянное для всѣхъ и каждаго торжество одною любовію. Священный часъ отшествия насталъ,—и ничто не могло удержать тебя. Напрасно искусство истощало всѣ усилія, любовь присныхъ и чуждыхъ—мольбы и обѣты: ты видѣлъ усердіе и слезы, слышалъ вздохи и моленія; но повинувъ гласу свыше, неудержимо воспарилъ къ горнему отечеству, оставивъ намъ точію брѣнную часть плоти, облакавшую духъ безсмертнѣй. Чѣмъ убо сопроводимъ послѣднѣй исходъ твой отъ насъ? Тѣми же слезами и воздыханіями? Но ты не любилъ видѣть ихъ и при жизни своей; спѣшилъ отирать слезы съ лица самыхъ враговъ, послѣ побѣды надъ ними. Нѣтъ, дань героямъ, подобнымъ тебѣ, не слезы горести, а благодареніе Всевышнему за ихъ подвиги; не вопли и сѣтованія, а благословеніе ихъ памяти и подражаніе ихъ примѣру. И благодарное отечество не замедлитъ отозваться сими благословеніями: печальная вѣсть о кончинѣ твоей пронесется столь же далеко, сколь далеко

*) Сказанное 27 января 1843 года.

разносился нѣкогда радостный звукъ отъ побѣдъ твоихъ, и всюду пробудить чувство утраты и желанія покоя отшедшему. А между тѣмъ, позволь служителю алтаря, который какъ бы для того въ предпоследніе дни узналъ тебя, чтобы воздать тебѣ сей послѣдній долгъ—пройти христіанскою мыслію великое и разнообразное поприще подвиговъ твоихъ, пройти не столько для похвалы твоей, сколько для отрады и поученія тѣхъ, кои предстоятъ теперь гробу твоему.

Да, братіе мои, гробъ сей важенъ не одними знаками отличны и почестей, въ такомъ множествѣ его окружающихъ, а и прекрасными качествами души и благими дѣянїями того, кто въ немъ почиваетъ; важенъ не для одного осиротѣвшаго семейства, а для всякаго сына отечества, признательнаго къ великимъ заслугамъ отечеству. И да будетъ вѣдомо вамъ, что если бы теперь у сего гроба нельзя было видѣть ничего болѣе, кромѣ сухъ знаковъ славы земной, то вмѣсто всякаго слова, мы ограничились бы произнесениемъ надъ почившимъ тѣхъ молитвъ, въ коихъ Церковь не отказываетъ самому послѣднему изъ сыновъ своихъ; а если бы дерзнули возвысить слабый голосъ свой, то развѣ для того, чтобъ, пользуясь грознымъ дѣйствіемъ смерти, обращающей въ прахъ всю пышность челоуѣческую, сказать вамъ съ твердостью, какъ худо поступаютъ тѣ, кои всѣ виды, желанія и труды свои ограничиваютъ земнымъ и временнымъ. Но среди разнообразнаго блеска славы земной, мы видимъ здѣсь нѣкую зарю сіянія небснаго, и съ усердіемъ спѣшимъ исполнить священный долгъ—показать въ примѣрѣ почившаго, какъ можно, воздавая съ избыткомъ кесарева кесареви, нисколько не забывать того, еже подобаетъ Богу; какъ можно быть героемъ на полѣ брани и младенцемъ душею у подножія алтаря,—страхомъ для враговъ отечества и другомъ для бѣдствующаго челоуѣчества,—защитникомъ царствъ и народовъ и утѣхою своего семейства. Такимъ образомъ похвала почившему обратится въ живой христіанскїи урокъ для насъ; и урокъ сей, взятый изъ его жизни, будетъ самую лучшую похвалю для него.

Если бы для соплетенія вѣнца общей признательности на гробъ сей предстояла какая-либо нужда заимствовать лавры и оливы со стороны; то, желая почтить память усопшаго, намъ первѣе всего предлежало бы указать на славныхъ заслугами предковъ его, изъ коихъ одинъ, дѣдъ по матери, былъ нѣкогда главнѣйшимъ подвижникомъ героя Италїйскаго, а другой,—его собственный родитель, принадлежалъ къ самымъ незабвеннымъ правителямъ во-

инственныхъ сыновъ Дона. Но при настоящемъ случаѣ, когда намъ нелегко собрать въ одну рукоять и тѣ лавры, кои осѣняютъ гробъ сей, предки почившаго, при всемъ достоинствѣ ихъ, должны быть упомянуты только для показанія, что златая цѣпь заслугъ отечеству въ домѣ Орловыхъ-Денисовыхъ есть уже наслѣдственное достояние, и что знаменитый родъ сей подобенъ тѣмъ пресловутымъ рѣкамъ, кои образуются чрезъ слияніе во едино двухъ великихъ потоковъ.

Поучительнѣе остановиться на лѣтахъ юности почившаго. Судя по отличнымъ способностямъ, развившимся съ такимъ блескомъ предъ лицомъ цѣлаго отечества, судя по великимъ и разнообразнымъ подвигамъ его, обратившимъ на себя внимание всего образованнаго свѣта, кто не подумаетъ невольно, что первыя развиты, а послѣднія предуготованы въ почившемъ какимъ-либо особеннымъ и многолѣтнимъ образованиемъ, что науки и искусства заранѣе сдѣлали съ своей стороны все для украшенія будущаго героя и защитника отечества?—Между тѣмъ—узнайте и подивитесь! Почившии не вынесъ изъ дома отеческаго никакого образования кромѣ того, коимъ тихи Донъ, за полвѣка предъ симъ, снабжалъ сыновъ своихъ, отправляя ихъ на служеніе въ оружіе и правдою Царю православному. Орлову суждено было пройти всѣ отдѣленія великой школы, но не наукъ и искусствъ, а жизни и опыта. Сами видите, отстала ли въ успѣхахъ школа жизни отъ школы науки!—Но что мы должны заключить изъ сего? То ли, что свѣтъ наукъ и пособіе искусствъ не нужны для великихъ дѣйствователей на поприщѣ служенія отечеству? — Но въ такомъ случаѣ мы имѣли бы противъ насъ самый примѣръ почившаго, который всегда былъ искреннимъ любителемъ просвѣщенія, и до конца жизни не преставалъ усвоить себѣ всѣ плоды его. Нѣтъ, заключимъ то, что слѣдуетъ, то есть, что простое, но твердое наставленіе въ дому отеческомъ въ началахъ вѣры и нравственности можетъ обойтись, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, безъ пышнаго снаряда искусственнаго образования, между тѣмъ какъ это образование, со всею роскошью его, не можетъ замѣнить собою правилъ отеческихъ и сдѣлать благопотребными на служеніе отечеству самыя блистательныя дарованія, когда имъ недостаетъ чистоты нравовъ и жизни.

Въ великую школу опыта почившій въ Бозѣ графъ вступилъ въ такихъ лѣтахъ, въ какихъ иные не вступаютъ еще въ училища (ему не было тогда и двухъ полныхъ шестилѣтій); за то онъ тотчасъ нашелъ себѣ наставника и руководителя въ томъ,

у коего съ пользою могли брать уроки самые опытные вожди и начальники. — То былъ незабвенный герой Дона — Платовъ! У такого наставника уроки состояли изъ перенесенія, за вѣру, царя и отечество, всякаго рода опасностей, — изъ непрестаннаго нападенія на враговъ, изъ ежедневныхъ побѣдъ, или уклоненіи отъ пораженія. Юный питомецъ, по гению коего совершенно пришелся этотъ родъ подвиговъ и сраженій, вскорѣ показалъ, что онъ не замедлитъ самъ занять мѣсто начальника и вождя. Открывается война съ галлами за независимость Пруссіи; — и юный витязь спѣшитъ украшать себя первыми лаврами такъ, какъ бы они были уже послѣдніе. Цѣлый рядъ подвиговъ необыкновеннаго мужества немедленно обращаетъ на него самое лестное вниманіе двухъ Монарховъ, изъ коихъ каждый украшаетъ грудь его знакомъ отличія, подобающаго мужеству и самоотверженію. По сему грозному самоотверженію, гордый повелитель галловъ, не смотря на свои тогдашнія удачи, могъ уже предугадывать, что срубятъ его въ ту пору, когда онъ приметъ безумное намѣреніе — вторгнуться въ самое сердце Россіи.

Лютая брань переносится съ запада на сѣверъ: — и гранитныя скалы Финляндіи видятъ въ Орловѣ то же мужество, но видятъ и распорядительность и человѣколюбіе, приличныя вождю, хотя не великаго, но важнаго по своему назначенію отряда. Когда другіе военачальники вмѣстѣ съ ратію идутъ неудержимо впередъ и проносятъ побѣду едва не до столицы непріятельской, Орловъ поддерживаетъ и упрочиваетъ завоеванія, храня сообщеніе побѣдителей съ отечествомъ на огромномъ пространствѣ, пересѣкаемомъ и возмущеніями жителей, и высадкою съ моря вражескихъ полчищъ. Чтобы успѣть вездѣ во время, Орловъ дѣлитъ не только малую дружину свою, но, можно сказать, самого себя. Борго, Гельсингфорсъ, Христианштадтъ видятъ его непрестанно предъ собою, и въ безмолвіи понижаютъ подъ неутомимымъ полетомъ орла русскаго.

Такъ приготовлялся будущи герой и защитникъ отечества! Я говорю приготовлялся; ибо самыя брани предшествующія, не смотря на ихъ лютость и разнообразіе, всѣ были не что иное, какъ кровавое введеніе въ послѣдующую великую брань отечественную, измѣнившую лице земли. — Среди сей-то брани суждено было раскрыться всѣмъ великимъ качествамъ почившаго; въ сию-то священную годину бѣдствія и славы явился онъ не только благопотребнымъ слугою отечества, но однимъ изъ видимыхъ орудій Провидѣнія къ его избавленію! Здѣсь-то потому и

мы должны сосредоточить внимание наше, дабы вполне оцѣнить подвиги почившаго.

Недостало бы цѣлаго дня, почтенные слушатели, если бы мы рѣшились слѣдовать по всѣмъ путямъ героя отъ Нѣмана до Тарутина и обратно; не можемъ однако же не сказать, что первый и послѣдній громъ, грянувшій на врага надменнаго, пущенъ былъ изъ этой руки, которая теперь такъ хладна и недвижна; — что лучшие изъ витязей Наполеоновскихъ начали падать отъ этого меча, который лежитъ теперь такъ празденъ; что летучая рать, предводимая Орловымъ, почти ежедневно наступала на непріятеля въ то время, когда всѣмъ прочимъ ратямъ отечественнымъ, вслѣдствіе, безъ сомнѣнія, мудраго, но печальнаго соображенія, надлежало только уклоняться и отступать. Въ замѣнъ подробностей, остановимся вниманіемъ на важнѣйшихъ эпохахъ сей незабвенной брани. Какія это эпохи? Преимущественно четыре: отступление рати отечественной отъ стѣнъ Смоленска къ Москвѣ, гдѣ пресѣкаемъ былъ ей путь, и предстояла опасность потерять всѣ плоды долговременнаго, стоившаго многихъ жертвъ, отступления отъ границъ имперіи; — битва при Бородинѣ, гдѣ цѣлый западъ сразился наконецъ съ сѣверомъ, и чистая любовь къ отечеству дерзнула стать лицомъ къ лицу съ духомъ галльскаго преобладанія; — побѣда тарутинская, начало побѣдъ нашихъ и постыднаго бѣгства врага; — и наконецъ упорный бой подъ Мало-Ярославцемъ, заслонившій отъ опустошенію южную Россію, и заставившій Наполеона бѣжать по пути, имъ же опустошенному. Во всѣхъ сихъ, самыхъ рѣшительныхъ для отечества встрѣчахъ рати нашей со врагомъ, почивши герой пріемлетъ участие самое рѣшительное.

Въ самомъ дѣлѣ, кто это, прислонившись къ непроходимой равнинѣ и показавъ своимъ воинамъ предварительно ея непроходимость, дабы знали, что надобно побѣдить или умереть, — пріемлетъ подъ Валутиномъ на свою грудь полъ-армію непріятельской, и, удерживая ее цѣлый день, даетъ возможность защитникамъ отечества вступить на путь, для нихъ необходимый и отъ нихъ видимо уходившій? — Орловъ. — Кто это, среди самаго пыла битвы бородинской, когда на лѣвомъ крылѣ нашемъ, громимомъ всѣми молніями врага, начинало не доставать не только оружія и рукъ, самаго воздуха для дыханія, — дѣлаетъ внезапно съ незабвеннымъ Уваровымъ вторженіе въ ряды непріятельскіе, заставляетъ Наполеона ослабить рѣшительный для цѣлаго сраженія напоръ силъ его на лѣвое крыло наше — передвижкою своихъ полчищъ съ одного края на другой, и такимъ образомъ даетъ

время защитникамъ отечества перевести духъ и собраться съ новыми силами? — Орловъ. — Кто это первый получаетъ счастливую мысль напасть внезапно при Тарутинѣ на вѣнчаннаго храбреца неаполитанскаго, первый же приводитъ ее въ счастливое исполненіе и предначинаетъ блистательнымъ своимъ успѣхомъ долги рядъ побѣдъ и славы отечественной — Орловъ. — Кто это всю ночь, предшествовавшую постыдному отступленію враговъ отъ Мало-Ярославца, тревожить ихъ нападеніями и страхомъ, подвергаетъ самаго повелителя ихъ очевидной опасности быть взятымъ въ плѣнъ, и такимъ образомъ отъемлетъ у него послѣдніи духъ и охоту къ новымъ замысламъ? — Орловъ.

Взвѣсьте, почтенные слушатели, важность сихъ четырехъ событій и судите сами, справедливо ли сказано нами, что почившему въ Бозѣ графу Василию дано было не только быть благопотребнымъ слугою отечества, но и видимымъ орудіемъ Провидѣнія въ самыя рѣшительныя минуты для его судьбы и благоденствія. Тѣмъ, кои удостоиваются сего вышняго избранія, не только, по выраженію Апостола (Рим. 8, 28), вся поспѣшествуютъ во благо; но, можно сказать, сама смерть бѣжитъ отъ нихъ, завидя на челѣ ихъ печать сего предъизбранія. Не погрѣшимъ, если съ благоговѣніемъ признаемъ, что на челѣ почившаго была сія таинственная печать. — Иначе какъ изъяснить, что онъ, во все продолженіе войны отечественной, непрестанно находясь или впереди наступающей, или взади отступающей, и слѣдовательно всегда предъ лицомъ врага ужаснаго, ежедневно сражаясь и идя на смерть, не только пребылъ живымъ, но даже и не уязвленнымъ?

Но вотъ орлы русскіе уже за предѣлами Россіи. Брань отечественная кончилась; открылась другая, европейская, или паче всемірная. Какое мѣсто займетъ въ ней юный герой? Къ чему призоветъ его довѣренность Монарха, столь много заслуженная? быть по прежнему вмѣстѣ съ другими стражемъ безопасности для ратей отечественныхъ, окомъ движеніи военныхъ, предвѣстникомъ побѣды надъ врагомъ? Нѣтъ, это мѣсто займутъ другіе. — Теперь нужна новая священная стража; меньшая по числу, но не меньшая по важности и своимъ послѣдствіямъ. Среди ратей отсель будетъ находиться Монархъ всероссійскіи, на главѣ коего сосредоточены надежды не только отечества, но и всѣхъ народовъ, станавшихъ подъ игомъ завоевателя, но который по великому духу своему, столь же мало умѣетъ щадить себя отъ опасности, какъ и послѣдніи воинъ. Охраненіе сего-то священнаго лица, сего-то предводителя царей и народовъ, приметъ на рамена

свои Орловъ. Какъ мало безопасности было въ семь, по видимому не такъ опасномъ служеніи, показываетъ смерть Моро, сраженнаго о страну благословеннаго Монарха. При томъ защитникъ лица царева будетъ обращаться въ защитника славы отечественной всякіи разъ, когда она будетъ подвергаться видимой опасности отъ успѣховъ врага. — Свидѣтели тому Бауценъ, Люценъ, особенно Лейпцигъ. Кто не знаетъ, что среди брани лейпцигской, гдѣ рѣшалась судьба Европы, была роковая минута, въ которую побѣда видимо хотѣла склониться на сторону прежняго любимца своего? — Уже средоточіе ратей нашихъ сбито съ своего мѣста; защитники его разсѣяны; толпы враговъ несутся впередъ: минута ужасная! Но вотъ, по гласу Монарха, летитъ съ малою, но непобѣдимою дружиною Орловъ; — и равновѣсіе восстановлено, нападение отбито, враги въ свою чреду ищутъ спасенія въ бѣгствѣ. — Такимъ образомъ, и въ семь случаѣ, почившіи является видимымъ орудіемъ Провидѣнія, положившаго въ судьбахъ своихъ сломить гордый рогъ новаго Новуходоносора.

Меркнувшая звѣзда Наполеона, какъ извѣстно, вспыхивала еще потомъ не разъ разрушительнымъ блескомъ своимъ; и герой Тарутина не разъ потому еще имѣлъ случай, вмѣстѣ съ другими вождями, гасить зловѣщее пламя ея потоками крови непріятельской, доколѣ, увѣнчанный новыми лаврами, не имѣлъ утѣшенія и чести войти, о страну хранимаго имъ Монарха, въ гордую столицу галловъ. Какъ умѣли цѣнить подвиги его иноплеменники — свидѣтель сей знакъ отличія, возложенный на него при семь случаѣ новымъ законнымъ монархомъ Франціи.

По возвращеніи въ отечество, хранитель лица царева не могъ имѣть лучшей награды за долговременные подвиги свои, какъ оставаться постоянно при семь лицѣ и быть свидѣтелемъ великихъ дѣлъ Александра, будучи готовымъ въ то же время летѣть всюду, куда могла призвать нужда или опасность отечества. — Но время великихъ опасностей уже прошло; брани, подобныя бранямъ двѣнадцатаго года, повторяются не десятилѣтіями, а вѣками, и — мечъ тарутинскіи долженъ былъ оставаться отселѣ въ ножахъ, служа украшеніемъ не только того, кто съ такою славою носилъ его, но, можно сказать, цѣлаго воинства Донскаго,

Увы! суждено было еще разъ обнажиться мечу сему и блеснуть; но уже блескомъ не молніи военной, а факела надгробнаго!... Любимый Монархъ еще разъ потребовалъ для себя охраны не отъ стрѣлъ вражескихъ, а отъ чрезмѣрности любви народной, сопровождающей не въ столицу Франціи, а въ могилу.... Кто могъ лучше

воздать сей послѣдній долгъ, какъ не тотъ, коему лице почившаго Монарха было какъ бы усвоено предшествовавшимъ служениемъ: И Орловъ-Денисовъ, по волѣ великаго Преемника Александрова, становится на стражѣ гроба, къ коему обращены были взоры всего міра. — Градъ нашъ видѣлъ, какъ бодрственно стоялъ онъ на сей священной стражѣ, какъ пламенно молился объ упокоеніи души его въ семъ самомъ храмѣ: — и вотъ стѣны сего же храма видятъ теперь посреди себя его собственный гробъ, и мы совершаемъ молитвы сбъ упокоеніи души его!...

Въ могилѣ Благословеннаго, почившій какъ бы предузрѣлъ конецъ собственного поприща, и вскорѣ сошелъ съ него въ тишину жизни домашней. — Почему сошелъ? по недостатку ли желанія посвятить остальные дни на службу отечеству? Но берега Дуная. куда явился онъ при первомъ заревѣ новой брани съ поклонниками Магомета, свидѣлствуютъ, что почивши всегда готовъ былъ послѣднія капли крови пролить за отечество. — Нѣтъ, отдавъ, долговременными подвигами, долгъ отечеству, герой Тарутина почелъ обязанностію исполнить во всей силѣ и долгъ главы семейства, являя и въ семъ случаѣ похвальный примѣръ — какъ можно соединять военныя доблести съ добродѣтелями мирнаго гражданина.

Открылось новое поприще дѣятельности, новый рядъ движеній и побѣдъ, приобретаемыхъ не храбростію военною, а благородіемъ, великодушіемъ, кротостію и любовію христіанскою. Благоустроенныя веси и села начали свидѣлствовать о мудрой распорядительности; обновленные и вновь воздвигаемые храмы — объ усердіи къ Церкви; разнообразныя пожертвованія въ пользу благотворительныхъ заведеній — о любви къ человѣчеству. — Нашему граду особенно дано было насладиться всею добротою души почившаго. Кто изъ васъ не любовался его видомъ величественнымъ, его умомъ тонкимъ и вмѣстѣ здравымъ, его благородностію ко всему доброму и общепользному? Кого не восхищали его кротость и благопривѣтливость? Посему-то въ послѣдніе дни его, при вѣсти о тяжкомъ недугѣ, не было ни одного изъ слышавшихъ, кто бы отъ сердца не возносилъ мольбы о продолженіи жизни, столь для всѣхъ любезной и благотворной. — Послѣ сего мы не присвоимъ чуждаго, если скажемъ, что знаменитый гробъ сей усвоенъ намъ не смертію, а нашимъ всеобщимъ уваженіемъ и любовію къ почившему.

Но, Боже мой, какая печальная собственность! У подобныхъ-то гробовъ познаемъ особенно, что значитъ теперь челоѣкъ и

какое тяжкое иго лежитъ на всѣхъ сынѣхъ Адамлихъ (Сирах. 40, 1)!... Сами видите, братіе, чѣмъ оканчивается вся слава земная—бреніемъ и могилою!... Какъ же безразсуденъ былъ бы послѣ сего изъ насъ тотъ, кто рѣшился бы всю жизнь гоняться за однѣми почестями и отличіями, или за стяжаніемъ сокровищъ, или за удовольствіями плоти и крови! — Какъ безразсуденъ былъ бы тотъ, кто, обладая отличными способностями и дарами счастья, не поспѣшилъ бы обратить того и другаго на пользу ближнихъ, во славу Творца своего, который украсилъ и возвысилъ его предъ лицомъ собратш своихъ! — Какъ безразсуденъ былъ бы тотъ, кто, предавшись суетамъ земнымъ и почестямъ житейскимъ, не помышлялъ бы о концѣ дней своихъ и не приготавливалъ бы для себя заблаговременно напутія дѣлъ добрыхъ въ ту страну, изъ коей нѣтъ возврата! Какъ безразсуденъ тотъ, кто не дорожилъ бы святою вѣрою, единою неизмѣнною спутницею нашею въ вѣчностъ, и не старался бы усвоить себѣ креста Христова, единаго заступника нашего предъ судомъ правды Божіей! — Какъ, наконецъ, безразсуденъ былъ бы тотъ, кто слезами истиннаго покаянія не спѣшилъ бы омыть своей совѣсти отъ вольныхъ и невольныхъ грѣхопадеш!

Смѣло говоримъ это предъ симъ гробомъ; ибо твердо знаемъ, что возлежащій въ немъ самъ проникнуть былъ сими святыми истинами и руководился ими во всю свою жизнь. Въмѣсто всѣхъ доказательствъ, посмотрите на многочисленный полкъ сихъ юныхъ облагодѣтельствованныхъ имъ, птенцовъ, окружающихъ теперь гробъ сей *)! Можно ли желать лучшей стражи? О, если бы всѣ герои міра вступали во врата вѣчности съ такимъ сопровожденіемъ! Но почивши, при всѣхъ добрыхъ дѣлахъ своихъ, полагаю надежду не на нихъ, а на милосердіе Вышняго, на кровь Агнца Божія, проліянную за грѣхи наши на Голгоѣѣ. Посему во дни покаянія всякъш разъ, на ряду съ послѣднимъ простолюдникомъ, смиренно повергалъ увѣнчанное лаврами чело предъ подножіемъ алтаря, исповѣдуя себя послѣднимъ изъ грѣшниковъ.

Гряди убо съ миромъ, душа кроткая и богобоязненная, туда, гдѣ уготовано полное, некончаемое воздаяніе всѣмъ, кои, подвизаясь здѣсь подвигомъ добрымъ (2 Тим. 4, 7), умѣли до конца соблюсти залогъ вѣры и любви христіанской. Скажи бывшимъ

*) Дѣти изъ харьковскаго дѣтскаго пріюта, которыи самымъ основаніемъ своимъ во многомъ были обязаны великодушнѣйшей щедрости графа.

нѣкогда сподвижникамъ твоимъ во брани священной, что благодарное отечество живо помнитъ кровавыя заслуги ихъ; что святая Церковь не перестаетъ возносить о нихъ молитвы свои, что миръ и слава отечества, искупленные ихъ кровью, не предаются никому и ни за что, а твердо хранятся преемниками ихъ на полѣ бранномъ!

Служители алтаря, предначните надгробное пѣние тому, кто въ своей жизни давалъ вамъ, вмѣстѣ съ другими вождями, столько случаевъ къ возглашенію гимновъ хвалебныхъ за побѣду надъ врагами! Воины и защитники отечества, преклоните еще разъ оружіе въ знакъ уваженія предъ тѣмъ, по гласу коего цѣлыя толпы враговъ не разъ повергали на землю свое всеоружіе! Мирные служители наукъ, взгляните еще разъ со вниманіемъ на сей рядъ почестей и отличій: это листы изъ свитка исторіи незабвенной эпохи отечественной, коихъ не много уже остается на лицо!

Ты же, Боже милосердый и праведный, призри не столько на тѣ лавры, коими вѣнчали чело почившаго героя благодарное отечество и народы чуждые, а паче на тѣ священные терны, кои Твоя собственная десница тайно посылала на главу егò, для предохраненія отъ обаянія славы земной, для утвержденія въ вѣрѣ и терпѣннн христианскомъ! — Призри и восполни отъ безцѣнныхъ заслугъ едиnorodнаго Сына Твоего то, что взыщется и не обрящется въ жизни и дѣйствіяхъ почившаго на вѣсахъ правды Твоей! Ибо кто поживетъ и не согрѣшитъ предъ Тобою? Всѣ мы, кто бы ни были, грѣшники, недостойные войти въ святое и славное царство Твое, и всѣмъ намъ надежда — на одно безпредѣльное милосердіе Твое! Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОГРЕБЕНИИ ГЕНЕРАЛЬ-ФЕЛЬДМАРШАЛА, СВѢТЛѢЙШАГО КНЯЗЯ,

АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА ГОРОДЦОВА *).

 такъ, моимъ слабымъ устамъ суждено обратитъ къ тебѣ, почившій въ Бозѣ князь, послѣднее на землѣ слово и воздать тебѣ послѣдній христіанскій долгъ! — Утѣшаясь столько времени, и личною пріязнью твоею, и множествомъ лавровъ на главѣ твоей, мнѣ же должно теперь быть провозвѣстникомъ и всеобщей скорби о кончинѣ твоей и собрать печальные кипарисы на гробницу твою!... Не трудно окружить ими гробъ маститаго героя и мудраго областеправителя: но какъ тяжело поднять руку, чтобы, по знаменательному уставу св. Церкви, бросить—на прощаніе—горсть праха въ могилу твою!... О, здѣсь-то познаемъ во всей силѣ, въ какую неисходную глубину золь низринуто грѣхомъ все падшее человѣчество, и какъ необходимо было для всѣхъ насъ явленіе на земли и во плоти Того, Кто могъ сказать о Себѣ всѣмъ потомкамъ Адамовымъ: *Азъ есмь воскресеніе и жизнь! Вѣруй въ Мя, аще и умреть, оживетъ* (Іоан. II, 26)!

Мы надѣялись, возлюбленный князь, срѣтись съ особенною радостію приближавшійся день ангела твоего; думали украсить его преимущественно любезными для тебя цвѣтами благотворительности; а ты, какъ бы по тайному мановенію свыше, поспѣшилъ

*) Произнесенное въ одесскомъ кафедральномъ соборѣ, 10 ноября 1856 года.

самъ въ мѣръ ангельскій, для пріятія *новаго* таинственнаго имени (Апок. II, 17), обѣщаннаго отъ небеснаго Мздовоздаятеля тѣмъ, кои добръ подвижались на земли и соблюли вѣру и терпѣніе до конца (Іоанн. II, 26)!...

Не пререкаемъ новому горнему призванію твоему, какъ ни внезапно оно было для насъ, и исполнимъ съ своей стороны все, что можетъ содѣйствовать восходу твоему въ обители Отца небеснаго; но, воздая тебѣ послѣдніи на землѣ долгъ, не можемъ не воспріять и послѣдняго урока изъ жизни и дѣяніи твоихъ: кончина подобныхъ тебѣ мужей не должна преіти безъ особеннаго назиданія для остающихся на землѣ.

Знаемъ, что ты не любилъ похвалъ и не терпѣлъ звучныхъ отзывовъ о подвигахъ твоихъ: не услышишь ихъ и теперь! Скажется одно то, что можетъ служить во славу Божию и въ общее наставленіе каждаго. Въ этомъ, какъ христіанинъ, не можешь ты отказать намъ — изъ самаго гроба твоего!

Составъ земной жизни каждаго человѣка, братіе мои, слагается какъ бы изъ двухъ частей, изъ коихъ первая, нисколько не завися отъ насъ самихъ, потому самому всецѣло принадлежитъ нашему Творцу и Господу. Это, такъ называемые, дары природы и естественныя способности наши, коими всеблагая десница творческая напутствуетъ каждаго человѣка, *грядущаго въ мѣръ* (Іоан. I, 9). Какъ ничѣмъ еще не заслуженные, дары сіи, въ самой наибольшей совокупности своей, не составляютъ сами по себѣ нравственнаго достоинства въ человѣкѣ; могутъ даже, при злоупотребленіи ими, обращаться въ тягчайшую вину для него: но, по намѣренію Промысла Божія, должны служить основаніемъ и условіемъ къ его будущимъ заслугамъ и достоинству. Вторая часть въ составѣ земнаго бытія нашего, находясь также въ тайной зависимости отъ Промысла Божія, отдана, можно сказать, въ собственныя наши руки. Это—самое употребленіе въ дѣло данныхъ намъ при рожденіи силъ и талантовъ, иначе сказать, вся совокупность нашихъ свободныхъ чувствъ, мыслей и дѣйствій. Поелику тутъ мѣсто всей свободѣ и произволу человѣка, то здѣсь же полное мѣсто его заслугъ и нравственному достоинству, его прославленію, или осужденію предъ Богомъ и человѣками.

Обозрѣвая, сообразно сему, окончившееся уже теперь земное поприще почившаго въ Бозѣ князя, мы тотчасъ, братіе мои,

чувствуемъ необходимость обратиться отъ гроба сего къ небу и принести, отъ лица почивающаго въ немъ, глубочайшую благодарность Тому, Кто еще до происхожденія нашего на свѣтъ, единъ, по своей Его волѣ, предопредѣляетъ жребіи челоувѣческіе и раздаетъ разные таланты.

Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ насъ усомнится сказать, что успшіи князь пріялъ отъ небеснаго Домовладыки не одинъ или два, а десять талантовъ? Это стройное сложеніе и крѣпость силъ тѣлесныхъ видимо предуготованы были для обширной и неутомимой дѣятельности и для безвреднаго перенесенія самыхъ тяжелыхъ трудовъ. Этотъ глубокій, свѣтлый и пронизательный умъ самъ собою стремился къ предметамъ возвышеннымъ, ища всюду и во всемъ того, что можетъ служить на пользу общую. Это величіе духа, сила воли и постоянство характера, даже безъ внѣшнихъ побужденій, заключали въ самихъ себѣ рѣшимость на самые великіе и долговременные подвиги, —небоязнь никакихъ препятствій или опасностей. Это глубокое чувство порядка, благоустройства и благолѣпія, очевидно, нигдѣ не могло бытъ покойнымъ дотолѣ, пока не распространитъ порядка, довольства и радости вокругъ себя. Эта доброта сердца, мягкость нрава и тонкій вкусъ заранѣе обѣщали всегдашнюю доступность, привлекательность въ обхожденіи и готовность къ оказанію всякому возможнымъ услугъ, ручаясь взаимно за всеобщее благорасположеніе и приверженность къ почившему.

Присоедините къ сему, —что также есть даръ Божию, —полную независимость по внѣшнему состоянію, высоту, такъ называемаго, положенія въ свѣгѣ, превосходное воспитаніе, возможность съ раннихъ лѣтъ видѣть самые лучшіе образцы во всемъ и постоянно находиться въ кругу людей, коихъ одно обхожденіе есть уже наука; — и вы, взирая на такое счастливое совокупленіе въ одномъ лицѣ и природныхъ даровъ и внѣшнихъ условій къ ихъ развитію, невольно ожидаете отъ будущаго дѣйствителя—человѣка необыкновеннаго.

Таковъ и былъ, почившій о Господѣ, собратъ нашъ! Много пріялъ онъ отъ руки Господней; но немало и воздалъ съ лихвою небесному Раздаятелю талантовъ. Дѣла и труды его такъ велики и разнообразны, что въ лицѣ его работалъ и подвизался, кажется, не одинъ челоувѣкъ, а какъ бы нѣкое собраніе лицъ, —и всѣ онъ преразумны и общепользны, и всѣ достойны уваженія и любви!

Начнемъ съ военнаго поприща, какъ главнаго въ жизни почившаго. Здѣсь, чтобы обнять хотя бѣглымъ взоромъ дѣянія

фельдмаршала, надобно возобновить въ мысляхъ едва не всю исторію текущаго столѣтія. Ибо, при самомъ началѣ его, мы уже видимъ нашего витязя за предѣлами Кавказа,—тамъ, гдѣ голубица всему человѣчеству, въ лицѣ Ноя, принесла нѣкогда оливу мира (Быт. 8, 11), и гдѣ потомъ, какъ бы на переکورъ Провидѣнію и на пагубу человѣчества, основалъ себѣ жилище духъ брани и кровопролитія. Юнѣ еще былъ въ то время будущій герой нашъ—не болѣе двадцати лѣтъ,—но это нисколько не препятствовало его рѣдкимъ способностямъ быть скоро примѣченными, почему, не смотря на юность, онъ не только пользуется вниманіемъ и близости посѣдѣвшихъ въ бояхъ военачальниковъ кавказскихъ, но и употребляется ими въ такихъ дѣлахъ, кои, кромѣ военного мужества, требуютъ особеннаго благоразумія въ обхожденіи съ людьми.

Пріявъ такимъ образомъ первые уроки въ наукѣ брани, послѣ другихъ учителей, можно сказать, отъ самаго Кавказа, витязь нашъ, какъ бы для испытанія въ изученномъ, переносится, по волѣ начальства, на берега Дуная, гдѣ брань, не смотря на ея продолжительность, не имѣя рѣшительнаго характера, не могла имѣть и рѣшительныхъ послѣдствій, но по самому мѣсту своему и другимъ обстоятельствамъ, чрезвычайно способна была къ упражненію и развитію талантовъ военныхъ. Здѣсь Воронцовъ въ непродолжительномъ времени удостоивается водительствовать преимущественно разными частями рати отечественной, и вездѣ, гдѣ ни является въ семъ качествѣ, достигаетъ такихъ успѣховъ, кои скоро и далеко возносятъ его надъ многими изъ сверстниковъ, радуя собою и такихъ вождей, каковы были: Каменскіи и Кутузовъ.—Рядъ военныхъ отличій и постоянное вниманіе власти держащей сами собою слѣдуютъ за рядомъ его разнообразныхъ заслугъ и блистательныхъ успѣховъ.

Не успѣла еще нерѣшительная война на югѣ прекратиться, какъ возгорается самая рѣшительная брань на западѣ имперіи: наступаетъ 1812 годъ! Врагъ,—и какой врагъ!—уже не на предѣлахъ только отечества, а перешедъ ихъ, съ многочисленными полчищами и полною надеждою на успѣхъ, стремится нагло къ сердцу Россіи!... И дунайскіи витязь нашъ, вмѣсто отдыха послѣ продолжительныхъ и тяжкихъ трудовъ, одинъ изъ первыхъ съ береговъ Дуная спѣшитъ къ верховьямъ Днѣпра, дабы стать въ ряды рати отечественной, которая, и въ полномъ составѣ своемъ далеко не равная врагу, а по причинѣ неизбѣжнаго въ то время раздѣленія своего на двѣ половины, еще болѣе ослабленная, должна

потому восполнять малочисленность свою ничѣмъ другимъ, какъ только мужествомъ своихъ воиновъ и искусствомъ военачальниковъ. Герою нашему (мы можемъ уже отсель называть его симъ именемъ) выпадаетъ жребіи — сражаться за отечество подъ знаменами неустрашимаго Багратіона. Какъ на Дунаѣ, сообразно, большею частию, наступательному движению нашему, онъ всегда былъ впереди; такъ теперь, по причинѣ оборонительнаго поюженія, онъ всегда остается назади, отражая и останавливая на каждомъ шагу превосмогающаго числомъ непріятеля. Романовъ, Дашковка, а потомъ стѣны Смоленска съ радостію видятъ въ лицѣ Воронцова, что у насъ, кромѣ маститыхъ военачальниковъ, есть и юные герои, для коихъ не страшень ни геніи Наполеона, ни тѣмочисленность его легионовъ....

Тѣсняемая врагомъ, хотя ни разу не побѣжденная, рать наша находитъ наконецъ для себя мѣсто твердой опоры и благоуспѣшнаго сопротивленія врагу на поляхъ Бородина; тутъ долженъ рѣшиться кровавый споръ Россіи съ народами почти всей остальной Европы, предводимыми исполиномъ брани; тутъ посему лягутъ костями тысячи и тѣмы сыновъ отечества!... Что ожидаетъ здѣсь нашего юнаго героя, о которомъ заранѣе можно сказать, что онъ, по преизбытку любви къ отечеству, будетъ искать или побѣды, или смерти?... Ожидаетъ самое опасное, и потому самое почетное мѣсто въ бою (онъ и здѣсь стоитъ о страну Багратіона!); ожидаетъ честь принять и отразить самые отчаянные натиски врага; ожидаетъ наконецъ давно желанное имъ, ничѣмъ для высокихъ душъ незамѣнимое, отличіе—пролить кровь свою за отечество... Тяжелая язва заставляетъ его оставить поле сраженія; но уже когда видимо стало, что исходъ брани не по желанію врага. Самое свойство язвы таково, что не отъемлетъ надежды, рано или поздно, паки явиться на защиту любезнаго отечества.

Между тѣмъ,—да замѣтятъ сіе въ урокъ себѣ тѣ, кои могутъ находиться въ подобныхъ обстоятельствахъ!—удаленный съ поля брани, стеная отъ язвы въ одномъ изъ близъ лежащихъ владѣній своихъ, герой Бородина, полный любовію къ страждущему отечеству, измышляетъ для себя, и на этотъ промежутокъ времени, нѣкии новый родъ служенія соотчичамъ — тѣмъ, что, пользуясь преимуществами своего состоянія, обращаетъ и домъ и все владѣніе свое въ пріютъ и убѣжище для военныхъ собратьи своихъ, кои, подобно ему, страдали и искали исцѣленія отъ язвъ, но не имѣли такихъ, какъ онъ, средствъ къ восстановле-

ню своего здравія. Нужно ли говорить, что способы сіи доставляются каждому самою заботливою и щедрою рукою?—И, герой—благодетель находитъ для себя, среди недуга своего, неоцѣненное для добрыхъ сердецъ, утѣшеніе—возвратить на служеніе отечеству цѣлые ряды воиновъ-героевъ.

Имѣя въ виду, какое множество предметовъ предлежитъ еще взору нашему, не будемъ, орагіе, утомлять вниманія вашего подробнымъ повѣствованіемъ о томъ, какъ почивши, по возстаніи съ одра своего, спѣшитъ настигнуть пламя войны, которое начало удаляться тогда отъ самыхъ предѣловъ отечества; не будемъ вести васъ за военнымъ поприщемъ его—по всѣмъ извилинамъ той исполинской брани, которая, по возвратѣ изъ Москвы, прошла чрезъ столько царствъ и народовъ, нашла себѣ конецъ не прежде, какъ въ стѣнахъ Парижа. На сей разъ довольно сказать, что не было ни одного великаго дня въ этой великой брани (а сколько было такихъ дней!), гдѣ бы почивши не оказалъ или своего, признаннаго всѣми, военного мужества и знанія или своего, такъ же никѣмъ неоспариваемаго, искусства вести дѣла и не военныя. Не можемъ однакоже не остановить вниманія вашего на томъ, чрезвычайно важномъ и рѣшительномъ дѣлѣ, гдѣ почившему надлежало стать—съ воями своими—лицемъ къ лицу противъ перваго въ свѣтѣ полководца, коего одно имя приводило въ страхъ и неробкихъ, и который чѣмъ ближе становился къ своему паденію, тѣмъ казался способнѣе и отважнѣе къ подавленію всего, ему противустоящаго. Это дѣло—Краонъ! — самый цвѣтушш и неуваждаемый лавръ въ военномъ вѣнцѣ Воронцова!

Чего тутъ не было противу насъ? И военный гени противника, и мужество и число его воевъ, и самое общее и ему и имъ, отчаяніе; ибо подъ ногами ихъ начинала уже разверзаться бездна... Но, ничто не могло помочь тому, кто былъ оставленъ самимъ Богомъ! Превосходный въ силахъ, сражаясь цѣлый день, не щадя никакихъ жертвъ, врагъ не могъ похвалиться ничѣмъ, кромѣ развѣ того, что не былъ обойденъ и уничтоженъ, какъ тому слѣдовало быть, если бы и вожди союзныхъ ратей успѣли выполнить свой долгъ такъ, какъ выполнилъ его Воронцовъ. Въ сей рѣшительный день, онъ, по признанію всѣхъ, былъ честью и красою русской армии. — На поляхъ Краона могъ утвердиться колеблющійся вѣнецъ на главѣ повелителя галловъ; и здѣсь-то именно онъ поколебался до того, что ничѣмъ уже не могъ быть утвержденъ, и долженъ былъ вскорѣ упасть съ сей главы—единожды и навсегда!...

Когда послѣ безразсуднаго покушенія этого, развѣнчаннаго уже повелителя—возвратить себѣ, вопреки собственнаго отреченія, царственныя права надъ Галліею, надлежало оставить тамъ на нѣсколько лѣтъ часть нашей рати, и требовался военачальникъ, могущій, кромѣ военныхъ достоинствъ, представлять собою честь русской армии и не въ военномъ отношеніи: то это почетное званіе, какъ бы само собою, пало на долю героя Краонскаго. Какъ успѣшно исполнилъ онъ сіе, не безтрудное во многихъ отношеніяхъ, порученіе, свидѣтельствуешь и памятникъ признательности, поднесенный ему потомъ его подчиненными, и отзвывы самыхъ галловъ, кои, срътая ведомая имъ войска, какъ непріятныхъ для себя стражей, разставались потомъ съ ними, какъ съ благодѣтелями и друзьями.

Сей-то, безъ сомнѣнія, военно-гражданскій подвигъ былъ главною причиною, что почившій князь съ поприща брани изведенъ вскорѣ державною волею на новое поприще — областеначальства, не отлагая впрочемъ и меча военачальческаго. — Отселѣ, по тому самому, еще труднѣе будетъ слѣдовать намъ за дѣянiami его—на двухъ поприщахъ вмѣстѣ, но будемъ слѣдовать: ибо сопровождаемъ его теперь, увы, въ послѣдній уже разъ на землѣ!

Изъ здѣ стоящихъ многіе, безъ сомнѣнія, помнятъ еще то время, когда на графа Воронцова возложено было главное управленіе нашимъ краемъ. Усомнитса ли кто изъ таковыхъ засвидѣтельствовать, что съ этого времени началась какъ бы нѣкая новая пора для всей страны нашей, и особенно для здѣшняго града?—Для общаго блага ихъ недостаточно было, какъ въ другихъ мѣстахъ, одного благоразумнаго управленія краемъ, одного на правленія готовыхъ уже силъ и средствъ къ извѣстной цѣли. Нѣтъ, здѣсь для успѣха, кромѣ ума и усердія, требовалась въ правителѣ особенная высота души и сердца, требовалось нѣкотораго рода — творчество. И въ новомъ областеначальникѣ явился тогда какъ бы нѣкій духъ зиждательный, отъ коего всей Новой-Россіи суждено пріять полную жизнь и опредѣленный образъ бытія гражданскаго, сообразный ея внутреннему составу и внѣшнему положенію. И много ли времени потребовало для себя это гражданское творчество? Конечно не шесть дней, какъ твореніе міра, но и не многихъ десятилѣтій, какъ въ другихъ странахъ. Въ продолженіе не болѣе двадцатипятилѣтняго управленія почившимъ страню нашу, преспѣваніе оной по всѣмъ частямъ возрасло до того, что могло послужить недавно, какъ вѣдаете, для руки дер-

жавной неоскуднымъ матеріаломъ къ составленію четырехъ прекрасныхъ картинъ нашего края.

Желаете ли знать причину и, такъ сказать, тайну сихъ успѣховъ? Она была весьма проста и естественна, и потому то, безъ сомнѣнія, такъ дѣйствительна и плодоносна. Первѣе всего, просвѣщеннымъ вниманіемъ начальническимъ, какъ бы нѣкимъ дыханіемъ живительнымъ, пробуждается по всему, пустынному еще, краю духъ жизни и самосознанія, духъ движенія и полезной предприимчивости: каждому изъ пробуждающихся членовъ общества указуются недостававшіе для общежитія и сродные краю предметы занятіи и промышленности; разумнымъ начинателямъ оказывается благовременная помощь и всегдашнее поощреніе: чего не достаетъ дома, то заемлется немедленно изъ чуждыхъ странъ.

Къ той же великой цѣли — образованія Новой-Россіи направляются всѣ дѣйствія высшаго управленія. Здѣсь, братіе мои, мы не кончили бы до утрія, если бы захотѣли подробно излагать всѣ дѣйствія почившаго областенправителя на пользу нашего края; но, поелику они гораздо извѣстнѣе вамъ, кои были ихъ личными свидѣтелями, нежели намъ, кои слышали о нихъ токмо издали; то со всею удобностію можно ограничиться указаніемъ только на самое главное.

Что важнѣе для насъ водъ нашихъ, коими могли бы мы снабдить цѣлую Россію? Но, по недостатку собственныхъ водныхъ сообщеній, моря наши оставались для насъ малоупотребительными и служили не столько къ сближенію, сколько къ разъединенію всѣхъ частей края:—и вотъ, рукою почившаго раскидывается по всѣмъ водамъ нашимъ обширная сѣть искусственныхъ сообщеній, постоянныхъ, скорыхъ и благонадежныхъ, раскидывается въ то время, когда въ другихъ мѣстахъ еще сомнѣваются и спорятъ о пользѣ подобныхъ предпріятій. А чтобы не было недостатка въ домашнихъ водителяхъ плаванія, то, кромѣ школы мореходства, цѣлыя селенія, посредствомъ искусно придуманныхъ побужденіи, привлекаются къ постоянному дѣйствованію и, такъ сказать, житью на морѣ.

Горы и доли южной Тавриды, при самой удобной почвѣ къ изращенію всѣхъ прозябеній благодатнаго юга, по удаленности отъ прочихъ населенныхъ частей имперіи, продолжаютъ оставаться въ ихъ первоначальномъ дикомъ видѣ: приходитъ почивши областеначальникъ, плѣняется ихъ пустынною красотою, провидитъ, что можно извлечь на пользу общую изъ такой бо-

гатов природы, и немедленно самъ становится, можно сказать, первымъ дѣлательемъ въ этомъ будущемъ вертоградѣ всероссійскомъ. Примѣръ его увлекаетъ за собою другихъ любителей природы и общественной промышленности, съ коими онъ дѣлится всѣми своими средствами;—и въ небольшое число лѣтъ прежняя пустыня начинаетъ цвѣсти, яко кринь, и тѣ, кои прежде, вдали отъ предѣловъ отечества должны были искать цѣльбоносныхъ волнъ морскихъ, южной теплоты и прекрасной природы, получаютъ удобность находить все это, такъ сказать, у себя самихъ—дома!

По обширнымъ брегамъ моря Меотійскаго надлежало стоять всюду и непрестанно на стражѣ противу ужаснаго врага—заразы восточной: является съ своимъ орлинымъ взглядомъ почившии областеначальникъ, и тотчасъ усматриваетъ возможность устранить эту опасность единожды и навсегда. Какими нибудь особенными многосложными средствами? Нѣтъ, чрезъ одно простое закрытіе устьевъ сего моря на краткій срокъ для каждаго изъ приходящихъ плователей иноземныхъ. Вслѣдствіе сего, онъ достигаетъ своего мѣста нѣсколькими днями позже, но за то всюду является чистымъ отъ всякаго подозрѣнія въ опасности, и появленіемъ своимъ уже не производитъ ничего, кромѣ удовольствія и радости. А между тѣмъ на пустынныхъ берегахъ того же моря какъ бы изъ земли выходитъ новый городъ съ пристанью, который, оживляемый особеннымъ вниманіемъ и любовью своего основателя, вскорѣ оживляетъ собою всю, дотолѣ мертвую, окрестность, привлекая плователей изъ всѣхъ частей свѣта.

Съ поверхности лица земли нашей, почившии идетъ въ глубь, и, не смущаясь нисколько названіемъ пустынь скиѣскихъ, допрашиваетъ самую природу водъ и степей нашихъ; и что же? Воды, даже въ самомъ презрѣнномъ ихъ видѣ, оказываются способными къ исцѣленію такихъ недуговъ, съ коими напрасно боролось искусство врачебное; земля открываетъ въ нѣдрахъ своихъ множество такихъ веществъ, которыя, при всей невзрачности своей, превосходятъ самыя дорогія ископаемыя тѣмъ, что могутъ служить къ обезпеченію цѣлыхъ поколѣній въ самыхъ первыхъ потребностяхъ жизни.

Для многихъ новыхъ предпріятіи, особенно по разнымъ частямъ хозяйства, не достаетъ туземныхъ дѣлателей: почившии не медлитъ призвать ихъ отвсюду, употребляя для сего даже собственные средства; и въ числѣ призванныхъ на время многіе, будучи обласканы, успокоены и привязаны къ новой странѣ са-

мыми успѣхами своими, остаются у насъ навсегда, усвояя новому отечеству и свои знанія, и свой примѣръ, и свое достояніе.

Одесса, какъ средоточіе дѣятельности правительственной, какъ мѣстопробываніе областеправителя,—хотя онъ, можно сказать, былъ всегда и вездѣ, гдѣ нужно, — служить предметомъ особенныхъ его попеченій, и, мѣлая какъ дитя, растетъ видимо предъ всѣми другими градами — не нашего только края, распространяется и благоукрашается такъ, что въ продолженіе его управления успѣваетъ принять видъ южной столицы Россіи, куда со всѣхъ краевъ стекаются—одни для возстановленія своего здоровья, другіе—для воспитанія дѣтей, иные — по надеждѣ скораго прибытка, многие — для пріятнаго препровожденія времени.

Была среди мирныхъ занятій и эпоха шума военнаго, когда давнѣе сосѣдъ и недругъ нашъ принудилъ насъ, въ наказаніе его неправдѣ, прейти Дунай, а потомъ—Балканы. Почившій вполнѣ показалъ при семъ случаѣ, что мечъ военачальника нисколько не потерялъ въ рукахъ его остроты своей, находясь въ ножнахъ со временъ Краона. Упорная Варна растворяетъ врата свои и падаетъ не иначе, какъ предъ военною хоругвью Воронцова. Побѣдоносная рать наша, во дни оскудѣнія жизненныхъ потребностей, ни изъ чьихъ рукъ не получаетъ столько пособіи, какъ изъ рукъ правителя новороссійскаго края.

Долговременный миръ, наступившій за сею упорною бранію, открылъ еще большее поприще для гражданской дѣятельности почившаго; и она была такъ разнообразна и благотворна, что имя его, можно сказать, слилось съ именемъ управляемой имъ области, такъ что кто говорилъ о Новороссіи, тотъ невольно вспоминалъ о Воронцовѣ, и при имени Воронцова, представлялся весь Новороссійскій край. — Каково же было для обоихъ, когда услышалось, что знаменитый оластенаачальникъ внезапно *творится далечайше идти* (Лук. 24, 28)! Тогда и старые и юные, — въ семъ градѣ особенно,—готовы были возопять къ нему гласомъ учениковъ эммаусскихъ: *облязи съ нами, яко къ вечеру есть, и преклонилъ есть день* (Лук. 24, 29)!

Да, братіе мои, день жизни почившаго въ Бозѣ князя видимо уже и тогда началъ преклоняться къ своему западу; но не преклонялась, нисколько не ослабѣвала его любовь къ отечеству, его преданность Монарху, его усердіе къ исполненію воли царевой и для блага отечества,—онъ всегда готовъ былъ на то, чтобы *сѣнь степеней, или же снуде солнце* (Исаіи 38, 8) его жизни, возвратилась вспять, — какъ это было нѣкогда во увѣреніе Езе-

кии, — дабы снова понести всю тяготу и весь зной труда цѣлодневнаго.

Неукротимый Кавказъ потребовалъ новаго противъ себя военачальника: Монархъ требуетъ отъ правителя Новороссіи новой жертвы—принять на рамена свои этотъ великіи подвигъ;—и Воронцовъ, забывъ преклонность своихъ лѣтъ, оставивъ столь любимое и блистательно проходимое имъ столько времени поприще, идетъ, куда призываетъ его гласъ Монарха, идетъ, облеченный новымъ высокимъ званіемъ намѣстника царскаго, и сопутствуемый благожеланіями и надеждами цѣлой Россіи.

Какъ должно было забиться сердце семидесятилѣтняго воина, когда взору его открылись опять тѣ горы и дебри, среди коихъ за полвѣка назадъ, началъ онъ изучать страшную, но необходимую, науку брани! Здѣсь онъ долженъ былъ, такъ сказать, дать отчетъ въ урокахъ предъ первоначальнымъ учителемъ своимъ—Кавказомъ; и далъ оный такъ, что сѣдовласый учитель не могъ не остаться доволенъ своимъ такъ же убѣленнымъ отъ времени ученикомъ!.. Въ самомъ дѣлѣ, надъ почившимъ въ это время какъ будто повторилось въ исполненіи оное вдохновительное обѣтованіе Пророка: *обновится, яко орля, юность твоя* (Псал. 102, 5)!

Послѣ необходимыхъ предварительныхъ обзрѣній, немедленно приняты всѣ мѣры, чтобы врагу продерзкому и надменному не дать ступить ни шага далѣе. А дабы надолго отнять у него духъ и надежды, вскорѣ проникнуто — съ оружіемъ въ рукахъ—до самыхъ послѣднихъ его убѣжищъ, то есть, до самыхъ неприступныхъ ущелии и вертеповъ. Свидѣтель тому, кромѣ другихъ неприступныхъ мѣстъ, Дарго. Вы знаете, какъ громко раздалось паденіе его и по всему Кавказу, и по всей Россіи; — громко и по причинѣ пораженія врага, считавшаго себя недосязаемымъ, и по той крайней опасности, коей, наряду съ послѣднимъ воиномъ, подвергалъ себя въ сію брань самъ военачальникъ.

Поелику, кромѣ горъ, потоковъ и непроходимыхъ лѣсовъ, врагу всего болѣе благопріятствовала развлеченность нашихъ силъ и неудобность соединять ихъ скоро въ одномъ мѣстѣ—по крайней трудности сообщеніи: то, въ отвращеніе сего неудобства, непроходимые лѣса исчезаютъ, гребни горъ понижаются, глубокія дебри наполняются, ярость потоковъ обуздается прочными переправами;—и врагъ самъ начинаетъ подвергаться той внезапности, которою непрестанно угрожалъ намъ: гдѣ была отверста

дверь для татя, тамъ находить онъ твердыни, его поражающія. Такимъ образомъ въ немногіе годы образуется цѣлая новая система дѣйстви военныхъ, состоящая въ томъ, чтобы держать врага въ замкнутомъ кругу, который, постоянно дѣлаясь уже, долженъ наконецъ сомкнуться надъ главою его, и такимъ образомъ отнять у него возможность не только къ нападенію на насъ, но и къ самому существованію.

Столь упорная брань и непрерывные подвиги военные не препятствуютъ между тѣмъ для почившаго къ разнообразнымъ трудамъ на поприщѣ управления гражданскаго. И за Кавказомъ, какъ у насъ, города и села возникаютъ вновь, или принимаютъ лучший видъ; всѣмъ частямъ края дается новое очертаніе и разумный обликъ; взаимныя отношенія племенъ и сословіи выводятся изъ неблаготворной темноты и вредной неопредѣленности; расширяются и углаждаются пути для торговли и промышленности; отнимаются преграды къ развитію народнаго духа и богатства, съ указаніемъ для сего мѣстныхъ источниковъ; полагается прочное начало къ усвоенію самой землѣ новыхъ, полезныхъ произрастеніи, и къ извлеченію изъ нѣдръ ея разныхъ сокровищъ, въ ней безплодно лежавшихъ.

Кромѣ вещественнаго усовершенствованія всего края, дается благотворное движеніе уму и способностямъ: тамъ, гдѣ не знали почти другаго свѣта, кромѣ солнечнаго, начинается разливатьсѣ—и не изъ одного средоточія — свѣтъ наукъ, озаряя собою, какъ солнце, не одинъ какой либо классъ жителей, а всѣ сословія; тамъ, гдѣ почти не слышно было ничего, кромѣ печальныхъ извѣстій о завалахъ Казбека и Ельборуса, о набѣгахъ лезгинъ и чеченцевъ, начинаютъ быть слышимы, даже на туземномъ языкѣ, постоянныя вѣсти о событіяхъ домашнихъ и всемірныхъ, о всякаго рода полезныхъ изобрѣтеніяхъ. Кавказская природа, съ ея отличительными свойствами, подвергнута во всѣхъ видахъ постоянному наблюденію; нравы и характеръ жителей, мѣста, по чему либо особенно примѣчательныя, описываются; древнія преданія и событія извлекаются изъ забвенія; туземная святыня возстановляется; родные краю языки и нарѣчія оживаютъ новою жизнью. Нѣтъ болѣе средостѣнія между обитателями по ту и по сю сторону Кавказа; — и благодарные сыны Иверіи, видя столько знаковъ отеческой заботливости о судьбѣ ихъ, спѣшатъ отъ сердца соединиться съ коренными чадами великаго отечества въ единомъ и томъ же духѣ любви и преданности къ Монархамъ.

Отъ столь прилежнаго и обильнаго сѣянiя, рукою искусною, въ странѣ, могучей и природою и духомъ, какой нельзя было ожидать богатой жатвы? Послѣ такихъ трудовъ — не кратковременныхъ, неутомимыхъ, разнообразныхъ, какъ отрадно было бы главному дѣлателью взглянуть самому на рукояти плодовъ, имъ возвращенныхъ? Но, не напрасно произнесено нѣкогда Спасителемъ оное таинственное слово: *иъ есть сѣй, и иъ есть жнйи* (Иоан. 4, 37)!

Въ то время, какъ все привязывало почившаго военачальника къ его Кавказу, и оконченные труды, и неоконченныя предпрiятiя, въ особенности новая, видимо приближавшаяся, небывавая по лютости своей, буря брани, которую, если кто могъ срѣтнуть съ надеждою на успѣхъ, то онъ: въ это самое время жестокии недугъ отъемлетъ у него тѣлесныя силы до того, что принуждаетъ оставить поприще не только военачальника, но и областеправителя, удалиться даже навсегда изъ предѣловъ Кавказа, дабы искать исцѣленiя за предѣлами отечества.

Можете судить, что долженъ былъ чувствовать и какъ сокрушаться духомъ болящiй герой, во все продолжение этой ужасной по многимъ отношенiямъ брани! — Въ самомъ дѣлѣ, вообразите: мирныя оратаи по всѣмъ краямъ отечества, оставляя поля и плуги свои, спѣшатъ въ ряды рати отечественной; а онъ, герой 1812 года, одинъ изъ побѣдителей Парижа, онъ — правитель тѣхъ самыхъ областей, гдѣ во всей силѣ разгарался пламень войны, — онъ въ это самое время долженъ былъ возлежать на одрѣ недуга, и только молитвою и совѣтами участвовать въ подвигахъ своихъ собратiи по оружию! — Такое положенiе было тяжело для героя самой смерти; и оно-то, безъ сомнѣнiя, истощило до основанiя елей жизни въ томъ свѣтильникѣ, который среди бурь всегда разгарался тѣмъ ярче и свѣтлѣе...

Какъ бы въ нѣкое услажденiе этой предсмертной горести, почившему дано было вкусить и нѣсколько капель предсмертнаго утѣшенiя. Таковымъ было постоянное и вполне живое и дружелюбное участiе въ его тяжкомъ положенiи всего Дома царственнаго; таковымъ было его собственное потомъ душевное участiе въ торжествѣ царственномъ среди первопрестольной столицы; таковымъ было новое, самое высшее, званiе на поприщѣ воинскомъ, коимъ украшены при семъ случаѣ его заслуги; и усомнимся ли присоединить? — таковымъ, конечно, было самое возвращенiе его, хотя безъ тѣлесной крѣпости, но со всѣми си-

лами памяти, ума и души, въ нашъ городъ. Ибо, правительственной мудрости, военнымъ подвигамъ и прекраснымъ качествамъ души почившаго удивлялись вездѣ; но искренняя любовь и родственная привязанность къ нему преимущественно жили и навсегда останутся—въ Одессѣ.

Не простремъ далѣе нашего слова, хотя многое можно бы еще сказать намъ, напримѣръ о той любви къ истинѣ и правдѣ, по коей онъ всегда готовъ былъ, по выраженію св. Давида, свидѣтельствовать о нихъ *предъ цари* и не смущаться (Псал. 113, 4б); о томъ величїи души, для коего такъ легко было забывать всѣ, нанесенныя ему кѣмъ либо непрїятности, и такъ трудно не памятовать о самыхъ неважныхъ услугахъ и одолженїяхъ; о томъ безпристрастїи и радушіи, для коихъ все доброе и общепользное равно было отрадно и достопочтенно, кѣмъ бы и гдѣ бы ни было сдѣлано; о той доступности и долготерпѣнїи, съ коими принимаемъ и выслушиваемъ былъ каждый, ищущій правосудїя или милости; о томъ благородствѣ души и благотворительности, по коимъ почившїй не щадилъ собственнаго достоянїя, когда нужно было поощрить какое либо благое предпрїятїе, или оказать помощь истинно-нуждающемуся.

Обозрѣвъ такимъ образомъ, хотя кратко, все земное поприще почившаго въ Бозѣ князя, не должны ли мы, братїе мои, и въ заключенїе нашего слова сдѣлать тоже самое, что сдѣлали въ началѣ его, то есть, обратиться къ Господу Владыкѣ жизни и судьбъ нашихъ съ чувствомъ живѣйшей благодарности уже не только за дарованїе почившему, при самомъ рожденїи, такихъ многихъ и прекрасныхъ талантовъ, но и за то, что, безъ сомнѣнїя, при помощи Его же всемогущей благодати, сіи таланты не остались погребенными въ землѣ, а явились во всей силѣ и блескѣ, бывъ употреблены такъ благоуспѣшно на пользу общую?

Да, братїе мои, не одинъ св. Павелъ, но и всякій, кто удостоился подвизаться добрымъ подвигомъ на земли, долженъ при концѣ своего подвига сказать изъ глубины души: *благодатю Божїею есть, еже есть* (1 Кор. 11, 10).

Но, что слышится мнѣ?... Изъ гроба исходитъ какъ бы нѣкіи тайный гласъ и вѣщаетъ ко мнѣ: «служитель Бога истины, зачѣмъ, увлеченный прїязнїю ко мнѣ, забылъ ты при гробѣ моемъ о немощи естества человѣческаго, и не сказалъ ни слова о душевной нечистотѣ моей предъ Богомъ, о моихъ вольныхъ и невольныхъ грѣхопаденїяхъ? Мнѣ ли, проведшему большую часть

жизни среди бурь военныхъ, хвалиться точнымъ исполненемъ высокихъ правилъ Евангелія и любви христіанской? Мнѣ ли, обращавшемуся непрестанно среди вихря человѣческихъ страстей и праха житейскихъ попеченій, сохранить яснымъ зеркало совѣсти и чистоту очей сердечныхъ?

«Итакъ, по самой любви твоей ко мнѣ, не усомнись возвѣстить въ слухъ всѣхъ, окружающихъ теперь гробъ мой, что я не былъ въ дому Божіемъ тѣмъ, всегда вѣрнымъ дѣлательмъ и приставникомъ, коему, по окончаніи земнаго странствія и труда, остается только—*внѣсти въ радость Господа своего* (Мат. 25, 21). Нѣтъ! моя надежда предъ судомъ Божиимъ не въ громкихъ дѣяніяхъ и блистательныхъ подвигахъ, а въ чистосердечномъ признаніи моихъ грѣховъ и въ живой вѣрѣ въ силу искупительной крови Агнца Божія, закланнаго за грѣхи всего міра».

Слышимъ, слышимъ, возлюбленная душа, гласъ смиренія твоего—и, оставивъ всякое витѣство, обратимся отнынѣ всецѣло къ молитвамъ о упокоеніи тебя въ обителяхъ Отца небеснаго, ради единыхъ крестныхъ заслугъ Сына Его.

Служители алтаря! назначните исходныя пѣсни, коими св. Церковь сопровождаетъ въ вѣчность и самаго послѣдняго изъ чадъ своихъ, предоставляя всѣхъ и каждого изъ нихъ единому милосердію Божію.

Сподвижники отходящаго съ браннаго поля земной жизни героя-христіанина! взгляните еще разъ на это разнообразіе, и отечественныхъ и чужеземныхъ, отличій, окружающихъ въ такомъ множествѣ гробъ сей, и уразумѣйте изъ сего, что вся слава земная остается на землѣ, а въ вѣчность идутъ за человѣкомъ одни дѣла его, по коимъ онъ или осудится, или будетъ помилованъ Судіею живыхъ и мертвыхъ.

Жители Одессы, толико любимые почившимъ и столько его любящіе! сопроводите послѣднее отшествіе его отъ насъ не однимъ гласомъ благохваленій и скорби о лишеніи благодѣтеля, а и сердечнымъ молитвеннымъ воздыханіемъ о немъ къ Отцу духовъ и всякія плоти, да возрастъ ему за васъ по преизбытку милосердія и щедротъ своихъ.

А ты, храмъ Господень, видѣвшій надъ собою столько знаковъ его христіански-сыновняго попеченія о тебѣ, окажи теперь и ему послѣднюю услугу, пріявъ на хранение внутрь стѣнъ твоихъ ветхую и опустѣвшую земную храмину, въ коей виталъ бессмертный духъ его, и блюди ее дотолѣ, пока настанетъ день

всеобщаго обновленія, когда сѣемое нынѣ въ тлѣніе возстанетъ въ нетлѣніе, сѣемое не въ честь, возстанетъ въ славу, и изъ посяяннаго теперь тѣла душевнаго возстанетъ тѣло духовное, неразрушимое, безболѣзненное, свѣтоносное (1 Кор. 15, 43—44)!—
Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОГРЕБЕНИИ ПОЧИВШАГО ВЪ БОЗѢ, ГЛАВНАГО КОМАНДИРА ЧЕРНОМОРСКАГО ФЛОТА И ПОРТОВЪ, ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТА, АДМИРАЛА И РАЗНЫХЪ ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ОРДЕНОВЪ КАВАЛЕРА,

ДВУХЪ ПУТРОКЪ ЧА ДЪЗАРОВА І *)

 такъ, плавание вокругъ всего свѣта—кончилось!—Парусъ, боровшійся со всѣми вѣтрами и на всѣхъ концахъ земнаго шара,—опущенъ и свить навсегда!—Якорь, мертвый якорь,—брошенъ!—Корабль въ неисходной уже пристани!

Поднимайтесь теперь, откуда угодно, вѣтры и волны: все-свѣтнѣйшій пловецъ нашъ не выйдетъ уже на борьбу съ вами! Скопляйтесь и неситесь бури и тучи: вы не увидите у кормила прежняго неустрашимого кормчаго! Блестайте молнии и гремите грома: прилегши къ сердцу земли слухъ его не услышитъ васъ и для пробужденія своего будетъ ожидать одной трубы Архангела!...

Имѣя въ виду недавно еще такъ крѣпкій составъ корабля, припоминая особенную способность его къ плаванію, невольно думаешь: зачѣмъ бы такъ рано до заката солнца остановиться навсегда въ пристани? Почему бы не развить еще паруса и не идти далѣе? Не показать новыхъ опытовъ неустрашимости и искусства?—Сего именно желали Монархъ и отечество; сего надѣялись всѣ подчиненные и соучастники трудовъ; для сего истощало всѣ средства искусство врачебное; о семъ со всеусердіемъ молились

*) Печатано съ рукописи.

присные и друзья:—и все осталось безъ дѣйствія! Ангелъ жизни и смерти пришелъ съ повелѣніемъ Всевышняго, — и бессмертный духъ возвратился къ Богу, *иже даде его*, оставивъ намъ одну брнную плоть, готовую обратиться въ землю, отъ нея же взята есть.

Дерзнемъ ли пререкать волю небснаго Самодержца? — Говорить, или думать, что такой общепольной жизни надлежало продолжиться еще?... Но кто мы, чтобы проникать въ тайну судьбы жизни человѣческой, которая рукою самаго Создателя запечатлѣна седмю печатями? Если бы существование наше ограничивалось одною землею, то мы имѣли бы нѣкоторое право искать и требовать ея полноты и, такъ сказать, округлости: но коль скоро земное поприще есть только первая ступень въ лѣтвищѣ бытія человѣческаго; коль скоро бессмертному духу нашему предлежитъ вѣчное восхождение на высоту и нескончаемое приближеніе къ безконечному совершенству: то предъ сею мыслию должны сами собою умолкнуть всѣ наши земные помыслы, желанія и расчеты времени. Взирая съ сей стороны на, такъ называемое, преждевременное скончаніе земнаго жительства собратіи нашихъ по плоти, мы должны не сѣтовать и сокрушаться, а скорѣе—утѣшаться духомъ, если они не слишкомъ медлятъ на землѣ и, не смотря на всѣ, привязывавшія ихъ къ намъ, узы, неудержимо стремятся отъ насъ объ онъ-поль-бытія, показуя тѣмъ каждому, что существенное назначеніе наше не здѣсь, а тамъ—горѣ, что для всѣхъ намъ потому *едино есть на потребу*, а все прочее, какъ ни важно въ земномъ отношеніи, не много значить для неба и вѣчности...

Итакъ, вмѣсто безплоднаго сѣтованія и недоумѣній у сего гроба, воодушевимся вѣрою и упованіемъ и возвысимся мыслию во слѣдъ за почившимъ въ Бозѣ витяземъ, и первѣе всего возблагодаримъ Господа за то, что, не смотря на краткость бытія земнаго, ему дано было совершить такъ много во славу Божию, въ честь Престола и на пользу отечества, а затѣмъ изъ примѣра его возьмемъ урокъ для юныхъ слугъ отечества, какъ силою воли и постоянствомъ препобѣждать трудности, какъ смиреніемъ достигать высокаго и, достигнувъ высоты, не прельщаться нисколько своими совершенствами, а продолжать быть всѣмъ вся.

Жизнь почившаго начальника, очевидно, не была изъ жизней обыкновенныхъ, и таковою была бы признана она не у насъ только, но и вездѣ. Ибо, не касаясь еще всего прочаго, много ли изъ самыхъ странствователей по морямъ такихъ людей, о коихъ можно

сказать, что онъ троекратно былъ на послѣднихъ предѣлахъ земнаго шара?—Что же вывело такъ далеко жизнь почившаго изъ ряда жизней обыкновенныхъ? Случайное какое либо стечение обстоятельствъ?—Не будемъ отрицать, что въ жизни людей самыхъ необыкновенныхъ по ихъ способностямъ встрѣчается нерѣдко, такъ называемое, счастливое стечение обстоятельствъ, быстро возносящее ихъ иногда на высоту звани и чести, которую онѣ впрочемъ вполне оправдываютъ и заслуживаютъ своими слѣдующими дѣяніями. Но въ отношеніи къ почившему можно рѣшительно сказать, что не было ничего подобнаго. Если предъ нимъ открылось такое поприще, на коемъ онъ успѣлъ оказать столько важныхъ услугъ отечеству и слѣлать имя свое извѣстнымъ всему свѣту; то это, при благословеніи свыше, было дѣйствіемъ не случая и произвола людей, а послѣдствіемъ неутомимаго стремленія въ немъ отъ раннихъ лѣтъ къ одной и той же цѣли, — неуклоннаго слѣдованія правиламъ, однажды и навсегда принятымъ, — плодомъ вѣрнаго и неусыпнаго исполненія своего долга, безъ всякаго употребленія другихъ средствъ, кромѣ данныхъ отъ Бога способностей.

Для убѣжденія себя въ сей истинѣ, перенесемъ мыслію за полвѣка назадъ, и войдемъ въ это, весьма необширное еще тогда, училище морскихъ наукъ. Видите ли этого юношу-сироту, который, за неимѣніемъ родителей, введенъ въ школу рукою знаменитаго пѣвца Бога и безсмертія, и тотчасъ глубоко восчувствовалъ, что ему, введенному такимъ образомъ, уже не прилично оставаться назади другихъ, но идти впередъ и не дойти далеко?—Онъ весьма живаго характера: въ кругу товарищей нерѣдко служить изобрѣтателемъ забавъ; но когда слышитъ полезное изъ устъ наставника, то весь—слухъ; когда читаетъ разумную книгу или рѣшаетъ задачу, то весь — внимание; когда даетъ отчетъ въ познаніяхъ, то весь — сужденіе и слово. Это—будущій адмиралъ Лазаревъ!

Изъ школы перейдемъ на этотъ пловучій островокъ, называемый кораблемъ, гдѣ нашъ витязь началъ первое служеніе Царю и отечеству. Замѣчаете ли этого полуофицера морскаго, который, попрежнему, въ часъ досуга продолжаетъ отличать живостию характера и какъ бы наклоностью къ разсѣянню, а въ часъ долга и службы показываетъ неусыпность и прилежаніе давняго моряка; вслѣдствіе перваго терпитъ иногда даже наказаніе, вслѣдствіе послѣдняго пользуется вниманіемъ начальниковъ и дружескимъ уваженіемъ сослуживцевъ, приобретаая такимъ образомъ

самыми ошибками своими опытность, столь нужную для военачальника?—Это—будущій начальникъ морскаго флота—Лазаревъ!

При такомъ настроеніи къ полету орлиному, ничего не могло быть желаннѣе увидѣть предъ собою обширнѣйшее поприще для дѣйствій, на коемъ можно бы расправитъ съ большею свободою юныя крылья, подняться на высоту, встрѣтиться съ вѣтрами и бурями, если не вдругъ воспаритъ къ солнцу, то посмотрѣть, какъ парятъ другіе;—и это поприще внезапно открывается предъ почившимъ въ Бозѣ витяземъ: власть предержавшая препосылаетъ его вмѣстѣ съ другими сверстниками на флотъ той державы, которая, волею или неволею, но издавна сдѣлалась владычицею морей и учительницею мореходцевъ.

Обстоятельство весьма благопріятное! Юный мореходецъ, странствуя по всѣмъ морямъ подъ флагомъ чуждымъ, но съ душою и очами русскими, увидѣлъ и всѣ пріятности, и всѣ трудности своего званія; узналъ всѣ средства успѣховъ и всѣ причины неудачъ и, что еще важнѣе, отъ самаго разнообразія странствованія одушевился единожды и навсегда тѣмъ морскимъ духомъ, который необходимъ для моряка истиннаго. Обстоятельство посему благопріятное; но чтобы оно вполне было таковымъ, для сего надлежало многое привнести и отъ себя. Посему-то неудивительно, если въ семъ случаѣ исполнилось слово Евангелія: *много званыхъ, а избранныхъ мало!*—Не для многихъ это обширное поприще послужило къ ихъ предназначенію: потому что большая часть вступившихъ на него, оставивъ море, удалились потомъ на разные другіе пути. Не будемъ винить ихъ ни въ чемъ: жребіи службы и пути жизни зависягъ отъ столь многихъ обстоятельствъ, что трудно сказать о комъ либо рѣшительно: онъ не былъ вѣренъ своему предназначенію! Но тѣмъ рѣшительнѣе можно сказать о почившемъ, что онъ вполне былъ вѣренъ ему, вѣренъ такъ, что служение подъ чуждымъ флагомъ какъ будто нарочно было изобрѣтено для него именно.

Изъ такой великой, разнообразной и славной школы опытной можно было возвратиться домой съ духомъ превозношенія и преректорства къ другимъ: нашъ витязь возвратился, напротивъ, съ духомъ болышей скромности, степености и снисхожденія къ другимъ, и благодушно вступилъ въ ряды сослуживцевъ, неимѣвшихъ случая видѣть, что онъ видѣлъ, дѣлать, что онъ успѣлъ совершить. Объ опытности и успѣхахъ его всѣ — и начальники и подчиненные — узнавали не по словамъ тщеславнымъ и разсказамъ надменнымъ, а по дѣламъ и вниманію къ своему дѣлу, будь оно мало или велико.

Извѣстно, какъ медленно проходила лѣтствица служенія морскаго, ведущая на высоту званій! Почивши шелъ по ней не преткаясь, не отставая, не преходя и не запиная никого. И въ такой скромной долѣ проведено не годъ, не три, а цѣлыя десятилѣтя.

У другихъ время это, какъ неизбежное, но и скучное между тѣмъ, могло бы пройти безъ плода, даже со вредомъ, какъ, къ сожалѣнню, нерѣдко бываетъ, сокращаемое всѣми способами, — хорошо еще, — если невинными: у нашего витязя оно-то, сколько можно судить, и послужило къ обогащенію ума его гѣми практическими познаніями, кои удивляли потомъ всякаго въ главномъ военачальникѣ, такъ что онъ могъ съ равною удобностію и управлять флотомъ, и показывать приемы службы самому послѣднему изъ служителей корабля.

Какъ должно было порываться сердце юнаго героя, когда исполнѣ брани воздвигалъ бурю за бурю противъ нашей Россіи, когда храбрые защитники отечества на сушѣ, мѣрясь съ нимъ силами и храбростію, или срывали вѣнцы побѣдные, или полагали на полѣ брани головы свои; а онъ—въ какомъ нибудь малоизвѣстномъ заливѣ долженъ былъ сторожить утлые челны земли непріязненной, и изъ-за-поздалаго листка узнавать о славѣ или опасности отечества! — Многие, въ томъ числѣ одинъ изъ главныхъ вождей морскихъ, въ порывѣ любви къ отечеству, не утерпѣли не понестись съ моря на сушу: Лазаревъ не менѣ ихъ любилъ отечество, но остался на своей стихіи, смиренно ожидая, когда наступитъ чреда послужить ему на ней и великодушно ограничиваясь тою долею участи, которую дано было судамъ нашимъ имѣть въ великой брани отечественной.

И вотъ, какъ бы въ награду за постоянство и вѣрность, любимая стихія начинаетъ видимо отличать и награждать своего любимца.

Открылась нужда совершить плаваніе къ послѣднимъ предѣламъ отечества, въ другую противоположную часть свѣта, гдѣ солнце сияетъ свѣтомъ полдневнымъ, когда мы здѣсь предаемся сну полному: распорядителю сего дѣла не нашли ничего лучше, какъ ввѣрить въ семь случаевъ кормило опытной и искусной рукъ капитана Лазарева. Нечаянно встрѣтившаяся тамъ препона и искушение, которыя могли бы отнять и умъ и духъ у другаго мореходца, послужили только къ раскрытію достоинствъ въ лицѣ почившаго, показавъ, что онъ владѣетъ не только знаніемъ опытнаго моряка, но и характеромъ твердаго среди опасностей чело-

вѣка и умѣньемъ предприимчиваго и сообразительнаго администратора и хозяина.

Нужно, по вѣмъ любителя наукъ и знаніи — Монарха, нестись къ послѣднимъ краямъ земли и узнать, что тамъ на южномъ концѣ ея—суша или море, ледъ или вода? Растетъ ли тамъ что, живетъ ли что?—Почти половина этого дѣла, во всѣхъ отношеніяхъ многотруднаго, возлагается на почившаго. Мы не дошли, какъ извѣстно, до конца шара земнаго, какъ, вѣроятно, никто и никогда не дойдетъ до него: но сдѣлали столько, что недавно токмо другіе,—такъ давно упражняющіеся въ открытіяхъ,—могли нѣсколько только шаговъ сдѣлать далѣе насъ; и имя Лазарева останется неизгладимымъ при южномъ полюсѣ.

Нужно снова посѣтить другую часть свѣта, явиться у береговъ той земли, которая недавно начала привлекать къ себѣ множествомъ блестящаго праха, а тогда извѣстна была только своею пустынною и дикостію обитателей, явиться не для завоеваній, а для охраненія нашихъ колоній и торговли. Жребіи этотъ, уже, можно сказать, безъ размышленія и выбора, падаетъ на извѣстнаго всему свѣту мореходца—Лазарева. Онъ возвратился оттуда съ злагомъ, но привезъ, что дороже всякаго золота, опытность будущаго начальника русскихъ мореходцевъ.—Въ самомъ дѣлѣ, если, по замѣчанію премудраго, *обходи страны утѣжитъ мудрость*, то сколько знаніи и опытовъ искусства должно было быть у того, кто трикрагы совершилъ плаваніе вокругъ едва не всего свѣта!

Но что же будетъ со всѣмъ этимъ душевнымъ богатствомъ?—Витязь нашъ служилъ наукамъ, торговлѣ, искусствамъ, даже сражался не разъ за ту державу, у коей учился: ужели не суждено ему ни разу обнажить меча своего за отечество? ужели къ оливамъ и миртамъ, бывшимъ доселѣ въ рукахъ его, не присоединятся никогда и лавры на главу?

Будьте спокойны! И это отличіе придетъ и явится въ видѣ необыкновенномъ и, можно сказать, священномъ, совершенно сообразно съ духомъ почившаго, который, хотя, по самому званію своему, былъ служителемъ браней и побѣдъ, но не любилъ тѣхъ ополченій, кои предпринимаются не по существенной нуждѣ, а по видамъ своекорыстія и гордости житейской.

Помните ли то время, когда вся Европа изумилась, услышавъ, что горсть погомковъ древнихъ эллиновъ, въ порывѣ любви къ отечеству, болѣе трехъ столѣтій гнетомому и терзаемому гордымъ завоевателемъ, рѣшилась свергнуть его, и сдѣлавшееся не-

выносимымъ, и стать за вѣру и честь своихъ храмовъ и семействъ? — Не смотря на то, что все вызывало насъ раздѣлить эту священную брань, — ибо гордый врагъ эллиновъ почелъ за долгъ въ тоже время оскорблять всячески и наше отечество, — мы долго позволяли ему лить кровь и глумиться надъ нами; но наконецъ должны были, вмѣстѣ съ другими, подвигнуться на защиту и вѣры христіанской и челоувѣчества.

Въ сію-то священную брань предопредѣлено было почившему явить и все мужество и все искусство свое, такъ что имя Лазарева и Наварина и свободы Греціи содѣлались для насъ между собою нераздѣльными.

Указывать ли вамъ, какая доля славы въ семъ случаѣ пала на долю нашего витязя? — Чтобы понять это вполне, надобно знать, что мы, по великодушію, желая дать пройти на свое мѣсто опоздавшимъ союзникамъ, не могли занять во время своего; а вы знаете, какъ въ подобныхъ случаяхъ бываетъ дорога и невознаграждаема каждая минута. Что могло достаться даромъ и имѣть тотчасъ влияние на нашъ дальнѣйшій успѣхъ, то самое должно было уже оспаривать и искуплять цѣною жертвъ. И это трудная и славная доля выпала почившему, который, идя впереди, по тому самому долженъ былъ показать чудеса храбрости, чтобы возвратить, сколько возможно, невозвратимое время, — и она показана въ такой мѣрѣ, что мы, казалось всѣмъ, не просрочили ни одного мгновения.

Одно это уже могло увѣковѣчить память почившаго въ сей день проснопамятный.

А сколько другихъ заслугъ! Надлежало и смотрѣть непрестанно въ лице непріятелю и смерти, и быть помощникомъ главному вождю въ раздаяніи повелѣній другимъ начальникамъ кораблей, и наблюдать дѣйствія и движенія союзниковъ, дабы согласовать съ ними свои движенія.

Посему-то не оскорбимъ никого, ни почившихъ, ни обрѣтающихся въ живыхъ изъ сподвижниковъ, если скажемъ, что слава дня наваринскаго принадлежитъ преимущественно адмиралу Лазареву. Истину и вѣрность сего единодушно признали не свои токмо, но и чуждые, не чуждые токмо, но и свои: посему-то и чуждые и свои наперерывъ спѣшили ознаменовать для него разными знаками вниманія и отличіи свою благодарность, столь достойно заслуженную.

Но главная награда въ семъ случаѣ была для него въ его сердцѣ, которое не могло безъ сокрушенія сносить необуздан-

наго буйства враговъ имени Христова, въ его чувствѣ, которое всегда восхищалось памятниками классической страны искусствъ, въ его рвеніи по славѣ флота россійскаго, который въ семь дѣлъ шель объ руку съ флотами другихъ державъ. Для достиженія такой побѣды надъ такимъ врагомъ онъ не пожалѣлъ бы сто разъ принести въ жертву самую жизнь.

Отсель слава дня наваринскаго, присоединившись къ другимъ доместямъ, стала видимо и постоянно отражаться на главѣ почившаго и обращать на него всеобщее вниманіе. Мудрое правительство первое спѣшило воспользоваться его опытностію для усовершенствованія нашихъ учрежденіи и уставовъ морскихъ. Здѣсь почивши внятно показавъ, какъ много извѣстно ему все положеніе морской части, и чего можно ожидать отъ него, если бы его уму и рукѣ ввѣрено было все водительство.

Сему-то дознанію, безъ сомнѣнія, обязаны мы тѣмъ, что когда скончающему поприще свое вождю черноморскаго флота оказался нужнымъ бодрый ближайши помощникъ, — для сего употребленъ не другой кто, а юный герой наваринскіи.

Поелику съ сего времени начинается его поприще среди насъ, и его дѣйствованія на пользу нашего края: то здѣсь бы и надлежало преимущественно распространиться слову нашему въ похвалу его. Но, что могли бы мы сказать, о чемъ вы не имѣли бы уже точныхъ и ясныхъ понятіи, какъ непосредственные свидѣтели и сотрудники? Вамъ именно предлежитъ возвѣстить въ слухъ нашъ и всего отечества, что онъ нашель у васъ, что дѣлалъ, и что оставилъ по себѣ.

Но и мы скажемъ, что не бывши еще главнымъ начальникомъ, онъ началъ свое поприще у насъ тѣмъ, чѣмъ для другаго можно бы со славою кончить его, — а именно: въ краткое время, среди всѣхъ трудностей, вопреки самага времени и природы, успѣлъ составить и образовать изъ флота черноморскаго такое отдѣленіе силъ, которое могло спасти отъ паденія цѣлую сосѣднюю державу.

Уже вы разумѣете посему, что мы имѣемъ въ виду плаваніе въ Царьградъ. Что его обыкновенѣ въ обыкновенное время! И что труднѣ въ необыкновенное, то есть, во время осени и зимы? А намъ, кромѣ природы, надлежало бороться и съ собственною неготовностію и съ краткостію времени; ибо прежни—наваринскіи противникъ нашъ, а въ это время уже бѣдствующи союзникъ, былъ на краю гибели. И благодаря неутомимой дѣятельности и искусству почившаго, мы явились во время: бѣд-

ствующій союзникъ спасень; гордый египтянинъ остановлень и возвращень вспять; честь и слава Россіи возвеличены: и все это совершенно безкровно — одною мудрою распорядительностію. Таково изъясненіе этихъ, странно сошедшихся у гроба его, отличіи, гдѣ вы видите и знамя Спасителя, символъ возрожденной Греціи, и образъ противника ея, присланный имъ въ даръ вождю наваринскому.

Повѣствовать ли наконецъ предъ вами о трудахъ, дѣяніяхъ и успѣхахъ почившаго, когда онъ сдѣлался уже не подручнымъ дѣйствителемъ, а главнымъ начальникомъ нашихъ морей и пристаней, нашихъ твердынь и ихъ защитниковъ? — Но здѣсь вмѣсто повѣствователя надобно сдѣлаться простымъ указателемъ. Вашъ здѣшній цѣлый городъ — что онъ такое, какъ не памятникъ его дѣятельности? Какое изъ величественныхъ зданій не воздвигнуто при немъ, по его руководству, подъ его надзоромъ? Пройдутъ еще десятилѣтія, и о всемъ, что будетъ строиться, будутъ говорить: это по мысли Лазарева. Не то же ли должно сказать о Николаевѣ?—Севастополь и Николаевъ были какъ два близнеца, коихъ равно любилъ онъ и равно некъся. А флотъ нашъ? Когда приходилъ онъ въ такую силу, такое совершенство и даже въ такое число?

Ибо надобно же было, какъ бы въ знакъ скончанія земнаго поприща начальника, и ему предъ кончиною его достигнуть предъоставленной полноты.

При такомъ, можно сказать, всеоружіи и готовности, всего естественнѣе желать было случаевъ показать силу и искусство. Но къ чести христіанской почившаго должно сказать, что онъ никогда не желалъ ихъ и готовъ былъ отказаться отъ всѣхъ почестей и титуловъ, только бы не приобрѣтать ихъ огнемъ и кровію, какъ обыкновенно приобрѣтаютъ побѣдители.

Удивительно ли послѣ сего, если при такихъ качествахъ почивши былъ предметомъ не только всеобщаго уваженія, довѣющаго его званію, но и любви, на которую нѣтъ закона? — Монархъ видѣлъ и чтилъ въ немъ способнѣйшаго и вѣрнѣйшаго изъ слугъ своихъ и помощниковъ; отечество—достоинѣйшаго изъ сыновъ своихъ; соначальники никогда не тяготились сношеніемъ съ нимъ; подчиненные всегда находили въ начальникѣ — отца и друга, семейство—нѣжнаго родителя и супруга. — Кто не сожалѣлъ отъ сердца, услышавъ о его болѣзни, и не желалъ отъ души ему выздоровленія? Кто не пораженъ былъ его кончиною?—

Отъ Монарха до послѣдняго служителя корабля—всѣ единодушно сознавали и говорили, что это—потеря для цѣлаго отечества.

Такъ! Но потеря ли эта кончина—для него? — Если посмотримъ снизу, то, пожалуй, скажемъ—и для него: ибо онъ не прожилъ, еще нѣсколько лѣтъ, кои могъ прожить, не сдѣлавъ еще нѣкоторыхъ дѣлъ, кои могъ сдѣлать.

(Не окончено).

СЛОВО

ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ВЪЗЪЗДА ДОДГОРЪКОВА *).

Течальное зрѣлище предъ нами, братіе мои, зрѣлище не неожиданное уже, но все еще какъ бы внезапное и нечаянное! Тотъ, который еще недавно, облеченный довѣріемъ власти предержащей, стоялъ во главѣ цѣлой обширной страны, который бодрою мыслию обнималъ нужды и потребности нашего края и былъ главнымъ ходатаемъ о нихъ у престола монаршаго, который по особому благорасположенію къ граду нашему избралъ его мѣстомъ для своего пребыванія, и любилъ видѣть себя окруженнымъ общею радостію и веселіемъ народнымъ, съ готовностію для сего на всякія жертвы,—но который въ то же время неустрашимо, въ каждый часъ, понесъ бы, въ случаѣ нужды, самую жизнь на защиту престола и отечества:—тотъ самый, сраженный тяжкимъ недугомъ, предлежитъ теперь бездыханенъ и мертвъ въ семь гробѣ. И пусть бы это случилось подъ конецъ земнаго поприща человѣческаго, когда самая необходимость велитъ ожидать лишения и разлуки, когда употребленныя во благо способности, истощенныя среди трудовъ силы, по закону самой природы невольнo требуютъ успокоенія. Нѣтъ! гробу сему суждено явиться предъ нами въ то самое время, когда почивши въ немъ, какъ бы обновившись силами духа, предначиналъ вновь кругъ обширной дѣятельности, когда общепользныя предпріятія одно за другимъ стали свидѣтельствовать, что опытность протекшихъ лѣтъ не осталась безъ плода для

*) Печатано съ рукописи.

отечества, когда вмѣстѣ съ симъ внимание и дѣятельность цѣлой страны напряглись на все общеплезное!... Такъ помыслы и предназначенія наши не сходятся съ предопредѣленіями судьбъ Божіихъ!.. Мы замышляемъ то и другое, думаемъ, что намъ дано будетъ совершить еще многое; а тамъ — тамъ уже подписанъ намъ приговоръ быть преставленными отъ среды живыхъ!.. Подлинно, если гдѣ познается во всей силѣ сія грознопоучительная истина, то при гробахъ, подобныхъ настоящему! Тутъ для самаго тугаго душевнымъ слухомъ неотразимо слышится древній гласъ: земля еси, и въ землю возвратишися. Къ симъ-то посему гробамъ надобно приходиться всѣмъ за опытнымъ убѣжденіемъ, какъ не извѣстенъ предѣлъ жизни нашей, какъ не прочны всѣ предназначенія человѣческія, и какъ слѣдовательно неблаго-разумно было бы, предаваясь теченію земныхъ дѣлъ, выпускать изъ виду непреходящее и вѣчное.

Вникая мыслію во все это, мы оставляемъ заботу о назиданіи вамъ у сего гроба: это сдѣлала уже за насъ сама смерть. Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ нынѣ возвратиться изъ сего храма, не вынося съ собою на всю жизнь поученія для себя во многомъ? — Намъ посему остается только воздать послѣдній долгъ тому, кто въ послѣдній разъ предстаетъ взору нашему, предстаетъ уже не въ могуществѣ великаго областеначальника, а въ видѣ печальной жертвы недуга и смерти.

Чѣмъ однакоже почтимъ послѣднее явленіе его среди насъ? — Почтимъ не столько словомъ и бесѣдами о его нравѣ и дѣяніяхъ, сколько усердною молитвою о успокоеніи души его. Что наши мнѣнія и сужденія? Они обыкновенно отзываются или пристрастіемъ, или нерасположенностью, и скорѣе обнаруживаютъ того, кто судить, нежели того, о комъ судятъ. Что наши самыя рядныя слова и бесѣды? Раздавшись на нѣсколько минутъ въ воздухъ, произведши нѣсколько мимолетныхъ мыслей и чувствъ въ слушателяхъ, онѣ сами какъ бы погребаются вмѣстѣ съ тѣмъ, надъ гробомъ коего произнесены, и содѣлываются изрѣдка только предметомъ вниманія небольшого числа людей, любящихъ въ томъ или другомъ видѣ воскрешать для себя прошедшее. А молитва? Она, исходя изъ сердца, проходитъ небеса, низводитъ благословенія на почившаго, оказываетъ такое дѣйствіе, которое остается на всю вѣчность.

Кто, особенно лежа во гробѣ, не имѣетъ нужды въ молитвѣ? Даже тѣ, кои сами всю жизнь провели въ богомыслии и собесѣдованіи съ Богомъ. Тѣмъ паче тѣ, коихъ вся жизнь прошла

среди тревоженій моря житейскаго; тѣмъ паче тѣ, кои самымъ жребіемъ рожденія уже осуждены обращаться непрестанно среди искушеній и соблазновъ свѣта; тѣмъ паче тѣ, кои, вознесенные на высоту званій и должностей, подлежатъ и предъ судомъ Божества и предъ судомъ челоувѣчества отчету не только за себя, но и за тѣхъ, судьба коихъ ввѣрена была ихъ водительство. Страшно и опасно, братіе мои, стоять на большой высотѣ какъ физической, такъ и гражданской. Съ ней видно далеко, но все не видно много такого, что предъ глазами у каждаго, стоящаго долу. Казалось бы, она должна возвышать челоувѣка надъ всѣмъ, видимо приближать его къ небу; а между тѣмъ ни откуда такъ не влечетъ долу къ землѣ, какъ съ большихъ высотъ: нигдѣ такъ скоро не помрачается взоръ, не теряется чувство, какъ на нихъ. Бѣдная природа наша — увы! — такъ же изнемогаетъ нерѣдко отъ возвышенія, какъ и отъ униженія; если въ послѣднемъ случаѣ она грубѣетъ и иземленѣетъ, то въ первомъ становится какъ бы воздушною и лишается постоянства. Блаженъ, кто, возвышаясь судьбою надъ участію подобныхъ себѣ, умѣетъ сохранить внутри себя то святое чувство долга, которое замѣняетъ собою всѣ законы и спасаетъ отъ всѣхъ соблазновъ власти. Но кто, скажемъ словами св. Іова, кто изъ земнородныхъ похвалится имѣти сердце чисто?

Имѣя въ виду все сіе, почтимъ память почившаго въ Бозѣ областеначальника нашего не столько словами и похвалами, сколько усердною молитвою объ упокоеніи души его, объ отпущеніи ему на судѣ Божіемъ вольныхъ и невольныхъ грѣхопадений.

Если вмѣстѣ съ симъ погребно какое либо слово отъ насъ въ память почившаго: то оно, какъ можно предугадать каждому, должно состоять изъ воспоминанія его дѣяній и трудовъ на пользу отечества.

Есть, что вспомнать при семь гробѣ, хотя возлежащій въ немъ взятъ отъ среды живыхъ еще далеко отъ конца земнаго поприща, по обыкновенному теченію его. И первѣе всего, можно ли умолчать о томъ рѣдкой, въ наши времена, особенности, что почившии составляетъ собою отрасль того великокняжескаго рода, который за семь вѣковъ предъ симъ еще до нашествія монголовъ, властвовалъ на востокѣ и югѣ Россіи, и который, кромѣ воинскихъ и гражданскихъ доблестей, въ лицѣ Николая Черниговскаго и Андрея Боголюбскаго произрастилъ плоды святыни?

И въ самыхъ дѣяніяхъ почившаго, самый строгій даже цѣнитель не можетъ не остановиться на незабвенныхъ заслугахъ отечеству и пригомѣ въ разныхъ родахъ. Въ *воинскомѣ* — онъ былъ соучастникомъ самыхъ великихъ битвъ 1813 года — ирезденской, кульмской, лейпцигской и едва не всѣхъ прочихъ, за ними послѣдующихъ, а также соучастникомъ торжественнаго вступленія побѣдоноснаго воинства русскаго въ Парижъ. Его же мужество и неустрашимость вполнѣ обнаружилась и за Кавказомъ, противъ вѣроломныхъ персіанъ, и за Дунаемъ противъ кичливыхъ поклонниковъ Магомета. Въ *политическомѣ* — онъ употребляется какъ совершенно благонадежное лице въ сношеніи съ дворомъ тагеранскимъ и своимъ тонкимъ умомъ довершаетъ и упрочиваетъ то вліяніе на него, которое куплено кровію и побѣдами. На поприщѣ *гражданскомѣ* — онъ является на западѣ Россіи среди цѣлыхъ областей, какъ кормчіи среди бури, и, подобно опытному врачу, отдѣляя неусузданные члены, всѣмъ же прочимъ являя милость, способствуетъ къ возвращенію здравія политическаго. На югѣ — среди насъ онъ воскрешаетъ дѣйствіями своими примѣръ древняго Іосифа, спасая подобно ему цѣлую обширную страну не отъ недостатка, а отъ изобилія, которое начинало обращаться въ великій недостатокъ. — На поприщѣ *ученомѣ* — онъ вступилъ на него послѣ даже столькихъ трудовъ, разнообразныхъ служеніи отечеству, но вступилъ на него съ такимъ усердіемъ и съ такою душевною любовію, какъ бы оно было первымъ поприщемъ его дѣятельности; и хотя продолжаюсь оно весьма не долго, но признательная память объ немъ, по всей вѣроятности, не изгладится изъ лѣтописи здѣшняго университета. Самая св. Церковь не можетъ забыть услугъ, оказанныхъ ей почившимъ, ибо она видѣла въ немъ, какъ въ послушномъ сынѣ, самаго усерднаго пѣстуна того великаго и святаго дѣла, когда цѣлые миллионы чадъ ея, отторженные за два вѣка предъ симъ силою обстоятельствъ, снова въ мирѣ и радости возвратились на на лоно своей матери.

Сами видите, почтенные слушатели, что мы, осматривая жизнь почившаго князя, останавливались голько на главныхъ ея, такъ сказать, вершинахъ. Но и сихъ событій вполнѣ достаточно для увѣковѣченія памяти почившаго.

Но что значить вся наша земная память? Что значагъ всѣ наши списки и лѣтописи? Облегчать ли они хотя отъ единой тяжести душъ отшедшую? Ахъ, для ней потребны теперь не по-

хвалы, а молитвы!—Помолимся убо вмѣстѣ съ Церковью о почившемъ. Это—единственная благодарность, которую мы можемъ воздать теперь почившему. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОГРЕБЕНИИ ТАЙНАГО СОВѢТНИКА, СЕНАТОРА И КАВАЛЕРА,

АНДРЕА АДДОРОВИЧА КВИТКИ *).

е много гробовъ видѣла и увидить страна наша, кои болѣ сего гроба могли бы обратить на себя въ такой степени вниманіе общее. И думаю, никто не воспротиворѣчить, если скажемъ, что причиною сего вниманія не богатія украшенія, отличающія гробъ сей, не титулъ и высокое званіе того, кто почиваетъ въ немъ, а его особенныя личныя качества и заслуги. Ибо, хотя самое имя прѣдковъ усопшаго незабвенно для всей страны нашей, яко имя первоначальныхъ ея устроителей и оберегателей; но давно-прошедшее не преминуло бы затмиться въ памяти среди множества новыхъ лицъ и событій. Если бы не было обновлено, и, какъ сказать, воскрешено въ отличныхъ качествахъ и дѣяніяхъ потомковъ. И вотъ, какъ бы въ отвращеніе сей опасности, отъ благороднаго корени Квитокъ, въ лицѣ двухъ братіи, вдругъ произрасло двѣ разнообразныхъ, но равно прекрасныхъ отрасли, коихъ цвѣтами украшалась, а плодами питалась столь долго вся страна наша.

Но, почто я воспоминаю обсихъ, когда мы не имѣемъ уже теперь ни единого? — Увы, ангелъ смерти какъ будто не потерпѣлъ, чтобы подъ конецъ жизни долго оставались во взаимномъ разлученіи душевномъ тѣ, кои во всю предшествовавшую жизнь представляли изъ себя примѣръ рѣдкаго единодушія братскаго: и

*) Сказанное 8 апрѣля 1844 года.

тотъ, когда мы не успѣли еще прекратить надгробнаго сѣтованія объ одномъ братѣ, надобно уже воздавать послѣдній долгъ другому!

За то, какъ не трудно быть провозвѣстникомъ святыхъ истинъ у гробовъ, подобныхъ настоящему! Чтобы почтить память усопшаго и доставить назиданіе всѣмъ предстоящимъ, для сего не нужно никакого другаго средства, какъ токмо возобновить въ памяти вашей, хотя кратко, его же собственныя дѣянія, посвященныя, какъ извѣстно, всецѣло благу страны нашей. Это поученіе давно приготовлено для насъ, можно сказать, самимъ усопшимъ: примемъ и употребимъ его, какъ должно.

Продолжительное поприще общественной дѣятельности усопшаго началось тѣмъ, чѣмъ обыкновенно въ то время начиналось поприще людей, подобныхъ ему—по происхожденію, то есть, служеніемъ отечеству среди рядовъ воинства христолюбиваго. Одаренный необыкновенными способностями, не смотря на юность лѣтъ своихъ, онъ немедленно началъ обращать на себя особенное вниманіе своихъ начальниковъ, кои по тому самому не сомнѣвались употреблять его въ дѣлахъ, требующихъ особеннаго довѣрія. Послѣ сего не трудно угадать, до какой высоты званій и мѣстъ могъ бы достигнуть почившій, если бы ему дано было идти до конца жизни путемъ служенія, избраннымъ первоначально. Но извѣстный вамъ столь же неожиданный, какъ и злополучный случай, — слѣдствіе молодости и пылкости чувствъ, — вдругъ превратилъ все, такъ что надлежало оставить навсегда не только всѣ виды на дальнѣйшіе успѣхи по службѣ, но и самое поприще служенія. Такимъ образомъ тотъ, который пламенѣлъ желаніемъ пролить на полѣ чести всю кровь свою за отечество, долженъ былъ среди цвѣта лѣтъ, среди мечтаній и надеждъ, подобно престарѣлому старцу, возвратиться подъ кровъ отеческій и заключиться въ тѣсномъ кругѣ домашнихъ занятій. Превратность горькая, могшая тѣмъ губительнѣе подѣйствовать на всю жизнь, на душу и сердце почившаго, чѣмъ большими обладалъ онъ силами и способностями. Необыкновенная дѣятельность, подобно сильной, остановленной въ теченіи своемъ рѣкѣ, не находя сродныхъ себѣ занятій, могла произвести цѣлый потопъ праздности и пороковъ, съ нею неразлучныхъ. Но, благодареніе Господу, почивши былъ не таковъ, чтобы совершенно завистѣть отъ неблагоприятныхъ случаевъ и превратностей внѣшнихъ. Въ сто того, чтобы предаться, какъ бываетъ со многими, малодушью и искать вознагражденія неудачи по службѣ въ душевредномъ

разсѣяни и забавахъ тлетворныхъ, онъ, не выходя изъ тѣснаго, очерченнаго обстоятельствами, круга своего, умѣлъ найти для себя новое поприще дѣятельности, на которомъ, какъ показаль опытъ, съ избыткомъ развилось все, что только было въ душѣ его добраго и прекраснаго.

Судя по необыкновеннымъ плодамъ, пожатымъ на семъ поприщѣ, тотчасъ можно подумать, что оно было какое либо особенное, доступное токмо для немногихъ, избранныхъ. Нѣтъ, почтенные слушатели, это поприще было самое обыкновенное, давно открытое для всякаго члена благороднаго сословія, поприще почтенное, многоплодное для общества и не безплодное для труждающихся на немъ, но которое, къ сожалѣнію и ко вреду обществу, мало цѣнится тѣми, для коихъ оно открыто, безъ духа и усердія большею частью проходитъ тѣми, кои принуждены вступать на него и дѣйствовать, и которое потому самому, го есть, не по своей винѣ, а по причинѣ нашей невнимательности и неразумію, пришло въ такую невыгодную молву о себѣ, что отъ него убѣгаютъ многіе, какъ отъ безплоднаго и опаснаго, кратко сказать, это—урочное служеніе своей странѣ въ разныхъ должностяхъ, по избранію сочленовъ своего сословія.

На семъ-то, такъ сказать, домашнемъ и такъ мало цѣнимомъ нѣкоторыми, поприщѣ, почившии, труждаясь по совѣсти, умѣлъ возрости до той высоты званію и заслугъ, за которою другіе устремляются на край свѣта, умѣлъ совершить столько оощепользныхъ дѣяній, что признательная память о немъ долѣе будетъ жить въ странѣ нашей, долѣе сыны Украины будутъ способны цѣнить доблестные подвиги своихъ предковъ.

Но не будемъ предварять событіи. Само собою разумѣется, что на семъ скромномъ поприщѣ, по самому свойству его, не вдругъ можно было достигнуть той высоты, какая достигнута. Если гдѣ, то на семъ пути требовались не одни блистательныя качества ума и сердца, а первѣе всего постоянство, скромность, терпѣніе и благоразуміе; ибо, кромѣ немалыхъ трудовъ по званію, чаще всего надлежало имѣть дѣло съ самолюбіемъ и страстями человѣческими. Но, одно, два избранія,—и всѣ увидѣли, что лицо избираемое, я разумѣю почившаго, какъ бы рождено для того, чтобы на немъ останавливался выборъ всѣхъ и каждаго. Съ тѣхъ поръ каждая окончившаяся чреда служенія, какъ кольцо въ цѣпи, непосредственно вела за собою новую чреду, и новое избраніе соединялось уже не съ размышленіемъ—кого избрать, а съ опасеніемъ, чтобы служившии по избранію не оста-

вилъ почему либо своего поприща. Посему время новаго избранія, для многихъ столь тяжелое и неприятное, по причинѣ опасеній за мнѣнія другихъ не въ свою пользу, для почившаго каждый разъ было, можно сказать, временемъ всенароднаго торжества, которое было тѣмъ пріятнѣе, что вполне заслужено.

Желаете знать, чѣмъ особенно? — Просвѣщеннымъ умомъ, для коего кромѣ познани, украшающихъ вообще челоѣка общественнаго, совершенно извѣстны были всѣ способы и всѣ потребности своего края, всѣ виды и взаимныя отношенія членовъ своего сословія;—благородствомъ характера, способнаго возвышаться надъ всѣми личными разсчетами и умѣющаго низходить до всѣхъ справедливыхъ и даже несправедливыхъ, но безвредныхъ притязаній самолюбія челоѣческаго;—неутомимымъ и просвѣщеннымъ усердіемъ на пользу общую, которое не останавливается на обыкновенномъ, буквальномъ исполненіи своихъ обязанностей, а всегда изыскиваетъ новые способы и источники для блага общаго;—начальническою благовѣтливостію, которая умѣетъ быть всѣмъ вся и которая тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ выше и достойнѣе начальникъ, чѣмъ разнообразнѣе требованія и привычки подначальныхъ. Слѣдствіемъ всѣхъ сихъ качествъ и совершенствъ было то, что ни одна чреда служенія, какъ ни много было ихъ, не проходила у почившаго безъ того, чтобы не быть ознаменованною или новымъ общепользымымъ предпріятіемъ, или довершеніемъ и большимъ развитіемъ прежнихъ, такъ что юная, по самому населенію своему, страна наша, для коей довольно было бы не отстать на поприщѣ общественныхъ предпріятій отъ старѣйшихъ краевъ отечества, въ немногіе годы оставила большую часть ихъ за собою.

Толь примѣрная и многоплодная дѣятельность вождя дворянства харьковскаго не могла не обратить на себя наконецъ особеннаго вниманія власти предержащей; и вѣнценосцы Россіи не разъ свидѣтельствовали и словомъ и перомъ своимъ, что труды его вполне заслуживаютъ быть не только отличенными, но и указанными въ примѣръ предъ лицемъ цѣлаго отечества. Особенно же нельзя забыть здѣсь тѣхъ милостей, коими почившій постоянно пользовался у августѣйшей Матери вѣнценосцевъ. Любвеобильное сердце ея находило для себя особенное удовольствіе, когда имѣло случай, выразить и засвидѣтельствовать, какъ пріятно было для ней найги и имѣть въ почившемъ вѣрное и живое орудіе къ исполненію своихъ челоѣколюбивыхъ видовъ и намѣреній, касательно воспитанія для нашего края будущихъ матерей семейства.

Чтобы открыть обширнѣйшее поприще дѣятельности для гайнаго, не обинемся сказать, избытка силъ и дарованш, прозорливая воля Монарха двукратно указываетъ почившему новый, высшій родъ служения отечеству, въ ряду областенправителей. Сначала отчизна мудрой и равноапостольной Ольги видитъ его своимъ главнымъ начальникомъ и предстателемъ о нуждахъ у трона монаршаго; потомъ сословіе правительствующаго сената приемлетъ его, яко сочлена, въ свой свѣтлый кругъ. Тамъ и здѣсь онъ являетъ въ себѣ тоже, что и вездѣ: свѣтлый умъ, дальновидную опытность, бодрую неутомимость въ трудахъ, непреклонную ничѣмъ, кромѣ сознания своего долга, твердость характера. Но новыя званія и титулы не приводятъ у него въ забвение прежняго поприща, имъ такъ отлично пройденнаго. Подобаясь тѣмъ растениямъ, кои не могутъ нигдѣ съ удобностию расти, какъ токмо на родимой почвѣ, онъ, удовлетворивъ, сколько можно, довѣрію Монарха и долгу службы, вопреки всѣмъ расчетамъ обыкновеннаго самолюбія, спѣшитъ возвратиться на лоно воспитавшей его Украйны.

Вы знаете, какъ благородное дворянство харьковское готово было паки единодушно привѣтствовать его именемъ главнаго представителя и вождя своего! Другой, можетъ быть, позволилъ бы себѣ увлечься потокомъ всеобщихъ благожеланш. Но почившій и въ семъ случаѣ явилъ на себѣ плодъ опытной мудрости, которая знаетъ, что *есть время всякой вещи подѣ небесемъ* (Еккл. 3, 1); есть время сѣять и трудиться, и есть время прекратить сѣяние и трудъ. И вотъ, тотъ, который прежде, казалось, не зналъ границъ своей дѣятельности, теперь смиренно и навсегда самозаключаетъ себя подѣ тихимъ кровомъ домашнимъ, дабы, какъ говорилъ онъ, проработавъ столько времени для другихъ, успѣть сдѣлать что нибудь и для себя.

Большая часть изъ насъ, окружающихъ теперь гробъ сей, застала почившаго въ немъ уже въ уединенш старчества, когда природа человѣческая, клонясь къ своему западу, любить болѣе сокрывать, нежели выказывать, что заключалось въ ней. Кто однако же изъ насъ, при встрѣчѣ съ нимъ, съ самаго перваго взгляда, не былъ приятно удивленъ тѣми высокими качествами ума и сердца, кои такъ видимо отличали почившаго, и безъ всякихъ внѣшнихъ знаковъ достоинства дѣлали его предметомъ всеобщаго уваженія? Предоставляемъ вамъ самимъ, братіе мои, вспомнить между собою во всей подробности то, чѣмъ вы любовались въ немъ, чему удивлялись, что уважали и любили. Намъ пред-

лежить сдѣлать другое,—возвѣститъ въ слухъ всѣхъ то, что мнѣ извѣстно, но что однако же стоитъ быть извѣстнымъ всего болѣе; это—твердое постоянно возраставшее отвращение въ душѣ почившаго отъ всѣхъ видовъ суеты мірской; это сосредоточение мыслей своихъ на прошедшихъ дѣйствіяхъ своей жизни, съ строго оцѣнкою ихъ нравственнаго качества; это устремление взора духовнаго за предѣлы всего временнаго, гуда, гдѣ нѣтъ болѣе борьбы ни съ кѣмъ и ни за что, и гдѣ живетъ одна истина и правда, одинъ покой и радость.

При такомъ христіанскомъ благонастроении духа, смерть, особенно послѣ долговременнаго недуга, не могла быть для почившаго явленіемъ неожиданнымъ. Я всегда,—такъ говорилъ онъ во время послѣдней болѣзни,—предавалъ себя въ волю Божию; тѣмъ паче теперь отрекаюсь предъ нею отъ всей собственной воли. Встану съ одра болѣзни, восхваляю Господа; не встану, да будетъ Его святая воля надо мною! Отъ сердца прощаю всѣмъ, оскорбившимъ меня чѣмъ либо; да простятъ великодушно и меня, въ чемъ согрѣшилъ предъ кѣмъ!

Съ таковыми чувствами приближался усопши къ послѣдному часу земнаго бытія своего. Чувства благія и достойныя христіанина! Но, братіе мои, мы въ свою чреду поступили бы скоропоспѣшно и не по христіански, если бы вслѣдствіе сего возмнили, что ему не остается теперь ничего болѣе, какъ только пріять вѣнецъ изъ рукъ небеснаго Мздовоздаятеля. Ахъ, послѣ жизни на землѣ, какъ бы она ни была многоплодна, всегда остается у человѣка много недодѣланнаго и несовершеннаго! То самое, что кажется намъ иногда яко подвигъ блистательный, то самое — тамъ, предъ очами Всевѣдущаго, можетъ оказаться, яко мрачное, нечистое и потому недостойное мзды. Въ самомъ дѣлѣ, братіе мои, пріятые свыше таланты употреблены въ дѣло: но такъ ли употреблены, какъ хотѣла премудрость и благодѣтельность Того, отъ котораго они приняты? Много сдѣлано на пользу общую; но всегда ли одушевлялись при семъ чистою любовію къ ближнимъ? не увлекались ли болѣе собственными видами и расчетами? — Превратность обстоятельствъ переносима была съ улыбкою на устахъ; но не было ли въ то же время тайнаго ропота въ сердцѣ? Было желаніе вознаградить опущенный долгъ, исправить свои погрѣшности; но все ли употреблено для сего, что можно употребить? Являлась любовь къ Богу и мысль о вѣчности; но успѣли-ль онѣ занять въ душѣ мѣсто, имъ подобающее?—Явно, что

на землѣ никто не можетъ дать вѣрнаго отвѣта ни на единъ изъ сихъ важныхъ вопросовъ.

А если такъ, то чѣмъ должно заключиться все воспоминание похвальныхъ дѣяній почившаго, какъ не усердною молитвою ко Господу о милосердіи на судѣ къ его вольнымъ и невольнымъ грѣхопадениямъ? — Мы увѣрены, что если бы дано было теперь ему самому провѣщать къ намъ что либо, то онъ поспѣшилъ бы стократъ сильнѣе нашего исповѣдать въ слухъ всѣхъ свою немощь и несовершенство и сказать: братіе и друзи, страшно стоять предъ престоломъ Царя славы! Въ неприступномъ свѣтѣ лица Его самыя добродѣтели наши суть яко мракъ и нечистота. Многаго недостаетъ бѣдной душѣ моей! Единая надежда на заслуги Того, кто умеръ на крестѣ и за послѣдняго изъ грѣшниковъ! Если убо желаете почтить память мою за что либо; то не забывайте возносить о мнѣ теплой молитвы ко Господу, да не помянутся неправды жизни моей на страшномъ и неумытномъ судѣ Его!

Дадимъ, братіе мои, обѣтъ памятовать усопшаго сею памятною молитвенною; а вмѣстѣ съ симъ возьмемъ въ назиданіе себѣ отъ гроба его тотъ важный урокъ, что всѣ дѣла наши и успѣхи на землѣ дѣйствительно полезны для насъ токмо тогда, когда, безъ вреда и укоризны намъ, могутъ явиться съ нами на страшномъ судѣ Божіемъ. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОГРЕБЕНИИ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ХАРЬКОВСКАГО УГОЛОВНАГО СУДА,
КОЛЕЖСКАГО СОВѢТНИКА И КАВАЛЕРА,

ГРИГОРІЯ ФЕДОРОВИЧА КВИТКИ *).

Блаженъ путь, въ оныя же идиши днесь,
душе; яко уготовася тебѣ мѣсто упо-
коенія!

Дакъ возглашаетъ при гробѣ каждого христіанина св. Цер-
ковь; возглашаетъ для того, дабы напоминаніемъ о блажен-
номъ упокоеніи, уготованномъ для представшихся, пре-
подать утѣшеніе тѣмъ, кои остаются еще послѣ нихъ на стран-
ствованіе по земной юдоли.

А мы страшимся сего блаженного пути, какъ величайшаго несчастія! А мы плачемъ и рыдаемъ о тѣхъ, кои отходятъ на это мѣсто упокоенія! Что значитъ это? Невѣріе гласу и свидѣтельству св. Церкви? Благодареніе Господу, въ насъ нѣтъ сего невѣрія! Опасеніе за вступающихъ на путь сей, что они неприготовлены еще къ сему мѣсту успокоенія? Если бы въ самомъ дѣлѣ насъ тревожило у гроба это святое опасеніе, и ничего болѣе! Но и тогда потребны были бы не вопли и рыданія, а тихая и пламенная молитва за усопшихъ.

Увы, мы и при гробѣ ближнихъ нашихъ платимъ дань не вѣчному, а временному, не духу, а плоти! Мрачный видъ гроба и тлѣнія, столь противоположный свѣтлому кругу радостей жи-

*) Сказанное въ Боговѣщенской церкви, 10 августа 1843 г

гейскихъ; разлука — вѣчная, какъ обыкновенно называютъ ее, хотя на самомъ дѣлѣ она также временна, какъ и всѣ прочія разлуки, — съ гѣми, кои составляли какъ бы нѣкую часть нашей собственной жизни! неизвѣстность, окружающая новый образъ бытія умершихъ и невозможность слѣдить за ними не только взорами и слухомъ, но самымъ воображеніемъ; лишеніе того, что они въ продолженіе жизни составляли для насъ, и прекращеніе того, чѣмъ мы служили для нихъ: вотъ главныя причины нашего смущенія и воплей при гробѣ!

Будемъ ли винить безусловно сію слабость нашей природы? — Нѣтъ, такой судъ былъ бы слишкомъ строгъ и несправедливъ. Мракъ гроба ни для кого не можетъ быть радостенъ уже потому, что онъ есть слѣдствіе нашего паденія и наказаніе за грѣхъ; производимая смертію разлука на всю остальную жизнь съ ближними нашими не можетъ не исторгать слезъ уже потому, что нерѣдко превращаетъ собою весь порядокъ нашей жизни, уноситъ съ собою источникъ чистыхъ радостей душевныхъ.

Но, уступивъ слабости природы должное, не забудемъ, братіе мои, что смерть однако же не есть какое либо зло для христіанина и бѣдствіе невознаградимое, что, напротивъ, она есть переходъ отъ низшаго образа бытія къ высшему и лучшему, и вмѣстѣ съ симъ причина и условіе многихъ новыхъ и великихъ благъ для человѣка. Вникнемъ въ сію утѣшительную истину при семъ гробѣ собрата нашего, который, какъ вѣдаете, самъ любилъ углубляться въ тайны жизни человѣческой.

Въ чемъ состоитъ смерть человѣка? Въ разлученіи души отъ тѣла, и въ переходѣ первой изъ нашего видимаго, чувственного міра въ другой, сверхчувственный, невидимый. Взявъ сіе понятіе смерти въ основаніе, спросимъ теперь, что оставляетъ душа отшедшая? Оставляетъ во первыхъ брѣнное тѣло, которое въ самомъ лучшемъ своемъ состояніи всегда, болѣе или менѣе, тяготитъ, связуетъ, мрачитъ и земленитъ собою духъ бессмертный, а въ состояніи ослабѣнія и дряхлости становится постояннымъ сѣдалищемъ недуговъ и страданій. Объ этомъ ли тѣлѣ жалѣть и сокрушаться?

Что покидаетъ душа отшедшая? Покидаетъ міръ нашъ, который, по выраженію писанія, весь во злѣ лежитъ, гдѣ на малую долю чистыхъ радостей приходится едва не цѣлое море скорбей и печалей, — міръ исполненный соблазнами, о кои претѣкались и падали самые праведники, гдѣ нельзя поручиться и

на одинъ часъ не только за благоденствіе, за самую добродѣтель нашу. Объ оставленіи этого ли міра плакать и вопіять?

Куда преходигь отъ насъ душа, умершая въ вѣрѣ и покаяніи истинномъ? Въ міръ высшій, духовный, въ коемъ гораздо съ большею свободою должно раскрываться все, что въ душѣ нашей есть высокаго, вѣчнаго и божественнаго, гдѣ, какъ выражается Церковь, нѣсть ни печали, ни воздыханія, но жизнь безконечная, гдѣ посему истина безъ покровы, добродѣтель безъ борьбы, вѣнцы безъ терновъ. Въ такой ли міръ не желать вступить скорѣе?

Къ кому идетъ отъ насъ душа, умершая въ вѣрѣ и покаяніи? Къ своему Творцу, который есть весь всемогущество и благодать, къ своему Искупителю, который для того и отошелъ на небо, чтобы уготовать мѣсто вѣрнымъ послѣдователямъ своимъ: идетъ къ сонмамъ Ангеловъ и душъ преждеотшедшихъ собратіи своихъ, кои стократъ способнѣе насъ оказать ей помощь, раздѣлить съ нею и свои совершенства и свои радости. Какъ же послѣ сего не назвать вмѣстѣ съ Церковію сего пути блаженнымъ?

Для чего идетъ усопшая душа въ новый міръ? Для того, чтобы пріять успокоеніе послѣ многотруднаго странствованія земнаго, чтобы вновь облечься тѣмъ богоподобіемъ, которое было потеряно нами въ раю и возвращено паки крестомъ Христовымъ, дабы начать жить и дѣйствовать тою жизнью и тѣмъ дѣйствіемъ, коихъ нашъ бѣдный міръ и вмѣстити не можетъ.

И послѣ всего этого можно скорбѣть безутѣшно и рыдать у гроба христіанина? Не безчестіе ли это будетъ божественной вѣрѣ нашей, коея самое главное преимущество въ томъ и состоитъ, что она среди скорбей и искушеній земныхъ плачетъ и подкрѣпляетъ насъ упованіемъ жизни вѣчной? Не укоризна ли это будетъ нашему Спасителю, который для того именно самъ прошелъ путемъ смерти и гроба, дабы отнять у нихъ весь страхъ, а у насъ всю печаль и горестъ?

Что же значитъ, что мы, не смотря на все это, предаемся иногда при робѣ ближнихъ нашихъ печали безутѣшной? То, что мы смотримъ въ эти минуты токмо на гробъ, и не возводимъ очей горѣ — къ лицу Отца небеснаго, отъ коего сияетъ жизнь и радость. То, что мы помнимъ только при семъ о нашихъ временныхъ лишеніяхъ, производимыхъ смертію, и забываемъ тѣ блага, кои уготованы въ вознагражденіе ихъ на небѣ Спасителемъ нашимъ. То, что мы всецѣло предаемся влеченію

своихъ возмущенныхъ мыслей и чувствъ, тогда какъ въ это время надобно было бы всѣмъ остаткомъ мыслей и чувствъ яться за крестъ Христовъ и Евангеліе. То наконецъ, что мы до того погрузились въ чувственное, до того возобладаны временнымъ, до того попустили ослабѣть, затмиться, умолкнуть въ насъ внутреннему зову и влеченію къ жизни высшей, безсмертной, что и, влекомые къ вѣчному отечеству нашему неотразимою рукою смерти, все еще, подобно женѣ Лотовой, обращаемъ очи и сердца вспять, къ этому суетному и брэнному міру, который и самъ со всѣмъ разнообразіемъ вещей, его составляющихъ, предназначенъ къ смерти и разрушенію.

Можно гадать послѣ сего, какъ въ семъ состояніи взирають на насъ отшедшіе отъ насъ братія наши. Чѣмъ должны казаться имъ наши слезы и рыданія по нихъ? — Тѣмъ же, чѣмъ кажутся для насъ вопли младенцевъ, кои слезятъ и вопіють, когда мать, или отецъ оставляють ихъ на нѣсколько минутъ однихъ. Но чѣмъ бы ни казались они имъ, всего менѣе могутъ служить къ ихъ успокоенію. Ибо какое же можетъ быть кому успокоеніе отъ слезъ и рыданіи? Мы удерживаемся отъ всякаго шума и воплей у ора болящихъ, дабы не возмутитъ ихъ покоя душевнаго: таже самая причина должна удерживать насъ отъ скорби и рыданія при ихъ гробѣ. Оставленное духомъ тѣло, конечно, не потревожится отъ нашихъ воплей; но душа, привитающая до времени въ мірѣ дольнемъ, не можетъ не смущаться ими, тѣмъ болѣе, чѣмъ, по сложенію тяжести съ себя тѣлесной, она становится чувстви- тельнѣе.

Итакъ, желая засвидѣтельствовать любовь и усердіе къ отшедшимъ отъ насъ путемъ смерти, покажемъ оныя не слезами малодушя, ни, что еще хуже, ропота и отчаяшя, а теплыми молитвами за нихъ; и прося успокоенія душѣ ихъ отъ Господа, постараемся для сего именно успокоить, какъ можно скорѣе, свой духъ и свое сердце.

Мы увѣрены, почивши въ Бозѣ собрать нашъ, что при настоящемъ размышленіи нашемъ не сказано нами о смерти христіанской ничего, чего бы ты не могъ одобрить и подтвердить теперь собственнымъ опытомъ твоимъ. Если мы у гроба твоего отъ сердцець, сѣгующихъ по тебѣ, потребовали, во имя Евангелія и Креста Христова, высшаго взгляда на смерть, и большаго, нежели обыкновенно, мужества и твердости душевной; то потому, что ты самъ любилъ въ подобныхъ случаяхъ возноситься надъ всѣмъ видимымъ, и привитать мыслію тамъ, гдѣ нѣтъ ни пе-

чали, ни въздыханія. Теперь ты видишь уже лицомъ къ лицу то, что, находясь среди насъ, подобно намъ созерцалъ яко зеркаломъ—въ одномъ гаданіи. Довольно труждался ты въ этомъ мірѣ слезъ и въздыханіи; много *приишельствовала* въ немъ душа твоя; много страдало любвеобильное сердце твое. Благодарение Господу, что ты не сокрылъ талантовъ, тебѣ данныхъ, и, не смотря на всю превратность обстоятельствъ, умѣлъ приумножить ихъ и употребить во благо ближнихъ! Сугубое благодарение тому же Господу, что земное счастье не преслѣдовало тебя, хотя и могло, — что тебѣ отъ юности дано было идти не столько по цвѣтамъ, сколько по тернамъ. Поелику ты шелъ симъ узкимъ путемъ съ вѣрою, смиреніемъ и побовно: то мы вѣруемъ, что онъ привелъ туда, гдѣ все вознаграждается сторицею. Да насладится убо душа твоя покоемъ, коего не могъ ты обрѣсти на землѣ!

Насъ, братіе мои, у гроба сего паче всего должна поразить мысль о брѣнности человѣческой жизни и неизвѣстности часа нашей кончины. Давно ли видѣли мы среди насъ усопшаго исполненнымъ жизни, обѣщавшимъ еще не краткую и многообразную дѣятельность? И се, онъ во гробѣ! Кто поручится послѣ сего, что между нами, стоящими теперь у гроба сего, нѣтъ такихъ, кои предназначены уже къ могилѣ? Препровождая посему брѣнные останки сіи въ нѣдра общей матери земли, помыслимъ о томъ, какъ и намъ должно будетъ идти тѣмъ же самымъ путемъ, и нѣтъ ли чего такого, что бы надобно было намъ совершить, или оставить — прежде, нежели возгласятъ и надъ нашимъ гробомъ вѣчную память? Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОГРЕБЕНИИ ДОКТОРА И ПРОФЕССОРА МЕДИЦИНЫ ВЪ ХАРЬКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ. СТАТСКАГО СОВѢТНИКА И КАВАЛЕРА.

ДОКТОРА АЛЕКСАНДРОВИЧА БУТКОВСКАГО *

И сердце мое вдахъ, еже вѣдѣти премудрость и разумъ: и сердце мое видѣ многая, премудрость и разумъ, притчи и хитрость, уразумѣхъ азъ, яко и сіе есть произволеніе духа. Яко во множествѣ мудрости множество разума и приложивый разумъ приложить болѣзнь Екл. 1, 17—18).

редѣ наперсниками и питомцами мудрости не хотѣлось бы намъ разсуждать о суетѣ земной мудрости и болѣзняхъ, съ нею соединенныхъ: но Соломонъ стоитъ того, чтобы быть выслушаннымъ отъ всякаго; а гробъ сей почти требуетъ, чтобы надъ нимъ повторены были не какія-либо слова, а тѣ, кои мы произнесли сейчасъ. Кому не извѣстно, что почившій въ Бозѣ собратъ нашъ отъ юности *вдохъ сердце свое, еже вѣдѣти премудрость и разумъ?* Никто не будетъ оспаривать и того, что сердце его дѣйствительно видѣло много премудрости и разума. Но, что наконецъ вышло изъ всего этого? То самое, что предвидѣлъ и чего ожидалъ мудрецъ Израилевъ: сама наука здравія не спасла отъ потери здравія того, кто посвящалъ ей всю жизнь свою:

* Сказанное 21 ноября 1844 года.

приложивъ разумъ, онъ вмѣствъ съ симъ приложилъ себѣ и болѣзнь; а приложивъ болѣзнь и сдѣлавшись неспособнымъ звания своего, по необходимости долженъ былъ уразумѣть съ Соломономъ, яко и сіе *еже умножити мудрость*, суета есть и крушение не только духа, но и плоти.

И его ли одного постигла подобная участь?—Ахъ, я вижу тамъ, —вдали—еще свѣжую могилу собрата вашего, который не имѣлъ и того утѣшенія, чтобы вѣжди его были сомкнуты рукою нечуждою, и чтобы на могилу его упала хотя одна слеза изъ очей гѣхъ, для коихъ столько лѣтъ билось чистое и благородное сердце его. Да пршметъ безсмертный и неограниченный теперь нашимъ узническимъ пространствомъ духъ его, хотя здѣсь, въ этомъ, столь знакомомъ ему храмѣ, отъ всѣхъ насъ данъ молитвъ о вѣчномъ успокоеніи его въ царствіи Бога духовъ и разумовъ!

Но что мы должны заключить изъ сихъ двухъ и подобныхъ печальныхъ событій? То ли, что надобно оставить прилежаніе въ занятіяхъ науками и въ приобретеніи познаниі? Нѣтъ, премудрый Соломонъ не могъ дать такого совѣта. И къ чему бы служилъ умъ человѣческій, если бы не употреблять его на снисканіе познаниі? И что бы значила въ насъ жажда вѣдѣнія, когда бы для ней не было удовлетворенія? Нѣтъ, будемъ любить науки и познаниа; не будемъ жалѣть для нихъ ни времени, ни усиліи нашихъ; не усомнимся приносить въ жертву имъ даже земныхъ выгодъ и расчетовъ житейскихъ: только занимаясь науками и принося разнообразныя жертвы имъ, да помнимъ, что познаниа, ими доставляемыя, сами по себѣ суть не цѣль бытія человѣческаго на землѣ, а точію средство къ снисканію мудрости высшей, которая не оставляетъ человѣка и за гробомъ, сопровождаетъ его въ самую вѣчность. Се урокъ, который, мнѣ кажется, начертанъ рукою самой смерти на семъ гробѣ собрата вашего!—Благо намъ, если мы выразумѣемъ всю его силу, и возьмемъ его отъ сего гроба въ напутіе нашей жизни, на пользу души своей!

Не оезызвѣстно намъ, оратіе мои, что въ ученомъ кругѣ одно изъ любимыхъ положеній, что науку должно любить для самой науки. Если хотятъ чрезъ сіе положеніе исключить виды и расчеты корысти житейской, то мы совершенно согласны съ симъ учениемъ. Науки достопочтенны и любезны сами по себѣ; познание истины, къ какому бы кругу ни принадлежала она, есть уже такое приобретение, для коего стоитъ забыть трудъ и безпо-

койство.—Но, если вышеозначеннымъ положеніемъ хотятъ науку возвестъ на такую высоту, чтобъ за нею не оставалось видѣть ничего болѣе и далѣе; если хотятъ симъ сказать, что наукѣ и познаніямъ должно быть подчинено все, а онѣ ничему: то такой образъ мыслей есть—совершенное заблужденіе, крайне вредное для занимающихся науками, и, вмѣсто мнимаго возвышенія, унижающее самую науку.

Въ доказательство сего мы не употребимъ предъ вами никакихъ продолжительныхъ умозаключеніи и истинъ отвлеченныхъ, а только укажемъ на гробъ сей, и спросимъ: какой плодъ для усопшаго былъ бы теперь отъ той науки, для которой онъ жертвовалъ всѣмъ — самую жизнь, если бы онъ не умѣлъ, какъ увидимъ послѣ, обратить своихъ познаній къ достиженію цѣлей высшихъ? Науки человѣческія обращаются обыкновенно около предметовъ міра видимаго: но какъ съ смертію сей міръ исчезаетъ для насъ, го по сему самому и познанія, вокругъ него обращавшіяся, дѣлаются не употребительными. Геологъ, умирая, долженъ навсегда проститься съ горами и камнями; ботаникъ—съ растениями и древами; врачъ — съ болѣзнями и врачествами; историкъ — съ событіями и перемѣнами гражданскими; законовѣдецъ—съ правами и учрежденіями человѣческими; самый философъ—съ законами здѣшней нашей природы. Что же пользы, если каждый изъ нихъ не успѣлъ извлечь изъ своей науки того, что можетъ быть годно и благотворно не на краткое число лѣтъ земнаго странствованія, а на всю вѣчность, которая ожидаетъ каждаго изъ насъ?

Человѣкъ безсмертенъ: да будетъ безсмертна и наука! Безсмертна не тѣми бѣдными твореніями нашими, кои мы можемъ завѣщать преемникамъ нашимъ на поприщѣ наукъ, а и въ насъ самихъ—тѣми плодами духа, кои бы не оставляли насъ при переходѣ нашемъ изъ времени въ вѣчность. Такого рода плоды суть святое настроеніе нашего духа, освобожденнаго отъ страстей и предразсудковъ, живая и чистая любовь къ Творцу и Спасителю и къ нашимъ ближнимъ, преданность въ волю премудраго и всеблагаго Промысла Божія, готовность во всемъ слѣдовать не собственнымъ выгодамъ и желаніямъ, а уставамъ вѣчной любви и правды, открытымъ для насъ въ Евангелии,—рѣшительное удаленіе отъ всего, что портитъ и унижаетъ богоподобную природу нашу, смиренное наконецъ сознаніе своихъ грѣхопаденіи и недостатковъ, съ вѣрою и упованіемъ, что они изглаждаются крестомъ

Искупителя. Кто употребилъ свою науку на образование себя въ семь духъ, для того она не потеряна въ часъ смерти, тотъ пожнетъ плоды ея и въ вѣчности.

Познавъ все сіе почившій въ Бозѣ собратъ нашъ и любилъ не только слѣдовать сей истинѣ, но и возвѣщать ее—и словами и писаніями своими. Между тѣмъ какъ другіе врачи боятся (страхъ постыдный для науки!) произнести въ своихъ изслѣдованіяхъ имя вѣры и молитвы, онъ поставлялъ ихъ въ числѣ наидѣйствительнѣйшихъ средствъ къ исцѣленію самыхъ неизлѣчимыхъ недуговъ. Сколько разъ мы слышали изъ устъ его, какъ Провидѣніе Божіе оказывало надъ нимъ самимъ свое особенное дѣйствіе! Повѣсть о семъ всегда сопровождалась у него глубокимъ чувствомъ благодарности къ Богу и твердою увѣренностію, что, не смотря на превратность судьбы и дѣлъ человѣческихъ, есть око, которое не воздремлетъ, ниже уснетъ, храня каждаго изъ насъ.—Посему-то онъ никогда не смущался много превратностями жизни человѣческой, и готовъ былъ принимать,—зная, что принимаетъ изъ руки Провидѣнія,—не только пріятныя событія, но и горести, яко необходимыя для исцѣленія и укрѣпленія нашей души, непрестанно разслабляемой соблазнами мірскими. Переходъ въ другую жизнь, коего такъ трепещутъ тѣ, кои ничего не видятъ далѣе земли и гроба, для него былъ болѣе вождѣненъ, нежели страшень. Возвергая упованіе свое на заслуги Спасителя и крестъ Его, онъ давно началъ парить мыслию превыше всего тлѣннаго и преходящаго и возноситься желаніемъ туда, гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни печали и воздыханій.

Предчувствіе сіе сбылось: его нѣтъ болѣе ни для насъ, ни для науки! Но наука съ нимъ, та наука, которую онъ, какъ драгоценную сущность успѣлъ извлечь для себя изъ своихъ разнообразныхъ познаній, та наука, которая научаетъ врачей врачевать не одно тѣло, но и духъ, и врачуя другихъ не оставаться самимъ до гроба въ слѣпотѣ и проказѣ духовной,—та наука, которая состоитъ не въ умозрѣніяхъ праздныхъ и бесплодномъ многоглаголанш, а въ жизни по Богъ и Его вѣчной правдѣ.

Хотите ли посему воздать вмѣстѣ съ нами почившему послѣдній долгъ любви и уваженія въ томъ видѣ и духѣ, въ какомъ бы онъ самъ желалъ принять его теперь отъ насъ?—Вознесемъ для сего изъ глубины души теплую молитву къ Отцу духовъ и Богу разумовъ о упокоеніи многопечительной души его, да, очистившись кровію Спасителя отъ всѣхъ нечистотъ грѣхов-

ныхъ, сподобится за свои труды земные на пользу страждущаго челоуѣчества и за свою безкорыстную любовь къ истинѣ и познаніямъ, узрѣть теперь свѣтлое лице премудрости небесной, и быть вчиненною въ ликъ присныхъ любителей ея. Аминь.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ГОДИНАГО ПОМИНОВЕНІЯ ПОМЪЩИКА ХАРЬКОВСКОЙ ГУ-
БЕРНИИ

СТУДЕНОВА *).

Долѣ уже, какъ отошелъ отъ насъ въ вѣчность приснопо-
минаемый рабъ Божіи, Іоаннъ. Не мало событій и пере-
мѣнъ произошло въ это время и у насъ; тѣмъ болѣе
должно быть тамъ, у нихъ. Ибо хотя у нихъ нѣтъ нашего вре-
мени: но должно же быть что либо похожее на время; ибо пре-
выше времени единъ Богъ. У нихъ даже должно быть гораздо
болѣе перемѣнъ, нежели у насъ, ибо ихъ міръ, яко міръ духовъ,
и обширнѣе, и разнообразнѣе, и могущественнѣе нашего.

Что же въ это время произошло съ нимъ? Дошли-ль до него
молитвы наши о немъ? Оказали-ль ему какую либо помощь? Ураз-
умѣлъ ли онъ чрезъ сіе, что оставленные имъ продолжаютъ лю-
бить его и служить ему по прежнему? Кто намъ дастъ отвѣтъ
на это? Дастъ Тотъ, Кто рекъ: *вся, елика аще вѣпросите въ мо-
литвѣ вѣрующе, приимете* (Мат. 21, 22). Мы просили и молились
съ вѣрою; посему можемъ быть увѣрены, что и прошения наши
услышаны: а если услышаны, то нѣтъ сомнѣнія, что тотъ, о
коемъ молились мы, чувствовалъ на себѣ силу благодати, для
него испрашиваемой; а если чувствовалъ, то и могъ знать, что
это—услуга отъ любящихъ его и пекущихся о душѣ его, какъ
собственной.

Но, если молитвы наши услышаны и дошли до того, о комъ

*) Произнесенное харьковского уѣзда, въ селѣ Веселомъ, 25 сентября 1845
год.

молились мы, то чтоже теперь съ нимъ?— Видите, что я съ прилежаніемъ вхожу въ мысли ваши и хочу раздѣлить всѣ ваши чувства, дабы вмѣстѣ съ вами обрѣсти успокоеніе для сердца вашего.

Что съ нимъ? То, что для него нужно и полезно. Нужна радость — безъ сомнѣнія, съ нимъ радость; нужна скорбь — безъ сомнѣнія, съ нимъ скорбь. Не пугайтесь, когда я говорю: скорбь. Коль скоро скорбь отъ Господа, то она полезнѣе всѣхъ радостей земныхъ. Это тоже, что горькое, но сильное и спасительное врачество. Мы бываемъ рады и покойны, когда тяжело больной отданъ на руки искусному врачу, обѣщающему выздоровленіе, и что бы ни предписалъ онъ, какъ бы ни было горько предписанное, съ усердіемъ даемъ лекарство больному и радуемся, когда онъ прилежно принимаетъ его. Будемъ же благодушны, зная, что нашъ больной (ибо кто поживетъ и не согрѣшитъ?), вслѣдствіе молитвъ о немъ Церкви, теперь на рукахъ у Врача небеснаго. Если бы Онъ нашелъ нужнымъ послать горестъ почившему: то, вѣроятно, почивши самъ не промѣняетъ этой горести на всю нашу земную сладость, которая и въ насъ нерѣдко оставляетъ за собою скуку и тяжесть, а тамъ представляется существо меррою. Будемъ только продолжать свое дѣло — молиться о успокоеніи души его, въ твердой увѣренности, что растворенная вѣрою молитва не можетъ никакъ остаться безъ дѣйствія. Въ томъ или другомъ видѣ, но она непременно достигнетъ своей цѣли, то есть, низведетъ благодать Божию на почившаго; а гдѣ благодать, тамъ и исцѣленіе язвъ душевныхъ, тамъ и спасеніе.

Для насъ самихъ эта молитва не безъ великой пользы. Ибо молитва вообще — какъ оуміамъ: хочешь облагодухать имъ другаго, а между тѣмъ первѣе всего облагодухаешься самъ. Особенно полезна молитва для молящихся по усопшимъ. Ибо въ молитвѣ о живыхъ, тѣмъ паче о себѣ самихъ, почти неизбѣжно входитъ много, не такъ чистаго. Желаетъ на примѣръ, и молишься о какихъ-либо благахъ; а сіи блага могутъ обратиться во вредъ тебѣ или другимъ. А когда молимся за усопшихъ, то всегда желаемъ и просимъ имъ одинаго, — благодати и милости Божіей, что всегда благотворно для человѣка. Притомъ, одно перенесеніе мыслей нашихъ по ту сторону гроба, какъ это всегда бываетъ при молитвѣ за усопшихъ, уже переставляетъ туда какъ бы насъ самихъ; переставляя, отдѣляетъ насъ отъ всего зсмаго; отдѣляя, не попускаетъ насъ прилѣпляться сердцемъ къ міру и его суетнымъ благамъ.

Имѣя въ виду все сіе, будемъ съ усердіемъ продолжать молитву по усопшемъ рабѣ Божіемъ Іоаннѣ, не ограничивая ее обыкновенными днями поминовения по усопшимъ. Ибо Церковь не для того назначила опредѣленный срокъ поминовения, чтобы послѣ забывались усопшіе и оставлялись безъ молитвы о нихъ; а для того, чтобы указать сначала путь, для вовсе не знающихъ его, для знающихъ же, яко матери и руководительницѣ, самой назначать то святое дѣло, которое, разъ начавшись, должно продолжаться всегда.—Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОГРЕБЕНИИ ПОЧЕТНАГО ГРАЖДАНИНА ХАРЬКОВСКАГО, КОМ-
МЕРЦІИ СОВѢТНИКА И КАВАЛЕРА.

КОСЫМЪ ВИКТИЧА КУЗИНА *).

 Открыть ли предъ вами, орагіе мои, тѣ чувства, съ коими являемся мы на семъ священномъ мѣстѣ, когда надобно бываетъ бесѣдовать съ вами у гроба? Всякій разъ кажется намъ, что на это время мы сами какъ бы отдѣляемся отъ среды живыхъ; исходимъ на самый послѣдній предѣлъ видимаго; становимся между временемъ и вѣчностью... Съ одной стороны здѣсь—наша жизнь, дѣла и попеченія человѣческія, удачи и неудачи, вся суета земная; съ другой — Богъ и вѣчность, будущи судъ съ полнымъ мздовоздаяніемъ для праведныхъ и некончаемыми муками для грѣшныхъ. О, какъ съ сей высоты представляется унаковымъ все земное и человѣческое! Большая часть того, предъ чѣмъ обыкли мы преклоняться до земли, къ чему стремимся всѣ наперерывъ, безъ чего почитаютъ себя несчастными, представляется вещью маловажною, даже совершенною суетою и ничтожествомъ. Чрезвычайно важнымъ, напротивъ, является то, о чемъ многіе вовсе не думаютъ, что и думающіе не ставятъ такъ высоко, какъ бы надлежало. Когда смотришь съ сей высоты на жизнь окончившаго земное поприще свое, то уже нисколько не ищешь въ ней того, за чѣмъ гоняется міръ и чего ненасытно алчеть суетность человѣческая, а скорѣе всего хочешь

*) Сказанное 20 апрѣли 1844 года.

видѣть, какъ совершенно имъ привременное течение на землѣ, и что уготовано для неба и вѣчности. Если находишь, что земной странникъ шель неуклонно путемъ вѣры, добродѣтели и упования, или по крайней мѣрѣ окончила шествіе спасительною стезею покаянія и слезъ; то въ сердцѣ рождается отрадное чувство — кажется слышишь свыше голюсь: *благій и вѣрный рабе, види въ радость Господа своего!* (Лук. 7, 47) или сей отрадный глаголь: *отпускаются грѣси ея мнози; зане возлюбѣ многа* (Матѣ. 35, 21)! Но когда усматриваешь, что вся жизнь усопшаго наполнена была измѣнами совѣсти и нечистотою грѣховною, и что сія нечистота не омыта слезами сокрушенія сердечнаго, не искуплена дѣлами вѣры и любви къ ближнимъ, то душа невольно объемлется нѣкимъ тайнымъ страхомъ; стоишь въ такомъ случаѣ у гроба, какъ стоять у того мѣста, въ которое только что ударилъ громъ, и надъ коимъ еще блистаетъ молнія.

Благодарение Господу, что мы можемъ разсуждать такимъ образомъ у сего гроба, не опасаясь возмутить тѣмъ покоя ни усопшаго собрата нашего, ни воздающихъ ему теперь долгъ послѣдній. Ибо, разсматривая жизнь его, если находишь въ ней слабости и недостатки, грѣхопаденія и невѣрности; то въ то же время постоянно видишь о страну ихъ живую вѣру въ крестъ Христовъ, неослабное повиновение св. уставамъ Церкви, искреннее признаніе своихъ грѣховъ, соединенное со всегдашнимъ милосердіемъ къ ближнимъ, видишь, то есть, такія качества, кои, по увѣренію самаго слова Божія, всего скорѣе и дѣйствительнѣе способствуютъ къ изглажденію грѣховъ нашихъ предъ Богомъ. Правда, что святая вѣра наша, предлагая намъ въ избыткѣ столько и естественныхъ и сверхъестественныхъ средствъ для нашего преспѣянія въ истинѣ и правдѣ, въ чистотѣ и самоотверженіи, имѣла бы право требовать отъ каждаго изъ насъ гораздо большихъ успѣховъ и плодовъ духовныхъ: но, гдѣ искать между нами тѣхъ людей, кои своею жизнью и правилами выражали бы всю высоту и божественность нравственности евангельской, кои собственнымъ примѣромъ обнаруживали бы предъ всѣми, что можетъ сдѣлать изъ человѣка вѣра христіанская? Увы, драгоцѣнное преимущество это, кажется, навсегда осталось за первыми вѣками христіанства, когда послѣдователи Іисуса распятаго были, по свидѣтельству Апостола, *яко свѣтила въ мірѣ*. Въ наши времена душевнаго охлажденія къ вѣрѣ и предметамъ священнымъ, времена забвенія благихъ примѣровъ и святыхъ правилъ отеческихъ, и то составляетъ уже не малую страду и утѣшеніе, когда встрѣчаешь жизнь, отъ начала

до конца проведенную подъ мирнымъ кровомъ вѣры и Церкви, никогда не разлучавшуюся, если не съ закономъ и добродѣтелю, то съ смиреніемъ и покаяніемъ, тѣмъ паче, если она въ то же время освящена дѣлами любви и милосердія христіанскаго. Кто захотѣлъ бы видѣть въ жизни кого-либо изъ усопшихъ братіи своихъ еще большее количество совершенствъ и добродѣтелей, тотъ обрати сіе желаніе и требованіе на самого себя и свою жизнь; рѣшеніе же о томъ, что могло быть сдѣлано и не сдѣлано каждымъ изъ нихъ, да предоставится Тому, иже единъ вѣсть всѣ пути человѣка и всѣ тайны сердець. Во всякомъ случаѣ, присутствуя при чьемъ бы то ни было гробѣ, гораздо полезнѣе для насъ, вмѣсто поверхностныхъ и ни къ чему не ведущихъ сужденіи о дѣяніяхъ почившаго разсматривать въ его жизни — пути Промысла Божія и, разсматривая, научиться, какъ идти по нимъ не озираясь вспяť, не совращаясь ни надесно, ни нашуе, когда они срѣтаются съ нами въ собственной нашей жизни. Въ нѣккіи примѣры сего, поступимъ такимъ образомъ и у сего гроба.

Если есть на землѣ жребіи, такъ называемые, необыкновенные, то одинъ изъ таковыхъ, очевидно, выпалъ въ удѣль почившему въ Бозѣ собрату нашему. Ибо съ чего началось житейское поприще его? съ доли самой безвѣстной и смиренной. Чѣмъ окончилось? такою высотой и извѣстностію, какой только можно было достигнуть въ его званіи. Представьте юнаго поселянину, оставляющаго родимый кровъ и исходящаго на путь жизни, въ страну дальнюю, съ однимъ благословеніемъ родительскимъ! У него нѣтъ никакихъ другихъ средствъ къ успѣху, кромѣ того, что даетъ человѣку Богъ и чего не могутъ отнять люди; то есть здраваго, природнаго ума, чистой совѣсти, твердой воли и желанія трудиться на пользу свою и ближнихъ. Предъ нимъ, не какъ предъ многими другими, не пространное, готовое уже и углаженное поле для дѣятельности, а одна узкая, темная, тернистая стезя, идущая надъ пропастями и ведущая, единъ Богъ вѣдаетъ, куда. Но выбирать не изъ чего: оградившись крестнымъ знаменіемъ, со слезами, можетъ быть, на глазахъ, юный и неопытный селянинъ вступаетъ на эту стезю; видитъ всю трудность своего положенія, но идетъ; закрываетъ глаза надъ пропастями и стремлинами, но идетъ; изнемогаетъ въ силахъ, падаетъ иногда, но вставши паки идетъ; ибо при всѣхъ трудностяхъ и опасностяхъ, путь замѣтно ведетъ вверхъ. И вотъ предчувствіе и вѣра въ Промыслъ Божіи начинаютъ оправдываться; въ награду

терпѣнія, честности и постоянства, узкая стезя жизни расширяется и углаживается; утесы и пропасти исчезаютъ, являются виды одинъ другаго занимательнѣе; представляются мѣста отдыха одно другаго удобнѣе. Тотъ, кто въ началѣ завистѣлъ отъ всѣхъ и всего, самъ начинаетъ оказывать влияние на многихъ; кто почиталъ за счастье быть помощникомъ и сотрудникомъ у другихъ, содѣлывается началомъ и душою предпріятіи и союзомъ торговыхъ: приходитъ въ извѣстность по всѣмъ краямъ отечества; обращаетъ на себя внимание власти предержавшей, удостоивается почестей и отличіи на ряду съ давними слугами отечества; становится наконецъ главою дома, съ коимъ немногіе, изъ того же сословія, могутъ равняться по всеобщей извѣстности и довѣрью.

Таково было земное поприще раба Божія, коего смертные останки предлежатъ теперь взорамъ нашимъ! Поприще многотрудное, сопряженное со многими искушениями, подлежащее всѣмъ превратностямъ и непостоянству счастья земнаго, могшее не разъ прерваться самымъ печальнымъ образомъ, но до конца жизни его продолжавшееся подъ тѣмъ же благословеніемъ свыше, подъ коимъ оно началось такъ успѣшно. Въ похвалу почившаго должно сказать не обинуясь, что не только веси, самые обширные грады сохранять надолго память о томъ, чѣмъ они были одолжены его неутомимой и обширной дѣятельности. Особенно же нашъ градъ не долженъ забыть, кому онъ преимущественно обязанъ тѣмъ благолѣпіемъ своихъ зданш, которое такъ отличаетъ его между градами, ему равностепенными.

Представляя все сіе, какое первое и послѣднее чувство должно быть теперь у гроба сего въ сродникахъ и друзьяхъ усопшаго, какъ не чувство глубокой благодарности ко всеблаготворительной Божіей, которая ущедрила его особенными способностями, соблюла его непреукновеннымъ въ самыхъ темныхъ и трудныхъ путяхъ его жизни и вѣнчала постояннымъ успѣхомъ дѣла и предпріятія его? Усопшій самъ вполне чувствовалъ сіе, и отъ души любилъ повторять святыя слова псалмопѣвца: *еще не Господь созиждетъ домъ, всеу трудишася зиждущіе* (Псал. 126, 1). Господь создалъ домъ, имъ теперь оставляемый, и живущіе въ немъ и пользующіеся плодами трудовъ его ничего не могутъ сдѣлать лучше, какъ взирать на свое состояніе тѣми же очами, коими взиралъ усопшій, то есть, какъ послѣдствіе не столько трудовъ и благоразумія человѣческаго, сколько особеннаго благословенія свыше.

Почившій не только говорилъ такимъ образомъ, но и дѣйствовалъ сообразно тому. Если какихъ главныхъ недостатковъ можно было опасаться за него на его поприщѣ, то преимущественно двухъ: неразборчивости въ средствахъ къ достиженію своихъ цѣлей и горделиваго надменія по достиженіи оныхъ. Апостолъ не безъ причины конечно замѣтилъ, что *хотѣлицы богатиться впадаютъ въ похоти многы, несмысленны и вреждающія, яже погружаютъ чловѣки во всегубительство и погибель* (1 Тим. 17, 9). Но усопшій умѣлъ благодатію Божіею сохранить себя отъ сихъ похотей несмысленныхъ. Умѣренность въ желаніяхъ, степенность въ дѣйствіяхъ, удаление отъ всего мечтательнаго, шествіе однимъ и тѣмъ же путемъ, были всегдашними отличительными его качествами. Приобрѣтенное несправедливо-стью, казалось ему не столько пріобрѣтеніемъ, сколько потерей. Посему онъ скорѣе готовъ былъ уступить свое собственное, нежели имѣть какую либо выгоду съ огорченіемъ для ближнихъ. Отсюда-то, безъ сомнѣнія, происходило то всеобщее довѣріе, по коему слово, имъ данное, почиталось не слабѣе обязательствъ законныхъ, такъ что отдающій ему свое достояніе почиталъ его столько же безопаснымъ, какъ бы оно находилось въ собственныхъ рукахъ.

Такое довѣріе при огромности средствъ, коими могъ располагать усопшій, еще болѣе подвергало его другой опасности отъ духа киченія, столь сроднаго всѣмъ временамъ, особенно нашему, — всѣмъ людямъ, особенно тѣмъ, кои взошли на высоту изъ низкой доли, и, какъ говорится, составили себѣ имя и счастье сами. Но чувство вѣры и преданности Промыслу, стоя на стражѣ, спасали почившаго и отъ сего душевнаго недуга. Пастырямъ Церкви не было нужды исполнять въ отношеніи къ нему совѣтъ Апостола: *богатымъ въ пышнелѣ въцѣ запрещай высокопудрствовати ниже уповати на богатство погибающее* (1 Тим. 16, 17). Ибо онъ самъ весьма часто повторялъ за нихъ для себя сію святую заповѣдь и старался исполнять ее во всей силѣ. Кому въ собраніи не готовъ былъ онъ уступить своего мѣста? Какъ далекъ былъ онъ отъ всякихъ личныхъ распрей и споровъ! какъ кротокъ и простъ въ обращеніи съ низшими себя! Когда другіе почитаютъ за долгъ сокрывать свое малое и простое происхождение и не вспоминать о прежнемъ стѣсненномъ состояніи, усопшій казался находилъ особенное удовольствіе въ томъ, чтобы повѣдать и открывать все это въ отношеніи къ себѣ. И чѣмъ обыкновенно заключалось у него воспоминаніе о прежнемъ убожествѣ и

бездѣльности? Смирениемъ и исповѣданіемъ надъ собою особенной милости Божіей, благоговѣйнымъ сознаниемъ долга благодарить за нее Господа—употреблениемъ благъ земныхъ въ Его славу и на пользу ближнихъ. Отсюда-то, безъ сомнѣнія, брала въ немъ начало та расположенность къ открытію способнымъ, но недостаточнымъ людямъ благоприятнаго поприща къ трудамъ и употребленію своихъ способностей. И сколько таковыхъ, кои обязаны ему всѣмъ, что имѣютъ теперь отъ своего труда!—а паче тѣмъ, что, гнетомые обстоятельствами, не потеряли того, что имѣли отъ природы. Отсюда-то истекала въ почившемъ и готовность являться съ усердною помощію вездѣ, гдѣ того требовала нужда ближнихъ. Въ доказательство сего довольно указать на ту жертву, которую принесъ онъ къ возсозданію изъ пепла града Тулы, и которая самою огромностію своею показала, что успшій трудами своими стяжалъ себѣ благородство не имени токмо, но и духа.

При такомъ благонастроеніи мыслей и чувствъ, могла ли быть забыта усопшимъ св. Церковь, съ ея нуждами? Не ожиданная еще, судя по состоянію здоровья и силъ, кончина, не допустила его привести въ исполненіе всѣхъ благихъ помысловъ на пользу Церкви и ея служителей: но и то, что сдѣлано, ясно показываетъ, какъ много дорожилъ онъ названіемъ истиннаго сына Церкви, какъ близко къ сердцу принималъ онъ все, что относится къ благоустройству храмовъ Божіихъ. Здѣсь опять, вмѣсто всѣхъ другихъ доказательствъ, довольно указать на храмъ, недавно воздвигнутый надъ почившими братіями нашими, подъ сѣнь коего грядетъ теперь и главный строитель его. Частныхъ благотвореніи не исчисляемъ: они явятся тамъ, гдѣ не будетъ забыта чаша студеной воды, поданной во имя Спасителя.

Послѣ всего этого, что остается сродникамъ и друзьямъ усопшаго, какъ, отерши слезы горести, возблагодарить Господа за тѣ благословенія, коими ущедрена была вся жизнь его? Возблагодарить за тѣ способности, коими отличенъ и украшенъ онъ былъ отъ самаго рожденія,—возблагодарить за тѣ успѣхи, коими знаменовались всѣ омагія предпріятія и дѣла его; возблагодарить за сохраненіе сердца и души его отъ множества соблазновъ и искушеній, коими окружено было его поприще;—возблагодарить за то чувство вѣры, смиренія и преданности въ волю Божию, кои сопровождали его до самой кончины! Ищетъ ли скорбящее надъ симъ гробомъ сердце и еще способа выразить свое усердіе къ лицу почившаго? Да обратится къ молитвамъ о успокоеніи души

его и къ благотвореніямъ въ память его. Се жертва, которую одну онъ можетъ теперь принять отъ насъ, и въ коей имѣеть не малую нужду. Ибо кто поживетъ и не согрѣшитъ? Тѣмъ паче, о комъ изъ щедренныхъ дарами счастья земнаго, можно сказать, что онъ никогда не увлекался суетою міра, не предпочиталъ тлѣннаго вѣчному, не позволялъ въ себѣ плоти и крови брать верхъ надъ духомъ и совѣстью? Увы, отъ начала міра замѣчено и до конца міра пребудетъ вѣрнымъ, что дары счастья земнаго суть самое опасное искушеніе для чистоты духа и сердца, что они если не совращаютъ земнаго странника съ пути истины и долга, то много отъемлютъ у него тѣхъ совершенствъ, кои необходимы, дабы войти непостыдно въ свѣтлый чертогъ Отца небеснаго.

Имѣя въ виду сіе, соединимъ, оратіе мое, съ моленіемъ св. Церкви и нашу молитву объ усопшемъ рабѣ Божіемъ, да благодать Господня, немощная врачующая и восполняющая оскудѣвающее, восполнить отъ богатства своего то, чего не окажется изъ жизни и дѣяніи его на вѣсахъ правды Божіей, и въ возмездіе за тѣ кровы, кои онъ созидалъ здѣсь для неимущихъ, ввести его въ свѣтлый чертогъ свой. А мы, препровождая его теперь молитвенно ко престолу небеснаго Мздовоздаятеля, почитаемъ за долгъ, по примѣру Апостола, обратиться у сего гроба къ тѣмъ, кои щедрены дарами счастья, и сказать имъ: смотрите, что остается человѣку отъ всего труда его, *иль же трудится подъ солнцемъ* (Еккл. 2, 18)! Нагими приходимъ мы въ міръ сей; едва не нагими и отходимъ изъ него. Чѣмъ бы сродники и друзья ни окружили брѣнные останки наши на землѣ, все то съ продолженіемъ времени, вмѣстѣ съ нами, должно обратиться въ прахъ. За первымъ богачемъ, какъ и за послѣднимъ нищимъ, идутъ въ вѣчность одни дѣла его, благія или злыя. Блюдитесь убо, по надеждѣ на богатство тлѣнное, забывать Бога живаго и вѣчнаго. Да не презрится вами ни единъ изъ тѣхъ Лазарей, кои обыкли приметаться у вратъ вашихъ, и кои одни, можетъ быти, останутся нѣкогда друзьями вашими, и будутъ въ состояніи принять васъ въ вѣчные кровы свои (Лук. 12, 34). Обладая многимъ, не порабощайте духа и не прилѣпляйте сердца своего ни къ чему на землѣ, дабы въ противномъ случаѣ, какъ предостерегаетъ Евангеліе (Лук. 16, 9), не осталось тамъ и сердце, гдѣ будетъ его сокровище. Аминь.

СЛОВО

П Р И Д Г Р О Б Ъ П О О В *).

 сть *время молчати* (Еккл. 3, 7), говоритъ Премудрый. Не при гробѣ ли сіе время? Что можно сказать съ сего священнаго мѣста въ назиданіе, о чемъ бы смерть не проповѣдывала самымъ убѣдительноѣйшимъ образомъ? Говорить ли о суетѣ вещей человѣческихъ и въ особенности о суетѣ человѣческой жизни? Взгляните на гробъ сей: смерть неизгладимыми буквами начертала на немъ: *суета суетъ, все суета* (Еккл. 1, 3). Говорить ли о всеразрушающей силѣ грѣха, которой человѣкъ подвергъ себя чрезъ произвольное преступленіе заповѣди эдемской? Взгляните на гробъ сей, и увидите, коль остро жало грѣха. Говорить ли о неизмѣняемости Божественныхъ опредѣленій? Взгляните на гробъ сей: въ немъ видимо совершается непремѣняемое опредѣленіе: *земля еси, и въ землю отыдеши* (Быт. 3, 19). Но можно ли исчислить все то, чему поучаетъ насъ безмолвный гробъ сей? Смотрите пристальноѣе на лежащаго въ немъ, и каждый въ обезображенномъ смертно лицѣ его найдетъ сродное себѣ назиданіе, — только помните, что каждый изъ насъ, рано или поздно, долженъ, подобно ему, лечь во гробъ.

Смерть всему поучаетъ насъ; токмо одно не исходитъ изъ устъ ея. Она не говоритъ намъ, что ея область разрушена; что страхъ ея не существуетъ болѣе для истиннаго христіанина. Когда

* Говорено въ братскомъ монастырѣ, при погребеніи тѣла студента кievской духовной академіи. въ бытность преосвященнаго ректоромъ к. а. академіи.

же приличнѣе и нужнѣе раскрыть и утвердить сію утѣшительную истину, какъ не въ настоящія минуты сѣтованія, когда смерть среди храма, посвященнаго Богу живыхъ, предъ лицемъ святылища, въ которомъ течетъ источникъ нетлѣнія, держа во узлахъ своихъ плѣнника, повидимому, торжествуетъ свою побѣду, и когда самый христіанинъ, не зря во гробъ ничего, кромѣ разрушенія, подвергается искушенію своея вѣры? Игакъ, огласимъ гробъ сей размышленіемъ о томъ, что для истиннаго христіанина смерть ничего не имѣетъ въ себѣ страшнаго.

Смерть можетъ казаться страшною для человѣка съ трехъ сторонъ. Она устрашаетъ во первыхъ человѣка неизвѣстностію продолженія бытія человѣческаго за гробомъ; во вторыхъ, извѣстностію того, что, если наше бытіе продолжается за гробомъ, то мы должны впасть въ руки правосудія Божія; наконецъ, смерть можетъ устрашить человѣка тѣмъ, что лишаетъ его наслажденія благами, свойственными настоящей жизни.

Смерть устрашаетъ человѣка неизвѣстностію продолженія его бытія за гробомъ. Тщетно разумъ усиливается разогнать сей страхъ; возбуждая въ человѣкѣ надежду безсмертія, онъ болѣе въ семъ случаѣ обѣщаетъ, нежели доказываетъ; оолѣе располагаетъ къ вѣрованію, нежели производитъ вѣру въ будущую жизнь. Посему-то самые отличные мудростію язычники, бывъ преисполнены желаніемъ безсмертія, не были совершенно свободны отъ сомнѣнія въ сей утѣшительной истинѣ. Посему-то между причинами, почему не должно страшиться смерти, они полагали и сію оскорбительную для разума, безотрадную для сердца мысль, что смерть не заключаетъ въ себѣ ничего страшнаго, хотя бы служила уничтоженіемъ для человѣка; поелику чрезъ сіе уничтоженіе человѣкъ возвращается въ то положеніе, въ которомъ находился до рожденія. Такимъ образомъ разумъ освобождалъ отъ страха тѣмъ, что само по себѣ ужасно—уничтоженіемъ.

Христіанинъ совершенно свободенъ отъ сего страха, будучи совершенно увѣренъ, что гробъ не есть конецъ бытія его. И можно ли не быть увѣреннымъ въ сей истинѣ, будучи христіаниномъ? Что значитъ вся совокупность христіанскихъ истинъ, какъ не единое и вмѣстѣ многообразное доказательство безсмертія, доказательство столь же твердое, сколь твердо основаніе христіанства? Сынъ Божіи рождается въ яслѣхъ, во всю жизнь не имѣетъ гдѣ подклонить главу; почему?—потому, что царство Его нѣсть отъ міра сего. Сіе предполагаетъ безсмертіе. Христіане не должны страшиться безсмертія тирановъ, которые повергають ихъ въ тем-

численныхъ мѣстахъ свидѣтельствуеть, что Іисусъ Христосъ умеръ за грѣхи наши, что Онъ подъялъ мученія, дабы насъ избавить отъ мукъ вѣчныхъ. Притомъ, если бы смерть Іисуса была токмо печатію истины Его ученія: то какую бы силу имѣли ветхозавѣтныя жертвы, которыя прообразовали смерть Мессіи, и которыя были приносимы для очищенія отъ грѣховъ? Почему бы св. писатели спасеніе наше представляли возможнымъ токмо подъ условіемъ вѣры въ заслуги Іисуса? Если же спасеніе наше приписывается смерти Іисуса Христа потому, что ею запечатлѣна истина ученія Его, которое спасаетъ насъ; то почему бы не приписывалось спасеніе наше чудесамъ Іисуса, которыя также служатъ сильнымъ доказательствомъ Божественности Его ученія? Наконецъ, если бы Іисусъ захотѣлъ умереть для того токмо, дабы доказать, что Онъ—посланникъ Божій: то для сего можно бы найти легчайшее средство. Если бы Іисусъ явился на горѣ Сіонской, какъ нѣкогда являлся на Синайской, если не съ громами и молніями, такъ какъ сіе не приличествовало завѣту благодати, то съ сонмами Ангеловъ, которые и въ царствѣ благодати восходятъ надъ Сына человѣческаго: то ожесточенные враги Его, можетъ быть, скорѣе бы повѣрили Его Божественному посольству, нежели когда Онъ умеръ за истину своего ученія.

Взглянемъ еще, слушатели, на Іисуса въ саду Геосиманскомъ, готовящагося къ смерти, дабы совершенно увѣриться, что смерть Его есть жертва за грѣхи наши. Приближаясь къ смерти, Онъ долженъ былъ исполняться радостію. Ибо какъ Онъ отходилъ отъ міра сего? съ совершенною увѣренностію, что Онъ во всю свою жизнь исполнялъ волю Отца своего, и явилъ имя Его человѣкамъ; что смерть Его, подобно смерти зерна горушичнаго, принесетъ много плодъ для всего рода человѣческаго; что Его ожидаетъ у Отца слава, которою Онъ наслаждался прежде сложенія міра; наконецъ отходить съ совершенною увѣренностію, что Отецъ праведный не дастъ Преподобному своему видѣти истиннаго; все сіе не должно ли было произвести въ душѣ Іисуса радости при Его отшествіи изъ сего міра, тѣмъ паче, что Онъ возбуждалъ учениковъ своихъ радоваться о томъ, что Онъ идетъ къ Отцу? И если ученики Его впослѣдствіи съ радостію текли на смерть, то можно ли подумать, чтобы Начальникъ и Совершитель вѣры ихъ скорбѣлъ, отходя на крестъ? Между тѣмъ, что видимъ мы въ Іисусѣ? Скорбь глубокую, капли кроваваго пота, слезные вопли, *да тито идетъ чаша сія* (Матѳ. 26, 39). Отъ чего такое различіе между смертію учениковъ Іисусовыхъ и самаго

Исуса? Отъ того, что тѣ находили смерть уже обезоруженною; тѣ шли къ судилищу милосердія, а Сей къ судилищу правосудія. Кратко, Исусъ скорбѣлъ предъ смертію потому, что смерть Его была жертвою за грѣхи человѣческіе.

Исусъ умеръ за грѣхи мои, вѣщаетъ любящая Его душа; по-сему я не страшусь болѣе стрѣлъ небеснаго правосудія. Пусть ангель-истребитель возноситъ на меня мстительную десницу; онъ не найдетъ во мнѣ ни одного мѣста, которое не было бы покрыто кровію Божественнаго Агнца. Пусть князь тьмы представитъ одесную меня, какъ нѣкогда онъ предсталъ одесную первосвященника Исуса, и указываетъ на гнусныя ризы моеи естественной нечистоты; я уже слышу утѣшительный гласъ Отца небеснаго: *отнимите ризы гнусныя отъ него* (Зах. 3, 4), и облеките его во одѣяніе бѣло.

Наконецъ, смерть можетъ казаться страшною для человѣка потому, что лишаетъ его наслажденія благами настоящей жизни. Въ самомъ дѣлѣ, сколь ни не совершенны сіи блага, тѣмъ не менѣе весьма прискорбно разлучаться съ ними тому, кто не увѣренъ, что за гробомъ онъ будетъ наслаждаться, если не лучшими, то по крайней мѣрѣ подобными благами.

Но для истиннаго христіанина и сей страхъ не существуетъ онъ совершенно увѣренъ, что, теряя чрезъ смерть блага земныя, онъ получаетъ блага небесныя, несравненно высшія. Смерть Исуса Христа, будучи жертвою за грѣхи, вмѣстѣ служитъ печатію того блаженнаго завѣта, коимъ сей Ходатай Бога и человѣковъ утвердилъ приобрѣтенное Имъ сокровище любви Божіей за вѣрующими во имя Его. Какія же сіи сокровища? Ахъ! они столь много превышаютъ всѣ блага земныя, что самые св. писатели, которые вѣщали Духомъ Божіимъ, не могли иначе выражать ихъ, какъ токмо чертами сравнительными и даже отрицательными. Такъ жилище небожителей они представляютъ въ видѣ града, коего *основаніе украшено всякимъ каменіемъ драгимъ* (Апок. 21, 19), *коего дванадцать вратъ* (тамъ же ст. 21) *суть дванадцать бисеровъ, коего стогны злато чисто, яко стекло пресвѣтло* (тамъ же ст. 22), въ коемъ нѣтъ *уже храма*, поелику *самъ Господь Богъ Вседержитель храмъ ему есть и Агнецъ*, который не требуетъ *солнца и луны, да свѣтятъ въ нелтъ, слава бо Божія просвѣти его и свѣтильникъ его Агнецъ* (Апок. 21, 23). Вообще же за признаніе св. писателей можно почитать свидѣтельство одного изъ нихъ, который говоритъ, что *яже око не*

видѣ, ухо не слыша, и на сердце чловѣку не взыдоша (1 Кор. 2, 9), *сія уготова Богъ любящиль Его.*

И мы, имѣя обѣтованіе толикихъ благъ въ мірѣ грядущемъ, еще не хотимъ разстаться съ міромъ настоящимъ, который весь во злѣ лежитъ: и Ангелъ смерти еще долженъ, такъ сказать, насильно восхищать насъ изъ среды суеты, дабы преставить въ обитель вѣчнаго покоя! О, суетныя блага міра! доколѣ вы будете приводить у насъ въ забвенеіе небесное наше отечество? О, сокрушенныя кладенцы мірскихъ удовольствіи! доколѣ мы будемъ возлежать надъ вами, не помышляя объ источникѣ воды живыя? Душа безсмертная, душа омытая кровію Сына Божія, душа—наслѣдница вѣчныхъ благъ! воспріими полеть, достойный тебя, вознесись надъ страхомъ смерти, пари къ источнику бытія твоего.

Но тщетно, слушатели, будемъ возбуждать духъ къ презрѣнню смерти, если въ насъ нѣтъ сѣмени живота вѣчнаго. Смерть не страшна для истиннаго христіанина; а для ложнаго, каковы всѣ устные христіане, она страшнѣе, нежели для язычника. Посему будемъ стараться о томъ, чтобы содѣлаться истинными христіанами; будемъ умерщвлять земныя уды наши, влекущія насъ долу; будемъ водворять въ себѣ смерть Христову, которая есть единственное сѣмя живота вѣчнаго. Паче же всего будемъ любить исуса; любовь къ Нему содѣлаетъ въ насъ все, что нужно для побѣжденія страха смертнаго. Теперь мы имѣемъ много утѣшителей, собесѣдниковъ, друзей; но въ часъ смерти одинъ будетъ утѣшитель, собесѣдникъ и другъ—Исусъ.

Мы не дерзнемъ вопрошать тебя, почивающій сномъ смертнымъ; но мы увѣрены, что если бы языкъ твой, связанный смертію, разрѣшился: то ты собственнымъ опытомъ подтвердилъ бы, что Исусъ есть единственное утѣшеніе для умирающихъ, подобно какъ Онъ есть единственная надежда для живущихъ. Ибо мы увѣрены, что тебя, проходящаго сѣнь смертную, утѣшало и ободряло ничто другое, какъ Тѣло и Кровь Богочловѣка, коими св. Церковь напутствовала тебя предъ отшествіемъ изъ сего міра; посему ты не удивишься, если мы, воздавъ тебѣ послѣдніи на землѣ долгъ, всѣ благожеланія свои сливаемъ во единое молитвенное желаніе, чтобы Исусъ былъ твоимъ прибѣжищемъ въ вѣчности. Покойся, любезный братъ нашъ, въ обителяхъ Отца небеснаго, уготованныхъ для насъ Исусомъ; рано или поздно и мы придемъ къ тебѣ и соединимся съ тобою въ училищѣ небесной премудрости. Аминь.

РѢЧЬ

ПРИ ПОГРѢБѢНІИ СТУДЕНТА АНДРЕЯ И.

Въ *чесолѣ* исправитъ юнѣйшій путь свой (Псал. 118, 9)? вопрошалъ нѣкогда Давидъ. Не знаемъ, что заставило царя Израилева спрашивать такимъ образомъ. Но, среди сонма юныхъ, окружающихъ гробъ юнѣйшаго, не можемъ не предложить себѣ того же вопроса. Давно извѣстно, что юность—не оборона отъ преткновеніи на пути жизни; еще тверже знаемъ, что юность—не защита отъ смерти. *Въ чесолѣ же, послѣ сего, исправитъ юнѣйшій путь свой*, когда сей путь столько же требуетъ исправления, какъ и пути другихъ возрастовъ, и, подобно имъ, можетъ пресѣкаться внезапно смертію? Есть ли способъ содѣлать юность зрѣлою для вѣчности? Есть ли средство умирать не рано, умирая въ цвѣтѣ лѣтъ? *Въ чесолѣ же исправитъ юнѣйшій путь свой?*

Всегда сохранили заповѣди Твоя, отвѣчаетъ царь Израилевъ. Такъ! хранение заповѣдей, непорочность совѣсти, чистота души, сердца и жизни суть такія качества, съ коими никогда не рано вступить во врата вѣчности. Добродѣтельный, когда бы ни умиралъ, никогда не умираетъ безвременно; равно какъ порочный никогда не умираетъ благовременно, хотя бы жилъ на землѣ тысячи лѣтъ. Но гдѣ взять истинную и совершенную добродѣтель на землѣ—между человѣками? *Кто похвалится чисто сердце илѣти, хотя бы единъ день былъ житія его на земли* (Іов. 14, 3)? Увы, всѣ мы приходимъ въ міръ сей съ несчастною склонностію къ злу, съ тайнымъ отвращеніемъ отъ закона и долга, съ преобладаніемъ чувственности надъ духомъ, съ нѣкою печатію отверженія! И юности ли пылкой, неопытной, поползновенной,

хвалиться совершеннымъ обузданиемъ зла, живущаго въ природѣ нашей?

Въ часолъ же исправитъ юнѣйшій путь свой, когда сей путь повреждается прежде, нежели вступаютъ на него, и не можетъ оставаться цѣлымъ, какъ бы осторожно ни шли по немъ? — Богъ вдохновенный пѣвецъ псалмовъ не даетъ отвѣта на сей новый вопросъ, хотя и предчувствовалъ его, когда въ восторгѣ примуреннаго съ Богомъ и закономъ сердца восклицалъ: *блаженни, ихъ же оставишиася беззаконія, ихъ же прикрѣпшиася грѣси; блаженъ мужъ, ему же не влѣбнитъ Господь грѣха* (Псал. 31, 1. сл.ч. Рим. 4, 6)! Намъ, чадамъ завѣта новаго и совершеннѣйшаго, намъ дано во всемъ свѣтѣ видѣть тайну блаженства сего, и во всей силѣ наслаждаться имъ. Крестъ, всеизглаждающій и вознаграждающій крестъ—вотъ средство для всѣхъ, и юныхъ и старыхъ и самыхъ младенцевъ, къ исправленію путей своихъ! Вѣра въ заслуги Искупителя, соединенная съ живою любовью къ Нему и Его заповѣдямъ, вотъ единственное напутіе, съ коимъ никогда не страшна сѣнь смертная! Кто переходитъ въ вѣчность со крестомъ въ рукахъ и сердцѣ, тотъ переходитъ всегда благовременно; ибо такой имѣетъ въ себѣ залогъ и *сѣмя* (1 Іоан. 5, 12) *жизни* вѣчной. Продолженіе земнаго бытія не много можетъ придать такой душѣ,—скорѣе, въ нѣкоторыхъ, можетъ препятствовать развитію божественнаго сѣмени. Стократъ достойнѣе сожалѣнія тотъ, кто, долго странствуя на землѣ, не успѣлъ приобрѣсти сего единаго негибнущаго сокровища — вѣры въ Искупителя. Что значитъ долговременная жизнь такового?—потеря времени, трудъ погубленный, суета суеть. А смерть?—начало вѣчнаго несчастья.

Знаю, что вамъ, какъ питомцамъ благочестія, измлада извѣстны сіи важныя истины. Но отречетесь ли приложить вниманіе къ нимъ, когда онѣ обращаются къ вамъ отъ лица, лежащаго въ семъ гробѣ, собрата нашего? Ему не суждено достигнуть общаго съ вами предназначенія—быть наставникомъ для другихъ словомъ и жизнью; за то предоставлено право преподавать вамъ, сверстникамъ своимъ, незабвенный урокъ своею смертію. Урокъ сей единственъ для него, единственъ долженъ быть и для васъ!—Никто изъ васъ, надѣюсь, не забудетъ смерти его; не забудьте же и урока, ею преподаннаго, того урока, что юность и крѣпость силъ человѣческихъ ничто предъ смертію, что упованіе непостыдное для юнаго и престарѣлаго, въ жизни и смерти—одно — крестъ Господа Іисуса!

Памятуя сіе, старайтесь паче всего быть теперъ прилежнѣйшими

учениками креста, дабы современемъ сдѣлаться и благоуспѣшнѣйшими проповѣдниками сего же креста. Пусть другіе поставляютъ свою мудрость во множествѣ стихійныхъ познаній; ваша мудрость должна быть — въ разумѣніи креста! — Пусть другіе ищутъ счастья жизни въ наслажденіяхъ житейскихъ: отраду вашего духа, жизнь вашего сердца долженъ составлять — крестъ! Тяжело иногда будетъ держать среди разныхъ тревоженій жизни это священное знамя спасенія; за то оно поддержитъ васъ самихъ тогда, когда все оставитъ васъ; съ нимъ спокойно вступите во врата смерти, съ непостыдною надеждою явитесь къ Судіи живыхъ и мертвыхъ.

Что изречь тебѣ, отходящии отъ насъ питомецъ креста? Привѣтствуемъ тебя съ раннимъ окончаніемъ великаго подвига жизни. Продолжительная и тяжкая болѣзнь твоя ручается для насъ, что подвигъ сей оконченъ не безуспѣшно, что крестъ, который держишь ты теперь въ недвижной рукѣ своей, недвижимо утвержденъ и въ сердцѣ твоёмъ. Продолжай и оканчивай тамъ, что началъ здѣсь! — Господь и благодать Его съ тобою! — Аминь.

СЛОВО

ПО ЗАУПОВОЙНОЙ ЛИТУРГИИ *).

Упокой, Господи, души усопшихъ рабъ
Твоихъ!

Уто бы значило, что мы усопшимъ братіямъ нашимъ ничего не желаемъ и ничего не просимъ въ нашихъ молитвахъ о нихъ, кромѣ успокоенія? Очевидно, такимъ прошеніемъ предполагается въ нихъ недостатокъ покоя. Но откуда сей недостатокъ? У насъ можетъ недоставать покоя отъ болѣзни и недуговъ тѣлесныхъ: тамъ нѣтъ тѣла, нѣтъ и болѣзней тѣлесныхъ. У насъ тревожатся отъ бѣдности и недостатковъ въ жизненныхъ потребностяхъ: тамъ нѣтъ этой бѣдности, не нужна ни пища, ни одежда. У насъ беспокоятся и страдаютъ отъ притѣсненій и неправдъ: тамъ нѣтъ мѣста насилію; каждому воздается должное. Отъ чего же не достаетъ покоя усопшимъ братіямъ нашимъ?

Первая причина сего возникаетъ долу, изъ нашего міра, ими оставленнаго. Не напрасно сказано, братіе мои, въ Евангелш, что *идѣже сокровище ваше, ту будетъ и сердце ваше* (Матѣ. 4, 21). Это сокровище можетъ состоять не въ однихъ богатствахъ и драгоценностяхъ, а во всемъ, къ чему сильно привязано сердце наше, хотя бы это было самое малое и ничтожное. Теперь представьте, что человѣкъ окончилъ жизнь и отошелъ отъ сего міра. Если его сокровище, то есть, къ чему привязано его сердце, было на небеси, состояло въ благахъ духовныхъ и вѣчныхъ; то онъ

*) Сказанное въ селѣ Тернахъ, Лебединскаго уѣзда, въ домової церкви князя Щербатова, 17 августа 1845 года.

тотчасъ начинаетъ пользоваться имъ и потому совершенно спокоенъ: ибо достигъ того, чего желалъ, имѣетъ то, что любитъ. Но вообразите, что небо для него было чуждо, что это сокровище все осталось на землѣ, что онъ видитъ и чувствуетъ, что лишился его навсегда. Не явно ли, что отъ сего должны произойти скорбь и томление въ бѣдной душѣ? Что она будетъ мучиться и страдать дотолѣ, пока не освободится отъ привязанности къ тому, что оставила на землѣ? А скоро ли можетъ быть сіе? и въ состояніи ли бѣдная душа сблгать сіе сама? Для сего необходима совершенная перемѣна во всѣхъ ея мысляхъ и чувствахъ, надобно, чтобы она перестала любить, почла худымъ и недостойнымъ себя то, въ чемъ дотолѣ полагала все свое блаженство, и начала находить удовольствіе въ томъ, что прежде нисколько не занимало ее, было ей даже противно. Все это, по самому свойству души нашей, не можетъ произойти въ человѣкѣ безъ великаго насилія своимъ наклонностямъ, безъ крѣпкой борьбы съ своимъ сердцемъ и, слѣдовательно, не безъ сильныхъ страданій.

Отъ сего-то томления внутренняго просимъ мы успокоенія отшедшимъ отъ насъ отцамъ и братіямъ нашимъ. Упокой, Господи, говоримъ мы, души ихъ! Приведи у нихъ въ забвеніе всю суету земную, отрѣши сердце ихъ отъ пристрастія къ тлѣнному, ими оставленному, да научатся находить пищу и радость не въ обладаніи благами скоропреходящими, а въ исполненіи святой воли Твоей, да поревнуютъ примѣру чистыхъ духовъ, окружающихъ престолъ Твой, и начавъ жить ихъ жизнію, да обрѣтутъ такимъ образомъ покой мятущимся мыслямъ и чувствамъ своимъ!

Вторая причина, отъемлющая покой у прешедшихъ отсюда братіи нашихъ, можетъ сокрываться въ нихъ самихъ, въ ихъ совѣсти, обличающей дѣянія неправыя и угрожающей судомъ страшнымъ.

И въ продолженіе жизни согрѣшающіи терпятъ угрызенія совѣсти, но сіи угрызенія бывають слабы потому, что совѣсть дѣйствуетъ не всегда сильно.. Притомъ, человѣкъ находитъ здѣсь разные способы заглушать свою совѣсть. Не то по смерти. Тамъ нечѣмъ заглушить совѣсти. Тамъ душа, можно сказать, вся состоитъ изъ совѣсти; посему угрызенія ея за грѣхи не великіе токмо, но и малые, неотразимы и тяжки.

Но поелику трудно найти человѣка, который бы не уносилъ съ собою за гробъ грѣховъ своихъ; то нѣтъ человѣка, исключая

праведниковъ совершенныхъ, который бы не страдалъ по смерти отъ упрековъ своей совѣсти.

Имѣя въ виду такое состояние усопшихъ братіи нашихъ, св. Церковь, по любви къ нимъ, заставляетъ насъ обращаться съ молитвою о нихъ ко Владыкѣ живыхъ и мертвыхъ. Упокой, Господи, души усопшихъ рабъ Твоихъ, взываемъ мы: коснись, то есть, благодатию Твоею ихъ совѣсти и умири ее! Излей на внутреннія язвы сердца ихъ елей милосердія Твоего! да угаснетъ внутренній пламень, да потребится терзающій душу червь! Ожидая съ трепетомъ будущаго суда Твоего, да зрять они въ тоже время очами вѣры въ лицѣ Судии и своего Ходатая и да успокоиваются упованиемъ на всепокрывающія заслуги Его!

Наконецъ, души усопшихъ братіи нашихъ, находясь въ области духовъ, могутъ терпѣть нападенія отъ мытарствъ князя тьмы. Ибо вѣрно слово писанія: *имъ же кто побѣждается, селу и работень есть*. Посему кто, живя на землѣ, попускалъ побѣждать себя духамъ злобы пороками и страстями, тотъ симъ самымъ подпалъ злополучной возможности подлежать ихъ темному вліянію. Хотя мы не можемъ опредѣлить, въ чемъ состоитъ оно и какъ приражается область тьмы къ душамъ по смерти: но нельзя и представить сего прираженія безъ того, чтобы въ тоже время не вообразить себѣ жалкаго положенія души, находящейся подъ дѣйствіемъ духа злобы поднебесной.

И вотъ новое понужденіе къ молитвѣ объ усопшихъ братіяхъ нашихъ. Упокой, Господи, души ихъ, говоримъ мы; то есть, прости надъ ними завѣсу Твоего всемогущаго заступленія! да не дерзаютъ приближаться къ нимъ духи злобы и лукавства! да напутствуетъ ихъ Ангелъ свѣта, мира и радости! да улучатъ они себѣ пребываніе въ тѣхъ обителяхъ, о коихъ возвѣстилъ намъ возлюбленный Сынъ Твой, и кои уготованы для вѣрующихъ во имя Твое!

Какъ ни слабо сіе нѣмотствование наше предъ вами о тайнѣ бытія вашего за гробомъ: но и изъ него можете видѣть, братіе мои, сколь глубоко смыслъ краткой молитвы, столь часто повторяемой при поминовеніи усопшихъ, и какъ потому нужно отъ всего сердца, а не одними устами произносить ее. Велика сила молитвы, когда она растворена живою вѣрою въ Спасителя нашего и живою любовью ка усопшимъ братіямъ нашимъ: она проходитъ небеса, достигаетъ престола Всевышняго и низводитъ на нихъ покой и радость.

Итакъ, будемъ неослабно молиться объ усопшихъ и призывать на нихъ покой отъ Господа. А между тѣмъ, молясь о нихъ, не будемъ забывать при семъ и собственного жребія, насъ ожидающаго. Ибо что теперъ съ ними, то будетъ и со всѣми нами. Имъ нельзя уже возвратиться къ намъ, для возвращенія покоя душъ своей! а намъ ничто не препятствуетъ принимать всѣ мѣры къ нашему будущему успокоенію по смерти.

Для сего — первое — поспѣшимъ освободить себя, сколько можно болѣе, отъ всѣхъ узъ и пристрастій земныхъ, дабы по смерти ничто не влекло нашу душу и сердце долу — да не возлюбимъ, какъ учить Евангеліе, ничего паче Бога: тогда по смерти мы будемъ свободны и довольны своею участію.

Во вторыхъ — поспѣшимъ омыть неправды наши слезами истиннаго покаянія и облечься вѣрою въ заслуги Христовы. Такимъ образомъ мы примиримся съ Богомъ и своею совѣстію; а, примиренные, не будемъ по смерти имѣть причины возмущаться отъ представленія нашихъ грѣховъ, яко уже изглаженныхъ крестомъ Христовымъ.

Въ третьихъ—будемъ хранить себя, благодатію Божіею, отъ всякихъ навѣтовъ духа тѣмы. Ибо кто *блюдетъ себя*, говоритъ св. Іоаннъ, *къ толу лукавый не прикасается* (1 Іоан. 5, 18). Не получивъ чрезъ грѣхъ и страсти наши права надъ нами здѣсь, онъ не дерзнетъ посему приблизиться къ намъ и тамъ.

Кратко — приучимъ себя на землѣ жить по небесному: и небо, куда пойдѣмъ мы, приметъ насъ какъ своихъ; мы вступимъ въ стихію уже себѣ сродную, въ коей потому срѣтитъ насъ не болѣзнь и воздыханіе, а покой и радость, кои да будутъ дано улучшить всѣмъ намъ благодатію Господа нашего Ісуса Христа, Ему же слава во вѣки! Аминь.

СЛОВО

П А Д Г Р О Б Ъ П О О.

 то сіе, еже о насъ бысть таинство? Како предахомся тлѣнню? Како сопрягохомся смерти? Воистинну Бога повелѣниемъ, якоже писано есть, подающаго преставльшимся успокоение.—

Такъ при каждомъ гробѣ вопрошаетъ св. Церковь. Всѣ тайны божественнаго міроправленія ясны для нея; одинъ гробъ постоянно тревожитъ ея матернее сердце. Тутъ она всякій разъ какъ бы отрекается отъ своихъ высокихъ правъ невѣсты Христовой, смиренно нисходитъ въ кругъ болѣзнующихъ скорбію чадъ своихъ, и вмѣстѣ съ ними жалостно вопрошаетъ: что это за страшное совершается надъ нами таинство? Какъ мы, созданные по образу Бога безсмертнаго, подверглись смерти и тлѣнню? Какъ намъ, видимо превознесеннымъ надъ всѣмъ міромъ, суждено обращаться въ персть подобно безсловеснымъ?

Смерть человѣка—подлинно великое таинство! Не тайна ли—вчера человѣкъ, существо разумное, чувствующее, обтекающее мыслію небо и землю, дышащее безсмертіемъ и вѣчностію, способное ити сто разъ на самую смерть; а нынѣ — трупъ хладный, недвижимый, гнущій и приводящій въ ужасъ все живущее! И—опять не тайна ли, что это ужасное тлѣніе служитъ для насъ банею пакибытія, что въ семъ жалкомъ брени таится ростокъ жизни вѣчной, что подъ симъ распадающимся, отвратительнымъ рубищемъ сокрываются драгоцѣнныя ризы брачныя! — Кто въ состояніи изъяснить сіи противоположности? — Тщетно бѣдный разумъ человѣческій въ продолженіе цѣлыхъ

тысячелѣтіи усиливался разогнать мракъ гроба, проникнуть въ тайну смерти: печать доселѣ цѣла, покровъ непроницаемъ! И къ чему же наконецъ обратился несчастный? Къ тому, что смерть яко бы совершенно естественна чловѣку, что иначе никогда не было и быть не можетъ. Почему такъ? Потому, говорить земное мудрование, что все, сложенное изъ частей, должно, рано или поздно, разрушиться и умереть. Жалкое мудрование! А не ты ли, лжеименный разумъ, въ тоже время утверждаешь, что міръ вѣченъ и будетъ существовать всегда? Развѣ же онъ не сложенъ изъ частей? И гдѣ больше сихъ частей, въ мірѣ или тѣлѣ чловѣческомъ? Если же сложность не препятствуетъ большему міру быть, по твоему сужденію, неразрушимымъ и бессмертнымъ; то почему бы, вслѣдствіе сей же самой сложности, долженъ неминуемо подлежать смерти и разрушенію малый міръ, то есть чловѣкъ? Не сложность частей производитъ смерть (она только условіе тѣлесной жизни), а беспорядокъ сихъ частей, вражда и борьба силъ, отсутствіе мира и единства. Но кто можетъ сказать, и если бы сказалъ, чѣмъ доказать, что сего единства, сего согласія не было и быть не можетъ? Не къ тому ли стремится самая послѣдняя борьба силъ тѣлесныхъ въ чловѣкѣ, чтобы возвратитъ его? Что самая смерть, какъ не порывъ къ бессмертію?

Какъ просто и вмѣстѣ глубоко, превыше разума, и вмѣстѣ удовлетворительно для самаго строгаго разума, разрѣшаетъ тайну смерти слово Божіе!—Мы созданы были для бессмертія и снабжены къ тому всѣми средствами: но не устояли въ своемъ назначеніи, вкусили отъ плода запрещеннаго, отравили себя ядомъ грѣха, и вслѣдствіе сего подверглись смерти. Что простѣе и удовлетворительнѣе сего отвѣта? — Не повторяется ли и нынѣ, въ маломъ видѣ, сей несчастный опытъ, когда чловѣкъ вкушаетъ что либо вредоносное и умираетъ? Не приводитъ ли иногда и нынѣ грѣхъ за собою смерти видимо, напримѣръ въ сильномъ гнѣвѣ, даже въ сильномъ смѣхѣ?.. Зачѣмъ же недоумѣвать и спорить, когда смерть сказывается такимъ образомъ о своемъ происхожденіи сама собою?

Но св. вѣра не только изъясняетъ намъ начало смерти, но указываетъ и на конецъ ея, о чемъ разумъ самъ по себѣ не смѣетъ и помыслить. По ея ученію, мы предаемся смерти не яко овцы заколенія, въ добычу всегдашнюю, невозвратимую, но какъ узникъ стражу, на заключеніе временное. Настанетъ часть, какъ учить св. вѣра, когда всѣ, *сушіе во гробѣхъ, услышатъ гласъ*

Сына Божія, и услышавше оживуть; и изыдутъ сотвориши благая въ воскресеніе живота, а сотвориши злая въ воскресеніе суда. Желаемъ знать, откуда сія новая отрадная тайна? Какъ среди тлѣнія и смерти возсіяло нетлѣніе и жизнь? Вѣра вполнѣ отвѣтствуетъ и на сіи вопросы. Мы воскреснемъ потому, говоритъ она, что держава смерти разрушена.—Кѣмъ? Сыномъ Божиимъ, нашимъ Спасителемъ. Какъ и чрезъ что? чрезъ то, что Онъ, облеченный нашею плотью, будучи источникомъ жизни, благоволилъ подвергнуться смерти, сойти во гробъ, и тамъ, отъ полноты Божества своего, возсіять жизнь и воскресеніе. Что можетъ быть для здраваго смысла удовлетворительнѣе сего изъясненія? Не случается ли видѣть, какъ сильное врачество прогоняетъ и уничтожаетъ самую лютую болѣзнь? Какъ неразрушимыя вещества, соединившись съ тлѣнными, спасаютъ ихъ отъ тлѣнія на многіе вѣка? Что же удивительнаго, если вочеловѣченіе Сына Божія измѣнило природу человѣческую на лучшее? Если океанъ жизни, излившись чрезъ смерть Богочеловѣка въ область смерти, наполнилъ собою всѣ входы и исходы ея, и во всѣ гробы внесъ начало воскресенія? Какова причина, таково и дѣйствіе: Искупитель нашъ есть Богъ всемогущій; послѣ сего могла ли быть сомнительною побѣда надъ смертію?

Итакъ, если бы кто спросилъ тебя нынѣ, христіанинъ: *како предахотся тлѣнію? како сопрягохотся смерти?* Ты твердо вмѣстѣ съ Церковію можешь отвѣчать: *Бога повелѣниемъ*, Бога правосуднаго, который не можетъ не карать нарушенія вѣчныхъ законовъ правды своей, не могъ посему не предать человѣка грѣшника слѣдствіямъ его же собственнаго грѣха, коего *оброцы смерть*. Равнымъ образомъ, если бы кто спросилъ тебя, христіанинъ: какъ мы воскреснемъ? Чьею силою возстанемъ изъ гробовъ своихъ? Ты твердо, вмѣстѣ съ словомъ Божиимъ, можешь отвѣчать: *Бога повелѣниемъ*, Бога милосердаго, который для воскресенія нашего послалъ едиороднаго Сына своего, за насъ умершаго и для насъ воскресшаго. Да, братіе, христіанинъ можетъ отвѣчать на сіи вопросы, къ коимъ разумъ со всею земною мудростію своею и подойти не смѣетъ. И спю-то вѣру, всепросвѣщающую, разсѣвающую мракъ самаго гроба, дерзаютъ иногда называть темною!

Ахъ, если бы мы были безпристрастны и судили какъ должно, то по сему самому уже познавали бы происхожденіе вѣры нашей свыше. Тогда какъ мудрость земная ограничиваетъ всѣ наставленія, самыя обѣщанія свои тѣмъ, что она просвѣтитъ разумъ

нашъ, образуешь волю, укажешь что намъ дѣлать и какъ достигать счастья на землѣ, — св. вѣра, кромѣ всѣхъ сихъ благъ, доставляемыхъ ею въ самомъ лучшемъ и чистѣйшемъ видѣ, беретъ человѣка за руку, изводитъ его на кладбище, и говоритъ: смотри—ты смертенъ и потому ужасно несчастенъ; жаждешь безсмертія и не можешь видѣть ничего далѣе гроба; я разсѣю этотъ жалкій мракъ, объясню тебѣ сію тайну; вотъ какъ ты подвергся тлѣнню, вотъ какъ ты можешь опять стяжать жизнь вѣчную! — Кто могъ на землѣ вѣщать такимъ языкомъ? принять на себя разрѣшеніе такой задачи? сразиться съ смертію, обнажить ея слабость и указать въ самомъ гробѣ начало жизни вѣчной?

Познаемъ же превосходство св. вѣры нашей и научимся быть благодарными за тайну безсмертія, ею намъ открываемую.

Въ чемъ должна состоять сія благодарность? Въ томъ, во первыхъ, чтобы мы не скорбѣли безотрадно о умершихъ, подобно людямъ, не имущимъ упованія: ибо такая скорбь показала бы, что мы не вѣримъ сердцемъ тому, что исповѣдуются нашими устами. — Въ томъ, во вторыхъ, чтобы мы со всею точностію и усердіемъ выполняли тѣ святыя условія, подъ коими слово Божіе обѣщаетъ намъ жизнь вѣчную и блаженную. — Условія сіи суть: живая вѣра въ Побѣдителя смерти и ада, Искупителя нашего, Господа Іисуса Христа, и сообразование нашей жизни съ Его заповѣдями. Кто исполненъ сею вѣрою, кто живетъ такою жизнію: тотъ превышаетъ всѣхъ сомнѣній, тотъ имѣетъ уже въ самомъ себѣ начало вѣчной жизни, и еще здѣсь, на землѣ, приобщается силы вѣка грядущаго. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОГРЕБЕНІИ КНОЙ СУПРУГИ,

ОСТАВИВШЕЙ ПОСЛѢ СЕБЯ ОДНОЛѢТНЯГО СЫНА.

Господь даде, Господь отъятъ; якоже
Господу изволися, тако бысть: буди имя
Господне благословенно во вѣки (Іов. 1. 2).

чувствую, какой жертвы требую отъ тѣхъ, къ кому обращаю слова сіи: но въ нихъ содержится врачество, хотя и горькое; они служили облегченіемъ въ скорби для Іова; а чьи страданія могутъ равняться съ страданіями сего праведника? — Чего не лишился онъ? — и всего имѣнія, и всѣхъ дѣтей, и всего здравія: остался на гнощѣ; но и на гнощѣ не преставалъ благословлять имя Господне!

Не мала и твоя потеря, сѣтующыи супругъ: но мужайся и крѣпись по примѣру Іова! — Преданность волѣ Божіей да будетъ и для тебя щитомъ противъ всякаго ропота и всѣхъ сомнѣнш! — Не Онъ ли, премудрый и всеблагій, даровалъ то, что составляло отраду жизни? Возблагодаримъ за данное. Не Онъ ли, премудрый и всеблагій, паки взялъ къ себѣ то, чего лишаемся? — Ему ли не отдать? съ Нимъ ли вступать въ споры и разсчитать? О, да удалится, да исчезнетъ отъ сего гроба всякая ропотная мысль! *Буди, буди имя Господне благословенно* и отнынѣ, какъ было благословляемо доннынѣ!

Мы не призывали смерти! Мы употребили всѣ средства къ продолженію преждевременно угасавшей жизни; сама природа истощила всѣ силы и усилія въ борьбѣ съ ангеломъ смерти. Если онъ побѣдилъ, то, безъ сомнѣнія, по волѣ Того, въ десницѣ коего ключи жизни и смерти. *Яко Господу изволися, тако и бысть!*

Дерзнемъ ли спросить, *почему изволися?* — Но, речеть ли бренье скудельнику: *почто мя сотвориль еси тако* (Рим. 9, 20)? И если бы дерзнуло, что другое услышитъ, кромѣ того, что сказано было нѣкогда друзьямъ Іова? — Ахъ, не напрасно самые Павлы говорили: *ничесоже въ сеобъ свѣтъ, но ни о селъ оправдаюся* (1 Кор. 4, 4)! Скажетъ, скажетъ Онъ, безъ сомнѣнія, нѣкогда намъ причину всѣхъ нашихъ здѣшнихъ лишеній и скорбей; — *и оправдится въ словесѣхъ своихъ* (Псал. 50, 6), и мы возблагодаримъ предъ судьбами премудрости и любви Его, и сами будемъ благодарить Его за то, отъ чего нынѣ скорбимъ и сокрушаемся.

Мало ли впрочемъ и теперъ успокоенія представляетъ сокрушенному сердцу вѣра и упованіе христіанское?

Данное и дано было на время, — малое или великое, немного разности для вѣчности. Оно было велико, если оставило по себѣ память навсегда; если сопряженные союзомъ любви во образъ великаго союза Христа съ Церковію (Еф. 5, 32), успѣли на дѣлѣ осуществить сколько-нибудь въ себѣ сіе святое единство; велико, если радости семейной жизни пробудили въ сердцѣ предчувствіе, произвели въ духѣ жажду радостей жизни небесной. — Но, какъ бы то ни было, — *данное дано было на время*. Можетъ быть, мы забывали это; упустили изъ виду, что мы здѣсь странники и пришельцы: но Тотъ, кто послалъ насъ въ эту юдоль слезъ для очищенія, не могъ забыть цѣли нашего бытія, и восхотѣлъ вывести и насъ изъ забвенія. Можетъ быть, среди пріятностей жизни, мы были въ опасности слишкомъ прилѣпиться къ земному, и вотъ, преставлшемъ цѣлой половины земнаго бытія нашего на небо хотятъ обратить насъ навсегда къ небесному. Теперь мысль по необходимости будетъ часто устремляться за предѣлъ всего видимаго: тамъ то, что мы называли своимъ! Теперь сердце само собою будетъ обращаться туда, гдѣ нѣтъ временнаго: тамъ то, что было нашимъ! Вспомнимъ о томъ, что было, и обратимся къ тому, что должно быть; вспомнимъ о лишеніи временныхъ радостей, и помыслимъ о стяжаніи вѣчныхъ благъ. Гробъ сей, опущенный въ землю, по необходимости унесетъ съ собою много, много земнаго. — Будемъ ли жаловаться на сіе? Роптать, что намъ сильнѣе и громче, чѣмъ другимъ, напоминаетъ о нашемъ предназначеніи? Что насъ внятнѣе и слышнѣе зовутъ домой, въ небесное отечество? Что у насъ взято въ залогъ непремѣннаго нашего прибытія туда то, что было для насъ драгоценнѣйшаго въ жизни?

Но, какъ данное дано было на время, такъ и взятое взято также на время, — великое или малое, немного разности для вѣчности. Какъ бы, любезный собратъ, мы ни продолжали въ мысляхъ жизнь свою, но, по всей вѣроятности, давно уже растутъ тѣ древа, изъ коихъ будетъ сдѣланъ и нашъ гробъ. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ разлуки; и разлученные паки соединятся въ свѣтлыхъ обителяхъ Отца небеснаго, соединятся съ тѣмъ, чтобы уже никогда не разлучаться паки. Долгъ взаимный: мы провожаемъ ихъ, а они срѣтять насъ! горько провождать, но какъ сладко быть срѣтаемымъ! — Одного должно желать, объ одномъ заботиться, чтобы встрѣча сия была и для нихъ и для насъ не на укоризну, а на радость. Пусть они предваряютъ насъ въ небесномъ совершенствѣ: это ихъ награда за раннее оставление радостей здѣшной жизни! По крайней мѣрѣ не отстанемъ совершенно отъ нихъ въ стремленіи ко всему доброму и святому; тѣмъ паче блюдемся обратиться отъ нихъ въ противную сторону; это было бы для нихъ горчае самой смерти: ибо мы токмо, земные, можемъ забывать ихъ, а они насъ никогда, никогда! Смертью оканчивается союзъ супруговъ тѣлесный; духовный, въ возвышеннѣйшемъ, чистѣйшемъ видѣ своемъ, можно сказать, только начинается смертію. Тутъ-то и должно показать, что насъ связывала не плоть токмо и кровь. Имъ легко продолжать союзъ съ нами; трудно ли и для насъ не разрывать его? Когда одна половина на небѣ, другая потому самому уже не можетъ не быть нѣкоторымъ образомъ и сама небесною, — если токмо была половиною не по одному имени. Небожителю сами помогутъ намъ, земнымъ, продолжать союзъ съ ними, коль скоро мы не будемъ уклоняться отъ него. Притомъ у всѣхъ насъ есть постоянное, вѣрное средство къ сообщенію съ тѣми, кои перешли отъ насъ на небо. Это — молитва. Среди молитвы падаетъ средостѣние, насъ раздѣляющее; мы возвышаемся духомъ до нихъ, а они нисходятъ до насъ.

Нуженъ ли для укрѣпленія вѣры и утѣшенія въ скорби видимый залогъ невидимаго союза? *Благость Божія не попускающая искушиться паче, нежели можемъ понести* (1 Кор. 10, 13), даровала его. Взявъ мать, она оставила сына: живой образъ умершей супруги. Доселѣ онъ былъ залогомъ любви земной; да будетъ отселѣ — небесной! Духъ умершей, безъ сомнѣнія, будетъ привитатъ на семъ младенцѣ и охранять его своими молитвами: да сосредоточится въ немъ и любовь отца, и да срѣтается во взорахъ его съ духомъ матери и супруги!

Какъ явно и трогательно въ младенческой простотѣ своей онъ изображаетъ и наше видимое, и ихъ — незримое! Посмотрите: его руки равно простираются и къ умершей матери, и къ живому отцу! У него нѣтъ мертвыхъ, всѣ живы, какъ нѣтъ мертвыхъ, какъ *всѣ живы* (Лук. 20, 38) предъ лицомъ Отца небеснаго!

Такъ, братіе, было бы и для всѣхъ насъ, если бы мы были младенцами о Христѣ! И наши руки и наше слово простиралось бы къ мертвымъ, какъ къ живымъ: — какъ и простирались они у святыхъ Божіихъ челоуѣковъ, и простираясь, заставляли мертвыхъ быть живыми. Смертью Іисуса Христа отнято у смерти все ужасное, вся сила и весь ядъ. Теперь остается одинъ призракъ смерти, — ужасный для тѣхъ, кои не имѣютъ въ себѣ духа Христова, не знаютъ силы имени Его, не умѣютъ владѣть крестомъ Его. Постарайтесь содѣлаться истинными христіанами, — и мы будемъ смотрѣть на гробы ближнихъ нашихъ, какъ смотрятъ путники на ладю, которая, не могла вмѣстить вдругъ всѣхъ, отплываетъ напередъ съ другими къ желанному для всѣхъ берегу. Аминь.

СЛОВО

НАДЪ ГРОБОМЪ ПОВСТАЮЩЕГО ДЪВЦЫ.

не умре дѣвица, но спитъ (Мат. 9, 24). Такъ изрекъ самъ Господь живыхъ и мертвыхъ у одра умершей отроковицы, въ утѣшеніе скорбящихъ родителей ея. Такъ о имени Его же, всемогущаго и всеблагаго, дерзаю изречь надъ симъ гробомъ и я въ утѣшеніе ваше, сѣтующіе сродники и знаемые: *не умре дѣвица, но спитъ!* Не умре: ибо той страшной смерти, которою Богъ угрожалъ нашему праотцу до паденія, и которая крушила бы всѣхъ насъ по паденію, теперъ, когда собственная держава смерти разрушена смертію Христовою, для вѣрующихъ нѣтъ и быть не можетъ. Не умре: ибо что умерло совершенно, то вовсе престало жить, а почившая въ Бозѣ отроковица, умерши плотію, жива духомъ, и живетъ теперъ такую жизнь, въ сравненіи съ коею наша земная жизнь, можетъ быть, есть не болѣе, какъ дреманіе. Не умре, но спитъ: ибо посмотрите сами, не всѣ ли тутъ признаку сна? — Не такъ ли и во снѣ закрываютъ глаза? не такъ ли прерываютъ всякое сообщеніе съ міромъ внѣшнимъ? Не такъ ли безгласны, неподвижны, бездѣйственны? — Отъ сна возстаютъ? — А отъ сего сна развѣ не возстанутъ? *Грядетъ часъ, въ онъже вси сущи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ сотвориши благая, въ воскрешеніе живота* (Іоан. 5, 28). Отъ сна возстаютъ бодрѣе и здоровѣе? — Отъ сна смертнаго возстанемъ еще лучше: *сѣтсѣя въ тлѣни, возстаетъ въ нетлѣни; сѣтсѣя не въ чести, возстаетъ въ славѣ; сѣтсѣя въ немощи, возстаетъ въ силѣ; сѣтсѣя тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное* (1 Кор. 15, 44).

«Но за чѣмъ этотъ глубокій, вѣковъ сонъ въ могилѣ?» —

Затѣмъ же отчасти, за чѣмъ и обыкновенный сонъ естественный. Въ большей части тяжкихъ и важныхъ болѣзней сонъ есть одно изъ главныхъ условій и первѣйшихъ вѣстниковъ выздоровления, такъ что и врачи и не врачи говорятъ о недужномъ: *еще успе, спасенъ будетъ* (Іоан. II, 12). — Подобное врачевство сна, разумѣтся — въ сильнѣйшемъ приѣмѣ, требовалось по паденш и для насъ. Ринувшись во Едемъ съ высоты богоподобія въ бездну познания добра и зла, природа наша такъ сокрушилась, разчленилась во всемъ составѣ своемъ, что для нея необходимо глубокое и продолжительное усыпленіе, дабы въ продолженіе его смятенныя паденіемъ силы могли придти въ первобытное согласіе и вообразиться древнею доброю.

«По крайней мѣрѣ сну смертному не приходитъ бы среди такого раняго и прекраснаго утра, каково было утро почившей отроковицы». — Но развѣ не врачуются утромъ? Развѣ можно назначить время и часъ сну врачебному? И если бы это зависѣло отъ врача, въ искусствѣ коего всѣ были бы совершенно увѣрены, то не должно ли бы думать, что часъ, имъ избранный, есть самый лучшій, хотя бы то было и утромъ? Будемъ же благодущны: земные врачи могутъ ошибиться въ назначеніи часа для цѣлебнаго усыпленія; Врачъ небесный, въ десницѣ коего мы и дышанье наше, твердо знаетъ, что когда дать и назначить больному.

«Но почившая не насладилась еще радостями жизни, кои ожидали ее въ такомъ обилии». — Какъ не насладилась? Что есть въ сихъ радостяхъ чистѣйшаго и лучшаго, все то она видѣла и испытала. Отступитесь на время отъ превратнаго понятія о радостяхъ жизни, не считайте за счастье то, отъ чего нерѣдко весь вѣкъ плачутъ: и вы сами тотчасъ увидите, что я не сказалъ ничего лишняго. Радость о Богѣ—Творцѣ и Промыслителѣ, о Сынѣ Божіемъ — Ходатаѣ и Искупителѣ, о Духѣ Св.—Утѣшителѣ и Просвѣтителѣ, не есть ли первая изъ человѣческихъ радостей? — Но къ кому ближе она, какъ не къ чистымъ сердцемъ, каковою была и усопшая отроковица? Подобнымъ образомъ, наслажденіе любовью родственною, пріязнью и расположеніемъ единокровныхъ, не есть ли одно изъ самыхъ чистыхъ и драгоценныхъ наслажденій? Но кто изъ сверстницъ почившей видѣлъ болѣе знаковъ къ себѣ любви родственной? Не преслѣдовала ли она ее, особенно въ послѣдніе дни ея, едва не за предѣлы возможнаго? — Не она ли продолжила борьбу со смертію до послѣдней крайности? — А чувство чистой и мирной

совѣсти, а сладкое сознание усовершенствованія всѣхъ дарованій своихъ, посредствомъ полнаго и прочнаго образованія, а увѣренность въ приобрѣтеніи способности ко всему благому и истинно полезному, все это развѣ мало значить, и всѣмъ симъ развѣ не насладилась почившая?

«Сіе-то самое, подумаетъ сѣтующее сердце, особенно и смущаетъ насъ, что столько дарованій заключено теперь во гробѣ, что долгое и не безтрудное образованіе не успѣло принести плодовъ своихъ». — Что нужды? Не успѣло принести здѣсь, принесетъ тамъ. Суетное, жалкое было бы наше образованіе, если бы плоды его были годны только для земной жизни! Жизнь здѣшняя сама есть приготовительная школа для вѣчности. Тужать ли объ ученикѣ, если его за отличные успѣхи, переводятъ въ высшій классъ, минуя средній? — Такъ не должно тужить о тѣхъ, кои, получивъ образованіе, вдругъ, минуя школу жизни, переходятъ въ вѣчность. Тамъ раскроется все, къ чему здѣсь положено основаніе, и расцвѣтетъ стократно лучше, нежели какъ бы расцвѣло здѣсь, гдѣ развитію въ насъ всего благаго препятствуетъ и пыль заботъ чувственныхъ, и вѣтръ страстей, и червь печалей житейскихъ.

Чѣмъ болѣе смотрю на гробъ сей, тѣмъ менѣе нахожу у него мѣста воплямъ. Посмотрите на лице усопшей: не мирный ли это и тихій сонъ? Ужели же плачущимъ надобно быть безпокойнѣе той, о коей плачутъ? Живые, возьмите въ примѣръ умершую; пожалѣйте ея покоя, и не будите ее воплями вашими. Хотите выразить любовь свою къ ней? — выражайте пламенными молитвами за нее, среди коихъ, пожалуй, когда только угодно, проливайте и слезы. — Выражайте благотвореніями въ память ея бѣдствующему человечеству, при чемъ также не только умѣстны, даже похвальны слезы. А здѣсь у сего гроба, предъ лицомъ Бога жизни, не скорбите, якоже не имущи упованія; ибо истинно, отъ лица Его, дерзаю повторить вамъ: отроковица не умре, но спитъ! Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОГРЕБЕНИИ ЕЯ СЯТЕТЕЛЬСТВА, ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ОБЕРЪ-ГОФМЕЙСТЕРИНЫ И КАВАЛЕРСТВЕННОЙ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ДАМЫ I-ГО КЛАССА,

ГРАФИИ АЛЕКСАНДРЫ ВАСИЛЬОВНЫ ПРАВИДИНОЙ *).

Придите послѣднее цѣлованіе дадимъ,
братіе, умершей... благодаряще Бога.

акъ ни печально приглашеніе сіе, долгъ настоящаго служенія моего велитъ обратитъ его къ вамъ, сродники и друзья сѣгующіе. Всему чреда. Было время лобзаніямъ первымъ, наступилъ часъ и послѣднему. Препроводивъ духъ почившей къ Отцу духовъ, надобно наконецъ препроводитъ и тѣло ея въ матернія нѣдра земли. Таковъ предѣлъ бытія нашего! Кто положилъ его? Мы сами. *Богъ смерти не сотвори* (Прем. 1, 13): отъ Источника жизни могло ли истечь что-либо, кромѣ жизни? И мы вполне наслаждались ею: чего не доставало прародителямъ нашимъ, возвеличеннымъ образомъ Божиимъ?—Оставалось только, переходя отъ совершенства къ совершенству, идти горѣ къ своему Первообразу — Богу, для вѣчнаго блаженства въ Немъ. Но, прельщенные змѣемъ, мы внезапно, съ высоты Богоподобія, рунулись долу—за плодами отъ древа смерти, и — дерзостно вкусили безсловесныя снѣди (Кан. Вел. ст. 3)! Послѣ сего, что оставалось правосудію небесному, какъ не предать насъ дѣламъ собственныхъ рукъ нашихъ?—И преданы! Съ тѣхъ поръ тѣніе

*.) Произнесенное въ домовоі ея церкви, что въ Александріи, 20 августа 1838 года.

и смерть собираютъ оброки со всѣхъ сыновъ Адама, и будутъ собирать, доколѣ самое тѣнное наше не облечется нетлѣніемъ, самое мертвенное наше не будетъ пожерто животомъ. Какъ однако же былъ милосердъ къ намъ Господь въ самомъ гнѣвѣ своемъ на насъ! Отъ насъ взято назадъ безсмертіе тѣлесное, которымъ мы не умѣли воспользоваться, и, которое, оставленное за нами—падшими, довело бы насъ до неисцѣльнаго ожесточенія во грѣхѣ, а оставлено безсмертіе по душѣ и духу, посредствомъ котораго съ помощію благодати, мы опять можемъ достигнуть первобытнаго совершенства. Мы лишаемся земной жизни,—но какой? которая съ продолженіемъ времени сама становится въ тягость, а, продолженная въ такомъ видѣ навсегда, составила бы наконецъ ужасное мученіе. И, навсегда ль лишаемся жизни въ тѣлѣ? Нѣтъ, а только до уреченнаго времени, доколѣ не наступитъ день всеобщаго пакибытія и воскресенія: ложимся во гробъ, какъ ложатся, раздѣвшись, на одръ съ тѣмъ, чтобы, пробудившись, надѣть новую одежду, приготовленную для насъ во время нашего сна. Оставляемъ, умирая, радости жизни? Но какія радости? Большею частію мутныя, скоропреходящія, изнурительныя, растворенныя горестію, и нерѣдко зловредныя для души и тѣла, кои съ продолженіемъ времени престоли бы вовсе увеселять и питать насъ, какъ дѣтскія игрушки не имѣютъ никакой цѣны для людей взрослыхъ. Напротивъ, я не знаю, что было бы съ духомъ нашимъ, если бы рука смерти не разоблачала его наконецъ отъ вретуща плоти? Что было бы съ сердцемъ нашимъ, если бы послѣ того, какъ оно извѣдало всѣ блага міра, и не нашло въ нихъ себѣ покоя,—предъ нимъ не открывался міръ новый, съ благами высшими, съ наслажденіями чистѣйшими? Земля, со всѣми благами ея, въ настоящемъ видѣ своемъ, явно не жилище чело-вѣка (онъ скоро вырастаетъ до того, что его глава выше всего зданія), а только гостиница, изъ коей сынъ времени долженъ начать путь къ вѣчности. А тѣло наше? Это явно тоже для духа, что скорлупа для птенца: птенецъ образовался, и скорлупа отпадаетъ.—Мы съ радостію привѣтствуемъ новорожденныхъ, хотя родившая страдаетъ и рожденное плачетъ. Такъ, безъ сомнѣнія, привѣтствуются умершіе небожителями, хотя мы окружаемъ гробы ихъ со слезами.—Если бы младенцу въ утробѣ матерней, предъ его рожденіемъ, сказали, что онъ имѣетъ родиться для другаго міра, начать новую, вовсе отличную отъ прежней, гораздо лучшую жизнь; онъ не понялъ бы обѣщанія, и сожалѣлъ бы о той жизни, кою жилъ, и съ которой долженъ навсегда разстаться.

Такъ мы жалѣемъ о нашей земной жизни, такъ для насъ трудно представить теперь, что за жизнь за гробомъ. За то, какъ младенецъ по рожденіи, ни за что не согласится возвратиться въ утробу матернюю, не смотря на свои слезы въ новомъ мірѣ; такъ (я думаю) умершій почелъ бы для себя величайшимъ наказаніемъ, если бы ему суждено было возвратиться въ нашъ міръ, и облечься паки въ плоть и кровь. На что же послѣ сего сѣтовать? Развѣ на то, что идущіе отъ насъ отходятъ такимъ путемъ мрачнымъ, что оставляютъ по себѣ такіе слѣды брѣнности и тлѣнія? — Но будь переходъ сей свѣтелъ и благоукрашень: что удержало бы многихъ, недовольныхъ своимъ жребіемъ, — даже изъ любопытства, — безвременно идти туда? — И какъ внести свѣтъ въ сей мракъ? — Оттуда — сверху должно быть все ясно, какъ присутствующимъ при рожденіи явственъ весь образъ рожденія; а для насъ, кои находимся еще въ утробѣ матерней, смерть не можетъ не быть тайною. Или наконецъ тревожить та мысль, что съ любящимъ лицомъ прерванъ прежній союзъ видимый? Но развѣ видимый союзъ не прерывается иногда и за-живо? И развѣ у людей и живыхъ одни союзы видимые? — Прервался союзъ чувственный, чтобы дать усилиться союзу духовному. И надолго ли прервался самый союзъ видимый? — Чрезъ двадцать, тридцать лѣтъ всѣ мы будемъ тамъ; и какъ мы теперь провожаемъ ихъ, такъ они срѣтятъ насъ, то же, можетъ быть, съ слезами, только не печали, а радости.

Подобныя мысли, какъ онѣ ни наскоро собраны и предложены вамъ, души сѣтующія, дѣлаютъ понятнымъ, какъ св. Церковь, при каждомъ гробѣ приглашаетъ сѣтующихъ не только дать послѣднее цѣлованіе умершему, но вмѣстѣ съ симъ и воздать за него благодареніе предъ Богомъ: *благодаряще Бога!* Благодаряще — за окончаніе земнаго странствія, которое какъ бы ни было благополучно, всегда есть плаваніе по бурному морю, если не бѣдъ, то житейскихъ попеченій; благодаряще — за начало новой жизни, предъ коею жизнь настоящая, со всѣми радостями и красотами ея, есть только одинъ слабый разсвѣтъ.

Но, братіе мои, есть не малое число гробовъ, надъ коими трудно выполнить долгъ благодарности предъ Богомъ, заповѣданный Церковію, и гдѣ мы, служители слова, сами не вдругъ осмѣливаемся упомянуть о немъ. Какъ бы я пригласилъ васъ къ благодарности, если бы мы провождали въ могилу юную мать семейства, за гробомъ коей идутъ супругъ, окруженный малолѣтними сиротами? — Тогда изъ мирнаго провозвѣстника путей

Божіихъ о насъ и жизни нашей, я долженъ бы обратиться въ защитника опредѣленій божественныхъ, и усиливаясь отереть слезы горести, можетъ быть, самъ первый подалъ бы примѣръ къ слезамъ.

Но теперь и здѣсь—надъ симъ гробомъ, я смѣло возвышаю голосъ, и отъ имени Церкви вѣщаю ко всѣмъ вамъ: придите, дадимъ послѣднее на землѣ цѣлованіе усопшей, но дадимъ не скорбяще безотрадно, а благодаряще Бога! Ибо съ какой стороны ни смотрю на жизнь почившей въ Бозѣ графини, вижу въ сей жизни продолжительную, златую и многообразную цѣпь благодѣяній Божіихъ къ ней и всему роду ея.

Въ самомъ дѣлѣ, много ли жребіевъ счастливѣе того, какой достался почившей по всеблагому опредѣленію Божію? — Что нужно для земнаго благоденствія? Происхождение отъ благородныхъ предковъ? Она происходитъ отъ той крови, которая издревле привыкла течь за все благородное и святое, и, въ наши времена, вновь оросивъ собою холмы смоленскіе, содѣлалась памятникомъ и кровожаднаго деспотизма самозваннаго повелителя галловъ и непоколебимой вѣрности къ отечеству благороднаго дома Энгельгардтъ. Потребны отличныя дарованія? Почившая одарена была ими въ такомъ избыткѣ, что знавшие ее не знали, чему болѣе дивиться въ ней—совершенствамъ внутреннимъ или внѣшнимъ? Нужна ли для нѣжнаго растения могущественная опора отъ бурь и тѣнь отъ зноя жизни?—Ее поддерживаетъ, надъ нею склоняетъ тѣнь свою величественное древо*), которое такъ изумительно и благотворно простирало нѣкогда вѣтви свои по всему югу Россіи. Надобенъ высши кругъ дѣйствій для обнаруженія отличныхъ талантовъ? юная Энгельгардтъ является у престола россіискаго, и становится одною изъ планетъ, обращавшихся въ кругъ самодержавнаго солнца**), такъ величественно озарявшаго нѣкогда всю Россію.

Наступаетъ время супружества, та важная минута, отъ коей зависитъ вся остальная жизнь, когда рѣшается жребіи домашняго счастья и мужчины, тѣмъ паче женщины. Почившей въ Бозѣ графинѣ достается въ семь случаевъ удѣлъ самый высокій и сообразный съ ея особенными отличительными качествами. При совершавшемся тогда сближеніи двухъ единокровныхъ, но разлу-

*) Свѣтлѣйши князь Потемкинъ.

**) Екатерины Великой.

чаемыхъ долѣ обстоятельствомъ, народовъ, ей дано быть однимъ изъ златыхъ колецъ, сопрягающихъ оба народа. На вась самихъ ссылаюсь, умѣла ли почившая соотвѣтствовать своему важному назначенію? — Вредила ли кому либо изъ подвластныхъ ей разность вѣроисповѣданія, языка или происхожденія? — Если бы всѣ владѣтели имуществъ въ нашей странѣ подражали въ семъ отношеніи ея примѣру: можетъ быть, давно исчезъ бы тотъ несчастный расколъ гражданскій, который препятствуетъ славянину узнать брата въ славянинѣ, и производить столько кровавыхъ междоусобій, печальныхъ для всего великаго семейства славянъ, радостныхъ для однихъ враговъ креста Христова.

За благословеніемъ супружества вскорѣ слѣдуетъ благословеніе многочадія. Надъ почившею сбывается во всей силѣ изреченіе Давидово: *сынове и дщери твоя яко новосажденія масличная окрестъ трапезы твоея; и узриши сыны сыновъ твоихъ* (Псал. 127, 4. 7). Трапеза почившей не только была окружена сынами сыновъ и дщерей ея, но, что особенно примѣчательно, какъ бы въ воспоминаніе прежняго, одна изъ дщерей ея становится подружіемъ для того доблестеннаго мужа, которому, послѣ разнообразныхъ услугъ отечеству на полѣ бранномъ, суждено довершить мирною рукою градоправителя на югѣ Россіи то, что начато тамъ воинственною десницею знаменитаго дяди почившей графини *).

Потеря супруга наводитъ тѣнь печали на свѣтлый день жизни; но въ то же время даетъ случай раскрыться въ почившей графинѣ новымъ рѣдкимъ качествамъ: подобно тому, какъ нѣкоторыя растения ждуть только сокрытія солнца, чтобы наполнить воздухъ благоуханіемъ. Отражая въ себѣ великія качества великой Самодержицы Россіи, коея дѣяннѣ почившая была столько лѣтъ ближайшею свидѣтельницею, она, давно и безъ того первая сотрудница своего супруга, теперь сама окончательно приметъ на себя всю тяжесть обширнаго домоуправленія, и не изнемогаетъ подъ нею до самаго конца своей жизни. Что я говорю: не изнемогаетъ? Удивляетъ всѣхъ успѣхами своего домоправительства, которое выходитъ теперь изъ рукъ ея въ такой обширности и силѣ, что за предѣлами отечества могло бы спорить съ одержаніемъ многихъ державныхъ лицъ.

За такимъ образомъ жизни, дѣяннѣ и успѣховъ не могло не слѣдовать всеобщаго вниманія. Достойное и извѣстное всюду, имя

*) Князя Потемкина.

Браницкихъ непрестанно озарялось новымъ и новымъ блескомъ, пробуждая собою местную для почившей мысль о томъ, что, послѣ мужей, можетъ сдѣлать для своего рода и жена, когда она одушевлена духомъ не женскимъ. Самые вѣнценосцы Россіи любили видѣть или ее возлѣ себя, или себя у ней.

Послѣ такого течения по всему небосклону жизни оставалось желать одного тихаго и яснаго заката. И не исполнилось ли сіе желаніе? — Какъ во-первыхъ медленно наступаетъ закатъ сей! Почившая восхищается ангеломъ смерти на тѣхъ предѣлахъ жизни, за коими, по замѣчанію царя пророка, остается одинъ трудъ и болѣзнь. Восхищается однако же безъ особаго труда и болѣзни: угасаетъ какъ лампада, въ коей истощился елей. Самый родъ недуга есть нѣкій знакъ вниманія свыше. Чтобы блага міра, кои въ такомъ избыткѣ окружали во всю жизнь почившую, сопровождая ее до гроба, не привязали сердца ея къ себѣ, имъ видимо повелѣно заблаговременно оставить ее: она лишается способности вкушать что либо, — дабы такимъ образомъ заранѣе очистить и приготовить духовный вкусъ свой ко вкушенію той манны сокровенной, коею питаются небожители. Самое время кончины таково, что можетъ составить предметъ желаній: почившая оставляетъ землю въ тотъ день, въ который взошла на небо Матерь Сына Божія.

Одного, по видимому, утѣшенія не суждено имѣть предъ смертію почившей: рука ея не возьметъ съ послѣднимъ матернимъ благословеніемъ на главѣ того, который столько разъ служилъ для нея отрадою въ жизни, и такъ много дорожилъ ея благословеніемъ. Отдаленность мѣстопробыванія, непрерывность попеченій о благоденствіи обширной страны, самая недавность извѣщенія о угрожающемъ часѣ разлуки — все соединилось къ тому, чтобы произвести это чувствительнѣшее, и для отходящей и для остающагося, лишеніе. Спѣши герой-градоправитель; иначе тебя срѣтять не взоры и объятія матернія, а хладный гробъ!.... Онъ спѣшитъ; но самая вѣсть о прибытіи его не столько уже радуется тѣхъ, кои окружаютъ одръ умирающей: ибо они видятъ, какъ чувства ея, одно за другимъ, заключаются для сего міра. Любовь, чистая и святая, ты одна только можешь сражаться со смертію и показать теперь, что *крѣпка яко смерть любви*, и рѣки самыхъ смертныхъ страданій не могутъ угасить ея пламени (Пѣсн. Пѣсн. 8, 7)! И вотъ, при одномъ звукѣ любимаго имени, угасающая сила жизни какъ бы нѣкимъ чудомъ еще разъ пробуждается со всею живостію; взоръ умирающей свѣтлѣетъ, уста

разверзаются, самая рука подымается для благословенія. Такимъ образомъ, жизнь умирающей заключается такимъ сладостнымъ для нея дѣйствиемъ, какого только можно было ей желать на сей случай во все продолженіе своей жизни.

Большихъ благословеній на землѣ, кажется, нельзя и ожидать. Между тѣмъ, надъ почившею видится еще новое благословеніе. Это увѣренность, что все благое, сдѣланное ею, сохранится въ силѣ; что все недоконченное почему-либо, приведется къ желанному концу; все, что можетъ быть придумано къ улучшенію, придумается и совершится; что достопочтенное имя Браницкихъ не угаснетъ, а будетъ блистать новымъ и новымъ свѣтомъ. Кто порукою въ семъ? Извѣстныя всѣмъ качества ея на слѣдника.

Судите сами послѣ сего, справедливо ли сказано мною, что жизнь почившей въ Бозѣ графини, отъ начала до конца, была златою цѣпью благодѣяній Божиихъ къ ней и ея роду, и можно ли послѣ сего, воздая ей послѣднее цѣлованіе, не возблагодарить Господа за всѣ милости Его къ ней?

Но, братіе мои, что значили бы всѣ сіи милости неба, если бы онѣ не были принимаемы, какъ должно? — Не сугубый ли долгъ предъ небеснымъ Заимодавцемъ? — И развѣ нѣтъ счастливецевъ міра, кои, подобно бесплодной землѣ, все пріемля, ничего не отдають, кромѣ терновъ и волчцевъ, и самые дары Промысла обращаютъ въ орудіе противъ вѣры и добродѣтели? Итакъ, благодареніе Господу, сугубое благодареніе, что почившая въ Бозѣ весьма далеко была отъ сонма таковыхъ неблагодарныхъ счастливецевъ! Говоря такимъ образомъ, я нисколько не думаю представлять вамъ, братіе, дѣла почившей, какъ дѣянія праведницы совершенной. Горе мнѣ, если бы я, предъ лицемъ Бога истины, дерзнулъ обрѣстися въ словеси ласкательства! И предъ кѣмъ бы преувеличивалъ я добродѣтели почившей? Не предъ вами ли, коимъ извѣстны всѣ входы и исходы ея жизни? — Но, сожалѣя вмѣстѣ съ вами о томъ, что самыя высокія души не свободны отъ многихъ недостатковъ, что добродѣтель человѣческая такъ несовершенна и тамъ, гдѣ бы особенно хотѣлось видѣть ее во всей силѣ и чистотѣ,—я долженъ однакоже сказать, что намъ предлежитъ благодарить Господа надъ симъ гробомъ не только за дары счастья, но и за дары вѣры, терпѣнія и любви христіанской. Въ доказательство сего, я не буду изображать предъ вами частныхъ добродѣтелей и дѣяній почившей, кои извѣстны вамъ гораздо болѣе, нежели кому-либо,

а можетъ быть, не извѣсны и вамъ, а довѣдомы единому Господу (ибо души возвышенныя любятъ дѣлать добро такъ, чтобы не знала шуйца, что творить десница); а укажу на то, что непререкаемо для всѣхъ и каждаго, и въ чемъ, какъ въ сѣмени, заключаются всѣ прочія добродѣтели. Это—не измѣнимая преданность почившей Царю небесному и царямъ земнымъ.

Чтобы казалось естественнѣе, для каждаго, какъ имѣть по крайней мѣрѣ двѣ сіи добродѣтели? — И однакоже какъ многіе не имѣютъ ихъ въ той силѣ, въ какой бы имѣть надлежало! Не будемъ вникать въ причины сего печальнаго явленія; замѣтимъ только, что вѣкъ, въ который досталось процвѣтать почившей въ Бозѣ графинѣ, къ сожалѣнію, менѣе всего отличался благорасположеніемъ къ святому и священному. Полувѣковые опыты всенародныхъ скорбей и тяжкихъ искушеній, совершившееся надъ всею Европою крещеніе кровію и огнемъ, заставили потомъ разстаться съ обольстительнымъ кумиромъ невѣрія Богу и невѣрности помазанникамъ Божиимъ. Но тогда сей кумиръ возвышался надъ всѣмъ, и едва не всѣхъ ослѣплялъ блескомъ своимъ. Сколько было сильныхъ и мудрыхъ земли, кои безумно поставляли въ томъ и свою мудрость и свою силу, чтобы ослаблять и подрывать усердіе къ алтарямъ и престоламъ! И юной ли, окруженной всѣми соблазнами міра, женѣ, преити мимо сего кумира, не преклонивъ предъ нимъ колѣна?

И однакоже прешла, прешла невредимо! Свидѣтель—вся дальнѣйшая жизнь ея! Могутъ говорить, что и какъ угодно, но никогда не скажутъ, чтобы почившая подала собою примѣръ вольномыслия. И что особенно достойно не только замѣчания, но и подражанія, она умѣла въ семъ случаѣ избѣгнуть другой крайности, въ которую такъ легко впадаютъ люди, подобные ей по состоянію и образованію. Я разумѣю тотъ недугъ, что нѣкоторые, успѣвъ сохранить вѣру среди соблазновъ счастія, ее самую обращаютъ потомъ въ искушеніе для себя, или предаясь излишнимъ умствованіямъ, или увлекаясь мечтательностью и созидая себѣ свой особенный образъ вѣры и богопочтенія. Извѣстно, куда заходятъ и заводятъ другихъ съ подобнымъ направленіемъ мыслей и чувствъ. Но для почившей въ Бозѣ графини сія опасность какъ бы вовсе не существовала: ея вѣра была также смиренна и проста, какъ сей храмъ, въ коемъ мы воздаемъ ей послѣдніи долгъ, и въ коемъ она со смиреніемъ простой поселянки молила Владыку всяческихъ ооъ отпущеніи ея долговъ. Отсюда-го, безъ сомнѣнія, и та твердость духа и спокойствіе

сердца, съ коими почившая встрѣчала свой послѣдній часть, и кои были такъ отрадны и поучительны для окружавшихъ смертный одръ ея: ибо не надобно забывать, братіе, что мирной и непостыдной кончины, о коей для всѣхъ насъ молить святая Церковь, сподобляются только тѣ, кои старались заслуживать ее своею вѣрою и своими дѣлами.

Что касается до другой отличительной черты въ графинѣ, ея особенной любви къ царственному дому: то сія прекрасная добродѣтель любила выражать себя въ ней другимъ, можно сказать, противоположнымъ образомъ. Какъ въ любви къ Богу была одна простота, одно смиреніе, одно безмолвіе; такъ въ любви къ Помазанникамъ Божиимъ было все живо, великолѣпно, царски. Посвященная во всѣ тайны двора великой Самодержицы, составляя сама великолѣпный остатокъ его, — она не щадя ни мыслей, ни выраженій, дабы, при каждомъ благопріятномъ случаѣ, повѣдать всѣмъ и каждому о томъ, какому прекрасному племени дано возсѣдать на престолъ россійскомъ. Обращающемуся съ нею нельзя было самому вскорѣ не занять у ней нѣкоей священной приверженности къ вѣнценосному дому. А ея собственная мысль? Она, кажется, послѣ неба, нигдѣ столько не витала, какъ надъ главами членовъ царственного дома. Встрѣчала ли ихъ какая-либо радость или горестъ? То и другое нигдѣ живѣе не отражалось, какъ въ сердцѣ почившей графини. Бѣлая-Церковь была, въ семъ отношеніи, можно сказать, однимъ изъ ближайшихъ притворовъ дома бѣлаго Царя. Оттого здѣсь замѣтны всѣ слѣды ногъ царственныхъ посѣтителей, и самыя древа и камни повѣдаютъ о томъ, что говорить исторія *).

Наконецъ, какъ ни глубоко таила себя во время жизни, однакоже не могла утаиться при смерти, прекрасная склонность почившей графини къ вспомоствованію бѣдствующему челоѣчеству. Вы знаете уже, какимъ образомъ потокъ благотворенія, неудерживаемый болѣе узами скромности христіанской, проторгся у гроба почившей. Я могу прибавить къ сему одно, что, послѣ сего благотворнаго завѣщанія въ пользу нуждающихся, нисколько неудивительно, если любимая добродѣтель почившей, простота и скромность, нашли себѣ послѣднее упражненіе

*.) Главнѣйшее украшеніе александрискаго сада графини составляютъ памятники въ честь высочайшихъ особъ, и древа, ихъ руками насажденныя.

въ томъ, чтобы воспретить всякую пышность при своемъ погребеніи, удалить съ своей могилы все, что можетъ имѣть видъ памятника. На что лучше памятника, какъ тотъ домъ благотворенія, который воздвигнется отъ имени почившей, для бѣдствующаго человѣчества? Какой еиміамъ благоуханнѣе молитвъ, кои будутъ возсылаться о успокоеніи души ея тѣми, кои въ пособіяхъ, ею завѣщанныхъ, найдутъ защиту отъ превратностей жизни для себя и семействъ своихъ?

Соображая такимъ образомъ и всѣ дары счастья, кои въ такомъ изобилии изливались на почившую графиню отъ начала до конца ея жизни, и дары благодати, коими она умѣла пользоваться для приготовленія себя къ вѣчности, я, безъ всякаго искусства слова, непримѣтно и невольно для меня самого, прихожу въ заключеніе къ тому же, чѣмъ началъ мое собесѣдованіе съ вами: придите, дадимъ послѣднее цѣлованіе усопшей, благодаряще Бога! Благодаряще за Его сугубыя милости къ почившей, за то, что Онъ не только даровалъ многое, но и научилъ не злоупотреблять даруемымъ. А, воздая послѣднее цѣлованіе, не забудемъ принять послѣдняго наставленія — тоже сугубаго. И во-первыхъ, тѣ, кои подобно почившей, осыпаны дарами счастья, смотря теперь на гробъ ея, да научатся не прилагать къ богатству и честямъ сердца своего! — Ибо, смотрите, братіе, что осталось теперь при почившей, и что идетъ за нею въ вѣчность, предъ страшный судъ Божию? Одни дѣла ея!.. А тѣ, коимъ, по премудрымъ судьбамъ Промысла, не дано здѣсь счастливаго жребія, коимъ суждено влачить жизнь въ низкой долѣ, среди нужды и лишеній, тѣ, взирая на гробъ сей, да научатся не-скорбѣть о своемъ жребіи, а стараться обогащать и отличать себя благими дѣлами, ибо всѣ наши земныя разности званій и состояній только на время, до гроба: тамъ, для всѣхъ достойныхъ, и господъ и рабовъ, равно уготованы свѣтлыя обители Отца небеснаго. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОТРЕБЛЕНІИ ПОЛЪЩЕНІИ ЯВСТАСИ ПРАВОТЫ ЗВЪРОВОЙ *).

Грядетъ часъ и нынѣ есть, егда вси
сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына
Божія, и услышавше оживутъ (Іоан. 5, 25).

О какъ отрадно слышать слова сіи у гроба! И тѣмъ паче,
когда они исходятъ изъ устъ *свидѣтеля вѣрнаго* (Апок.
1, 5), коего каждое слово есть *ей и аминь* (2 Кор. 1,
20), — Того, кто самъ былъ мертвъ, *и ее живъ есть во вѣки вѣ-*
ковъ (2 Кор. 1, 18), который по самому существу своему *есть*
воскресеніе и животь (Іоан. 11, 25), — изъ устъ едиnorodнаго Сы-
на Божія, дражайшаго Спасителя нашего.

Онъ рекъ нѣкогда: — и бездны хаоса раздѣлились; явились
земля и небо; возшли солнце и луна; всхолмились горы; потек-
ли рѣки; зашумѣли дубравы; вода и воздухъ наполнились жите-
лями, — и, владыка видимыхъ тварей, человекъ изшелъ на дѣло
свое!

Онъ паки возглаголетъ нѣкогда, — и паки небо и земля со-
трепетомъ, — яко уже нечистыя, услышатъ гласъ Его: всѣ сти-
хіи придутъ въ движеніе; солнце и луна померкнутъ; звѣзды яко
листвія спадутъ съ небеси; *земля и яже на ней дѣла сгорятъ* (2
Петр. 3, 10), дабы уступить мѣсто землѣ новой и небу новому,
въ нихъ же живетъ уже не грѣхъ и печаль, а правда и блажен-
ство. Тогда отверзутся самые гробы; суша и море отдадутъ мерт-

*) Сказанное въ кафедральномъ Покровскомъ соборѣ, 18 января 1844 года.
Иннокентій. Сочиненія. IV.

вещей своихъ; и всѣ, отъ вѣка уснувшіе сномъ смерти, востанутъ и явятся предъ Владыку и Судію всяческихъ: *глядеть часть и нынѣ есть, егда вси сущіи то гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ!*

О, какъ величественъ будетъ день и часть этого всемірнаго пробужденія, когда всѣ сыны Адамовы соберутся въ единое великое семейство, дабы не разлучаться уже болѣе другъ отъ друга! Тогда-то познается во всей силѣ, что приобрѣтено нами на Голгоѣѣ — въ креслѣ Спасителя нашего; что содѣлалъ Онъ для насъ смертию и воскресеніемъ своимъ! За превосходство новаго, прославленнаго бытія, тогда должны забыться не только всѣ печали, но и всѣ суетныя радости наши на землѣ: не помянутся самый гробъ и смерть, отъ коихъ теперь мы такъ скорбимъ и плачемъ.

Къ сему убо всерадостному и преславному дню должно возноситься намъ всѣми мыслями нашими въ то время, какъ тревожить насъ разлука съ присными и друзьями нашими! Отсюда, съ сей высоты, все ясно и отрадно. Посмотришь на гробъ, и видишь въ немъ мирную и надежную ладью, въ коей страннику земли переносятся на онъ-полъ бытія. Взглянешь на могилу, — и находишь въ ней послѣднее убѣжище, гдѣ бѣднѣйшій узникъ свергаетъ съ себя узы и рубища, въ коихъ томился онъ въ продолженіе своего удаленія отъ дома отеческаго. Приникаешь мыслію къ самому тлѣннѣйшему въ нѣдрахъ земли, и усматриваешь въ немъ дивную баню пакибытія, которую любовь и всемогущество Отца небеснаго устроили на предѣлѣ двухъ міровъ, дабы мы, прежде нежели явимся въ свѣтлыхъ обителяхъ Отца небеснаго, имѣли самое надежное средство избывать всѣхъ нечистотъ нашей природы.

А мы — все еще скорбимъ и сокрушаемся, когда ангелъ смерти изводитъ насъ такимъ образомъ изъ тѣсной и мрачной темницы плоти въ свободу чадъ Божіихъ! А мы — вопіемъ и жалуемся, когда съ безсмертнаго духа нашего совлекаютъ его рабское и грязное рубище, дабы облечь его въ свѣтлую и чистую одежду, ему приличную, и говоримъ, что мы потеряли того или другаго, въ то самое время, какъ онъ, прошедъ вратами смерти, обрѣлъ для себя жизнь истинную!

Можно бы подумать послѣ сего, что въ насъ нѣтъ вѣры въ обѣтованіе жизни вѣчной. Но, сомнѣніе о семъ, благодареніе Господу, далеко отъ насъ. Гдѣ же причина нашего малодушія? Въ томъ, что мы не умѣемъ вознестися духомъ на высоту вѣры и упованія христіанскаго; а не умѣемъ потому, что живемъ боль-

шею частію не духомъ, какъ бы слѣдовало, а плотію. Водимся однимъ видимымъ, преданы одному временному, радуемся и наслаждаемся токмо тѣмъ, что дѣйствуетъ на грубыя чувства. При такомъ образѣ жизни, смерть, какъ разрушительница всего чувственного, естественно наводитъ печаль и даже страхъ. Плоть и кровь въ насъ, хотя бы и хотѣли, не могутъ не страшиться смерти; потому что для нихъ нѣтъ безсмертія; онѣ, по увѣренію самого Апостола, яко обреченныя тлѣнны, *царствія Божія наследити не могутъ* (1 Кор. 15, 50). Вѣчное царство сіе есть наследіе и удѣлъ токмо вѣчнаго духа нашего и того тѣла духовнаго, въ которое облечется онъ въ день послѣдній. Посему, чтобы избыть страха смерти и печалей гроба, для сего одно средство — надобно всецѣло быть и жить въ духѣ, для коего нѣтъ ни смерти, ни гроба, ни тлѣнія. Кто, благодатію Божіею, началъ жить духомъ, тому первая награда, что онъ можетъ съ свѣтлымъ окомъ взирать на кончину братій своихъ. Ибо живя духомъ, онъ носитъ и чувствуетъ въ себѣ залогъ жизни вѣчной; а сіе драгоцѣнное чувство ставитъ его выше всѣхъ печальныхъ явленій, коими окруженъ конецъ бытія нашего на землѣ.

Знаемъ, что духовный совѣтъ сей противъ печали не вдругъ можетъ быть усвоенъ сердцемъ, скорбящимъ у гроба матерняго: но въ Евангеліи, равно какъ и въ самой природѣ вещей, нѣтъ другаго; а между тѣмъ употребленіе его въ дѣло полезно не токмо отъ печали объ умершихъ, не только отъ страха смерти, но и отъ самой смерти. Ибо, для того, кто живетъ по плоти, смерть есть лишеніе всего, нѣкій видъ казни; а для того, кто живетъ духомъ, смерть есть приобрѣтеніе и начало блаженства вѣчнаго, коего да достигнемъ всѣ мы благодатію умершаго за насъ и воскресшаго для насъ же Господа нашего. Аминь.

СЛОВО

ПРИ ПОГРЭБЭНІИ ДЭВІДЫ В. П. ХРУЩОВОЙ *)

Можно ли не скорбѣть при гробѣ? — Нельзя. Такова природа наша, что, созданная для жизни и безсмертія, естественно посему отвращается гроба и тлѣнія; таковъ образъ самой смерти, что, гдѣ ни является, вездѣ и всегда ведетъ за собою печаль и ужась. Посему-то гробъ заставляя въздыхать и извлекалъ слезы даже у тѣхъ людей, кои, оставивъ и презрѣвъ все земное, воодушевлялись токмо чаяніемъ жизни грядущей. *Плачу и рыдаю*, восклицаетъ святыи сладкопѣвецъ церковный, *егда помышляю* (только помышляю!) *смерть*. Самъ Спаситель прослезился у гроба друга своего — Лазаря, хотя чрезъ нѣсколько мгновений имѣлъ вызвать его изъ гроба, прослезился потому, что при семъ случаѣ, въ лицѣ друга Его, предстала Ему вся брѣнность униженной грѣхомъ природы человѣческой, для возстановленія коей снизшелъ Онъ на землю.

Послѣ сего примѣра, осмѣлимся ли мы пререкать вашей скорби и сѣтованню, отецъ и мать умершей отроковицы?—Нѣтъ, скорбе мы сами смѣшаемъ свои слезы съ вашими, видя изъ примѣра почившей, какъ ничто не спасаетъ отъ смерти: ни юность возраста, ни чистота души и сердца, ни любовь присныхъ и знаемыхъ, ни искусство и усердіе служителей здравія человѣческаго.

Но, отдавая долгъ слабости природы, забудемъ ли совершенно то, чѣмъ обяваны мы святой вѣрѣ нашей и евангелію? Преда-

*) Сказанное въ университетской церкви, — марта 1842 года.

димся ли горести, слезамъ и сѣтованію безутѣшно, подобно язычникамъ, немущимъ упованія?—Плакать и скорбѣть такимъ образомъ значило бы унижать достоинство святой вѣры нашей, исполненной упованія жизни вѣчной, значило бы помрачить своею скорбною божественною славою дражайшаго Спасителя нашего, который для того и принялъ на Себя брѣнную плоть нашу, чтобы изъ самаго гроба возсіять для всѣхъ насъ жизнь и нетлѣніе. Чего не сдѣлалъ Онъ, дабы освободить насъ отъ страха смерти и заставить взирать на гробъ съ упованіемъ безсмертія? Кромѣ того, что самое явленіе Его въ міръ нашъ есть уже несомнѣнная порука за существованіе для насъ жизни вѣчной по ту сторону гроба, кромѣ божественныхъ наставленій и словъ Его, кои всѣ исполнены надежды лучшаго бытія за предѣлами земли, кромѣ сего Онъ собственнымъ примѣромъ благоволилъ показать, что смерть и гробъ властны токмо надъ нашими брѣнными тѣлами, а не надъ духомъ безсмертнымъ и богоподобнымъ. Для утвержденія въ насъ вѣры въ сію истину, — Онъ претерпѣлъ мученія самыя ужасныя, взошелъ на крестъ, умеръ подобно послѣднему изъ сыновъ человѣческихъ и предалъ Себя гробу. Для сего же Онъ возсталъ потомъ во славѣ изъ гроба, являлся многократно ученикамъ и всѣмъ вѣровавшимъ въ Него. Для сего же вознесся потомъ на небо, дабы, какъ Онъ самъ говорилъ, уготовать для всѣхъ насъ обители въ дому Отца своего. И послѣ сего, мы еще будемъ скорбѣть и плакать, когда Онъ путемъ смерти представляетъ насъ въ сію обитель? Что же послѣ сего будетъ значить вѣра наша? И не все ли это равно, какъ если бы мы такъ говорили Господу нашему: знаемъ, Господи, что сдѣлано Тобою для нашего успокоенія при гробѣ: но всего этого для насъ недовольно; мы лучше хотимъ слѣдовать мятущемуся чувству нашему, нежели твоему евангелію и обѣтованіямъ, въ немъ заключающимся! — Конечно, у насъ нѣтъ на умѣ сихъ мыслей, когда мы плачемъ и рыдаемъ у гроба ближнихъ нашихъ: но, тѣмъ не менѣе, мы виновны въ нихъ, если плачемъ подобно людямъ, незнакомымъ съ упованіемъ жизни вѣчной.

И что, думаете вы, доставляютъ подобныя слезы и терзанія душевныя тѣмъ, о коихъ скорбимъ и плачемъ мы? Покой и утѣшеніе? Напрогивъ, все это должно сильно возмущать ихъ и приводить въ скорбь: ибо каково дѣйствіе, такова и причина; если мы, облеченные еще плотью, не можемъ вынести сильныхъ слезъ о насъ безъ того, чтобы не заплакать самимъ, то кольми паче души усопшихъ не могутъ оставаться нечувствительны къ

нашимъ рыданіямъ. Посему-то мнѣ кажется, что если бы почившей дано было теперь самой провѣщать что либо плачущимъ сродникамъ своимъ; то она, вѣроятно, обратила бы къ нимъ тѣ слова, коими Спаситель утѣшалъ нѣкогда учениковъ своихъ при разлукѣ съ ними: *еще бысте убо любили Мя*, говорилъ Онъ, то есть, любили, какъ должно, духомъ, а не плотню, *возрадовалися бысте убо: яко Азъ ко Отцу моему гряду* (Іоан. 14, 28). Зачѣмъ, сказала бы и она, и къ чему теперь слезы? Довольно сокрушались вы, когда я, изможденная отъ болѣзни, находилась между жизнью и смертью, и когда ни вы, ни я не знали еще, что судилъ о мнѣ и моей жизни Господь: тогда естественно было вамъ, смотря на тяжкія страданія мои, скорбѣть и сокрушаться. Теперь же, когда воля Божія совершенно обнаружилась моею кончиною, когда всѣ страданія мои окончились: теперь мѣсто не слезамъ и терзаніямъ, а тихой молитвѣ, преданности въ волю Божию и упованію. Теперь, если вы способны слѣдовать за мною мыслію, вамъ должно даже возрадоваться вмѣстѣ со мною. Ибо, хотя я вышла изъ-подъ вашего крова отеческаго, но отошла не къ чужимъ, а къ своимъ, къ общему нашему Отцу и Создателю. Не мните, что я буду лежать въ гробѣ и землѣ: тамъ останется только тѣло мое бренное, а духомъ я буду на небѣ, въ обителяхъ Отца небеснаго. Онъ ли не замѣнитъ и не вознаградитъ того, что родительское сердце ваше готовило для меня въ будущемъ? Вы не будете болѣе утѣшаться мною: за то я не престану молить Господа о васъ, да избѣгнете сѣтей міра, да не уклонитесь отъ пути истины и правды, да скончаете жизнь свою въ вѣрѣ и благочестіи. Игакъ, если любите меня воистину, не сердцемъ только плотскихъ родителей, а и сердцемъ христианскимъ; то отрите слезы, успокойтесь вмѣстѣ со мною и возблагодарите Господа, который извелъ меня *изъ среды зетнаго лукавства* (Прем. 4, 14), не далъ заразиться сердцу и уму тлетворнымъ дыханіемъ міра, и представилъ туда, гдѣ нѣтъ ни печали, ни болѣзни, ни воздыханія.

Нужно ли съ нашей стороны присовокуплять что-либо къ сему гласу почившей о Божѣ отроковицы? — Развѣ одно то, что, провождая юныхъ въ жизнь нестарѣющуюся, тѣмъ паче намъ, преклоняющимся лѣтами, должно прилежно помышлять о томъ, какъ бы, послѣ многихъ и долгихъ лѣтъ, оставляя здѣшний міръ, не оказалось нужды воззвать словами царя-пророка: *увы мнѣ, яко исчезоша яко дымъ дніе мои* (Псал. 101, 4)! Аминь.

СЛОВО

ПО СЛУЧАЮ ПОГРЕБЕНІЯ ХАРЬКОВСКОГО ПОДЪПИСЫ С... Р... Ш... *).

 печальное зрѣлище послалъ намъ нынѣ Господь въ день праздника нашего! Кто хочетъ, пусть находитъ въ этомъ простой случай; а мнѣ въ самомъ этомъ случаѣ видится поучительное мановеніе свыше. — Яко служителямъ Распягаго, намъ первымъ надлежало бы ясно памятовать о смерти и немолчно возвѣщать другимъ о скоротечности бытія нашего на землѣ; а мы, подобно людямъ, удаленнымъ отъ святилища, нерѣдко забываемъ сіе и предаемся неразумно суетамъ мірскимъ. И вотъ, въ день праздника нашего, вмѣсто радости, посланъ намъ гробъ, да, пораженные симъ грознымъ напоминаніемъ, не попустимъ болѣе обольщать насъ ничему на земли, и содѣлаемся прилежнѣе на внушеніе всѣмъ и каждому той важной истины, что цѣль бытія и дѣйствіи человѣческихъ не здѣсь, во времени, а тамъ — въ вѣчности.

Не удивительно, если и великіе Святители и Учители вселенная, памяти коихъ посвященъ день и храмъ сей, соблагОВОЛИЛИ, дабы среди празднества ихъ преподано было вамъ наставленіе не столько изъ нашихъ устъ, сколько отъ сего гроба. Если кому, то имъ довѣдома вся немощь нашего слова, и какъ мало успѣваемъ мы отвращать очи ваши, воеже не видѣти суеты, и сердце, воеже не любити міра. И вотъ, на помощь духовной немощи нашей, въ наставленіе вамъ, является грозный призракъ

*) Сказанное въ харьковскомъ кафедральномъ соборѣ, въ нижней Трехсвятительской церкви, 30 января 1845 г., въ день трехъ Святителей.

смерти. Смотри теперь на гробъ сей, я недоумѣваю даже—продолжать ли бесѣду съ вами, или окончить ее, сказавъ: зрите и поучайтесь сами! Въ самомъ дѣлѣ, много ли можно прибавить словомъ къ тому, что каждый видитъ въ гробѣ? Тутъ всякій разъ человѣческое бытіе наше разоблачается отъ всѣхъ обманчивыхъ прикрасъ міра, сокрывающихъ истинный составъ его, и является во всей грѣховной бѣдности своей. — Съ другой стороны, тутъ же всякій разъ, можно сказать, приподнимается часть завѣсы, сокрывающей отъ насъ міръ горни, и указывается та высокая цѣль, къ коей намъ должно стремиться въ продолжение своего земнаго странствования. Посему-то трудно найти человѣка, который не отходилъ бы отъ гроба лучшимъ, нежели какимъ подошелъ къ нему. Самый гордый честолюбецъ невольно здѣсь склоняетъ главу и погружается въ размышление о тщетѣ почестей и отличіи, для коихъ жертвовалъ всѣмъ; самый закоснѣлый сребролюбецъ видитъ здѣсь, что есть бѣдствія, коихъ нельзя отворотить никакими сокровищами, есть блага, коихъ нельзя купить ни за какіе сребренники; самый безпечный сластолюбецъ съ ужасомъ познаетъ у гроба, чѣмъ оканчивается несчастное служение плоти, и какъ жалокъ тотъ, кто всю жизнь работалъ только своему чреву. Посему-то, если бы возможно было знать исторію обращенія къ Богу всѣхъ грѣшниковъ; то, безъ сомнѣнія, оказалось бы, что большую часть сихъ обращеній произвела смерть, и что во всѣхъ прочихъ имѣла значительное участіе память смертная.

Если съ нами происходитъ нерѣдко противное сему; если мы провожаемъ въ страну вѣчности, одного за другимъ, ближнихъ нашихъ, и остаемся тѣже, что прежде — такъ же пристрастны къ міру и его суетнымъ обаяніямъ, такъ же невнемлющи закону и грѣхолюбивы; если сама смерть не оказываетъ надъ нами своего дѣйствія: то причиною сего, не менѣ смерти, жалкаго явленія—мы сами. Ибо какъ присутствуемъ мы при гробѣ ближнихъ нашихъ? какъ при зрѣлищѣ, хотя печальномъ, но для насъ во все чуждомъ; предаемся, болѣе или менѣе, чувствительности, даже роняемъ иногда по нѣскольку слезъ; но не ставимъ себя у гроба въ то положеніе души, которое одно могло бы сдѣлать для насъ кончину братіи нашихъ истинно поучительною и душеполезною. Ибо какъ бы надлежало намъ стоять у гроба?—стоять и думать: въ слѣдъ за отшедшимъ пойду скоро и я; и на меня придетъ послѣдняя болѣзнь, и отъ меня отступится врачъ и врачество; и мнѣ закроютъ глаза; и въ мои руки вложатъ крестъ;

и меня во гробѣ принесутъ въ церковь, и надо мною возгласятъ: вѣчная память; и меня опустятъ въ могилу и покроютъ землею и камнемъ... Все, чѣмъ я занимался, для чего не щадилъ силъ, а иногда и совѣсти, останется на землѣ, перейдетъ къ другимъ; а со мною что будетъ? Куда пойдетъ грѣшная и бѣдная душа моя? Что срѣтитъ ее? чѣмъ она будетъ жить и питаться въ новомъ мірѣ? Явно, не тѣмъ, чѣмъ жила и питалась здѣсь. Приготовился ли я къ сему новому роду жизни? Возмогу ли прожить тамъ, хотя одинъ день безбѣдно? Не безуміе ли — непрестанно заниматься тѣмъ, что я долженъ навсегда оставить въ часть моей смерти, и не думать о томъ, что срѣтитъ меня въ вѣчности?

Если бы подобныя мысли происходили въ душѣ нашей, когда мы стоимъ у гроба; то каждый гробъ служилъ бы для насъ въ великое поучение, и мы, возвращаясь съ погребенія въ дома наши, каждый разъ усматривали бы въ себѣ перемѣну на лучшее, — болѣе рѣшимости на добро и сильнѣе отвращение ко злу.

И трудно ли имѣть подобныя мысли при гробѣ? Такъ естественно, что надобно дивиться, какъ онѣ не приходятъ каждому. Только крайняя разсѣянность мыслей и чувствъ, въ коихъ обыкновенно живемъ мы, дѣлаетъ то, что, погребая другихъ, мы не помышляемъ о собственной смерти.

Жизнь и кончина почившихъ также всегда представляютъ намъ какой либо урокъ поучительный, если мы обращаемъ на нее внимание. И — что примѣчательно — самое нечистое въ жизни человѣка, доколѣ онъ живъ, бываетъ нерѣдко въ соблазнъ для многихъ, а по смерти — обращается въ поучение. Ибо при гробѣ каждый видитъ всю ничтожность того, ради чего человѣкъ былъ хуль. Терялъ ли онъ совѣсть, напр. ради богатства, — всякій видитъ, какъ это богатство оставило его навсегда. Служилъ ли грѣху изъ плотоугодія, — каждый видитъ, какъ отвратителенъ этотъ кумиръ плоти, коему приносилось въ жертву все. Былъ ли ослѣпленъ гордостью и тщеславіемъ: — опять при гробѣ совершенно открывается, что и слава — одинъ пустой дымъ, могущи заслѣпить на время глаза, но нисколько не стоящи того, чтобы гоняться за нимъ всю жизнь.

Добродѣтели, напротивъ, почившаго при гробѣ его получаютъ новую силу, достоинство и привлекательность. Душевно въ такомъ случаѣ радуешься за почившаго, когда видишь, что надъ нимъ была благодать Божія; душевно желаешь себѣ и каждому

того же, что было съ нимъ, и благодарить Бога, проведшаго его безбѣдно среди искушеній жизни.

Не безъ особеннаго урока, братіе мои, и гробъ, намъ предлежащій. Мнѣ кажется, что я вижу на немъ тѣже самыя слова, кои вы слышали сейчасъ изъ устъ поющихъ: *всѣ лжеться человекъ!* Кто не знаетъ, что жизнь почившей была преисполнена всякаго рода смятеніи и страданіи, душевныхъ и тѣлесныхъ? Хотѣли быть счастливыми на землѣ, какъ можно больше; а были таковыми, какъ можно меньше. Почему? Потому, что искали удовлетворенія безсмертной душѣ нашей въ томъ, что само приходитъ и исчезаетъ, яко временное. Чѣмъ не жертвовано для достиженія своихъ видовъ и предположеній? — И что же вышло наконецъ изъ всѣхъ этихъ жертвъ? — Крушение духа видимо сокрушило наконецъ и плоть. Всю жизнь искавъ осуществленія своихъ надеждъ, мы не успѣли изречь, какъ должно, даже послѣдней воли своей при смерти... *Не всѣ ли убо лжеться человекъ?*

Благодарение Господу, что хотя на закатѣ дней, хотя на прагѣ вѣчности, подано было намъ уразумѣть, *яко всяческая суета*; и уразумѣвъ сіе, обратить сердце свое отъ міра тлѣннаго къ Богу вѣчному. Я не желаю зла никому; прощаю всѣмъ: да простятъ и меня! — Съ сими чувствами и словами усопшая оставила жизнь сію. вмѣсто своей воли уже явно вступала въ господство надъ душею ея воля Божія; вмѣсто духа вражды и пререканій водворялся въ сердцѣ духъ любви и мира.

Помолимся, братіе мои, ко Отцу духовъ, да ими же вѣсть судьбами, дано будетъ почившей утвердиться навсегда въ сѣмъ благомъ настроеніи души и сердца, безъ коего нѣтъ счастья и на землѣ, тѣмъ паче покоя на небѣ. Аминь.

ОГЛАВЛЕНИЕ IV ТОМА.

СЛОВА НА ВЫСОКОТОРЖЕСТВЕННЫЕ ДНИ.

	стр.
Слово въ день рожденія благочестивѣйшаго государя Николая Павловича, императора и самодержца всероссійскаго.	3
Слово въ день рожденія благочестивѣйшаго государя Николая Павловича, императора и самодержца всероссійскаго.	9
Слово въ день рожденія благочестивѣйшаго государя Николая Павловича, императора и самодержца всероссійскаго	17
Слово въ день Святителя Николая и тезоименитства благочестивѣйшаго государя Николая Павловича, императора и самодержца всероссійскаго.	23
Слово на день Святителя Николая, и тезоименитства благочестивѣйшаго государя Николая Павловича, императора и самодержца всероссійскаго.	26
Слово въ день восшествія на престолъ Николая Павловича, благочестивѣйшаго государя императора и самодержца всероссійскаго.	28
Слово въ день восшествія на престолъ благочестивѣйшаго государя Николая Павловича, императора и самодержца всероссійскаго.	37
Слово въ день восшествія на престолъ благочестивѣйшаго государя Николая Павловича, императора и самодержца всероссійскаго	44
Слово въ день восшествія на престолъ благочестивѣйшаго государя Николая Павловича.	53
Слово въ день священнаго вѣнчания на царство благочестивѣйшаго государя Николая Павловича, императора и самодержца всероссійскаго.	56
Слово въ день священнаго вѣнчания на царство благочестивѣйшаго государя Николая Павловича, императора и самодержца всероссійскаго.	64
Слово въ день священнаго вѣнчания на царство благочестивѣйшаго го-	

сударя Николая Павловича, императора и самодержца всероссійскаго	73
Слово въ день священнаго вѣнчанія на царство благочестивѣйшаго государя Николая Павловича, императора и самодержца всероссійскаго	80
Слово въ день священнаго вѣнчанія на царство благочестивѣйшаго государя Николая Павловича, императора и самодержца всероссійскаго, въ день основанія города Одессы	87
Слово въ день рожденія благочестивѣйшей государыни императрицы Александры Оеодоровны	85
Слово въ день тезоименитства благочестивѣйшей государыни императрицы Александры Оеодоровны	90
Слово на день тезоименитства благочестивѣйшей государыни императрицы Александры Оеодоровны	93
Слово на день тезоименитства благовѣрнаго государя наслѣдника Александра Николаевича	96
Слово по возвращеніи изъ Москвы послѣ присутствія тамъ при священнѣйшемъ коронованіи Ихъ Императорскихъ Величествъ	99
Слово по случаю молебствія о рожденіи ея императорскаго высочества великой княжны Александры Александровны	105
Слово по случаю торжества о крещеніи ея императорскаго высочества, благовѣрной княжны Александры Александровны	107

СЛОВА И РѢЧИ ПРИ ИЗБРАНІИ ВЪ ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДОЛЖНОСТИ И ПРИ ОТКРЫТІИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ.

Рѣчь св. правительствующему синоду, ректора духовной академіи, архимандрита Иннокентія, при нареченіи его во епископа чигиринскаго	113
Рѣчь предъ избраніемъ изъ дворянства судей для С.-Петербургской губерніи	116
Слово по случаю присяги дворянства харьковскаго, предъ избраніемъ изъ него лицъ на должности по Харьковской губерніи	126
Слово по случаю присяги дворянства харьковскаго, предъ избраніемъ изъ него лицъ на различныя должности для Харьковской губерніи	133
Рѣчь при открытіи въ городѣ Кіевѣ общества для призрѣнія бѣдныхъ	136
Рѣчь при открытіи въ городѣ Харьковѣ благотворительнаго общества для бѣдныхъ	143
Рѣчь по случаю открытія въ городѣ Харьковѣ дѣтскаго пріюта	148
Рѣчь при открытіи въ городѣ Кіевѣ попечительнаго общества о тюрьмахъ	151
Рѣчь по совершеніи молебствія, при открытіи общества кіевскихъ врачей	156
Рѣчь при открытіи кіевской палаты государственныхъ имуществъ	162
Рѣчь при открытіи въ городѣ Кіевѣ конторы коммерческаго банка	165

СЛОВА НАДГРОБНЫЯ.

	стр.
Слово предъ совершеиъ панихиды о благочестивѣишемъ государѣ императорѣ Николаѣ I-мъ.	17
Слово въ четыредесятый день по кончинѣ благочестивѣишаго государя императора Николая I-го.	175
Слово въ день годичнаго поминовения благочестивѣишаго государя императора Николая I-го.	179
Слово предъ совершеиъ панихиды по блаженномъ константинопольскомъ патриархѣ Григоріѣ.	184
Слово при погребени первенствующаго члена святѣишаго синода, митрополита новгородскаго, с.-петербургскаго, эстляндскаго и финляндскаго высокопреосвященѣишаго Антонія	187
Слово при погребени князя Льва Михайловича Яшвеля, начальника всей артиллеріи, генерала отъ артиллеріи, всѣхъ отечественныхъ и многихъ иностранныхъ орденовъ кавалера	195
Рѣчь при погребени Павла Петровича Турчанинова, коменданта Кіевопечерской крѣпости, генераль-лейтенанта и разныхъ орденовъ кавалера.	198
Слово при погребени графа Василя Васильевича Орлова-Денисова, генерала отъ кавалеріи	203
Слово при погребени генераль фельдмаршала, свѣтлѣишаго князя Михаила Семеновича Воронцова	213
Слово при погребени почившаго въ Бозѣ, главнаго командира черноморскаго флота и портовъ, генераль-адъютанта, адмирала и разныхъ отечественныхъ и иностранныхъ орденовъ кавалера, Михаила Петровича Лазарева I-го	229
Слово при погребени князя Долгорукова	239
Слово при погребени тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера, Андрея Фодоровича Квитки	244
Слово при погребени предсѣдателя харьковскаго уголовного суда, коллежскаго совѣтника и кавалера, Григорія Фодоровича Квитки	251
Слово при погребени доктора и профессора медицины въ харьковскомъ университетѣ, статскаго совѣтника и кавалера, Петра Александровича Бутковскаго.	256
Слово въ день годичнаго поминовения помѣщика Харьковской губернии Степанова	261
Слово при погребени почетнаго гражданина харьковскаго, коммерціи совѣтника и кавалера, Космы Никитича Кузина.	264
Слово надгробное.	271
Рѣчь при погребени студента академіи	277
Слово по заупокойной литургіи	280
Слово надгробное.	284
Слово при погребени юной супруги, оставившей послѣ себя однолѣтняго сына	288
Слово надъ гробомъ 16-ти-лѣтней дѣвицы	294
Слово при погребени ея сятельства, двора Его Императорскаго Вели-	

	стр.
чества оберъ-гофмейстерины и кавалерственной св. великому- ченицы Екатерины дамы 1-го класса, графини Александры Ва- сильевны Браницкой.	295
Слово при погребени помѣщицы Анастаси Ивановны Звѣревой. . .	305
Слово при погребени дѣвицы К. П. Хрущовой.	308
Слово по случаю погребеня харьковской помѣщицы Е.... Р.... П....	311
